

И.И.КОСТЮШКО

ПРУССКАЯ
АГРАРНАЯ
РЕФОРМА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

И.И.КОСТЮШКО

ПРУССКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА

К проблеме буржуазной аграрной
эволюции прусского типа

Ответственный редактор
академик И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО

Москва «Наука» 1989

Рецензенты:

доктор исторических наук Т. М. ИСЛАМОВ,
доктор исторических наук А. Н. ЧИСТОЗВОНОВ

Костюшко И. И.

К 72 Прусская аграрная реформа. К проблеме буржуазной аграрной эволюции прусского типа. — М.: Наука, 1989. — 264 с.

ISBN 5—2—009895—7

Понятие «прусского пути» решения аграрного вопроса стало символом крайне медленного и болезненного для крестьянства процесса ломки феодальных отношений в деревне. Книга освещает ход аграрной реформы в прусском государстве, начавшейся в 1807 г. и продолжавшейся более полувека. Полученные автором данные имеют научно-познавательное значение и позволяют выявить особенности прусского пути развития капитализма в ряде стран.

Для историков, экономистов и преподавателей высшей школы.

К 050300000—126
042(02)—89 — 99—89 — кн. I.

ББК 63.3(4)

ISBN 5—02—009895—7

© Издательство «Наука», 1989

ВВЕДЕНИЕ

Аграрная реформа в Пруссии, определившая характер аграрных преобразований в период перехода от феодализма к капитализму, обусловила развитие капитализма в сельском хозяйстве страны по такому пути, который получил наименование прусского. Предпосылкой и условием буржуазной аграрной эволюции прусского типа было преобладание крупного помещичьего землевладения. Аграрная реформа, сопровождавшаяся выкупом феодальных починностей, означала, по определению Ф. Энгельса, постепенное «превращение феодальной собственности в буржуазную, сеньориальную власти в капитал»¹ со всеми вытекающими из этого последствиями.

В. И. Ленин, рассматривая прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве, отмечал такие его черты: «Сохранение помещичьего хозяйства с закабалением кнекта, платящего „по справедливой оценке“ за голодный надел»; «крепостник-помещик становится юнкером^{*}. На десятилетие укреплена помещичья власть в государстве. Монархия. „Обширен парламентскими формами военный деспотизм“ вместо демократии. Наибольшее неравенство в сельском и остальном населении»². Позднее В. И. Ленин констатировал, что в этом случае «старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, „юнкерское“ хозяйство». Окончательный переход к капитализму здесь осуществляется путем внутреннего преобразования крепостнического помещичьего хозяйства. «Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические»³.

В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин, определяя сущность буржуазной аграрной эволюции прусского типа, указывал, что в таком случае «крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства „гроссбахаузеров“ („крупных крестьян“)». Основным содержанием эволюции этого типа

* О категории «юнкер» см. также: Zilch R. Junker als historische Kategorie bei Karl Marx und Friedrich Engels // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1981. N. 18. (Примеч. автора).

«является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях феодалов-помещиков-юнкеров»⁴. При развитии капитализма в сельском хозяйстве по прусскому пути, отмечал В. И. Ленин в другой работе, «латифундии сохраняются и постепенно становятся основою капиталистического хозяйства на земле... господином положения является юнкер. На протяжении целых десятилетий удерживаются его политическое преобладание и забитость, унижение, нищета и невежество крестьянин. Развитие производительных сил подвигается вперед очень медленно...»⁵.

В отличие от прусской буржуазная эволюция американского типа определялась В. И. Лениным таким образом: «...помещичьего хозяйства нет или оно разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья. Крестьянин преобладает... становясь исключительным агентом земледелия и эволюционируя в капиталистического фермера... Основной фон — перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера»⁶. «Основой капиталистического земледелия становится свободный фермер на свободной, т. е. очищенной от всего средневекового хлама, земле. Это — американский тип аграрного капитализма, наиболее быстрое развитие производительных сил при условиях, наиболее благоприятных для массы народа из всех возможных при капитализме»⁷. Проблема прусского и американского путей развития капитализма в сельском хозяйстве рассматривалась В. И. Лениным и в других его работах⁸.

Оценка основоположниками марксизма прусской аграрной реформы и характеристика В. И. Лениным прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве имеют большое познавательное значение. Они дают представление о сущности этих явлений и весьма важны в методологическом отношении.

Прусская аграрная реформа привлекала внимание экономистов и историков. Ей посвящено немало исследований общего, регионального и частного характера, она рассматривалась и в обобщающих трудах по истории и экономике Германии, и в особенности ее восточных провинций. Если иметь в виду все работы, в которых затрагивались и освещались вопросы реформы, то историография реформы настолько обширна, что, по-видимому, исключается возможность ее полного учета. В определенной мере это относится и к специальным работам о реформе и ее отдельных аспектах. Здесь вследствие ряда обстоятельств не может быть дан подробный анализ историографии реформы, и поэтому мы ограничиваемся краткой характеристикой некоторых ее положений.

В литературе различного жанра (если можно так выразиться) реформа оценивалась с официальных (правительственных), дворянских (юнкерских), либерально-буржуазных и марксистской позиций.

По официальной версии, реформа, проведенная по воле божьей милостью короля и правительства в соответствии с требова-

ниями времени, являлась благоденствием для владельцев имений и крестьян. При этом помещики понесли некоторые потери, но их «пожертвования» были сделаны во имя собственных интересов и общего блага. Что же касается крестьян, то они на сравнительно благоприятных условиях освобождались от повинностей в пользу помещиков и приобретали в полную собственность свои хозяйства, что обеспечивало их благосостояние. Таким или подобным образом характеризовалась реформа и в работах чиновников, занимавшихся ее проведением⁹.

В историографии, отражавшей воззрения юнкерства, содержатся утверждения, что в ходе реформы интересы помещиков были в большей или меньшей мере ущемлены, а крестьяне получили значительные выгоды. С подобных позиций реформа освещается в работах Т. Гольца, Г. Борке Штаргортса, Г. В. Финк Финкенштейна. Близка к этой точке зрения и трактовка реформы польским экономистом Т. Потоцким. По его утверждению, результаты реформы были благоприятны для помещиков и крестьян там, где она проводилась по добровольному согласию сторон; иначе обстояло дело при вмешательстве властей. Вместе с тем он отмечал, что реформа обеспечивала интересы меньшинства крестьян и повлекла за собой снижение оплаты труда сельскохозяйственных рабочих. Ю. Ф. Самарин, рассматривая накануне реформы 1861 г. в России аграрные преобразования в Пруссии и не одобряя некоторые из них, тем не менее заключал: «...всю операцию регулирования мы не можем не признать удачною и благодетельною»; помещики «возместили свои доходы», а «хозяйственный быт сельского сословия... был прочным образом обеспечен»¹⁰.

Для либерально-буржуазной историографии характерно более или менее критическое отношение к реформе. Историки и экономисты этого направления, считая администрацию поборником аграрных преобразований, отмечали стремление помещиков ограничить реформу. В результате сохранилось привилегированное положение юнкерства, а позиции крестьянства были существенно ослаблены. Среди работ буржуазных историков выделяется труд Г. Ф. Кнаппа¹¹, в первой части которого рассматриваются меры правительства по аграрному вопросу, отношение к ним помещиков и результаты реформы, а во второй части содержатся документы и материалы по данной проблематике. Значительный интерес представляет работа И. Цикурша, посвященная аграрной истории Силезии и основанная на большом источниковом материале и освещавшая реформу с либеральных, антиюнкерских позиций¹². В других работах утверждается, что аграрный вопрос в Пруссии был решен с большим опозданием и не в соответствии с первоначальными намерениями; что выступления народных масс в революции 1848 г. отрицательно сказались на последующем развитии страны¹³, дается предвзятая характеристика реформы¹⁴.

Обстоятельная, резко критическая оценка реформы была дана в марксистской науке. В. Вольф, соратник К. Маркса и Ф. Энгельса, хорошо знавший феодальные порядки в Силезии, в серии

статья «Силезский миллиард», опубликованных в «Нойе рейнише цайтунг» (22 марта — 25 апреля 1849 г.), ярко показал тяжелое положение крестьянства и грабительский характер реформы. По его мнению, не крестьяне должны были возмещать феодальные повинности, а, напротив, помещики обязаны были вернуть крестьянам награбленное у них в течение веков¹⁶. В 1876 г. Ф. Энгельс в работе «Вильгельм Вольф», излагая содержание этих статей и широко цитируя их, отмечал обоснованность суждений их автора¹⁶. Позднее (1885 г.) в работе «К истории прусского крестьянства. Введение к брошюре В. Вольфа „Силезский миллиард“» Ф. Энгельс, рассмотрев пресловутое прусское аграрное законодательство и его результаты, указывал, что реформа обеспечивала прежде всего сословные эгоистические интересы помещиков¹⁷. С марксистских позиций освещалась реформа Ю. Мархлевским и Ф. Мерингом¹⁸.

Большой вклад в изучение прусской реформы внесли ученые ГДР и ПНР. В их исследованиях рассматривались общие и частные аспекты реформы, проведение ее в отдельных провинциях страны. Не имея возможности здесь охарактеризовать (и даже перечислить) все эти работы, необходимо прежде всего отметить исследования немецких ученых Р. Бертольда, Г. Блейбера, Г. Гарниша, Г. Гейца, Р. Грасса, Г. Гюбнера, Ф. Клемма, Г. Молля, Г. Г. Мюллера, Г. Моттека, Я. Петерса, Г. Фоглера, Я. Шолты и Э. Штернкнера, В. Шмидта, польских ученых С. Боровского, А. Велепольского, Ю. Висневского, С. Михалькевича, К. Ожевского, С. Сренёвского, В. Якубчика¹⁹.

В советской историографии проблематика реформы затрагивалась в работах Н. И. Калашниковой, Е. А. Ненастевой, А. М. Анфимова, В. Е. Майера, И. И. Костюшко²⁰ и других авторов. Важное значение для понимания и характеристики прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве имеют методологические исследования И. Д. Ковальченко и А. Н. Чистозвонова²¹.

Хотя уже немало сделано в области изучения реформы, все же ряд вопросов этой проблемы остается недостаточно исследованным. В литературе неоднозначно определяется начало реформы, по-разному оценивается ее первый этап, высказываются различные мнения относительно времени ее окончания и завершения прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве страны и т. д.

В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть основные аспекты аграрной реформы и вместе с тем буржуазной аграрной эволюции прусского типа в ее своеобразном (прусском) виде. Не ставя своей задачей решить спорные вопросы проблемы, мы хотели бы поделиться своими соображениями о них.

При подготовке работы использованы официальные документы и сведения, а также материалы, раскрывающие отношения крестьян и помещиков к реформе. Учтены некоторые материалы, хранящиеся в архивах Мерзебурга, Познани, Быдгощи, Вроцлава

и Щецина. В тех случаях, когда оказывалось возможным, корректировались данные источников.

Пруссия, именовавшаяся с начала XVIII в. как «королевско-прусские государства», образовалась в результате соединения под властью Гогенцоллернов части немецких земель, расположенных западнее и восточнее Эльбы, и немецкой феодальной экспансии на восток, завершившейся подчинением Прусскому государству польских земель, лежащих восточнее Одера и Нейссе Лужицкой (до границы с соседними странами).

Западнее Эльбы находились Вестфалия и Рейнская провинция (в 1807 г. они были отторгнуты от Пруссии, а в 1815 г. возвращены ей) и Альтмарк (Старая Марка), входивший в провинцию Бранденбург. Восточнее Эльбы располагались большая часть провинции Бранденбург, а также провинции Померания, Силезия, Западная Пруссия и Восточная Пруссия.

Провинцию Бранденбург составляли Курмарк и Ноймарк (Новая Марка), которые часто обозначались как «Прусские марки», а вся провинция называлась «Маркой»). Курмарк заключал в себе области Альтмарк, Пригниц, Уккермарк и Миттельмарк (Среднюю Марку). Земли, входившие в состав Миттельмарка, Уккермарк и Ноймарка и расположенные восточнее Нейссе Лужицкой и Одера, являлись исконно польскими.

Провинция Померания (Ромтегп) охватывала немецкие земли: часть перешедшей в 1720 г. от Швеции к Бранденбургу так называемой Старой Передней Померании (Alt-Vorgromтегп) до нынешней польской границы и с 1815 г. так называемую Новую Переднюю Померанию (Neu-Vorgromтегп), расположенную северо-восточнее Старой Померании. Она включала и польские западнопоморские земли: область, получившая наименование Задней Померании (Hintergromтегп), западная граница которой проходила по линии Вильденбрух (Свобница), Грейфенхаген (Грифино), Голлов (Голенюв) и Каммин (Камень Поморский) до моря. С 1790 г. в нее входили часть Старой Передней Померании, лежавшая между Задней Померанией и нынешней польской границей; с 1803 г. — Бытовская и Лемборкская земли.

Восточная Пруссия (Ostpreussen), ставшая после секуляризации Тевтонского ордена Прусским герцогством (в 1701 г. герцог приобрел титул «короля в Пруссии»), включала в себя польские Мазуры и часть литовских земель по левому берегу Немана. После первого раздела Речи Посполитой (1772) к ней были присоединены Варминское епископство, Лемборкская и Бытовская земли (две последние позднее были включены в провинцию Померания).

Провинция Западная Пруссия (Westpreussen) была образована из польских земель, захваченных Пруссией во время первого раздела Речи Посполитой (Мальборкского, Поморского и Хелминского воеводств, так называемой Королевской Пруссии — Гданьского Поморья) за исключением Гданьска и Торуня с их окрестами. К ней были присоединены старопрусские амты Мариенвер-

дер (Квидзин), Риценбург (Прабуты), Дойч-Эйлау (Илава), Шёнберг (Шимбарк) с их округами, а в 1775 г. так называемый Нотецкий округ, созданный из великопольских земель по правому берегу Нотеци (северная часть Познанского и Гнезненского воеводств, почти все Иновроцлавское воеводство и небольшая часть Бжеско-Куявского воеводства). С образованием провинции Западная Пруссия «король в Пруссии» принял титул «короля Пруссии». После второго раздела Речи Посполитой (1793) к провинции были присоединены Гданьск и Торунь с их округами. В 1807 г. к Княжеству Варшавскому отошли большая часть Нотецкого округа (часть Каменского и Валецкого повятов на север от Нотеци, Быдгощский и Иновроцлавский повяты) и бывшее Хелминское воеводство за исключением Грудзёндза. Гданьск стал вольным городом. В 1815 г. к Западной Пруссии вновь были присоединены Хелминская и Михаловская земли, Гданьск и Торунь.

Силезия (*Schlesien*), захваченная Пруссией в 1740—1742 гг. (до этого она принадлежала Австрии как владение чешской короны, за Австрией остались Тешинская и Опавская области Силезии), на первых порах занимала особое положение в королевстве. В 1795 г. к Силезии были присоединены земли по верхней Пилице (часть малопольских земель с городом Ченстохова) — так называемый Новосилезский округ (в 1807 г. отошел к Княжеству Варшавскому), а в 1815 г. — саксонско-лужицкие округа: Ротенбург, Гёrlitz и Лаубан, а в 1825 г. — герцогство Гойерсверда. Округ Швибус (Свебодзин) был включен в провинцию Бранденбург.

Из захваченных Пруссией во время второго раздела Речи Посполитой великопольских земель, расположенных западнее линии Ченстохова — Сохачев — Дзялово (Познанское, Гнезненское, Калишское, Серадзкое, Иновроцлавское, Бжеско-Куявское и Плоцкое воеводства, Добжинская земля, часть Равского и Куявско-Мазовецкого воеводств), была создана провинция Южная Пруссия (*Südpreußen*), а из польских земель, перешедших к Пруссии после третьего раздела Речи Посполитой (1795) по правому берегу Вислы, — провинция Нововосточная Пруссия (*Neuostpreussen*). В 1807 г. земли, составлявшие большую часть Нотецкого округа и Хелминского воеводства, провинций Южная Пруссия и Нововосточная Пруссия и Новосилезский округ, были включены в Княжество Варшавское, находившееся под эгидой Наполеона I. На Венском конгрессе (1815) был произведен раздел Княжества Варшавского. При этом из западной его части (Познанский и Быдгощский департаменты с городом Торунем) было образовано Великое Познанское княжество, которое в качестве провинции присоединялось к Пруссии. В провинцию Познань включалась часть Нотецкого округа.

Восточная Пруссия, Силезия и земли, захваченные Пруссией при разделах Речи Посполитой, являлись суверенными владениями прусского короля. Остальные его владения входили в состав Священной Римской империи германской нации. После ликви-

дации империи (1806) их верховным владельцем становилось Прусское государство.

Постановлением от 30 апреля 1815 г. провинции делились на административные округа (*Regierungsbezirke*), а последние — на округа (*Kreise*). В Восточной Пруссии были административные округа Кенигсберг и Гумбиннен, в Западной Пруссии — Гданьск (Данциг) и Мариенвердер (Квидзин), в Померании — Штеттин (Щецин), Кёслин (Кошалин), в Познанской провинции — Познань (Позен) и Быдгощ (Бромберг), в провинции Бранденбург — Потсдам и Франкфурт-на-Одере, в Силезии — Бреславль (Вроцлав), Рейхенбах (Дзержонюв) (до 1820 г.), Лигниц (Легница), Оппельн (Ополе); в Саксонии — Мерзебург, Магдебург, Эрфурт, в Вестфалии — Мюнстер, Минден, Гамм; в Клеве Берг — Дюссельдорф и Клеве; в Рейнской провинции — Кельн и Кобленц. В 1824 г. Восточная и Западная Пруссия были соединены в одну провинцию, которая именовалась провинцией Пруссия (*Preussen*).

В книге географические наименования в польских землях даются таким образом: на территории, входившей до 1772 г. в состав Пруссии, приводится тогдашнее немецкое и нынешнее польское наименование: например, Гиршберг (Елена Гура); в землях, захваченных Пруссией с 1772 г., — существовавшее польское и последующее немецкое наименование: например, Быдгощ (Бромберг).

ГЛАВА АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

I В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII—НАЧАЛЕ XIX в.

§ 1. Феодальное землевладение и положение крестьян

В последней трети XVIII — начале XIX в. в аграрном строе Пруссии доминировала феодально-крепостническая система хозяйства. Она основывалась на феодальной земельной собственности, личной зависимости крестьян и прикреплении их к земле (*glebae adscriptum, an die Schole gebunden*).

Земля, за некоторым исключением, принадлежала феодалам, которые владели ею частично на правах полной и частично — ограниченной собственности. Феодальными владельцами были члены королевской фамилии, дворяне, лица духовного звания, учреждения (институты), города. Особую категорию феодального землевладения составляли государственные поместья-домены.

Преобладало (за исключением Восточной Пруссии) дворянское землевладение. По приблизительным данным в конце XVIII в. в Бранденбурге, исключая земли, находившиеся в пользовании крестьян, дворянам принадлежало 27 %, государству — 13 % и городам — 9 % всех земель¹. По другим данным, в 1806 г. размер дворянского, государственного и церковного землевладения (без крестьянской земли) в Бранденбурге западнее Эльбы определялся соотношением 55 : 44 : 1, восточнее Эльбы — 65 : 32 : 3; в Задней Померании — 87 : 13 : 0².

В 1768 г. в Померании 1331 (60 %) деревня находилась во владении дворян, 660 (30 %) деревень были государственными, 204 (10 %) — городскими³. В Новой Передней Померании в 1780 г. 60 % деревень принадлежали дворянам, 27 % — государству, 9 % — университету, городам и монастырям⁴. В конце XVIII в. в Восточной Пруссии государственные земли составляли 65 %, дворянские — 30 %, городские — 5 % всех земель⁵.

В Силезии в конце века было 4970 деревень, из них частным владельцам принадлежали 3525,5 (71 %), духовенству — 847,5 (17 %), королевской фамилии и учреждениям (гимназии в Бриге — Бжеге, рыцарской академии в Лигнице (Легнице) и благотворительному обществу в Берлине) — 337,5 (7 %), городам — 257,5 (5 %) деревень, две деревни считались вольными⁶.

Домены, имевшие в конце века общую площадь 2,5 млн моргенов (м.) *, составляли 4,5 % всех сельскохозяйственных угодий страны. Созданные на них крупные поместья назывались амтами.

* Если особо не оговорено, в дальнейшем имеются в виду моргены прусской меры.

В Восточной Пруссии было 136, в Бранденбурге — 74, в Силезии — 28 амтов⁷.

Феодальные владения различались по своему происхождению и принадлежавшим им правам. Среди них были поместья рыцарские; ленные с рыцарским правом; солтыски с таким же правом, но без прав юрисдикции и патроната над церковью и школой; без патримониальной юрисдикции и т. п. Рыцарским поместьем обычно владел дворянин. Такое имение с разрешения короля мог приобрести и недворянин, но случалось это редко. Лишь в Западной Пруссии, где правительство стремилось увеличить немецкий элемент, чаще происходил переход рыцарских поместий к лицам недворянского сословия. Значительное число рыцарских имений находилось во владении монастырей и городских магистратов. Были рыцарские поместья без крепостных крестьян (например, в Замланде Восточной Пруссии) и нерыцарские имения с крепостным населением.

По своим размерам феодальные поместья были мелкими, средними и крупными; встречались латифундии в Верхней Силезии (с майоратным правом) и в Восточной Пруссии.

Существовали два основных способа использования земли феодалами. В некоторых местностях западнее Эльбы и на восток от нее; в отдельных поместьях (владениях монастырей, других духовных учреждений, учебных заведений); в поселениях, устроенных в процессе колонизации; в районах с малопригодной для обработки землей (у Судетских гор) все земли (или за небольшим исключением) передавались в пользование крестьян. Зависимые от владельца земли (*Grundherr*) крестьяне платили ему чинш и другие сборы в денежной или натуральной форме.

Восточнее Эльбы преобладала поместно-барщинная система хозяйства, при которой земля имения делилась на доминиальную (помещичью) и рустикальную (крестьянскую). На доминиальной земле, которая являлась полной собственностью владельца имения, создавалось хозяйство феодала (*Ackerwerk*, *Vorwerk*, *folwark* — фольварк), для ведения которого использовался барщинный и частично наемный труд. Владелец такого хозяйства назывался помещиком (*Gutsherr*, *Gutsbesitzer*, *dziedzic*). Для устройства своих хозяйств помещики использовали главным образом возделывавшиеся и обрабатываемые крестьянами земли. «... Все крупное землевладение немецкого дворянства, — отмечал Ф. Энгельс, — особенно же ост-эльбских дворян, образовалось из нажабленной крестьянской земли...»⁸

Помещичье хозяйство составляли двор, прилегающие к нему и расположенные обособленно земли, нередко перемежаемые крестьянскими. Отдельные участки земли (пастище, луг, лес) находились в общем пользовании помещика и крестьян.

В Силезии кроме доминиальных земель помещику принадлежали в деревне луг или выгон с прудами, необрабатываемые участки земли, улицы и дороги, межи трех локтей ширины, отделявшие поля одной деревни от другой, реки, ручьи и пруды.

с правом ловли рыбы, все деревья и кусты на лугу или выгоне, вдоль улиц, ручьев и т. п.

Помещичьи хозяйства по своим размерам были мелкими, средними и крупными. Последние иногда делились на экономии. В силезском округе Требниц (Тшебница) в середине XVIII в. величина помещичьего хозяйства колебалась от 200 до 2400 м⁹. В поместье Фюрстенштейн (Ксёнж) Швейдницкого (Свидницкого) округа в среднем на такое хозяйство приходилось 450 м. пахотной земли¹⁰.

О помещичьем хозяйстве дает, в частности, представление описание хозяйства Зивердорф и связанной с ним д. Дамсдорф (округ Лебус в Миттельмарке), расположенных в 6 милях от Берлина. Это рыцарское имение с правом патримониальной юрисдикции было сдано в аренду. В 1783 г. хозяйство включало 3102 м. земли, в том числе пахотной — 763, огородной — 10, луговой — 167, лесной — 2028, других угодий — 132 м. Пахотная земля делилась на три участка (поля) и обрабатывалась обычным способом. Земли хозяйства (пахотные, луговые и пастибищные) не обременялись никакими сервитутами. Только один крестьянин, проживавший в хозяйстве, мог пасти небольшое количество своего скота вместе с помещичьим. Владельцу хозяйства принадлежало право выпаса своих овец на пастибище д. Дамсдорф, где еще сохранялись угодья общего пользования.

В хозяйстве были заняты два работника (Knechte), подросток (Junge), две работницы (Mägde), содержались 14олов, 3 лошади, 14 коров, 1 штука молодняка, 2 быка и 472 овцы.

В Дамсдорфе находились 22 крестьянских хозяйства; часть крестьян пользовалась инвентарем (орудия, рабочий скот), принадлежащим помещику. Жители деревни должны были отбывать барщину: 1040 дней с двойной упряжкой (при стоимости одного дня 2 зильбергроша — з. г.), 292,5 мужских рабочих дней во время уборки урожая (один день — 1,5 пфеннига — пф.), 292,5 женских рабочих дней в то же время (один день — 1,25 пф.), 624 мужских рабочих дня в остальное время года (один день — 1 — 1,25 з. г.), 624 женских рабочих дня в то же время (один день — 9 пф. — 1 з. г.); всего 2873 дня общей стоимостью 179 талеров (тал.) 3 з. г.

Из этой барщины арендатор хозяйства имел право использовать 520 упряженых и 1248 пеших дней. Для ведения же хозяйства требовалось 730,5 упряженых и 902,75 пеших дней. Недостаток упряженной барщины восполнялся работой батраков с помещичьим инвентарем.

Доход с хозяйства составлял: от продажи зерна (при цене шеффеля ржи 18 з. г., ячменя — 14, овса — 10 з. г.) 182 тал. 18 з. г.; от огорода — 8 тал. 1 з. г.; от лугов — 80 тал. 23 з. г.; животноводства — 194 тал. 17 з. г. (в том числе от овцеводства — 126 тал.); от денежных и натуральных сборов — 230 тал. 6 з. г.; всего 696 тал. 17 з. г.¹¹

При общих основных чертах таких хозяйств каждое из них имело свои особенности количественного и качественного свойства.

Помещичье хозяйство восточнее Эльбы получило весьма широкое распространение. В Силезии в конце XVIII в. в 3335 деревнях (составлявших 67 % всех деревень провинции) насчитывалось 4760 хозяйств, из них 3798 принадлежали дворянам, 304 — мещанам, 376 — церкви, 120 — городам, 162 — находились в доменах¹². В частных поместьях одно хозяйство приходилось на 0,9, в государственных — почти на 2, в городских — на 2,1, в церковных — на 2,2 деревни. В департаменте Глогау (Глогув) в 1799 г. было 10 доменных амтов, в них находилось 43 хозяйства, работы в которых выполнялись крестьянами 91 деревни¹³. В Восточной Пруссии в 1776 г. числилось 1220, а в 1805 г. — 1433 хозяйства¹⁴. В 1772 г. в 112 деревнях Вармии (из 520) имелись помещичьи хозяйства¹⁵. На Мазурах в 1783 г. в половине из 327 дворянских деревень существовали помещичьи хозяйства; кроме того, в доменах было 42 таких хозяйства¹⁶. В великопольских землях в 1810 г. насчитывалось около 2540 помещичьих хозяйств¹⁷.

В некоторых местностях, где собственное хозяйство оказывалось невыгодным для помещика, доминиальные земли парцеллировались и передавались в пользование крестьян с условием уплаты чинша. Парцелляция помещичьей земли нередко происходила в Силезии (после 1771 г.) и в Бранденбурге. Значительные размеры такая парцелляция приобрела в округе Леобщюц (Глубчице, Верхняя Силезия), что вызвало беспокойство у властей, и в конце 80-х годов она была ограничена¹⁸.

Немногие помещики сами вели хозяйство. Большинство хозяйств сдавалось в аренду обычно на 6 лет лицам дворянского и мещанского сословий. Встречались случаи, когда хозяйство передавалось в аренду крестьянам¹⁹. Почти все домены состояли в аренде у лиц преимущественно мещанского сословия. Арендатору домена (амтману) принадлежала низшая власть над жителями поместья.

Интересы помещика в основном определяли соотношение доминиальной земли и земли, находившейся в пользовании крестьян, которая считалась его собственностью или которой он владел на правах верховного собственника или частично на тех и других правах. С правом верховной собственности были связаны ограничения, касавшиеся дробления, обременения долгами и продажи земли, а также преимущественное и ближайшее право на ее покупку, право ретракции и др., в западных провинциях — уплата аллоидального чинша (1 % чистого дохода), право на выморочное имущество (от 2 до 10 % дохода) и др. В той или иной мере помещик вынужден был считаться с политикой правительства, стремившегося по фискальным и военным соображениям сохранить существующие крестьянские хозяйства, а также с позицией самих крестьян.

Удельный вес доминиальной и крестьянской земли в отдельных имениях и провинциях был неодинаковым и со временем изменялся. В Альтмарке, переходной области от беспоместной к поместной системе хозяйства, в 1800 г. рыцарские (доминиаль-

ные) земли составляли 10,3 %, а крестьянские — 73,2 % (1 : 7) всех сельскохозяйственных угодий. В 1801 г. в округе Штендаль (Альтмарк) на дворянские хозяйства приходилось от 13 до 18 % посева пшеницы, ржи, ячменя и овса, на крестьянские хозяйства — от 82 до 87 % (1 : 4,5; 1 : 6,7). В Курмарке в конце XVIII в. рыцарские хозяйства (включая земли духовенства, освобожденные от податей) занимали 23,7 %, крестьянские (в том числе земли приходов, церквей и школ, облагаемые податями) — 50,5 % (1 : 2,1), по другим сведениям — соответственно 26,5 и 62,5 % (1 : 2,3) всей площади земли. По свидетельству А. Тэра, здесь дворянским хозяйствам и доменам принадлежало около 20 % всей земли, остальная находилась в пользовании крестьян²⁰. В курмаркском домене Бадинген (11 деревень и 7 доминиальных хозяйств) в пользовании крестьян находилось более 75 % земли²¹.

Большим был удельный вес доминиальной земли в Ноймарке. На рыцарские хозяйства с учетом земель духовенства приходилось 32,6 %, на крестьянские хозяйства (включая приходские и тому подобные земли) — 42,8 % (1 : 1,3) сельскохозяйственных угодий. В целом в провинции соотношение дворянских (27 %) и крестьянских (47 %) земель было 1 : 1,74²². По другим данным, в Бранденбурге в 1806 г. помещичьи хозяйства (включая леса) на запад от Одера занимали 37 %, а на восток от этой линии — 40 % земельной площади²³.

О масштабах помещичьего хозяйства в Силезии в середине XVIII в. можно судить по следующим данным. В округе Требниц на 138 тыс. 400 м. доминиальной пахотной земли приходилось 70 100 м. крестьянской (2 : 1), в Лигницком округе высевалось в помещичьих хозяйствах 35 148 шеффелей зерна, в крестьянских — 44 585 (1 : 1,26), в округе Штригау (Стшегом) соответственно 25 734 и 25 400 (1 : 1) шеффелей (шеф.) зерна; в округе Любен (Любин) — 3/5 посева производилось в помещичьих хозяйствах (1,5 : 1)²⁴. В поместье Фюрстенштайн площадь доминиальной земли составляла около 37 600, крестьянской — свыше 56 400 м. (1 : 1,5)²⁵.

В Задней Померании в начале XIX в. помещичьи хозяйства вместе с лесными угодьями составляли 46 % всех земель провинции²⁶. В 1772 г. в Вармии в пользовании вольных крестьян находилось 16,7 %, чиншевых и барщинных — 71,5 % всех земель, в помещичьих хозяйствах числилось около 11,8 % всей земли²⁷. В доменах Литовского департамента Восточной Пруссии площадь помещичьих хозяйств составляла 1609, а крестьянских — 15 486 влук²⁸. В 1810 г. в великопольских землях на помещичьи и приходские хозяйства приходилось 47 % общего посева зерновых, 40 % — бобовых, 24 % — картофеля и овощей²⁹. По данным 1816 г., в Познанской провинции во владении дворян, государства и учреждений состояло 59,8 % (в Нотецком округе — 64,7 %), а в пользовании крестьян — 37,9 % (в упомянутом округе — 32,9 %) всех земель³⁰.

Эти данные показывают, что удельный вес доминиальной земли

был весьма значительным и при некоторых колебаниях возрастал в провинциях, располагавшихся восточнее Эльбы (за исключением Восточной Пруссии). В соответствии с этим определялся ареал крестьянской земли. Соотношение доминиальной и крестьянской земли в имении обусловливала особенности системы хозяйства, положения землевладельца и зависимых от него крестьян.

Промежуточную прослойку между помещиками и крестьянами составляли свободные сельские хозяева. В Восточной Пруссии к ним относились так называемые кельмеры (кульцы, хелминцы), владевшие землей на ленном (кульмском, хелминском) праве. Их хозяйства переходили по наследству по мужской и женской линиям. Кельмеры и население, проживавшее в их хозяйствах, подлежали королевской юрисдикции. Они могли приобретать рыцарскую землю, но без права юрисдикции, некоторые из них даже считали себя дворянами. К кельмерам приравнивались владельцы «прусских свободных хозяйств» (эти хозяйства наследовались только по мужской линии)³¹. В 1798 г. в Вармии насчитывалось 439, а на Мазурах — 8540 свободных хозяйств, составлявших соответственно 9 и 47 % всех сельских хозяйств³².

Выделялись по своему положению в Померании вольные, а в Силезии ленные старости. На землях некоторых кельмеров и ленных старост находились крестьянские хозяйства, которые впоследствии подлежали регулированию³³. Свободные сельские хозяева, владевшие землей на правах собственности, составляли в 1801 г. в Бранденбурге на восток от Одера 1 %, западнее Одера — 4 %, в 1805 г. в Задней Померании — 3 %³⁴.

Крестьяне по Общему земскому праву (ОЗП, 1794 г.), в котором при некоторой модификации были кодифицированы существующие правовые нормы, составляли особое сословие. К нему относились жители сельской местности, исключительным занятием которых было земледелие. Крестьянин и его дети без соответствующего разрешения не могли заниматься городским промыслом, а получив согласие на такое занятие, оставались в своем сословии и прежних личных отношениях. Крестьянин обязан был по-хозяйски возделывать землю не только для своей, но и общественной надобности. Его можно было принудить к этому, а в случае упорной небрежности заставить передать свое хозяйство другому лицу. Крестьянину разрешалось производить изменения и улучшения в обработке своей земли, если это не затрагивало прав третьего лица. При внезапной государственной надобности можно было принудить крестьянина к продаже излишка его продуктов. Не допускалась продажа продуктов на корню. Крестьяне были обязаны выполнять ручные и упряженные работы, обусловленные потребностями государства. Во всех случаях, кроме установленных изъятий, на крестьян распространялось действие ОЗП³⁵.

Оседлые жители деревни составляли сельскую общину; они могли пользоваться общими угодьями по мере их общинных повинностей и в зависимости от количества скота, необходимого для ведения хозяйства³⁶.

По принадлежности к феодальным поместьям крестьяне делились на государственных, частновладельческих и институтских. Преобладали за исключением Восточной Пруссии частновладельческие крестьяне. В доменах Восточной Пруссии проживало 55 %, в Курмарксе (без Альтмарки) — 40 %, в Бранденбурге — около 1/3 всех крестьян этих провинций. В Померании, Ноймарке, Силезии и Западной Пруссии крестьяне доменов по численности намного уступали частновладельческим³⁷.

Отношения крестьян к владельцам феодальных поместий определялись провинциальными правами³⁸ (в польских землях, при соединенных к Пруссии после разделов Речи Посполитой, — польским правом). Крестьяне находились в феодальной зависимости от владельца поместья, считались его подданными (*gutsunterthanep*) * и по своему правовому положению делились на крепостных и лично свободных³⁹.

Крепостное состояние означало зависимость крестьянина от владельца имения в личном и поземельном отношении и в распоряжении своим недвижимым и движимым имуществом. Различались тяжелое, или суворое, крепостничество (*Leibeigenschaft*) и умеренное, или смягченное (*Unterthänigkeit*, *Gutspflichtigkeit*, *Eigenbehörigkeit*, *Hörigkeit*).

При тяжелом крепостничестве крестьянин полностью зависел от владельца поместья в личном и имущественном отношении и его положение немногим отличалось от положения холопа. В королевских актах тяжелое крепостничество определялось как крепостное состояние крестьянина с временным или пожизненным пользованием землей⁴⁰. Патентами от 10 июля 1719 г. и 24 марта 1723 г. в доменах Восточной Пруссии упразднялось тяжелое и умеренное крепостничество, однако и после этого здесь крестьяне находились в той или иной мере в личной зависимости от владельца домена⁴¹. Помещики Задней Померании заявляли, что их крестьяне являются не только крепостными, но и холопами⁴². Положением о крестьянах от 30 декабря 1764 г. устанавливалось, что крестьяне здесь не собственность господина, которых можно продать, подарить или обменять, а только *glebae adscripti*⁴³.

Умеренное крепостничество ОЗП определялось таким образом. Крепостное состояние было наследственным; дети, родившиеся в семье крепостных, становились крепостными. Лица крестьянского и мещанского сословий могли по письменному соглашению перейти в крепостное состояние. При этом дети, находившиеся на содержании родителей, в одних местностях должны были последовать за отцом, в других — оставались лично свободными с обязательством выполнения дворовой службы. Крестьянин, принимая подвластное (крепостное) хозяйство без письменной ого-

* Таких подданных могли иметь только владельцы рыцарских и некоторых других поместий (*Allgemeines Landrecht für Preussischen Staaten von 1794. Frankfurt am Main, B., 1970. Zw. Th. Tit. 7. § 91 - 92.*)

воки о своей личной свободе, становился крепостным. В таком положении оказывалась и лично свободная женщина, выходя замуж за крепостного. Если муж переходил в крепостное состояние, то жена не была обязана это сделать и могла требовать развода⁴⁴. Крепостной должен был относиться к владельцу поместья с почтением, быть послушным и преданным ему, выполнять свои повинности⁴⁵.

По отношению к своим подданным владелец поместья имел вещное право. Без согласия помещика крепостные не могли оставить имение, к которому они были прикреплены (*geschlagen sind*); самовольно удалившегося из имения крепостного можно было везде и без ограничения во времени разыскать, а найденного — принудить к возвращению⁴⁶. Лицо, скрывавшее беглого или препятствовавшее его возвращению, наказывалось штрафом от 5 до 20 тал., а принявшее его на услужение возмещало и связанные с этим убытки. Подлежали возвращению и дети, родившиеся в другом месте, кроме случаев, когда место пребывания их было известно, но в течение 10 лет после смерти отца помещик не требовал их возврата⁴⁷.

Сын крепостного по достижении 24 лет обязан был принять предложенное ему рустикальное хозяйство с лежащими на нем повинностями⁴⁸. Дети подданных по выбору помещика должны были в качестве челяди служить в его дворе (*Gesindedienste*) определенный срок, а при неопределенном сроке — до принятия хозяйства или вступления в брак. Единственный ребенок в семье освобождался от дворовой службы. При особой потребности крестьянского хозяйства служба прекращалась с окончанием текущего года. Взамен дворовой службы могла быть уплачиваема установленная сумма денег⁴⁹.

- В таких случаях нередко подвергались истязаниям родственники беглого. В округе Плесс (Пщина, Силезия) в 1757 г. помещик посадил в тюрьму крестьянку за то, что она не согласилась на возвращение в имение ее сбежавшей дочери. Помещик был убит крестьянами (*Śląsk w pierwszej połowie XIX wieku. Wybór żródeł. Wrocław. 1957. T. I. S. 65*). Касаясь положения крестьян в Верхней Силезии, учитель И. Г. Шуммель в 1792 г. писал: «Многие господа смотрят на своих подданных прямо-таки как на скот. Если сын убежит, тогда так долго держат в тюрьме или истязают отца, пока не вернется сын. Рассчитывают на родительскую любовь сына или дочери, которые скорее готовы вернуться в тюрьму, нежели допустить заключение в тюрьму отца. Господин призвал к себе отца одного сбежавшего сельского жителя и сломал на сгорбленных плечах старика три палки. Лишь после этого его спросили, знает ли он, где находится его сын. Крестьянин мог по правде ответить, что ничего о нем не знает, но предполагал, что сын ушел в полк Н... Поедешь ли за ним? — спросил дворянин. — Нет, ласковый господин, это нельзя мне делать, ибо, по распоряжению короля, тот, кто добровольно стал солдатом, не может вопреки своей воле быть взят из армии. Дворянин приказал бросить старика в подвал, утром избить его, а затем повторить прежний вопрос. Итак, человек пошел в полк, нашел своего сына и старался уговорить его вернуться. Сын, однако, не хотел этого сделать, напротив, получил в полку удостоверение, что он солдат и поэтому не следит привлечь к ответственности отца. Крестьянин показал дворянину это удостоверение и был наказан плетью. Старый человек, не видя иного спасения, сбежал в полк Н., который обеспечил ему безопасность» (*Ibid S. 65—66*)

Дворовая служба продолжалась от 2 до 6—8 и более лет (в Бранденбурге и Нижней Силезии — 3 года, в Верхней Силезии — до 10 лет, в Лужицах — 2—4 года. В Восточной Пруссии эта повинность была отменена в 1767 г., а с 1773 до 1798 г. ограничивалась пятилетним сроком; в землях, принадлежавших Речи Посполитой, встречалась сравнительно редко). Челядь женского пола получала 3 тал. 8 з. г. в год, которых не хватало даже на покупку одежды (пара сапог стоила 1 тал.). Дворовое питание было плохим и вообще недостаточным, челядь подвергалась различным, и нередко тяжелым, наказаниям. После окончания дворовой службы лицо было обязано работать у помещика за определенную плату⁴⁹.

Положение о челяди от 18 июля 1799 г. устанавливало трехлетний срок дворовой службы (там, где он был меньшим, оставался в прежнем размере). Плата челяди могла быть повышена, но не разрешалось ее понижение. Предписания о трехлетней службе и обязанности подданных — женщин с 13 до 30, мужчин — до 35 лет — в первую очередь служить своему господину частично ограничивались. Если лицо работало в другом месте, то первоочередность сохранялась в силе в случаях особого рода или когда его труд оплачивался бы как вольнонаемной челяди. Помещики в Силезии, заявляя, что по традиции и урбариям дворовая служба здесь продолжалась 6 и более лет, выражали недовольство этим положением, и оно не было введено в действие⁵⁰.

Дети крепостного без согласия помещика не могли получить образование, обучаться ремеслу, избрать иной род занятия (в некоторых случаях им в этом нельзя было отказать); если обучение произошло за счет помещика, то расходы должны были быть возмещены⁵¹.

Требовалось согласие владельца поместья на вступление в брак крепостных. Он имел право не разрешить вступить в брак лицу, которое не желало стать оседлым, не могло по своим физическим недостаткам выполнять необходимые хозяйствственные работы, содержать себя и семью, считалось распутным, ленивым или упрямым, совершило тяжкое преступление. Жалоба на решение помещика в этом случае рассматривалась провинциальным судом. Брак, заключенный без согласия владельца имения, считался действительным, но лица, вступившие в него, подвергались наказанию работами или тюремным заключением на срок от 3 дней до 4 недель. Оседлое лицо, считавшееся ленивым, упрямым, распутным или совершившее преступление, в таком случае могло быть удалено с хозяйства⁵².

Крепостничество обуславливало и различного рода ограничения крестьянина в распоряжении своим хозяйством и движимым имуществом. Без разрешения владельца крестьянин не мог оставить свое хозяйство, передать наследнику, обременять долгами, закладывать и отчуждать его. Он обязан был согласиться на замену части его земли или хозяйства в целом, помещик же имел право отнять хозяйство у крестьянина⁵³.

Помещик мог крепостного с хозяйством передать (продать) другому владельцу имения (с передачей положение крестьянина не должно было стать худшим); в провинциях, где не происходила такая продажа, оставалось по-прежнему. Не разрешалось передавать, обменивать и продавать крепостных без имения вопреки их воле⁵⁴. В Силезии некоторые помещики не считались с этим⁵⁵. Случаи продажи крепостных были нередки и в землях, принадлежавших Речи Посполитой⁵⁶.

При всем этом крестьянин, по ОЗП, как и другой гражданин страны, мог свободно приобретать имущество и владеть им, брать личные обязательства без ущерба повинностям в пользу владельца имения⁵⁷. В действительности же он таких возможностей не имел или эти возможности были существенно ограничены.

При согласии помещика крепостной мог уйти из деревни и в другом месте работать в качестве челяди или содержать себя иным способом. В этом нельзя было отказать неоседлому лицу, если ему в имении не предоставлялись средства для существования⁵⁸. За такое разрешение в Силезии крепостные должны были платить помещику так называемый подопечный сбор (*Schutzweld*): мужчина — 1 тал., женщина — 16 з. г. и подросток — 12 з. г. в год. Они подлежали патrimonиальной юрисдикции по месту своего пребывания и за правовую «опеку» обязаны были вносить соответственно такую же плату⁵⁹.

С разрешения владельца поместья крестьянин, уплатив выкуп (*Loskaufgeld*, *Loslassungsgeld*, *Abzugsgelde*), размер которого определялся провинциальными законами и особыми контрактами, мог освободиться от крепостной зависимости⁶⁰. По эдикту 1748 г. в Силезии выкуп личности (*Iutrum personale*) устанавливался в размере: для крестьянина и его сыновей свыше 14 лет — по 6 тал., жены, сыновей до 14 и дочерей свыше 12 лет — 3 тал., дочерей до 12 лет — 1 тал. 8 з. г., выкуп имущества (*Iutrum realae*) — 10 % стоимости семейного имущества и позднее столько же от оставшегося наследства. Кроме того, необходимо было уплатить 6 з. г. штемпельного сбора и взнос за выкупное свидетельство⁶¹.

Владелец имения обязан был согласиться на освобождение крестьянина от крепостной зависимости в следующих случаях: если лицо, получив образование или приобретя профессию с разрешения помещика, не могло содержать себя в деревне; когда неоседлое лицо желало улучшить свое положение посредством службы в городе, в духовном учреждении, школе или другим законным способом; если неоседлое совершеннолетнее лицо могло получить хозяйство в другом месте (за некоторым исключением); когда лицо вследствие брака приобретало свободное хозяйство, обеспечивавшее содержание его семьи, или проживанием в городе могло улучшить свое положение; если крепостной в случае женитьбы мог получить крепостное хозяйство в другом имении, а его невеста не соглашалась на принятие предложенного ему хозяйства в деревне, где он проживал; когда женщина выходила замуж

за крестьянина, проживавшего в другом поместье; если хозяин предоставлял взамен себя подходящее лицо; если крестьянин подвергся жестокому обращению (в этом случае и дети, находившиеся на его содержании, освобождались без выкупа). Дети до 14 лет освобожденного крестьянина вопреки его воле не могли задерживаться помещиком. Не разрешалось требовать освобождения от крепостной зависимости лицам, обязанным нести дворовую службу, совершившим тяжкое преступление по отношению к помещику или членам его семьи и находящимся под судом⁶².

Крепостное состояние крестьянина на время его службы в армии прерывалось; после ее окончания он мог освободиться от крепостничества за выкуп, а в случае перехода на гражданскую службу — бесплатно. Дети, родившиеся по месту службы и содержащие себя, считались свободными; дети солдата, женатого на свободной, после его смерти по требованию вдовы безвозмездно освобождались от крепостничества. Лицо, получившее чин фельдфебеля или вахмистра, становилось свободным без выкупа⁶³.

Лично свободными считались крестьяне, пользовавшиеся землей на правах, не связанных с крепостным состоянием⁶⁴. В литературе иногда не различаются лично свободные крестьяне и вольные крестьяне, т. е. освобожденные от барщины. Лично свободный крестьянин находился в поземельной зависимости от владельца поместья. Я. Рутковский определял это состояние как поземельное подданство (*poddaństwo gruntowe*)⁶⁵.

Лично свободными были в Восточной Пруссии крестьяне городских имений, лица, проживавшие в хозяйствах кельмеров и некоторые другие сельские жители⁶⁶, в Бранденбурге — вольные, ленные и наследственные старости, некоторые крестьяне (преимущественно в Альтмарке и Пригнице); встречались такие крестьяне и в Ноймарке⁶⁷. Г. Г. Мюллер считает наследственных чиншевиков и наследственных арендаторов лично свободными, но не все они были таковыми, о чем свидетельствует эдикт 7 октября 1807 г. (§ 11).

Небольшую прослойку составляли лично свободные крестьяне в Силезии, Западной Пруссии, великопольских землях (часть гбиров, окупников, эмфитеутов и т. п.)⁶⁸. Личной свободой обычно располагали колонисты, поселенные в доменах и частных поместьях Бранденбурга (с 1740 по 1786 г. — 124 720 человек)⁶⁹, в Померании (5312 семей в 182 деревнях)⁷⁰, часть «колендр» (в северо-западной части великопольских земель «коленды» составляли около 10 % сельского населения)⁷¹.

Лично свободными были и безземельные крестьяне. Они считались так называемыми подопечными подданными (*Schutzunterthanen*)⁷². К ним относились айнлигеры (постояльцы), коморники и подобные лица, работавшие по найму в фольварке и с ведома помещика у крестьян или занимавшиеся ремеслом. При отсутствии контракта или особых предписаний они только подлежали юрисдикции помещика и платили ему за это особый сбор (в Силезии — 1 тал.) или вместо него выполняли работы. Они были обязаны ра-

ботать преимущественно в фольварке, а при занятии ремеслом прежде всего обслуживать помещика. Их дети должны были служить в помещичьем дворе за плату, установленную для посторонних лиц. Разрешение помещика на перемену места пребывания таких лиц не требовалось⁷³.

В пределах поместья владельцу имения принадлежали права пропинации, производства и продажи спиртных напитков⁷⁴ (причем часто определялось, какое их количество крестьянин должен был приобретать⁷⁵), помола зерна⁷⁶ (крестьянин обязан был молоть зерно только в господской мельнице или платить особый сбор, если не пользовался ею⁷⁷), производства кирпича, извести и т. п., покупки некоторых продуктов крестьянского хозяйства и продажи товаров в имении.

Помещик располагал патrimonialной (нижней административной, полицейской и судебной) властью над населением, проживавшим в его имении. Он назначал из числа оседлых жителей старосту и лавников (*Schöppen*). Староста должен был быть грамотным человеком. Он был обязан следить за порядком в деревне, выполнять распоряжения помещика и высших властей. Староста и лавники составляли деревенский суд, который имел право за проступки полицейского характера наказывать штрафом до 1 тал.⁷⁸ Судебная власть осуществлялась особым чиновником — юстициарием (*Gerichtshalter*), находившимся на содержании владельца имения и считавшимся прежде всего с интересами последнего. Помещик имел право (это право могло быть передано администрации или арендатору имения) нерадивую и строптивую челядь подвергать умеренному наказанию без опасности для ее здоровья и жизни и не допускать действий, затрагивающих стыдливость лица, в особенности женского пола. В случае жестокого обращения виновный в этом подлежал наказанию, кроме того, обязан был дать возмещение пострадавшему. Оседлый крестьянин и его жена могли быть наказаны тюремным заключением или штрафными работами, если они были ленивыми, небережливыми, не повиновались или совершили другие проступки. Дело о проступке, наказуемом тюремным заключением до 48 часов, решалось при участии деревенского суда, а о более тяжком наказании — судьей, причем за неумеренное наказание в первом случае отвечал помещик, во втором — судья с обязательством соответствующего возмещения. За активное сопротивление помещику и его служащим крестьянин подлежал наказанию в соответствии с уголовным законодательством⁷⁹. Правом юрисдикции, за исключением дел о тяжких преступлениях, пользовались и арендаторы доменов. Телесные наказания широко применялись в Померании, Восточной Пруссии, Бранденбурге, Лужицах⁸⁰ и в других провинциях. Крестьянину разрешалось жаловаться на помещика. Такое право было предоставлено и крестьянам в польских землях, захваченных Пруссией во время разделов Речи Посполитой. Спорные дела между крестьянином и помещиком решались провинциальным судом.

Хотя по Общему земскому праву крепостной в своих занятиях и делах считался свободным гражданином государства и мог приобретать права и отстаивать их перед судом⁸¹, он был, по существу, почти бесправным лицом. Теми правами, которые ему принадлежали, он не всегда мог воспользоваться. Тяжелое положение крестьянина усугублялось различного рода злоупотреблениями помещика и его служащих. Права владельца поместья, вытекавшие из крепостничества, ограничивались только обычаем и собственным интересом господина.

Форма феодальной зависимости крестьян в той или иной мере определяла их право пользования землей. Существовала и обратная связь. Большая зависимость предопределяла более ограниченное поземельное право, и наоборот: худшее право землепользования — большую зависимость. Такая взаимосвязь не всегда была прямой и обязательной. Крепостной нередко владел землей на правах ограниченной крестьянской собственности, а некоторые лично свободные крестьяне располагали правом временного или пожизненного землепользования. Имелись другие соотношения, переходные формы, местные особенности.

Встречалась крестьянская ограниченная поземельная собственность (*nutzbares Eigentum, własność użytkowa*). Некоторые крестьяне считались собственниками своих хозяйств, при этом, однако, они без согласия владельца поместья не могли свое хозяйство продать, делить, уменьшать посредством обмена или уступки части недвижимого имущества, заложить, обременить постоянными обязательствами и сборами*. На обременение долгами в определенном размере, уплата которых обусловливалась законом, разрешения помещика не требовалось. Вопреки воле помещика или без разрешения судьи кредитор не имел права взять хозяйство или необходимый для его ведения инвентарь. Он мог претендовать только на излишки сельскохозяйственного инвентаря и продуктов и остальное имущество, не принадлежащее хозяйству. Помещик без основания не мог возражать против продажи хозяйства и обременения его обязательствами. При продаже хозяйства (обычной или с аукциона) он имел право не допустить его перехода к лицу, не имевшему достаточных средств, не способному вести хозяйство и выполнять лежащие на нем повинности. Крестьянин мог завещать собственное имущество наследнику, определить, кому из его детей должно было перейти хозяйство**, размер возмещения другим сонаследникам (если оно было выше обычного, помещик имел право понизить его). Хозяйство сохранялось за несовершеннолетним наследником, если оно велось обычным способом и выполнялись связанные с ним повин-

* В Силезии разрешалось обременять долгами хозяйство до половины, а в отдельных случаях и более половины его ценности. См.: *Ziekursch J. Hundert...* S. 82—83).

** В Нижней Силезии оно обычно передавалось младшему сыну. См.: *Ziekursch J. Hundert...* S. 81.

ности. При отсутствии завещания помещик выбирал подходящее лицо из сонаследников.

Наследник по завещанию или существующему порядку терял право на получение хозяйства, если он, как и в случае продажи, не соответствовал предъявляемым требованиям, а также если он не был крепостным и отказывался перейти в крепостное состояние. При этом хозяйство передавалось другому лицу или продавалось с торгов. По требованию помещика и судебному решению крестьянин мог быть лишен хозяйства, если разорял его, совершил преступки по отношению к помещику или общине, был приговорен к тюремному заключению на срок более 1 года, обременил хозяйство сверх меры долгами, по старости или болезни не способен был вести его. Хозяйство продавалось с аукциона, но крестьянин не освобождался от крепостной зависимости⁸². При смене хозяина уплачивалась лаудемия помещику (10 % покупной цены хозяйства) и судебный сбор. Такие или подобные права на землю имели многие крестьяне в Альтмарке и Пригнице⁸³, в Нижней Силезии, небольшая часть крестьян в других местностях Бранденбурга, в Верхней Силезии, Западной Пруссии, великопольских землях⁸⁴.

К крестьянской ограниченной собственности на землю прививались наследственно-чиншевое и наследственно-арендное владения землей. Наследственно-чиншевым (оно, как и ленное владение, относилось к категории разделенной собственности) считалось право владения землей по заключенному в суде контракту, предусматривавшему передачу ее по наследству и уплату однообразного и постоянного сбора — чинша (*Abgabe*) верховному собственнику земли. Чинш не был платежом за пользование землей, он означал лишь то, что верховная собственность на землю принадлежала помещику. Крестьянин, владевший землей на таком праве, именовался наследственным чиншевиком. Ему принадлежали все права лица, пользующегося собственностью (*das nutzbarer Eigenthümer*). Он мог отказаться от хозяйства без ущерба для кредиторов, обременить его долгами в определенной мере, заложить и с согласия верховного собственника продать его лицу, пригодному для ведения хозяйства и выполнения лежащих на нем повинностей. При продаже хозяйства без разрешения новый неспособный владелец подлежал удалению из него. Если по завещанию хозяйство должно было перейти к ближайшему наследнику, но неспособному лицу, то верховный собственник имел право передать его подходящему сонаследнику; если же завещалось хозяйство неспособному и вместе с тем неближайшему наследнику, то в течение года оно подлежало передаче пригодному лицу, в противном случае — продаже с аукциона.

При каждой продаже хозяйства верховный собственник в течение двух месяцев имел преимущественное право на его покупку. С переходом хозяйства новому владельцу уплачивалась лаудемия (*Lehnwaage*), которая составляла 2 % покупной цены (если в контракте не устанавливался иной ее размер). От уплаты лаудемии освобождался только наследник по нисходящей линии, приобретая

хозяйство при жизни или после смерти бывшего хозяина. В контракте с новым владельцем вопреки его воле не могли быть сделаны какие-либо изменения по сравнению с предыдущим контрактом. Наследственно-чиншевое право прекращало действовать, если крестьянин плохо работал (вследствие чего не выполнялись лежащие на нем повинности), при отсутствии наследника, конфискации имущества в пользу казны, при оставлении хозяйства, отказе от него, после истечения определенного срока или срока давности, а также если в течение трех лет (или более короткого времени, предусмотренного в контракте) без уважительной причины не уплачивался чинш и хозяйство возвращалось верховному собственнику⁸⁵.

Наследственно-чиншевое владение преобладало в Альтмарке, широко было распространено в Пригнице, в южной части Ноймарка, особенно в прежде нижнесилезских округах Цюллихау и Кроссен (Кросно)⁸⁶. На таком праве пользовались землей некоторые колонисты в Померании, «оленды» в Западной Пруссии⁸⁷.

Наследственно-арендное владение землей определялось соответствующим контрактом. За приобретение такого права крестьянин уплачивал установленную сумму денег (*Erbstandsgeld*), кроме того, там, где это было предусмотрено, вносился залог (*Caution*). Наследственному арендатору принадлежали все права пользования (*Niessbrauch*), которые обычно приравнивались к праву пользования собственностью (*das nutzbare Eigenthum*) с вытекающими из них обязанностями. Но при продолжающейся аренде не имели силы права и обязанности, связанные с изменением прав владельца-собственника. Наследственно-арендным правом арендатор мог свободно распоряжаться; если не было каких-либо ограничений в контракте, оно переходило по наследству. Для продажи этого права требовалось согласие верховного собственника земли. Если в первоначальном контракте не предусматривалась уплата лаудемии, то новый арендатор не обязан был ее платить. Арендная плата (*Zins*) обычно оставалась неизменной, хотя со временем могла быть изменена. При неуплате чинша за истекший год налагался секвестр на хозяйство. Если арендатор не платил чинш без уважительной причины, неспособен был его вносить, наносил ущерб хозяйству или оставлял его из-за долгов, право на аренду подлежало продаже другому лицу⁸⁸.

На таком или подобном праве пользовались землей крестьяне в доменах, находившихся в ведении Глогауской камеры; наследственная аренда преобладала почти на всей левобережной, в северной части правобережной Силезии; встречалась и в других округах Силезии⁸⁹. В Западной Пруссии наследственными арендаторами были некоторые колонисты, «оленды», уплатившие окуп (другие «оленды» получали землю на 20—60 лет и обязаны были вносить окуп при возобновлении контракта)⁹⁰.

Об удельном весе крестьянской ограниченной поземельной собственности, наследственно-чиншевого и наследственно-аренд-

ного владения, т. е. лучших прав крестьянского землепользования, можно судить по следующим данным. В Верхней Силезии в 1811 г. на 73 тыс. учтенных крестьянских хозяйств приходилось 60 тыс. (82 %) хозяев с лучшими поземельными правами⁹¹. В 1816 г. в восточных провинциях числилось 303 680 хозяйств крестьян-собственников, наследственных арендаторов и чиншевиков; они составляли 80 % всех хозяев, в Силезии — 96 %, Бранденбурге — 92 %, в Восточной Пруссии — 91 %, в Западной Пруссии — 67 %. Померании — 58 %, в Познанской провинции — 55 %⁹²; по другим данным в восточных провинциях без административного округа Штральзунд было 175 558 (63 %) таких хозяев⁹³.

Более ограниченным (и следовательно, худшим) по сравнению с наследственно-чиншевым и наследственно-арендным было так называемое ласситское право пользования землей (в польских землях, присоединенных к Пруссии после раздела Речи Посполитой, существовало аналогичное или подобное польское право). Такое право основывалось главным образом на обычae; юридическое отношение крестьянина к владельцу поместья определялось провинциальным правом. Ласситское право обычно обусловливалось крепостным состоянием и вытекавшими из него ограничениями. Без разрешения помещика лассит не мог оставить хозяйство (в разрешении покинуть хозяйство нельзя было отказать, если он предоставлял соответствующую замену). Наследственный лассит мог передать свое хозяйство по наследству, но право выбора наследника оставалось за помещиком. При ласситском ненаследственном праве крестьянин пользовался землей временно; поскольку срок пользования не устанавливался, то оно было пожизненным. Помещик имел право передать хозяйство одному из наследников или другому лицу. Ласситское право предполагало обязанность помещика предоставлять пособие крестьянину для содержания его хозяйства в исправном состоянии, разрешать ему пользоваться сервитутами на доминиальной земле и заменять в случае необходимости его в уплате податей⁹⁴.

Ласситское наследственное землепользование было широко распространено в Миттельмарке и Пригнице, встречалось в Верхней Силезии; ненаследственное — преобладало в Померании, Уккермарке (на пограничье с Мекленбургом), Ноймарке (округ Беесков-Сторков) и в Восточной Пруссии, значительным было в Верхней Силезии и соседних округах Нижней Силезии, в особенности на правом берегу Одера⁹⁵. В Курмарке насчитывалось около 45 тыс. ласситов, в Верхней Силезии на 73 тыс. учтенных хозяйств приходилось 12 тыс. хозяйств ласситов.

К категории таких крестьян относились и так называемые данники, проживавшие в Хелминской и Михаловской землях и пользовавшиеся землей обычно по письменным контрактам на правах аренды или с условием выполнения барщины и уплаты чинша и обязанные работать в помещичьем хозяйстве за определенную плату⁹⁶. В Вармии наследственные ласситы обычно владели своими постройками на правах собственности⁹⁷.

Переходной формой от наследственной аренды к временной была эмфитеитическая, при которой земля передавалась в пользование на несколько десятилетий или нескольким поколениям. Временная аренда частично была генетически связана с ласситским землепользованием. Помещик, упраздняя ласситское право, превращал лассита во временного арендатора. Так, многие ласситы в Померании в 60—70-х годах XVIII в. стали временными арендаторами⁹⁸.

Условия аренды определялись письменным контрактом. Обычно земля передавалась в аренду при трехпольной системе хозяйства на 9 лет, при четырехпольной — на 16 (число, кратное 3—4). С истечением срока аренды прекращалось пользование крестьянина землей⁹⁹. В великопольских землях хозяйство сдавалось в аренду часто на один год, три года, реже — пожизненно. Предполагалось, что контракт на неопределенное время ограничивался годовым сроком. После кабинетного распоряжения 1819 г. такой контракт молчаливо предполагал неопределенное время¹⁰⁰.

Прослойка временных арендаторов преобладала в доменах. Она была весьма значительной в Уккермарке, встречались такие арендаторы в Ноймарке, в округе Беесков-Сторков¹⁰¹.

В Померании и Познанской провинции крестьяне с временным правом пользования землей составляли свыше 40 %, в других провинциях от 4 % (Силезия) до 33 % (Западная Пруссия) всех крестьян¹⁰².

Права крестьян на землю не всегда четко различались даже в официальных документах. Иногда ласситы считались арендаторами, наследственное пользование землей рассматривалось как поземельная собственность¹⁰³. Но обычно хозяйства с лучшими поземельными правами по своим размерам превосходили хозяйства с временным правом пользования землей (в Познанской провинции в 1816 г. приходилось в среднем на первые 88, на вторые — 73 м.)¹⁰⁴.

Крестьянские земли в значительной мере были обременены сервитутами. Помещик мог выпасать свой скот на крестьянских полях. Кроме того, ему принадлежало право охоты на крестьянской земле. При этом крестьянину не разрешалось убивать дичь, которая нередко наносила ему немалый ущерб. Он обязан был прислуживать помещику во время охоты, его поля вытаптывались, но возмещение за это он не получал. Охота помещика и малейшие нарушения его прав сопровождались различного рода унижениями и наказаниями крестьян¹⁰⁵.

По размеру своего хозяйства и положению в сельской общщине крестьяне делились на несколько разрядов. Высшую прослойку составляли вольные, ленные и наследственные старосты, солтысы, за некоторым исключением владевшие крупными хозяйствами и на относительно лучших правах и часто располагавшие низшей властью в деревне. В Курмарке в 1800 г. насчитывалось 700, в Ноймарке в 1803 г. — 365 старост, в Силезии в 1787 г. — 2761,

в Померании в 1798 г. — 1855, в департаменте Познанской камеры в 1800 г. — 3500 солтысов¹⁰⁶. В Померании хозяйства солтысов заключали в себе 240—400 м. земли¹⁰⁷. В 1807—1823 гг. в Познанской провинции солтысские хозяйства в восьми случаях имели от 119 до 483 м. земли¹⁰⁸. Среди назначаемых помещиками старост (солтысов) были крестьяне, владевшие крупными, средними, а иногда и мелкими хозяйствами¹⁰⁹. На время своей службы староста получал особое хозяйство, или участок земли, или другое вознаграждение или же освобождался от некоторых повинностей в пользу помещика¹¹⁰. В поместье Фюрстенштейн (Силезия) солтысы имели право розничной продажи водки и пива, помола зерна, убоя скота и другие привилегии¹¹¹.

Крестьянином в узком смысле (бауэр, гуфнер, нахбарн, кмет, рольник) считался хозяин, который пользовался полевой землей и имел рабочий скот. Он участвовал в делах общины по ведению хозяйства, в распоряжении общинными угодьями, платил поземельную подать — гуфеншосс (лановую). По величине хозяйства крестьянин имел наименование: «полный» (Ganzbauer), «трехчетвертной» (Dreiviertelbauer), «половинный», «пурольник», «пулследник» (Halbauer, Halbhüfner), «четвертной» (Viertelbauer), встречались крестьяне и с 1/8 надела. Такое наименование не всегда соответствовало количеству земли, находившейся в пользовании крестьянина. Полный надел часто составлял 2—2 1/2 гуфы* (лана), а иногда больше; одногуфное хозяйство относилось к категории мелких.

В деревнях амта Бадинген в среднем на крестьянина приходилось 2 гуфы, амта Лебус — 3 гуфы. Горожане-земледельцы в Мюльрозе (амт Лебус) в 1780 г. имели: пятеро — по 4 гуфы (от 68 до 106 м. земли), один — 2 гуфы (56 м.), семь — по 1 гуфе (от 14 до 32 м.), кроме того, некоторые из них арендовали от 4 до 55 м. земли¹¹². В пользовании крестьян-ласситов деревни Зандов (Штернберг, Ноймарк) находилось от 42 до 58 м. обрабатываемой и от 53 до 79 м. поросшей кустарником и заболоченной земли¹¹³. Кметское хозяйство в Верхней Силезии заключало в себе 50—60 и более м. земли¹¹⁴, в округе Требниц — в среднем 102,7 м.¹¹⁵ В Познанской провинции кметы в шести случаях имели от 99,6 до 183, пурольники (23 чел.) — от 49,6 до 104,8 м.; размер хозяйства у 113 «олендров» колебался от 17 до 269, у прочих колонистов (45 чел.) от 39 до 63 м. земли¹¹⁶. Приведенные данные свидетельствуют о существенных различиях между крестьянскими хозяйствами по их земельному наделу. Эти различия обуславливались местными обстоятельствами.

Различались крестьянские хозяйства и по количеству рабочего скота: были хозяйства с четырех-, трех-, двух- и одноконной упряжкой, с одной упряжкой волов.

* Гуфа — единица податного обложения, означавшая определенную ценность хозяйства; если говорилось, что гуфа имеет 30 м. земли, то имелась в виду только пахотная.

Ниже крестьян (кметов) по своему положению стояли коссеты в Бранденбурге и Восточной Пруссии, огородники-загродники (Gärtner) в Силезии (вместе с халупниками в податном кадастре они чисились мелкими земледельцами), Западной Пруссии и великопольских землях. В отличие от крестьян такие хозяева платили подомовую подать — гибельшосс. Коссет имел огород, полевой огород и другие участки земли. Его земля обычно находилась вне пахотных земель общин, поэтому он не участвовал в решении вопросов, связанных с системой полеводства. Нередко коссет владел крестьянским наделом или частью его, а малоземельный крестьянин причислялся к категории коссетов¹¹⁷. В д. Зандов коссеты-ласситы имели от 25 до 57 м. обрабатываемой и от 13 до 97 м. поросшей и заболоченной земли¹¹⁸.

Огородники, проживавшие в Верхней Силезии, прилегающих к ней местностях и в нижнесилезских округах, расположенных по правому берегу Одера, пользовались на ласситском праве хозяйствами, заключавшими в себе до 20—30 м. земли. При значительном размере хозяйства они содержали рабочий скот, главным образом волов, в свободное от барщины время часто занимались извозом¹¹⁹. В великопольских землях в 1807—1823 гг. 14 загродников имели от 5,2 до 62 м. земли¹²⁰.

Разграничение между крестьянином (кметом) и коссетом (огородником-загродником) было относительным. Коссет с большим хозяйством мало отличался от «четвертного» и даже «половинного» крестьянина.

К более мелким хозяевам (если можно их так назвать) относились халупники (Häusler), за некоторым исключением кетнеры (хатники) в Бранденбурге, Померании и Восточной Пруссии, бюднеры (будники) и хаузлайте (домовники) в Бранденбурге, огородники-молотильщики (Dreschgärtner) в Нижней и части Верхней Силезии. Халупник в Силезии располагал избой, часто огородом, иногда несколькими (в отдельных местностях — до 10) мorgenами земли и небольшим количеством скота¹²¹. В Померании хозяйство халупника заключало 8—20, бюднера — от 1 до 10 и более м. земли¹²². В Познанской провинции встречались халупники с хозяйствами от 19,6 до 52 м. земли, которые были близки к «четвертым» крестьянам и коссетам¹²³. Огородники-молотильщики владели участком земли (1,5—2 м.) на наследственном праве¹²⁴. В податном кадастре Силезии чисились «пешие барщинные» хозяйства; часть огородников и халупников объединялась в один разряд. Эти хозяйства с посевом от 1 до 50 шеф. зерна или без посева, с 1—3 коровами или без них относились к категории прочих хозяйств¹²⁵.

Часть крестьян принадлежала к разряду безземельных. Это были постояльцы, жильцы (Einlieger) в Бранденбурге и Силезии, инсты в Восточной Пруссии, коморники в Западной Пруссии и Познанской провинции и им подобные. Они проживали в помещичьих хозяйствах и у крестьян, получали во временное пользование огород или другой участок земли и работали по найму.

Особой прослойкой сельского населения являлась так называемая челядь (*Gesinde*). Ее составляли работники, батраки, слуги (*Knechte*), батрачки и служанки (*Mägde*) и подростки на услугах (*Dienstjunge*), занятые в помещичьих и крестьянских хозяйствах. Одни из них были крепостными, другие — лично свободными. Положение о челяди от 8 ноября 1810 г. ставило работников почти в полную зависимость от их хозяев.

При традиционной стабильности этих разрядов происходило перемещение крестьян из одной прослойки в другую. Встречались и переходные состояния.

Феодально-зависимые крестьяне отбывали разнообразные повинности в пользу владельца поместья. Эти повинности, однако, не могли ограничивать обязательств крестьянина по отношению к государству¹²⁶.

Ленный староста уплачивал ленний сбор (*Lehnspferdegeld*). Гуфы, находившиеся во владении ленных, свободных и наследственных старост в связи с их службой, не обременялись повинностями; за купленные земли старосты вносили некоторые платежи. Дети ленных старост освобождались от дворовой службы¹²⁷. Если ленний или наследственный староста сам не выполнял обязанностей старости, то обязан был за свой счет содержать такое должностное лицо¹²⁸. В поместье Фюрстенштейн солтысы (старосты) платили наследственный чинш в размере от 1 до 3 с небольшим тал. и, кроме того, сборы за пользование правами убоя скота, помола и т. п., всего в среднем 15 тал. 21 з. г. в год¹²⁹. В великопольских землях солтысы, не умевшие читать и писать, обязаны были выполнять барщину¹³⁰.

Наследственный чиншевик платил верховному собственнику земли ежегодно в определенный срок чинш (*Capon*) деньгами или продуктами. Этот платеж ни под каким предлогом не мог быть увеличен. Предусматривалось, что при уплате чинша продуктами они должны были быть лучшего качества. Без обоюдного согласия нельзя было произвести замену чинша в деньгах продуктами или наоборот. При несчастных случаях допускалось уменьшение чинша, частичное или временное освобождение от его уплаты¹³¹.

При наследственной аренде чинш обычно не должен был увеличиваться, однако по истечении определенного времени его размер мог изменяться в соответствии с новой оценкой права пользования землей. Он устанавливался по чистому доходу от хозяйства (при снижении дохода в особых случаях — уменьшался). Разрешалось понижение чинша и временное освобождение от его платежа¹³².

При ненаследственном пользовании землей повинность крестьянина должна была составлять 2/3 ценности его хозяйства, при этом предполагалось, что половина ее возмещается пособиями со стороны помещика.

Крестьяне, основную повинность которых составлял чинш (денежные и натуральные сборы), считались вольными, т. е. освобожденными от барщины. Нередко чиншевая повинность

обусловливалась наследственным правом пользования землей. Денежный сбор платили крестьяне многих деревень в доменах Восточной Пруссии¹³³, «оленды», гбуры в Западной Пруссии¹³⁴. В 1798 г. чиншевые крестьяне на Мазурах (5447 хозяев) составляли 50 %, в Вармии (1873) — 44 % всех крестьян¹³⁵. В Силезии в 1787 г. 28 980 (37 %) огородников-загродников и 17 712 (39 %) халупников относились к категории чиншевиков¹³⁶. Чиншевые кметы в поместье Фюрстенштейн платили в среднем от 26 з. г. до 5 тал. 6 з. г., огородники — около 2,5 тал., халупники — от 20 з. г. до 2 и более талеров в год¹³⁷. Наряду с уплатой чинша крестьяне часто выполняли некоторые барщинные работы: в округе Гросс-Штрелиц (Стшельце) 1—2 дня в неделю, в округах Кройцбург (Ключборк) и Штригау — 6—24, в поместье Фюрстенштейн огородники — до 8, халупники — до 2—6 дней в году¹³⁸.

Многие крестьяне отбывали барщину (*Dienste, Frohnen*, в Восточной Пруссии — *Scharwerk*, в других местах — *Robot, rąbszczyzna*), включавшую полевые, строительные, лесные и другие работы, дорожную повинность, различные услуги. Наряду с основной своей повинностью — барщиной — они часто были обязаны вносить определенные чинши. В Восточной и Западной Пруссии в 1792 г. в помещичьих имениях из 21 243 крестьянских хозяйств около $\frac{9}{10}$ были обременены барщиной, в доменах насчитывалось 24 890 барщинных крестьян¹³⁹. В 1798 г. в Восточной Пруссии барщинные крестьяне составляли около 44 %¹⁴⁰, на Мазурах — 23 % (2705), в Вармии — 30 % (1270) всех крестьян¹⁴¹. В 1787 г. в Силезии числилось 48 759 (63 %) барщинных огородников-загродников и 27 878 (61 %) халупников¹⁴².

Крестьяне, располагавшие рабочим скотом, выполняли работы с упряжкой и, кроме того, пешую барщину, малоземельные хозяева — главным образом ручные работы.

При неопределенной барщине крестьянин был обязан работать в помещичьем хозяйстве так и столько, как и сколько требовал помещик. Такая барщина тогда, когда потребность в ней была невелика, не очень обременяла крестьянина, но с развитием помещичьего хозяйства становилась весьма тяжелой повинностью. Неопределенная барщина была широко распространена в восточной части Бранденбурга, в Силезии, Померании и Восточной Пруссии. Она вызывала резкое недовольство у крестьян. Стремясь ограничить произвол помещиков, правительство пыталось заменить неопределенную барщину определенной посредством введения урбариев.

В 1773 г. были созданы урбариальные комиссии в Восточной и Западной Пруссии. Предписывалось в течение года составить акты о взаимных обязательствах крестьян и помещиков. Существующие контракты сохранялись в силе. Если крестьянин жаловался на обременительность барщины, то по истечении года она могла быть понижена до размера, установленного в доменах. Помещик обычно стремился заключить контракт на неопределенное время, что позволяло ему в последующем изменять его усло-

вия. В 1784 г. последовало распоряжение о ревизии инвентарей, которая была осуществлена лишь частично, в особенности в тех местах, где возникли споры между крестьянами и помещиками¹⁴³.

Инструкция от 9 ноября 1783 г. для решения судами в Силезии споров относительно повинностей устанавливала, что крестьяне с правом наследственного пользования землей, владевшие хозяйствами с 1748 г., обязаны были выполнять такую неопределенную барщину, которая отбывалась ими в 1748 г. Работы сверх этого, если они не препятствовали ведению крестьянского хозяйства, должны были выполняться за плату. Если хозяйство было приобретено после 1748 г., то за ним сохранялись повинности, существовавшие во время его приобретения. Для крестьян с ненаследственным правом пользования считалась обязательной повинность, отбывавшаяся в 1765 г., поскольку тогда предписывалось превращение таких хозяйств в наследственные. Действие инструкции не распространялось на огородников-молотильщиков.

Это предписание не только не успокоило крестьян, но, напротив, усилило их волнения. В связи с этим последовало распоряжение о составлении урбариев, в которых была бы точно обозначена повинность крестьян¹⁴⁴. Подготовка этих актов поручалась урбариальным комиссиям, состоявшим из чиновников и помещиков. Владельцы имений противились составлению урбариев или пытались зафиксировать в них увеличение повинностей или предусмотреть возможность их повышения в последующем. Крестьяне, не доверяя комиссиям, полагая, что с изданием этого распоряжения они освобождаются от повинностей, добивались их отмены или уменьшения, отказывались подписывать урбарии. Нередко власти силой заставляли крестьян подчиняться решениям урбариальных комиссий¹⁴⁵. Касаясь их деятельности, В. Вольф отмечал: «Комиссии, составленные из дворян и их креатур, превосходно работали в интересах аристократии... Не везде удавалось установить так называемые конформированные [признанные крестьянами] урбарии. Но там, где это удавалось, происходило только путем насилия или обмана»¹⁴⁶. В связи с этим в июле 1785 г. произошли волнения крестьян в округах Вальденбург (Валбжих), Гиршберг (Елена Гура), летом 1786 г. — в округах Лёвенберг (Льувек) и Намслай (Намыслув)¹⁴⁷.

Распоряжением от 3 мая 1786 г. предусматривалось снижение недельной барщины на два дня в тех случаях, когда стороны не могли договориться о ее размере. Однако местные власти утаили это предписание. К октябрю 1786 г. было составлено 195 урбариев, в ноябре того же года было предложено составлять урбарии только в тех случаях, когда возникали споры между крестьянами и помещиком. Вскоре это указание было отменено и деятельность урбариальных комиссий ограничивалась¹⁴⁸.

В присоединенных к Пруссии в 1793 г. польских землях прокламировалась правовая защита для всех жителей. Некоторые крестьяне восприняли это как освобождение от повинностей и отказывались их отывать. В связи с этим был издан патент,

обязывавший крестьян выполнять прежние повинности. Крестьяне в случае непосильных повинностей могли требовать их снижения, однако такие просьбы за редким исключением не принимались во внимание¹⁴⁹.

Определенная барщина означала фиксированные количество рабочих дней, вид и объем работы. Где не было установлено иначе, рабочий день с 15 апреля до 1 сентября должен был начинаться в 5 часов утра, в остальное время года — с восходом солнца и заканчиваться во всех случаях с заходом солнца с учетом расстояния до места работы. Делались три перерыва в работе: при упряжной барщине — 1 час до обеда, 2 часа на обед и час на полдник, при пешей — по одному часу. С 21 сентября по 21 марта разрешался только перерыв для кормления скота. Строительные работы обычно производились вне обычной барщины¹⁵⁰. Определенная барщина преобладала в западной части Бранденбурга, Силезии, Померании и Восточной Пруссии¹⁵¹.

О размерах барщины в отдельных провинциях, категориях землевладения и поместьях дают представление следующие данные. В Бранденбурге в среднем крестьянин обязан был работать 3 дня с упряжкой, коссет — отбывать 3 пеших дня; в Уккермарке барщина достигала 4—5 дней, а иногда выполнялась в течение всей недели¹⁵². В деревнях домена Бадинген (Курмарк) в 1763—1805 гг. полнонадельный крестьянин отбывал 156, 221, 255, «половинный» — 130, коссет — 221, 255 дней барщины в год (здесь помещичье хозяйство было удалено от деревни на расстояние от 1/4 до 2 миль). При двух гуфах земли барщина составляла 104, 156 упряженых дней (в одном случае — 54 упряженых и 56 пеших дня), при трех гуфах — 113, 255, в помещичьем имении Фридланд у полнонадельного крестьянина — 169 упряженых, у коссета — 298 пеших дней в году, в имении Гогенфинов у гуфнера — три упряженых и 4,5 пеших дня в неделю, в Торнове у коссета — 5—6 пеших дней в неделю¹⁵³. Трехгуфный крестьянин в деревне Мальсдорф (амт Кёпеник) при барщине 156 упряженых и 39 пеших дней в году платил 29 тал. 16 з. г. чинша¹⁵⁴.

В Померании для крестьянинаЯ, пользовавшегося влукой (гуфой) земли, барщина была ежедневной, в своем хозяйстве ему иногда приходилось работать при свете луны¹⁵⁵. В помещичьих имениях и доменах Западной и Восточной Пруссии преобладала урочная барщина. В 1773 г. в доменах она была снижена и устанавливалась в таком размере: с хозяйства, заключавшего в себе лан земли — 60 дней с упряженкой в год (2 дня в неделю летом и 1 день — зимой), с полуланового хозяйства — 60 пеших дней. При этом сохранялись подводная повинность и некоторые другие работы, увеличивался принудительный наем¹⁵⁶. В частных имениях барщина доходила до 4 дней в неделю¹⁵⁷.

В Нижней Силезии, в округах с наследственным владением землей, крестьянин отбывал 1—2 дня, в Верхней Силезии и нижнесилезских округах, где преобладало ласситское пользование землей, — от 3 до 6 упряженых дней в неделю¹⁵⁸. Огородник-загродник

обязан был с женой или работником выполнять ручные работы в помещичьем хозяйстве 3 дня в неделю или ежедневно, а в некоторых местностях отбывал и упряжную барщину (в поместье Фюрстенштейн — обычно неопределенную пешую барщину; он получал ординарию зерном от 8 месе до 4 шеф., при молотьбе определенную долю намолоченного зерна, мог пасти свой скот, собирать топливо и листья для подстилки скоту в помещичьем лесу, владелец имения предоставлял ему древесину для ремонта и возведения построек) ¹⁵⁹. Халупник отбывал пешую барщину, платил чинш и работал по найму у крестьян или занимался ремеслом ¹⁶⁰.

Огородник-молотильщик выполнял небольшую пешую барщину, а в остальное время или ежедневно, если не отбывал ее, по контракту обязан был со служанкой, а во время уборки урожая и с женой работать в помещичьем хозяйстве за определенную плату. За уборку урожая он получал так называемый мандель (10—14-й сноп), за сбор колосьев — половину обмолота, при молотьбе — гебе, составлявшее 15—25-ю долю намолоченного зерна, за другие работы — частично питание (или деньги на него) и частично денежную плату (1—3 з. г. в день) или ординарию ¹⁶¹.

В великопольских землях барщина кмета, располагавшего влукой земли, в неделю составляла часто 6 упряженых и 6 пеших дней, а иногда больше (в помещичьем хозяйстве должны были работать 3 лица), а с половины хелминской влукки — 3—4 упряженых и столько же пеших дней. Кроме того, на нем лежали другие повинности (тлока, перевозка продуктов и т. п.). В инвентаре д. Велёвесь Козьминского округа значилось: «каждый в течение всего года в неделю 3 дня с четверной упряжкой работает, а когда ручная работа, то обязан вдвоем по 3 дня в неделю отработать. В каждый день восемь прентов пашет, а когда перепахивает, обязан двумя сохами (raduem) перепахать 24 прента или 12 прентов, а второе [лицо] послать для ручной работы... Каждый обязан бороновать четырьмя лошадьми и четырьмя боронами». Загродник отбывал 3 дня, халупник и коморник — по 2—3 пеших дня в неделю ¹⁶².

По расчетам С. Боровского в Познанской провинции в отдельных случаях оказывалось, что на 1 м. приходилось в доменах: на крестьянина 0,1, полурольника — около 0,1, загродника — 0,5, коморника — 5,1; в помещичьих имениях: на кмета и полурольника — от 4 до 6,5, халупника — от 4,5 до 7,5 пересчетных барщинных дней в год ¹⁶³. Из этого следует, что мелкие хозяева были в большей степени обременены барщиной.

Нередко барщинные повинности увеличивались: в имении Конажево у 50 халупников с 1808 по 1819 г. — на 6 %, в д. Посадове у 10 халупников после регулирования в 1819 г. — на 42 % при расширении найма — на 23 %, в четырех деревнях имения Львувек — на 44,7 % (с 1803 по 1830 г.). Возрастала и барщина коморников ¹⁶⁴.

В некоторых местностях работы сверх определенной барщины и подводная повинность оплачивались. В округе Плесс (Силезия)

крестьянин за день работы с четырехконной упряжкой получал 6 з. г., при перевозке грузов выдавалось по 1 меше овса на лошадь и предоставлялось питание¹⁶⁵.

Мелкий и часто средний крестьянин сам отбывал барщину, крупные хозяева в той или иной мере использовали для этой цели наемных работников¹⁶⁶. В великопольских землях в 1810 г. на крестьянское хозяйство в среднем приходились 1, по другим данным — 1,6, в отдельных округах — 2,1 и 2,6 полностью занятых работников¹⁶⁷. В 1824 г. в имении Чернеёво из 166 хозяйств в 114 были наемные работники, причем кметы, полурольники и халупники имели от 1 до 3, «оленды» — от 1 до 4 работников¹⁶⁸.

Чиншевые и барщинные крестьяне за некоторым исключением были обязаны давать помещику данины: гусей, уток, кур, яйца, масло, пряжу, полотно и т. п. — и оказывать определенные услуги¹⁶⁹.

В великопольских землях в конце XVIII в. повинности с 1 лана по приблизительным расчетам составляли 80 золотых, из них на барщину приходилось 52 (65 %), на чинш 20 (25 %), на данины 8 золотых (10 %)¹⁷⁰. Мелкие хозяева по сравнению с крупными были относительно в большей мере обременены повинностями. Так, в доменах Бялосливе, Гнезно и Подстолице в начале 20-х годов XIX в. повинности с 4 м. (1 га) составляли: свободного солтysa 5,7, свободного кмета 8,9, «половинного» крестьянина 24,9, загродника 34,9, «оленды» 27,5, прочих колонистов — 10,1 з. г.¹⁷¹.

Помимо чинша, баршины и данин существовали разнородные и подчас удивительные поборы. В домене Колбац (Померания) в 1787 г. взималась с крестьян плата за изготовление пряжи, выпас скота, рыбную ловлю, оковку лошадей, ткачество, изготовление пива и за освещение, причем денежные платежи нередко превышали стоимость собранного урожая. В Померании был распространен «обычай», когда по случаю смерти крестьянина помещик забирал из хозяйства лучшего коня или вола. В округах Кольберг (Колобжег), Кёслин (Кошалин) и Бублиц (Боболице) в случае смерти хозяйки помещик имел право взять лучшую корову. Иногда крестьянин обязан был содержать фольваркового работника и скот помещика. При принятии хозяйства в округах Грайфенберг (Грифице) и Заациг (Шадзко) и в домене Колбац уплачивались 4 тал.¹⁷².

Мельники, кузнецы и другие лица, занимавшиеся промыслами, за предоставленное им монопольное право платили чинш. После отмены монополии на занятие промыслами эта плата сохранилась, но теперь она связывалась с пользованием землей. Устройство мельницы помещиком приводило к разорению мельника и продаже его заведения с уплатой лаудемии¹⁷³. В связи с патrimonиальной властью помещика крестьяне платили юрисдикционный сбор (в Силезии беднейшие жители — от 1 до 2 тал. или должны были отрабатывать 6—12 дней)¹⁷⁴.

Феодальные повинности были тяжелым, а иногда непосильным бременем для крестьян. Сообщая о положении крестьян в Верхней

Силезии, учитель И. Г. Шуммель в 1792 г. отмечал: «Некоторые подданные несут такое тяжелое ярмо, когда их господа угрожали им тюремным заключением, поскольку не хватает палок, если они не будут лучше выполнять свои обязательства, отвечали им просто в лицо: „Предпочитаем сидеть и работать 10 лет в тюрьме, чем 2 года быть подданными вашей милости“»¹⁷⁵. Ф. Энгельс, касаясь феодального порабощения силезских крестьян, указывал, что Силезия была той областью, «где имелся полный комплект всех разнообразных форм этого порабощения»¹⁷⁶.

Крестьяне как члены общины обязаны были ремонтировать дороги (если к дороге примыкала фольварковая земля, то часть расходов покрывалась помещиком) и мосты, копать канавы, огораживать участки земли, строить и ремонтировать общие постройки и колодцы, содержать пастуха и тому подобных лиц, нести сторожевую и караульную службу, доставлять в указанное место обвиняемых, привозить и отвозить судей и свидетелей и т. д.¹⁷⁷ Сторожевая служба выполнялась ночью в деревне, зимой — на территории общины и дорогах, в приграничных округах — в случае опасности занесения эпизоотии. Крестьяне платили сборы на содержание администрации, школы, бедных и больных, отбывали повинности в пользу прихода.

Обременительными для крестьян были и государственные пошлины и повинности. Поземельная подать крестьянина составляла 33,3 %, кельмера — 28 %, дворянин — 25 %, землевладельца-немца и евангелиста — 20 % чистого дохода от хозяйства¹⁷⁸. В Силезии крестьянин, располагавший 8 м. земли среднего качества, платил поразрядный налог в размере 3 тал. в год; работник, получавший 10 тал. платы, — 0,5 тал. (5 %); прислуга при зарплатке 6 тал. — 0,5 тал. (8,5 %)¹⁷⁹. Крестьяне обязаны были поставлять фураж для армии. Как это иногда происходило, можно судить по жалобе крестьян д. Венгельштино в округе Ангербург (Венгожево). В 1785 г. казна за поставку полкорца овса платила 28 з. г., центнера сена — 26 з. г. и копы соломы — 1 тал. (при рыночной цене соответственно 72 з. г., 1 тал. и 4 тал.), причем фураж доставлялся на расстояние 4, 8, 14 миль, а оплаты приходилось ожидать месяцами¹⁸⁰. В амте Кёпеник крестьянин, имевший 3 гуфы, платил 27 тал. 6 з. г. государственных податей (контрибуция и фуражные деньги) и 26 тал. 2 з. г. общественных сборов (коммунальный, общинный, на бедных, страховой)¹⁸¹. По приблизительным данным в Западной Пруссии и великопольских землях на повинности в пользу помещика приходилось почти 34 %, государственные подати и сборы в пользу церкви — 20 % чистого дохода от крестьянского хозяйства¹⁸².

Подводя итоги рассмотрения аграрного строя Пруссии в указанное время, можно констатировать, что характерной его чертой являлось господство поместно-крепостнической системы хозяйства. Удельный вес помещичьего хозяйства в одних провинциях был значительным, в других — весьма большим. Крестьяне за некоторым исключением находились в крепостной (тяжелой или

умеренной) зависимости от владельцев имений. Различными были и виды крестьянского землепользования (от временного держания до ограниченной крестьянской собственности). Хотя крестьянская земля считалась неприкосновенной, значительная ее часть присоединялась к помещичьим хозяйствам. Крепостное состояние, феодальные повинности, государственные подати, произвол помещиков и властей обрекали крестьян на бесправное, а многих из них и на полуголодное существование.

§ 2. Разложение феодальной системы хозяйства и развитие капиталистических отношений

В последней трети XVIII — начале XIX в. в немецких и польских землях Пруссии значительное развитие получил процесс разложения феодализма и складывания новых, капиталистических отношений. Этот процесс был обусловлен развитием производительных сил, общественного разделения труда, расширением внутреннего рынка, усилившейся борьбой народных масс против феодального гнета.

Семилетняя война (1756—1763) нанесла большой урон Пруссии, и понадобились годы для восстановления хозяйства страны. Господствующие феодальные отношения тормозили экономический и социальный прогресс. «... При Фридрихе II с его безобразной финансовой системой», отмечал К. Маркс, управление представляло собой «смесь деспотизма, бюрократии и феодализма...»¹ Правительство, заинтересованное прежде всего в милитаризации государства, проводило политику так называемого камерализма, основанного на монополиях и привилегиях, строгой регламентации производства, оплаты труда, цен, экспорта и импорта. Политика камерализма при некоторых ее негативных последствиях в определенной мере способствовала развитию экономики. С упразднением внутренних (королевских и дворянских) пошлин расширялись возможности производства и обмена товарами.

В рассматриваемый период произошли значительные сдвиги в экономической и социальной жизни. Население в Бранденбурге (исключая военных) с 1764 (764 тыс.) по 1805 г. (1107 тыс. человек) увеличилось на 44 % (в Курмаркте — на 39,4 %, Ноймарке — на 58,4 %)², в Силезии с 1777 (1,4 млн) по 1807 г. (1,9 млн человек) — на 36 %³, в Померании с 1762 (297 тыс.) по 1808 г. (507 тыс. человек) — на 70 %⁴, в Восточной Пруссии с 1766 (673 тыс.) по 1775 г. (837 тыс. человек) — на 24 %⁵. Численность населения возрастала как за счет естественного прироста, так и за счет притока извне. В Бранденбурге с 1740 по 1786 г. поселилось свыше 120 тыс. колонистов, проводилась здесь колонизация, хотя и в меньших размерах, и в последующие годы⁶. Немало было новых поселенцев в Померании (с 1740 по 1786 г. — свыше 6 тыс., а включая Нотецкий округ — около 11 тыс. семей), Силезии и Восточной Пруссии⁷. Многие колонисты были выходцами из других немецких и польских областей.

Заметно увеличилось и городское население: в Бранденбурге оно с 1768 по 1804 г. возросло почти на 38 % (в Курмарке — на 36,9 %, в Ноймарке — на 41,5 %, в Берлине в 1800 г. насчитывалось 177 тыс. жителей)⁸, в Силезии с 1777 по 1807 г. — на 17,8 % (здесь его удельный вес в общем составе населения с 1787 по 1817 г. повысился с 17,1 % до 24 %)⁹. Городское население в Бранденбурге в 1804 г. составляло 39,3 % (в Курмарке — 43,3 %, в Ноймарке — 26,8 %)¹⁰, в Померании на рубеже XVIII—XIX вв. — 18 %¹¹ (число жителей в Штеттине (Щецине) с 1760 г. по 1800 г. почти удвоилось¹²), в великопольских землях в 1810 г. — 25,2 %¹³. Значительная часть горожан занималась земледелием.

С ростом населения расширялось и углублялось общественное разделение труда. Хотя цеховое ремесло препятствовало развитию промышленности, мануфактурное производство приобретало все большие масштабы и новые черты. Увеличивалось число ремесленников, расширялась простая производственная кооперация, создавались рассеянные и централизованные мануфактуры. В Берлине в 1782 г. было около 65 текстильных мануфактур. В конце века здесь насчитывалось почти 35 тыс. наемных работников¹⁴. Одной из наиболее развитых в промышленном отношении провинций являлась Силезия. В Бреславле (Вроцлаве) в 1792 г. проживало 6733 ремесленника (мастерá, подмастерья и ученики), на мануфактурах было занято 2500 человек¹⁵. В Верхней Силезии с большими залежами каменного угля, железной и цинковой руд относительно быстро развивалась горнорудная промышленность. В конце века с применением паровых машин в этой отрасли начался промышленный переворот.

В 1804 г. три домны работали на коксе, 46 — на древесном угле, в 1806 г. числилось 35 угольных шахт, в 1808 г. — 2 цинковых завода¹⁶. Важное значение имели сукноделие, льняное и хлопчатобумажное производство.

В Померании в 1777 г. было 2246 текстильных мастерских (в том числе 59 мануфактур, производивших сукно, ткани и другие изделия), в 1793 г. — 2480 (к 1802 г. количество мастерских сократилось до 2345). В Штеттине находились крупные табачные мануфактуры (в 1797 г. одна с 246, другая — с 75 работниками). В 1782 г. было построено 99 судов, в том числе в Штеттине — 45. С судостроением была связана мануфактура по производству железных скоб и якорей (1802 г. — 20 работников)¹⁷.

На Мазурах и в польской Вармини в 1802 г. в 12 городах насчитывалось около 200 мастерских по производству сукна (в них было занято около 400 работников), 100 кожевников, работали мануфактуры по выработке железа (1), стекла (3), бумаги (6) и др.¹⁸. В великопольских землях в связи с установлением высоких вывозных пошлин наступил застой и упадок ткачества, прекратили работу многие мануфактуры¹⁹.

Значительная часть продукции вывозилась за пределы страны. В частности, из Померании в западные страны экспорттировались суда, древесина, зерно и другие товары²⁰.

С увеличением населения, развитием промышленности и расширением связей с внешним рынком возрастал спрос на продукты сельского хозяйства. Об этом прежде всего свидетельствовал рост цен на продукты земледелия. В Бранденбурге с 1766 по 1805 г. цена 1 шеф. пшеницы повысилась на 46 %, ржи — на 41 %, ячменя — на 62 %, овса — на 54 %, гороха — на 35 %²¹. Средняя мартиновская цена пшеницы, ржи, ячменя и овса в Бреславле в 1791—1800 гг. по сравнению с 1775—1780 гг. возросла соответственно на 22, 36, 28 и 30 %²². Значительно увеличилась и ценность земельных владений в Силезии²³.

Широкое развитие получило торговое земледелие, постепенно складывались капиталистические отношения в деревне. Показателем этого, наряду с прочим, были частая продажа помещичьих имений, весьма распространенная аренда земли, развитая ипотечная система, замена отработочной ренты денежной.

В Курмарке с 1800 до 1805 г. продавалось каждое 6 дворянское имение²⁴. При этом многие рыцарские владения переходили к мещанам, преимущественно бывшим арендаторам этих имений. В конце века в Курмарке во владении таких лиц находилось около 11 %, в Ноймарке — около 20 % всех рыцарских владений²⁵. Военный и доменный советник фон Клебер в 1788 г. отмечал, что в Силезии торговали имениями, почти как лошадьми. Имение Фаульёппе (округ Любен — Любин, Силезия) с 1784 по 1806 г. переходило из одних рук в другие восемь, а имение Альтенвалл (Коморно, округ Козел — Козыле) в течение 1777—1803 гг. — десять раз²⁶.

Домены с принадлежностями обычно сдавались в аренду (в Восточной Пруссии на 6 лет) с 1732 г. только мещанам, как более надежным лицам. По истечении срока аренда возобновлялась²⁷.

Рыцарские имения свыше 300 м., сданные в аренду, в 1816 г. составляли около 37 % всех таких владений²⁸. В Бранденбурге ежегодная арендная плата в среднем колебалась от 9 до 12 тыс. тал., в отдельных случаях составляла 15, 20, 40 тыс. тал. при 3—5 тыс. тал. залога²⁹. По данным Л. Круга, в начале XIX в. приблизительно половина всех частных феодальных владений Пруссии находилась в аренде³⁰. Кое-где помещики сдавали свои имения в аренду крестьянам (арендная плата в год составляла 750, 1000, 1100, 2000 при 1800 залога, 2344 тал.³¹).

Одни помещичьи имения в большей, другие — в меньшей мере были обременены ипотечными долгами. В отдельных округах Силезии в начале XIX в. такие долги составляли от 43 до 84,8 % ценности имений³². Задолженность крестьянских хозяйств в этих округах колебалась от 11,8 (Плесс) до 57,8 % (Ратибор — Рацибуж) их ценности³³. В 1805 г. ипотечные долги помещиков определялись в одной из частей Померании в размере 25,9 %, в Верхней Силезии — 58,5 %, в Восточной Пруссии — 65,3 %, Ноймарке — 71,7 %, Западной Пруссии — 72,5 % стоимости их имений, а долги крестьян в части Померании — 36,9 %, в Верхней

Силезии — 39 %, Восточной Пруссии — 41 %, Ноймарке — 49,2 % ценности их хозяйств³⁴.

Аренда и ипотечная система с развитием капиталистических отношений означали отделение земли как условия производства от земельной собственности и земельного собственника и являлись предпосылкой обобществления сельского хозяйства³⁵.

Все более широкое распространение получала денежная рента, связанная с процессом отделения земли от землевладения. С переходом к денежной ренте возрастал удельный вес наемного труда в помещичьем хозяйстве. В Курмарке число вольнонаемной и зависимой челяди (мужчин, женщин и подростков) с 1770 по 1800 г. увеличилось на 22 %³⁶.

В 80-х годах XVIII в. в Восточной Пруссии уже многие помещичьи хозяйства располагали собственным инвентарем. В 22 % хозяйств работы выполнялись наемными работниками, а в 42 % — наряду с барщиной применялся и наемный труд. По другим данным из 619 хозяйств 342 (55 %) пользовались собственным инвентарем и наемными работниками, а в 197 хозяйствах (32 %) частично использовался наемный труд. В округах Бреславль и Лигниц-Легница (Силезия) каждое помещичье хозяйство имело собственный инвентарь и широко применяло наемный труд³⁷. В великопольских землях в 1810 г. наемные работники составляли 65,9 % всех работников, занятых в помещичьих хозяйствах³⁸. С применением наемного труда изменился характер сельскохозяйственного производства.

Если помещичье хозяйство в основном имело товарный характер, то и связи крестьянского хозяйства с рынком все более расширялись и углублялись. Крестьянин нуждался в деньгах для уплаты податей, чинша, покупки необходимых ему предметов и изделий. Так жителям д. Альт-Шенеберг в домене Мюленгоф, в которой находились 22 барщинных лассита (15 крестьян и 7 коссетов), кузнец и корчмарь, в 1775 г. требовалось только для уплаты гуфеншосс и гибельшосс и кредитному товариществу (*Landschaftsgeld*) 435 тал.³⁹ Эти деньги они могли получить посредством продажи продуктов своего хозяйства и от части заработка на стороне. В тех деревнях, где барщина была заменена чиншем, наряду с податями уплачивался и чинш преимущественно деньгами. Одни крестьяне продавали излишки продукции своего хозяйства, другие были вынуждены, ограничивая собственное потребление, продавать часть своих продуктов. В 70-х годах коссеты и халупники в имениях Гусов и Платков (Барним) арендовали земли и ежегодно продавали продуктов на сумму 4 тыс. тал.⁴⁰ Малоземельные и безземельные крестьяне приобретали продукты питания для себя. Крестьяне арендовали земли соседей, нередко и доминиальные земли, а иногда и покупали их (в частности, имение Абендорф в Пригнице)⁴¹.

Растущий спрос на продукты земледелия и развитие товарно-денежных и капиталистических отношений предопределили значительные изменения в сельском хозяйстве. Расширялась площадь

используемых и обрабатываемых земель. В Бранденбурге до 1776 г. было мелиорировано 930 700 м., с 1776 по 1786 г. — 203 260 м., в последующие годы — 176 852 м. земли. Часть этих земель превращалась в пахотные, другая часть — в луговые⁴². Осушка болот и регулирование рек проводились и в Померании⁴³. Площадь возделываемых земель в Верхней и Средней Силезии с 1743 по 1809 г. увеличилась на 7 %, в Нижней Силезии — на 22,6 %⁴⁴.

Наряду с этим осуществлялись сепарация и комасация земель, упразднялась чересполосица, что создавало лучшие условия для ведения хозяйства. В Уккермарке, по свидетельству современника, к 1786 г. были сепарированы все имения. К концу века была упразднена чересполосица в большинстве имений и доменов Бранденбурга и в основном завершена сепарация и комасация доминиальных земель в Померании. Проводилась комасация земли и в некоторых крестьянских хозяйствах⁴⁵. При отмене баршины в доменах Померании к маю 1804 г. угодья общего пользования были разделены в 62 случаях, в Ноймарке к марта 1805 г. — в 15, в графстве Швейц — в 9 случаях⁴⁶.

Увеличивались посевы традиционных сельскохозяйственных культур. Посев зерна (в шеф.) в Силезии с 1743 по 1809 г. помещичьих хозяйствах вырос на 11,4 %, в 53 имениях округа Бойтен (Бытом) по 1799 г. — на 43 %, в отдельных имениях в два и более раза⁴⁷. В Курмарке с 1778 по 1805 г. посевы пшеницы возросли на 40,6 %, ржи — на 17,2 %, ячменя — на 1,4 % овса — на 37,4 %, в Ноймарке с 1784 по 1804 г. соответственно на 64,7 %; на 4,4 %; 80,9 %; 38,1 %⁴⁸. Посевы стручковых растений (гороха, вики и других культур) в Курмарке с 1778 по 1794 г. увеличились на 18 %; с 1800 г. в связи с расширением посадки картофеля они несколько сократились⁴⁹.

Особенно быстро развивалось картофелеводство. В Курмарке посадка картофеля с 1765 по 1805 г. увеличилась более чем в 15 раз (с 1800 по 1805 г. — на 20 %), в Ноймарке с 1798 по 1804 г. — почти на 31 %⁵⁰. С 1771 г. постоянно расширялись посевы картофеля в Померании⁵¹, картофель становился основным продуктом питания беднейшего населения.

Значительной была продукция хмеля в Альтмарке, в 1800 г. на нее приходилось 78 % собранного хмеля в Курмарке, с расширением посевов картофеля и табака хмелеводство шло на убыль⁵².

Площадь земли под табаком в Курмарке с 1790 по 1800 г. возросла с 7 до 10 тыс. м., а продукция табака — с 23 до 53 тыс. центнеров. Выращивали табак, хотя и в меньшем количестве, в Ноймарке, Померании (около Штеттина и в других местах)⁵³.

Все большее значение приобретало травосеяние. Важнейшей культурой был клевер, на втором месте находился эспарцет, на третьем — люцерна. В Курмарке в 1791—1805 гг. высевалось 88—122 тыс. фунтов клевера на площади свыше 20 тыс. м. Менее был распространен клевер в Ноймарке (в 1797 г. — около 3 тыс. м.), в некоторых местностях Бранденбурга отдавалось предпочтение

люцерне и эспарцулу⁵⁴. К концу века заметно расширились посевы клевера в Померании (в 1798 г. — 1050 га), выращивали здесь и люпин⁵⁵. Увеличивались сборы свеклы, капусты, брюквы, моркови и других овощей⁵⁶.

С расширением посевов картофеля, клевера и других культур происходили изменения в системах полеводства. В Бранденбурге при однопольной системе хозяйства, преобладавшей в низменностях Эльбы, Гавела, Бобер, Нотеци, Варты и частично Одера, на влажных и тяжелых почвах, когда вся пахотная земля использовалась для посева озимых и яровых, вводились новые культуры, а вместе с тем и изменялся севооборот. Подобные нововведения имели место и при двухпольной системе хозяйства, существовавшей преимущественно в местностях с плохими песчаными почвами, при которой половина пахотной земли засевалась озимыми, а вторая — была паровым полем или чаще одно поле было под озимыми, другое — под яровыми. При наиболее распространенной трехпольной системе хозяйства даже в условиях чересполосицы и обязательного севооборота сокращалось паровое поле, на значительной или большей его части сеялись пропашные и другие культуры. При этом земли, расположенные вне системы полеводства, обычно худшего качества, засевались рожью или ячменем один раз в 6, 9, 12 лет, а в промежутках использовались как пастбища.

Улучшенная трехпольная система часто являлась переходной ступенью к четырехпольной. В местностях, прилегающих к Одеру, применялась четырехпольная система с различным севооборотом. В частности, земля делилась на четыре участка, которые попарно использовались для посева зерновых, посадки картофеля, в качестве луга и пастбища (засеянного клевером).

В 1767 г. в Бранденбурге было впервые введено, а затем получило распространение так называемое английское хозяйство, своеобразная четырехпольная система с таким преимущественно севооборотом: турнепс (свекла), ячмень, клевер и стручковые растения, рожь и пшеница. В некоторых доменах Курмаркта эта система применялась до начала XIX в.

С введением четырехпольной системы и ее дальнейшим совершенствованием, а также в местностях, где она оказывалась неподходящей, происходил переход к многопольной системе (Koppelwirtschaft), обеспечивавшей посредством лучшего севооборота большие сборы зерна и трав. В имении Мезеберг (округ Руппин) многопольная система существовала уже в середине XVIII в. В 1764 г. она успешно применялась в некоторых имениях Уккермарка, а в последующие годы во многих местностях и преимущественно в крупных хозяйствах. По количеству полей имелись существенные различия: преобладала семи-, десятипольная система. Обычно при восьмиполье было такое распределение полей: 1) картофель, 2) овес, 3) горох с клевером, 4) пастбище, 5) пастбище, 6) пар, 7) рожь, 8) овес. В некоторых хозяйствах на лугах сеяли новые сорта трав: райграс, тимофеевку и др. Такая многопольная система, сочетая плодосмен с луговодством, не была еще

в полном смысле плодосменной. Пропашные культуры сеялись после зерновых, но часто два или три посева зерновых следовали друг за другом. Сохранялось, хотя и в меньшем размере, паровое поле, но и в таком виде многопольная система, применявшаяся и на плохих почвах, обеспечивала значительный прирост продуктов земледелия⁵⁷.

Подобные изменения происходили и в полеводстве Силезии и Померании. Здесь наряду с многопольной часто применялась четырех- и шестипольная система⁵⁸.

В конце XVIII — начале XIX в. в некоторых хозяйствах была введена плодосменная система, при которой упразднялось паровое поле и обычно производился посев одной за другой не более двух зерновых культур. Севооборот был примерно таким: 1) пропашные культуры (с полным унавоживанием почвы), 2) ячмень с клевером, 3) клевер, 4) озимые, 5) бобовые и горох (унавоживалось все поле или половина его, в последнем случае вторая половина засевалась викой), 6) яровые и озимые, 7) вика (на зеленый корм), 8) озимые, 9) овес. Радикально преобразуя земледелие, плодосменная система предполагала ликвидацию феодальных производственных отношений⁵⁹.

Система полеводства, обеспечивающая получение большего количества кормов, создавала условия для увеличения поголовья скота. В Силезии поголовье скота с 1770 по 1805 г. возросло: лошадей — на 12 %, волов — на 11 %, коров — на 19 %, свиней — на 28 %, овец — на 17 %⁶⁰, количество лошадей в Курмарке с 1779 г. по 1803 г. увеличилось на 21,8 %, в Ноймарке с 1748 по 1801 г. — на 28 %⁶¹, рогатого скота в Курмарке с 1756 по 1800 г. — на 44 %, в Ноймарке с 1765 по 1801 г. — на 62 %⁶², в Восточной Пруссии с 1776 по 1802 г. — на 17 %⁶³, в Померании с 1791 по 1804 г. — на 23 %, овец — на 21 %⁶⁴.

Большие масштабы во многих имениях приобрело овцеводство, оно являлось одной из важных статей дохода помещиков и арендаторов. Право владельца имения пасти своих овец на крестьянских землях препятствовало преобразованию системы земледелия. В некоторых местах это право на определенных условиях упразднялось. С развитием скотоводства заготавливалось больше навоза, а вместе с тем росло унавоживание почвы и повышалось ее плодородие.

Совершенствовались орудия обработки земли и их использование. В Бранденбурге широко применялся деревянный колесный плуг с железным лемехом (Каггенплуг), на границе с Мекленбургом и на юге провинции пользовались сохой. Бороны снабжались деревянными или железными зубцами. Постепенно происходила замена старого плуга новым (Schwingpfleg) и старой бороны новой, сделанных по английскому образцу, которые были более простыми, прочными и лучше приспособленными для обработки земли. В некоторых хозяйствах применялись плуги, предназначенные для глубокой вспашки, окучники, культиваторы, экстерпаторы, сеялки (пока примитивного устройства), конные грабли и другие

более совершенные сельскохозяйственные орудия. Больше внимания уделялось качеству обработки земли, унавоживанию почвы; использовались для улучшения почвы торф, мергель, известь, гипс⁶⁵.

С улучшением земледелия увеличивались сборы зерновых, картофеля, трав и других культур. В конце XVIII в. в Бранденбурге урожайность зерновых сам-4 (около 8 центнеров с га) считалась обычной. Ее низшей границей на плохих почвах были сам-3, нередко сам-2. По данным 1800 г. в Курмарке в среднем урожай пшеницы в хорошем году составлял сам-6, в среднем — сам-5, в худшем — сам-4; ржи — соответственно 5, 4, 3, ячменя — 6, 4, 3; овса — 5, 4, 3; картофеля — 8, 6, 4. В некоторых хозяйствах урожай был большим⁶⁶. Урожайность в Померании колебалась в пределах сам-2, 5 — сам-3, 5, в Варминии — сам-2—3, в отдельных местностях Западной Пруссии на лучших землях составляла 7 зерен пшеницы, 6 — ржи и 8 ячменя на каждое посевное зерно⁶⁷.

Происходившие в сельском хозяйстве перемены, разумеется, были ограниченными и неодинаковыми. Местные условия определяли их своеобразие, сферу, форму и глубину. Различными были и результаты нововведений. Наибольшее распространение новые способы земледелия получили в Курмарке, в значительных масштабах они применялись в некоторых местностях Ноймарки, Нижней Силезии и других провинций. Вместе с тем сохранялись старые системы земледелия, имели место и явления регрессивного характера.

Дворянские и буржуазные экономисты и историки утверждали, что носителями прогресса в сельском хозяйстве являлись помещики (дворяне)⁶⁸ и арендаторы доменов. Это утверждение, когда речь идет о помещиках, как убедительно показал Г. Г. Мюллер применительно к Бранденбургу, не соответствовало истине. В действительности только немногие помещики сами вели хозяйство и лишь некоторые из них, преимущественно выходцы из мещан и причастные к мануфактурному производству, используя труд зависимых и лично свободных работников, совершенствовали систему земледелия. Большинство же помещиков сдавало свои имения в аренду на относительно короткий срок, рассчитывая по его истечении на увеличение арендной платы. Арендатор обычно стремился, не делая каких-либо затрат на улучшение хозяйства, получить больше дохода, и если вводил некоторые усовершенствования, то старался использовать их без остатка. В результате существенных изменений в земледелии не происходило, а нередко хозяйство оказывалось в худшем состоянии, чем оно было до сдачи в аренду. При долгосрочной аренде (12—18 лет) производились более значительные преобразования в хозяйстве⁶⁹.

Большее распространение агротехнические нововведения получили в доменах. Здесь они были более последовательными, взаимосвязанными и эффективными. Это объяснялось тем, что арендаторы доменов, принадлежавшие к сословию мещан, являлись предпринимателями, заинтересованными в ведении торгового и капиталистического земледелия в хозяйствах, находившихся в их

пользовании в течение многих лет, и получавшими помочь от казны⁷⁰. В доменах и помещичьих имениях, выделявшихся более развитым земледелием, основная или значительная часть работ выполнялась собственным инвентарем и с привлечением наемных работников⁷¹.

Производились некоторые улучшения и в части крестьянских хозяйств, преимущественно крупных и менее обремененных феодальными повинностями. Проводилась комасация земель, расширялось пахотное поле, улучшалась обработка почвы, вводились новые сельскохозяйственные культуры, изменялась система земледелия, увеличивались поголовье скота, сборы зерновых, картофеля, трав и т. д. В местностях, прилегающих к Одеру, часто применялась четырехпольная система (зерновые, луг, картофель, пастбище с посевом клевера). В доменах крестьянин обязан был посеять по меньшей мере половину шеффеля, а коссет и огородник — по 4 мече картофеля. После сильного неурожая 1770/71 г. посевы картофеля в крестьянских хозяйствах все более расширялись. Развивалось свекловодство⁷². Средние (за некоторым исключением) и мелкие крестьяне, придавленные барщиной, обычно не располагали возможностями для улучшения своего хозяйства, многие из таких хозяйств находились в упадке.

С развитием торгового и капиталистического земледелия происходило обезземеливание крестьян (Bauernplegen). Помещики, стремясь расширить свое хозяйство, присоединяли к нему крестьянские земли. При замене земельных угодий крестьянам доставались обычно худшие.

Земля, находившаяся в пользовании крестьян, включалась в податной кадастровый реестр. Правительство по соображениям экономического и военного характера («Ему нужны были солдаты для армии и платильщики налогов для казначейства»⁷³) пыталось сохранить числившиеся в кадастре крестьянские хозяйства. С уменьшением их числа возрастали повинности крестьян в пользу помещика и общины. Это сказывалось на уплате ими податей и обостряло отношения в деревне. Часть обезземеленных крестьян покидала страну. Это, с точки зрения властей, было нежелательным явлением. Солдаты из крестьян-хозяев считались более надежными, а крестьянские дворы — более удобными, чем помещичьи усадьбы для расквартирования войск⁷⁴. Поэтому правительство стремилось ограничить присоединение крестьянской земли к помещичьим хозяйствам. Его меры в этом отношении получили наименование «охраны крестьянства»*.

* Впервые ограничения в распоряжении крестьянской землей были установлены эдиктами от 22 ноября 1709 г. и от 29 июня 1714 г. Однако после их издания почти все осталось по-прежнему. В циркуляре от 14 марта 1739 г. предписывалось, что ни один владелец имения «не посмеет согнать крестьянина с двора без уважительной причины и без немедленного замещения прогнанного другим». Это распоряжение вызвало протест со стороны помещиков Восточной Пруссии. Впрочем, им разрешалось не замещать опустевшие хозяйства, если не было подходящего лица.

4 января 1748 г. последовало распоряжение о замещении опустевших крестьянских дворов и о разделе хозяйств в целях наделения землей возвращавшихся из армии сыновей крестьян. По сообщению помещиков из Передней Померании и Померанской камеры, опустевшие хозяйства были частично переданы другим крестьянам и частично присоединены к фольваркам; поэтому их восстановление считалось невозможным. Крупных хозяйств было мало, и деление их на мелкие представлялось весьма затруднительным.

Постановлением от 14 июля 1749 г., подтверждавшим прежние предписания, в Силезии запрещалось присоединение крестьянской земли к фольваркам. При этом выражалась надежда, что опустевшие и включенные в фольварки хозяйства будут восстановлены. 12 августа 1749 г. было издано подобное постановление, относившееся к другим провинциям Пруссии⁷⁵.

Эти постановления, имевшие главным образом формальный характер, стали исходной посылкой для правового разграничения крестьянских и доминиальных земель. Предусматривалась неприкосновенность крестьянского сословного землепользования, она не касалась частно-правовых отношений, не обеспечивала право крестьянина на его землю; для властей было безразлично, кто из крестьян и на каком основании пользуется землей.

На первых порах упомянутые эдикты оставались почти без применения. После Семилетней войны правительство (эдикт от 12 июля 1764 г.) в общем санкционировало захваты крестьянской земли, произведенные помещиками до 1756 г., и пыталось сохранить крестьянское землепользование в размере, существовавшем в 1756 г. В Силезии (постановление от 5 июля 1764 г.) часть земель, включенных в поместья хозяйства, была возвращена крестьянам, у части крестьян были изъяты земли сверх определенного надела и переданы другим⁷⁶. Об эдикте от 12 августа 1749 г. в Восточной Пруссии вспомнили только в 1806 г., его предписание здесь приобретало силу с 1772 г.; крестьянские земли, присоединенные к фольваркам до 1772 г., сохранялись за помещиками. Действие этого эдикта в 1789 г. было распространено на Западную Пруссию⁷⁷.

Общее земское право запрещало изъятие и соединение крестьянских земель. Владелец имения был обязан опустевшее крестьянское хозяйство передать другому лицу, он не мог без согласия властей превратить хозяйство с рабочим скотом в хозяйство без упряжки⁷⁸. В польских землях, захваченных Пруссией при втором и третьем разделах Речи Посполитой, устанавливалось, что крестьянина можно было удалить с хозяйства только по судебному решению в определенных случаях, запрещалось деление крестьянских хозяйств и присоединение их к фольварку⁷⁹.

Установленные ограничения в распоряжении крестьянской землей в определенной мере сдерживали обезземеливание крестьян. Не оставалось без последствий и сопротивление крестьян захвату их земли. Но владельцы имений мало считались с прави-

тельственными предписаниями. Ф. Энгельс отмечал, что «они так и оставались на бумаге; дворянство обращало на них мало внимания, и сгон крестьян с земли продолжался»⁸⁰.

В доменах Померании было создано значительное количество новых фольварков из крестьянской земли⁸¹. С 1618 по 1806 г. в восточной и средней части Померании крестьяне утратили 17 % своей земли, а площадь доминиальных земель увеличилась на 22 %⁸². Сокращалось крестьянское землепользование при сепарации угодий и отмене сервитутов. Так, в имении Вустрау (округ Руппин) при сепарации земель в 1771 г. крестьяне получили «меньше земли в целом, больше неудобной и нисколько ржаной (т. е. под рожь. — И. К.)»; за отмену пастьбы овец на их землях они передавали помещику около 450 м. земли⁸³.

С обезземеливанием крестьян упразднялось их прикрепление к земле. Безземельный крестьянин так или иначе освобождался от крепостничества. Вместе с тем обезземеливание крестьян изменило соотношение доминиальной и крестьянской земель, свойственное барщинной системе хозяйства. Такое изменение было следствием замены барщинного труда вольнонаемным или требовало перехода к вольнонаемному труду. Нередко барщинные повинности обезземеленных крестьян в той или иной мере перекладывались на остальных хозяев, что не всегда обеспечивало потребности помещичьего хозяйства в рабочей силе. В результате происходила деформация крепостной барщинной системы. С отменой крепостничества в 1807 г. частично, а с 1816 г. полностью упразднялась неприкосновенность крестьянского землепользования.

По мере развития земледелия все более очевидным становилось несоответствие существующих феодальных порядков новым приемам ведения хозяйства. Если некоторые улучшения оказывались возможными в условиях поместно-барщинной системы хозяйства, то другие и более существенные преобразования требовали ее модификации и даже ликвидации.

Крестьяне добивались отмены крепостничества, сковывавшего их по рукам и ногам. Они обычно отбывали барщину кое-как, при этом нередко наносили прямой ущерб помещичьему хозяйству. Это была наиболее общая и довольно эффективная форма их борьбы против баршины. В 1761 г. камералист И. Х. Г. фон Юсти отмечал: «... эти барщинные повинности приносят очень мало пользы государственным доменам и рыцарским имениям. Крестьянин, который всегда выполняет эту работу с неудовольствием и огорчением, работает так мало, как возможно, и только не утруждая себя и поверхности: если крестьянин не стоит под палкой арендатора или управляющего... то приносит барщина, если рассматривать дело в целом и взаимосвязи, больше вреда, чем выгоды камере и рыцарским имениям»⁸⁴. Учитель И. Г. Шуммель в 1792 г. констатировал: «Нельзя оспаривать, что десять барщинных крестьян, оставленных без надзора, сделают немного более, чем сумеет сделать без особого усилия один человек». «В Верхней Силезии, — по его сообщению, — среди крестьян ходила поговорка, что

тот крестьянин, который доработался бы до смерти на барщине, не достоин быть похороненным на кладбище»⁸⁵.

По мнению А. Тэра, производительность труда трех барщинных крестьян соответствовала работе двух свободных лиц⁸⁶. О работе верхнесилезского огородника-молотильщика в записке графа Генкель фон Доннерсмарка говорилось: «Он приходит обычно с одним человеком во двор три, часто только два дня в неделю, он должен являться на работу в 8 часов утра, но часто его еще нет и в 10 часов, он ленивый, небрежный, неисполнительный; чтобы лишь кое-что сделать, необходимо их очень много, и при этом бесконечно страдает хозяйство»⁸⁷.

Крестьяне всячески стремились избавиться от барщины, решительно выступали против ее увеличения. В Померании они, жалуясь, на обременительность барщины, требовали ее уменьшения или отмены, прекращали выполнять барщинные повинности, бежали в другие места и за границу. В 1752 г. колонисты в деревнях Рёрхен (Рурка) и Язениц (Ясеница) отказывались работать в помещичьем хозяйстве и давать подводы; в 1754 г. началось волнение колонистов в д. Эйхельсхаген (Тшебуж) под Пирицем (Пыжице), которое продолжалось несколько лет⁸⁸; крестьяне четырех деревень в Нецебрух (Ленги Нотецке) в Бранденбурге в 1765 г. добивались отмены барщины; десять крестьян из амта Цоссен писали камере, что они несчастны и от всей души желают освободиться от барщины⁸⁹. В 1765 г. имело место выступление крестьян в Олдришовицах (Верхняя Силезия), которые с оружием в руках оказали сопротивление направленному против них воинскому отряду. Вскоре произошли волнения крестьян в округах Рыбник, Ратибор, Плесс, Бойтен, Тост-Глейвиц (Тошек-Гливице). Крестьяне нападали на помещичьи дворы, наносили им ущерб. Выступление крестьян было подавлено. Произошли волнения крестьян в округах Нимпч (Немча), Олау (Олава), Швейдниц, Глац (Клодзко)⁹⁰.

В 1771 г. отмечалось, что в Бранденбурге «с некоторых пор обнаружились сильная строптивость подданных в отношении своего начальства и в особенности вовсе необузданная дерзость крестьянских батраков при выполнении дворовой работы». Деревни амта Бадинген в Уккермарке «были охвачены широкой волной сопротивления». Арендатор домена Круземарк в 1777 г. констатировал, что «усилившееся стремление подданных освободиться от барщины» не ослабевало⁹¹.

Выступления крестьян в Силезии нередко приобретали острый характер. В 1779 г. произошло волнение крестьян в имении Диршель (Дзержислав) в округе Леобщюц; в 1780 г. крестьяне 60 деревень в округе Нойштадт (Прудник) вели судебные процессы с помещиками в связи с непосильной для них барщиной; жители нескольких деревень в округах Лёвенберг-Бунцлау (Льувек-Болеславице) и Гольдберг-Гайну (Злотория) отказывались отывать барщинные повинности. Большинство общин в округе Грюнберг (Зелена Гура) и 34 деревни в округе Фрейштадт (Кожу-

хув) оказывали неповиновение владельцам имений. В некоторых местах в округах Плесс, Волау (Волув), Глогау, Ноймарк (Срода), Крайцбург прекращалось выполнение барщины. В 1782 г. отказывались работать в фольварке крестьяне трех деревень в округе Нойштадт. Власти сурово расправлялись с неповинующимися крестьянами, но подавить их сопротивление не могли⁹².

Выступления крестьян против феодального гнета происходили и в последующие годы: в 1785 г. в области Вальденбург и округе Гиршберг, в 1786 г. в округах Лёвенберг и Намслау, в 1787 г. — в графстве Глац, в 1788 г. — в округе Оппельн (Ополе), в 1789 г. — в округе Нейссе (Ныско) и в 1790 г. — в округе Ноймаркт⁹³.

Сильное влияние на крестьян оказали французская революция и события 1791 г. в Польше. Крестьянские волнения, начавшиеся в 1792 г. в округе Лёвенберг-Бунцлау, в 1793 г. охватили многие округа Силезии; в Нижней Силезии в 1793 г. вспыхнуло восстание ткачей, связанное с антифеодальным движением крестьян, и произошло выступление цеховых подмастерьев в Бреславле. Активные участники движения подверглись наказанию шпицрутенами и тюремному заключению⁹⁴. В связи с восстанием 1794 г. в Польше и обнародованием Общего земского права состоялись антифеодальные выступления крестьян в ряде округов Силезии⁹⁵.

В кабинетном распоряжении от 17 июня 1798 г. отмечалось, что король во время своего пребывания в Кенигсберге получил от крестьян частных имений и доменов «невероятно большое количество жалоб» на их тяжелое положение. Министр Л. Шреттер 17 июля того же года сообщал королю о недовольстве крестьян литовских амтов увеличением барщины. По его мнению, барщину необходимо было постепенно отменить, ибо все время, пока баршина существует, она служит непременной отправной точкой к «анархистским» нарушениям общественного порядка. Осенью 1798 г. в Восточной Пруссии распространился слух, что вскоре будет упразднена баршина и крестьяне приобретут права кельмеров. Волнение крестьян в Малашеве (Мальгёффен) в округе Ортельсбург (Щитно) было подавлено вооруженной силой. Восточно-прусская камера выражала беспокойство, что с наступлением весны крестьяне прекратят выполнять барщину. 11 января 1799 г. было издано «Предостережение», в котором опровергался этот слух, содержалось предупреждение, что за отказ от выполнения барщины крестьяне будут удалены из своих дворов, и говорилось о намерении правительства принять меры для облегчения их положения⁹⁶.

Советник бреславльской камеры Пасхали в 1798 г. отмечал: «Отношения между силезскими помещиками и их подданными находятся в таком напряженном состоянии, в каком более оставаться не могут... считаю, что положение силезского помещика теперь таково, что он должен кое-чем пожертвовать, чтобы осталось сохранить»⁹⁷. По сообщению канцлера Гольдбека (письмо от 23 апреля 1799 г.) такое мнение выражали «многие весьма

В 1798 г. оказывали неповиновение помещикам и властям крестьяне в округе Гиршберг, в 1799 г. — в округе Тост-Бойтен, в 1800—1805 гг. в округах Франкенштайн (Зомбковице), Бреславль, Ноймаркт, Элс (Олесница), Милнич, Плесс, Розенберг (Олесно), Крайцбург, Гросс-Вартенберг (Сычув), Глогау, Штригау, Заган (Жагань), Нойштадт, Гиршберг⁹⁹. Крестьяне деревень Грамшаф, Клюково, Тарново и Гостеёво в домене Рогозыно (округ Познанской камеры) в 1800 г. отказывались выполнять шарварковые повинности¹⁰⁰. 28 сентября 1803 г. военный и доменный советник Бальтазар отмечал: «Во многих местностях Курмарка со стороны подданных довольно ярко обнаружилось желание освободиться от барщины»¹⁰¹.

В результате всего этого происходила деформация и постепенная ликвидация крепостного состояния и барщинных повинностей. В Силезии с 1759 г. запрещалась продажа крепостных без земли, но некоторые помещики с этим не считались¹⁰². В 1763 г. было издано распоряжение об отмене тяжелого крепостничества в Померании. Это предписание, включенное затем в Положение о крестьянах в герцогстве Померания от 30 декабря 1764 г., толковалось таким образом, что отныне владелец имения не имел права без достаточной причины отобрать у крестьянина хозяйство, а крестьянин мог распоряжаться приобретенным имуществом по своему усмотрению¹⁰³. После этого предписания в положении крестьян не произошло существенных перемен, но произвол помещиков был частично ограничен. В доменах Западной Пруссии с 1772 г. упразднялось суворое крепостничество, запрещалась продажа крепостного без хозяйства, определялись случаи, когда помещик обязан был освободить крестьянина от крепостничества, отменялись некоторые ограничения для вступления в брак и т. д.¹⁰⁴. Общее земское право объявляло тяжелое крепостничество (*Leibeigenschaft*) в смысле личного рабства (холопства) не существующим в стране¹⁰⁵. Ограничивалось или вовсе упразднялось умеренное крепостничество. В 1763 г. последовало распоряжение, запрещавшее арендаторам доменов в Восточной Пруссии требовать от крестьян выполнения дворовой службы (*Gesinde-Dienstzwang*). Положением о челяди (*Gesindeordnung*) от 15 марта 1767 г. устанавливалось, что нельзя было крестьянина вопреки его воле принуждать к отбыванию дворовой службы. В результате дворовая служба в одних местах прекратилась, в других — осталась в прежнем или измененном виде. Считалось, однако, что крестьяне в доменах Восточной Пруссии стали лично свободными. Постановлением 1773 г. дворовая служба здесь была восстановлена и введена в доменах Западной Пруссии, где ее до тех пор не было. Это постановление, по-видимому, не получило широкого применения в особенности после начала французской революции, оказавшей сильное влияние на положение в Пруссии. По сообщению министра Шреттера (12 июля 1798 г.) в доменах Восточной и Западной

Пруссии не существовало наследственного крепостничества (Er-bunterthänigkeit).

Из кабинетного распоряжения от 28 июля 1804 г. следовало, что поскольку постановление 1773 г. в доменах Западной Пруссии не применялось, то здесь сохраняется прежнее положение. В постановлении от 29 декабря 1804 г., относившемся к доменам Восточной Пруссии говорилось, что в них нет и не может допускаться прикрепление крестьян к земле. Крестьяне объявлялись свободными от крепостной зависимости и связанной с ней дворовой службы, уплаты выкупа (*Loskaufgebot*); они могли переселяться в частные имения. Вместе с тем прекращалась обязанность крестьян приобретать спиртные напитки только в королевских корчмах (взамен этого крестьяне обязаны были платить определенный сбор в казну), им разрешалось самим производить пиво¹⁰⁶.

Постепенно упразднялось крепостничество в доменах Померании, Ноймарка и Курмарка в связи с выкупом барщины. По предписанию 1799 г. в Померании крестьянин после выкупа своих повинностей становился лично свободным, однако не мог переселиться в частное имение, а его дети без согласия арендатора не могли обучаться ремеслу и вообще заниматься не земледелием. Подобное имело место в Ноймарке. По инструкции 1806 г. в Курмарке при выкупе барщины предусматривалось временное сохранение дворовой службы¹⁰⁷.

В связи с введением новой системы земледелия упразднялись крепостные отношения и в некоторых помещичьих имениях. В 1797 г. было отменено крепостничество (*Leibeigenschaft*) в имениях Гросс- и Клейн-Ритц, Биргольц, Расмансдорф, Драгендорф и Ритц-Нойendorf (округ Беесков). При сепарации доминиальных и крестьянских земель в имении Бредов (Остгавелланд) в 90-х годах XVIII в. крестьяне освобождались от барщины и приобретали свои хозяйства в собственность¹⁰⁸. В 1803—1804 гг. крестьяне деревень Мёллен (Мельно Пыжицке) и Лойст (Лозице в Померании) по контракту с помещиком получили личную свободу и ограниченную собственность на землю¹⁰⁹.

Ослабление и отмена крепостной зависимости крестьян сопровождались изменением их поземельных прав, с изменением же поземельных прав ограничивалось или упразднялось крепостничество. Оба эти процесса в определенной мере были взаимообусловлены, но имели неодинаковые последствия.

Некоторые крестьяне, пользовавшиеся землей на ласситском или подобном праве, с освобождением от крепостного состояния превращались во временных арендаторов своих хозяйств. В этом случае крестьянин терял принадлежавшее ему, хотя и весьма ограниченное, право на землю, а помещик становился полным собственником этой земли (в 1814 г. в помещичьих имениях Померании насчитывалось 8947 крестьянских хозяйств, из них около 1 тыс. были временными арендаторами)¹¹⁰. Но наряду с этим происходила и замена худших прав землепользования лучшими. В Верхней Силезии (постановление от 8 июля 1756 г. и циркуляры

от 5 мая и 13 июня 1763 г.) предусматривалось превращение ненаследственного крестьянского землепользования в наследственное за определенную плату. Большинство помещиков не соглашалось на это или требовало непомерную плату за передачу хозяйства в наследственное владение. Условия такой сделки были неприемлемы для многих крестьян, тем более что при этом они лишались обычного пособия со стороны помещика. Там, где состоялась передача хозяйств в наследственное пользование, помещики нередко с согласия крестьян или вопреки их воле восстанавливали прежнее положение. В результате соотношение ненаследственного и наследственного землепользования существенно не изменилось¹¹¹.

С учетом и фискальных соображений было предоставлено наследственное пользование землей крестьянам в доменах. Кабинетным распоряжением от 20 февраля 1777 г. устанавливалось, что отныне хозяйство крестьянина должно было переходить к его детям «в наследственное владение и собственность». Это предписание было конкретизировано в декларации от 25 марта 1790 г. Хотя при передаче хозяйства по наследству следовало считаться с пожеланием бывшего хозяина, выбор наследника зависел от управления доменом. Наследник получал хозяйство бесплатно, но был обязан возместить братьям и сестрам причитающуюся им долю имущества, содержать малолетних детей бывшего хозяина. Он не имел права обременять свое хозяйство долгами. Если после смерти крестьянина не оставались его дети, вдова, братья и сестры (другие родственники не считались наследниками), то хозяйство могло быть передано постороннему лицу¹¹². Действие этих постановлений распространялось и на домены в польских землях, перешедших к Пруссии после разделов Речи Посполитой¹¹³. В 1789 г. была запрещена замена наследственного права пользования землей на ненаследственное¹¹⁴.

Крестьянам в доменах разрешалось приобретать свои хозяйства в собственность, которая приравнивалась к наследственно-чиншевому владению или немногим отличалась от него. При этом казна освобождалась от пособий, возмещения потерь в живом и мертвом инвентаре, снабжения зерном для посева и пропитания, предоставления строевого леса безвозмездно или за небольшую плату.

В Померании (по кабинетному распоряжению от 16 июля 1799 г.) крестьянину предоставлялось хозяйство «в наследственное владение и собственность» (zum wahren Erb und Eigenthum) при условии выкупа барщины. После этого крестьянин мог обременять хозяйство долгами до $\frac{2}{3}$ его ценности, определять имущественную долю сонаследников, с разрешения управления доменом отчуждать хозяйство; при переходе хозяйства к другому лицу в определенных случаях уплачивалась лаудемия. Выбор наследника зависел от завещателей, при отсутствии завещания наследник определялся управляющим домена из числа взрослых детей бывшего хозяина. На таких или подобных условиях происходила

передача крестьянам их хозяйств в собственность в доменах Ноймарка и Курмарка, но до октября 1806 г. она не приобрела широкого распространения¹¹⁵.

Нередко помещики и владельцы городских и церковных имений предоставляли крестьянам наследственное право пользования землей или ограниченную собственность на нее. В 1785 г. наследственными владельцами своих хозяйств стали крестьяне имений города Штеттина и Камминского капитула (Камень Поморский). Большинство крестьян д. Шёнвальде (Мокре) округа Наугард (Новогард) в 1775 г. владели своими хозяйствами на правах собственности; такое же право приобрели крестьяне в имениях городов Трептов (Тшебятув) и Грайфенберг, д. Фрицов (Вжосово) и Рудавки округа Каммин около 1800 г., уступив половину своей земли¹¹⁶. В Бранденбурге в связи с выкупом барщины получили право собственности на землю крестьяне имений Фредерсдорф в Нидербарним (1772 г.), Бредов, Верниц и Маркее в Остгавелланде (1794 г.), Трампе в Обербарниме (1803 г.), Бацлов (Обербарним, 1804 г.), Каров и Бух (Нидербарним)¹¹⁷.

Происходила замена барщины денежным или зерновым сбором (чиншем), или барщинные повинности частично или полностью выкупались крестьянами. Отменялась барщина при раздроблении помещичьего хозяйства, передаче доминиальных земель в аренду крестьянам и нередко при продаже имений¹¹⁸. В Бранденбурге в 1764 г. освободились от барщины крестьяне д. Шлалах в амте Заармунд; в 1766 г. барщина была заменена чиншем в имениях Блюменфельде (Любич), Брейтенвербер (Плавин), Лихтенов (Лихень) и Гогенкарциг (Гардзко, округ Фридебург). В начале 70-х годов были очиншеваны 254 крестьянских хозяйства в 15 деревнях в Нецебрух; в 1772 г. прекратилась барщина в имении Фредерсдорф (Нидербарним), в 1774 г. ее уже не было в имениях Вульков и Кунерсдорф вблизи Франкфурта, в 1785 г. — в амте Пирене, в 1786 г. — в амте Зальцведель, в 1790 г. — в амте Гrimmниц, в 90-х годах взамен барщины платили чинш крестьяне некоторых имений в округе Беесков, имений Геттин и Кране (Цайхе), Лёме и Хорст (Пригниц). В 1785 г. была отменена барщина в имениях г. Штеттина и Камминского капитула¹¹⁹. В значительных размерах проводилось очиншевание крестьян в великопольских землях. При этом запрещалось превращение чиншевых хозяйств в барщинные. К концу века здесь было очиншевано около $\frac{1}{3}$ всех хозяйств¹²⁰.

В дополнение к эдикту от 11 марта 1787 г., относившемуся к Силезии и определявшему условия раздела доминиальных земель между крестьянами, 14 августа 1799 г. была издана декларация о замене упряжной барщины чиншем. Это вызвало беспокойство у помещиков, воспринявших распоряжение как обязательную замену упряженной барщины. Крестьяне же считали, что теперь им предоставлено право требовать замены барщины чиншем, и в некоторых местах, ссылаясь на декларацию, отказывались отбывать барщину. В связи с этим было дано разъяснение (циркуляр от

25 января 1800 г.), что декларация имеет только рекомендательное значение. Декларацией от 1 мая 1804 г. устанавливалось, что при раздроблении помещичьего хозяйства упряжная, а в отдельных случаях и пешая баршина должны были заменяться денежным чиншем¹²¹.

В Померании в связи с ходатайством одного помещика о разделе общих земельных угодий и отмене баршины посредством передачи ему части крестьянской земли предписанием от 21 июня 1801 г. разрешалось при согласии обеих сторон возмещать крестьянские повинности уступкой помещику части надела с условием, что оставшееся за крестьянином хозяйство будет обеспечивать выполнение лежащих на нем обязательств в отношении государства. Инструкция по этому вопросу не была, однако, обнародована, так как правительство опасалось, что она может создать впечатление, будто власти поощряют возмещение баршины землей (распоряжение от 11 марта 1806 г.)¹²².

В больших масштабах производилась замена баршины чиншем в доменах. Стремясь ослабить крестьянское движение, увеличить доходность хозяйств и уменьшить расходы казны, правительство находило целесообразным отмену баршины в доменах. 18 марта 1799 г. в связи с ходатайством крестьян амта Грамцов (Курмарк) о выкупе их повинностей было издано кабинетное распоряжение, которым им разрешалось выкупить упряженную барщину при согласии на это арендатора. В случае возражения арендатора они могли освободиться от баршины только по истечении срока аренды посредством уплаты двойной ее стоимости по определенной оценке. Провинциальная камера обязана была впредь при сдаче домена в аренду или продлении ее срока выяснить возможность выкупа крестьянами баршины без ущерба для казны. Предполагалось, что в большинстве случаев упряженная барщина по меньшей мере могла быть заменена чиншем. Подготовка к такой перемене должна была вестись без огласки, чтобы не вызвать преждевременных ходатайств со стороны крестьян¹²³.

В соответствии с этим распоряжением были определены условия замены баршины чиншем. В Восточной Пруссии предусматривалась отмена полевой баршины за денежную плату в мелких хозяйствах полностью, а в крупных — частично и главным образом при сдаче их в аренду. Инструкция для доменов в Западной Пруссии по этому вопросу была признана более подходящей и с 27 октября 1801 г. применялась и в Восточной Пруссии. По инструкции подлежали отмене за плату баршинные повинности: работы с плугом и бороной, вывоз навоза, ручные работы при уборке зерновых и сена, перевозки зерна и сена и другие менее важные. Если хозяйство не могло обойтись без полевой баршины, то она сохранялась в виде так называемых диспозиционных дней (5 упряженых и 5 пеших дней в году). Оставались без изменений повинности по доставке лесных материалов, по перевозке зерна в зимнее время и связанные с рыбной ловлей, а также работы в пользу общины, церкви и школы. Взамен упраздненной

барщины крестьянин должен был платить казне денежный сбор. День ручной работы оценивался не менее чем в 15, упряжной — в 30 з. г. В случае неуплаты сбора восстанавливалась прежняя барщина¹²⁴.

На подобных условиях происходила замена барщины чиншем и в доменах других провинций. В Померании крестьяне освобождались только от упряженной барщины (пешая упразднялась с приобретением хозяйства в собственность). Крестьянин мог стать собственником, уплатив единовременно 100—200 тал. в зависимости от размера хозяйства. В некоторых случаях (при крупных хозяйствах и согласии крестьян) барщина возмещалась уступкой земли. Барщинные повинности коссетов сохранялись по-прежнему.

В Курмарке отменялась полевая барщина, все виды подводной повинности (доставка продуктов на рынок, лесоматериалов, камня и т. п.), а также барщина коссетов и бюднеров. Разрешалось возмещение барщины землей. В Силезии подлежала замене только упряженная барщина¹²⁵.

Замена барщины чиншем в доменах Восточной Пруссии проходила медленно и с большими затруднениями. Крестьяне и арендаторы в одних местах не соглашались на предписанные условия, в других — опасались последствий этого. Особое недовольство у крестьян вызывало сохранение диспозиционных дней. Власти пытались оказать на них давление, но желаемого результата не достигли. Не соглашаясь на замену барщины чиншем на таких условиях, крестьяне заявляли, что впредь не будут ее выполнять. Наиболее сопротивляющихся крестьян власти подвергали аресту. Тот, кто обязан был отбывать диспозиционные дни, считал себя обиженным. Часть крестьян предпочитала оставаться в прежнем положении. В литовских амтах до мая 1800 г. не состоялось ни одной сделки. Распоряжением от 18 сентября 1805 г. отменялись диспозиционные дни, при сдаче в аренду доменов барщинные работы также подлежали упразднению. По сообщению камеры в литовских амтах из 13 085 барщинных крестьян к ноябрю 1807 г. от принудительных работ освободились 10 614 хозяев¹²⁶.

Относительно быстрее шел процесс очищевания в доменах Западной Пруссии. Здесь уже к ноябрю 1800 г. в половине амтов были завершены дела по замене барщины. В кабинетном распоряжении от 8 февраля 1802 г. говорилось, что барщина была упразднена во всех доменах. Были отменены 45 741 упряженной и 47 579 пеших дней барщины. При этом в 1847 случаях крестьяне освободились от подводной повинности. Доходы казны увеличивались на 10 005 тал. В некоторых доменах барщина частично сохранилась. 19 августа 1805 г. было предписано упразднять все без исключения барщинные повинности при сдаче доменов в аренду¹²⁷.

В Померании по состоянию на 12 мая 1804 г. барщина была упразднена в 25 амтах, в 12 других предполагалось это сделать до троицы 1806 г. Доход казны возрос на 23 011 тал. Всего было отменено 173 075 упряженных и 204 534 пеших дня барщины¹²⁸.

Крестьяне в доменах Курмарка были недовольны условиями очиншевания. Попытка летом 1800 г. заменить барщину чиншем в амте Треббин и в других доменах осталась без последствий. В целях ускорения очиншевания были сделаны уступки крестьянам, разрешалось не требовать от них больше того, что необходимо было для возмещения убытков арендатора, допускались рассрочка в уплате сбора и продажа строевого леса в течение двух лет по льготной тарифе. По официальным сведениям до 1805 г. полностью барщина была отменена в амтах Цехлин, Виттшток и Гольдбек, до октября 1806 г. полностью или частично — в амтах Нойштадт, Бизенталь, Бадинген, Цеденик, Руппин, Треббин, Заармунд, Кёпеник, Фрайенвальде, Грамцов ¹²⁹.

В доменах Ноймарка по данным на 11 марта 1805 г. от барщины освободились 1188 крестьян и 1094 коссета, в герцогстве Шведт — 150 крестьян и 20 коссетов ¹³⁰. В Силезии до 1806 г. было отменено 52 009 упряженных и 142 364 пеших дней барщины ¹³¹. В великопольских землях очиншевание в доменах не получило широкого распространения ¹³².

О положении крестьянина после очиншевания в определенной мере можно судить по следующим данным. Крестьянин-лассит, пользовавшийся трехгужным хозяйством в д. Мальсдорф (амт Кёпеник) освобождался от барщины (156 упряженных и 39 пеших дней в году), становился наследственным чиншевиком и получал в собственность казенный инвентарь (две лошади, два вола, корову и орудия стоимостью 14 тал. 9 з. г.). Взамен этого он был обязан внести 100 тал. сбора (Erbstandsgeld), ежегодно платить 44 тал. чинша. Его потери в связи с отменой лесного сервитута определялись в 10 тал. 16 з. г.; при этом он мог обойтись без одной лошади, одного вола, сократить расходы на сбрую (8 тал.) и меньший срок держать наемного подростка зимой ¹³³.

С изменением правового и поземельного положения крестьян происходило их расслоение. По мере развития торгового и капиталистического земледелия расслоение крестьян расширялось и углублялось, а имущественные различия приобретали социальные черты.

Некоторое представление об имущественной и социальной дифференциации крестьян в это время дают сведения о разрядах крестьянского населения.

Таблица 1. Крестьянские хозяйства в Силезии в 1787 г.*

Категории крестьян	Число хозяйств	% хозяйств	Категории крестьян	Число хозяйств	% хозяйств
Солтысы	2 761	1,2	Халупники	45 590	20,7
Кметы	45 299	20,6	Прочие	48 712	22,1
Огородники	77 739	35,4	Всего	220 101	100

* Historia chłopów polskich. W-wa, 1972. T. II. S. 49.

Эти данные свидетельствуют о значительном расслоении крестьян в Силезии в имущественном и социальном отношении. В 1809 г. здесь насчитывалось 45 497 (21,4 %) хозяйств кметов, 87 948 (41,3 %) — загродников и халупников, 79 056 (37,2 %) — коморников и 166 407 безземельных работников¹³⁴. При сопоставлении данных 1787 г. (с учетом категории «прочие») и 1809 г. (при ином распределении крестьян на разряды) оказывается, что в этом промежутке времени не произошло существенных изменений в соотношении основных категорий крестьян. Это обусловливалось, наряду с прочим, большим преобладанием малоземельного крестьянства и ограниченными возможностями перераспределения земли. О процессе расслоения крестьян в поместье Фюрстенштейн (Силезия) можно судить по данным табл. 2.

Таблица 2. Крестьянские семьи в имении Фюрстенштейн, % *

Год	Кметы	Загродники	Халупники	Коморники и т. п.
1745	13,9	17	25,6	43,5
1809	10,9	11	27,3	50,8

* Michalkiewicz S. Gospodarka magnacka na Śląsku w drugiej połowie XVIII wieku. Wrocław, W-wa: Kraków, 1969. S. 50

Здесь за 64 года при уменьшении на 9 % кметов и загродников соответственно увеличился процент халупников и коморников.

В Померании в 1798 г. выделялись такие прослойки крестьян: солтысы (1855 хозяев), крестьяне, располагавшие гуфой (влукой) земли (12 962), половиной гуфы (2578), четвертью гуфы (4113), одной восьмой гуфы (1172), бюднеры (13 940). Они составляли соответственно 5, 35, 7, 11, 3 и 38 % всех крестьян. Кроме того, числилось около 14 600 коморников и 56 тыс. работников, занятых в помещичьих и крестьянских хозяйствах¹³⁵.

На Мазурах и в Вармии в 1798 г. на 20 574 вольных, очищенных и барщинных хозяйств приходилось 4060 халупников и загродников¹³⁶. В Восточной Пруссии в 1805 г. насчитывалось 58 800 крестьян, 8 тыс. халупников (Eigenkätner), 55 тыс. работников и 109 500 человек челяди¹³⁷.

О расслоении крестьян в провинции Бранденбург по данным 1800—1803 гг. можно судить по табл. 3.

Число айнлигеров в Курмарке с 1770 по 1800 г. увеличилось на 43,8 %, бюднеров с 1780 г. — на 23 %. Кроме перечисленных категорий населения в это время в Курмарке насчитывалось 27 528 работников (Knechte), 27 145 работниц (Mägde), 12 020 подростков на услугах (Dienstjunge), в Ноймарке — 16 225 работников и 11 579 работниц. В Курмарке численность работников по сравнению с 1770 г. возросла на 29,3 %, работниц — на 15,6 % и подростков на услугах — на 21,6 %¹³⁸.

Таблица 3. Крестьяне в провинции Бранденбург *

Категория крестьян	Курмарк, 1800 г.		Ноймарк, 1803 г.	
	число хозяев	%	число хозяев	%
Старосты	700	1	365	1,1
Крестьяне «полные»	15 199	22,8	7534	23,7
Крестьяне «половинные»	3051	4,6		
Коссеты	9571	14,4	6070	19,1
Вдовы, имеющие дворы	878	1,3		
Корчмары	736	1,1		
Бюднеры	10 770	16,2	6069	19,1
Айилигеры	25 575	38,6	11 648	37
Всего	66 480	100	31 686	100

* Müller H.-H. Märkische Landwirtschaft vor den Agrarreformen von 1807. Potsdam, 1967. S. 80.

В Западной Пруссии во второй половине XVIII в. кметы с наделом более $\frac{1}{4}$ лана составляли почти 50 %, загродники с мелкими кметами — 38 %, халупники и коморники — 12 % всех хозяев ¹³⁹. В 1804 г. здесь (исключая округа Камень и Валч) было 5158 вольных солтысов, леманов и т. п. (13 % всех хозяев), 16 520 кметов, «половинных» кметов и шинкарей (43 %), 16 887 загродников и халупников (44 %), 24 001 коморник и постоянный сельскохозяйственный работник и 52 044 человека челяди ¹⁴⁰.

Число кметов с наделом более $\frac{1}{4}$ лана, загродников с мелкими кметами, халупников и коморников в великопольских землях во второй половине XVIII в. определялось соотношением 34 : 36 : 25 ¹⁴¹. В департаменте, находившемся в ведении Познанской камеры (бывшие Познанское и Гнезненское воеводства), в 1800 г. было 3500 солтысов (7 % всех хозяев), 7415 «полных» кметов (15 %), 11 426 «половинных» кметов (24,1 %), 11 076 загродников (22 %), 594 «половинных» загродника (12 %), 9656 коморников и халупников (20 %) ¹⁴². В 1810 г. здесь кметы составляли 23,2 % (13 004 хозяйства), пулрольники — 23 % (12 893), халупники — 22,2 % (12 472), загродники 7 % (3963), окупники 13,1 % (7359), прочие — 11,5 % (6475) всех хозяев ¹⁴³.

По данным, относящимся к 1816 г., крестьянские хозяйства с лучшими (крестьяне-собственники, наследственные арендаторы и чиншевики) и худшими (временные арендаторы и другие временные владельцы) правами землепользования распределялись таким образом (табл. 4, 5, 6).

Если хозяйства до 15 м. и свыше 300 м. являлись соответственно малоземельными и крупными, то в категории хозяйств от 15 до 300 м. объединяются землевладения весьма различного имущественного и социального характера. При этом оказывается, что хозяйства с лучшими поземельными правами до 15 м. составляли в восточной части страны 53 %, а в отдельных провинциях от 17 % (Восточная Пруссия) до 73 % (Силезия), от 15 до

Таблица 4. Землевладение крестьян-собственников, наследственных арендаторов и наследственных чиншевиков в 1816 г.*

Провинция	Число хозяйств	В том числе					
		до 15 м.		15—300 м.		свыше 300 м.	
		хозяйств	%	хозяйств	%	хозяйств	%
Восточная Пруссия	65 243	11 402	17,5	52 874	81	967	1,5
Западная Пруссия	25 641	7917	31	16 944	66	780	3
Познань	29 745	15 270	51,3	13 693	46	782	2,7
Бранденбург	83 807	40 881	48,7	41 722	49,8	1204	1,5
Померания, включая адм. округ Штральзунд	21 395	8352	39	12 269	57,3	774	3,7
Силезия	177 849	129 766	73	46 312	26	1771	1
Всего	403 680	213 588	52,9	183 814	45,5	6278	1,6

* Harnisch H. Statistische Untersuchungen zum Verlauf der kapitalistischen Agrarreformen in den Ostprovinzen (1811 bis 1865) // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1974. T. IV. S. 174; другие данные: Fink von Finckenstein H. W. Die Entwicklung der Landwirtschaft in Preussen und Deutschland. 1800—1930. Würzburg, 1960. S. 122. Здесь, по-видимому, суммировано число хозяйств с лучшими и худшими правами землепользования. По данным, приведенным Р. Бертольдом, в Бранденбурге было хозяйств до 15 м. — 38 262, 15—300 м. — 44 341, в Померании первых — 10 211, вторых — 11 379, выше 300 м. — 892. См.: Berthold R. Die Veränderungen im Bodeneigentum und in der Zahl der Bauernstellen, der Kleinstellen und Rittergüter in den preussischen Provinzen Sachsen, Brandenburg und Pommern während der Durchführung der Agrarreformen des 19. Jahrhunderts // JfW. 1978. Sonderband. S. 21.

Таблица 5. Землепользование временных арендаторов и других временных владельцев в 1816 г.*

Провинция	Число хозяйств	В том числе					
		до 15 м.		15—300 м.		свыше 300 м.	
		хозяйств	%	хозяйств	%	хозяйств	%
Восточная Пруссия	6223	538	9	5276	85	409	6
Западная Пруссия	12 725	3064	24	8891	70	770	6
Познань	23 784	14 176	60	9154	38	454	2
Бранденбург	7512	2397	32	4478	60	637	8
Померания, включая адм. округ Штральзунд	15 490	3414	22	11 142	72	934	6
Силезия	7717	5122	66	2142	28	453	6
Всего	73 451	28 711	39	41 083	56	3657	5

* Harnisch H. Statistische Untersuchungen... S. 174. Другие данные: в Бранденбурге было хозяйств до 15 м. — 2174, от 15 до 300 м. — 4700, в Померании первых — 5682, вторых — 11 150, выше 300 м. — 1162. См.: Berthold R. Die Veränderungen... S. 21.

Таблица 6. Крестьянские хозяйства с лучшими и худшими правами землепользования в 1816 г.*

Провинция	Число хозяйств	В том числе					
		до 15 м.		15—300 м.		свыше 300 м.	
		хозяйств	%	хозяйств	%	хозяйств	%
Восточная Пруссия	71 466	11 940	17	58 150	81	1376	2
Западная Пруссия	38 366	10 981	29	25 835	67	1550	4
Познань	53 529	29 446	55	22 847	42,7	1236	2,3
Бранденбург	91 319	43 278	48	46 200	50	1841	2
Померания, включая адм. округ	36 885	11 766	32	23 411	64	1708	4
Штальзунд							
Силезия	185 566	134 888	72,8	48 454	26	2224	1,2
Всего	477 131	242 299	51	224 897	47	9935	2

* Harnisch H. Statistische Untersuchungen... S. 174.

300 м. — соответственно 46 % и 26 % (Силезия) и 81 % (Восточная Пруссия) всех таких хозяйств. При худших правах землепользования доля малоземельных хозяйств сокращается (за исключением Познанской провинции), а хозяев от 15 до 300 м. несколько увеличивается. Соотношение хозяйств первого и второго разряда по обеим категориям землепользования в целом близко к показателям соотношения этих хозяйств при лучших правах землепользования.

Приведенные данные прежде всего свидетельствуют о наличии в деревне многочисленной категории безземельных сельскохозяйственных работников, к которым относились так называемая челядь, постояльцы, инсты, коморники и им подобные. В качестве челяди обязаны были служить в помещичьем дворе дети крепостных крестьян бесплатно или за незначительную плату в течение определенного или неопределенного времени. Лично свободная челядь работала по найму у помещиков и крестьян, причем существенно ограничивалась свобода ее действий. Такие лица получали скучную пищу и низкую, строго регламентированную плату. Их положение в помещичьем дворе нередко оказывалось худшим, нежели в крестьянском хозяйстве. Постояльцы, инсты, коморники и прочие местные и пришлые работники, считавшиеся обычно лично свободными, за предоставленное им жилье и участки земли платили или отрабатывали, остальное время трудились в качестве поденщиков. Среди них были овдовевшие лица, крестьяне, передавшие свои хозяйства наследникам, лишившиеся земли, и т. д. В великопольских землях в 1810 г. безземельные (317 825 чел.) составляли 53 % крестьянского населения¹⁴⁴. Со временем некоторые работники становились хозяевами, но их место занимали другие, и общая численность наемных работников постепенно или быстро увеличивалась за счет обезземеливаемых крестьян.

Положение крестьянина в основном определялось количеством и в той или иной мере качеством земли, находившейся в его пользовании. С размером хозяйства, хотя и не всегда, связывалась принадлежность крестьянина к данной категории. Крестьянские хозяйства по своим размерам подразделялись на мелкие, средние и крупные.

Преобладала прослойка мелких хозяев. Это были малоземельные крестьяне или кметы, коссеты и огородники-загородники (за некоторым исключением), халупники и т. п. Располагая небольшим количеством земли (от нескольких до 20—25 м.), крестьянин обычно не мог обходиться без заработка на стороне, за счет которого в большей или меньшей мере обеспечивались потребности его семьи. В Бранденбурге в начале XIX в. хозяйство размером в 6—25 м. пахотной земли считалось бедняцким, оно могло лишь кое-как существовать¹⁴⁵. Обезземеливание таких хозяев происходило в значительных масштабах. В Курмарке с 1770 по 1800 г. число коссетов сократилось в 15 450 до 9571¹⁴⁶.

Среднее хозяйство в определенной мере обеспечивало содержание крестьянской семьи без заработка или с малозначимыми приработками и нередко приносило некоторый доход*. По количеству земли средние хозяйства существенно различались, при плохой земле надел среднего хозяйства был весьма значительным. По свидетельству современника, в Бранденбурге в начале XIX в. на худшей земле только хозяйство площадью в 50—80 м. давало доход, несколько превышающий потребности крестьянской семьи. Прослойку средних хозяев составляли большинство «полных» и часть «трех-четвертных» и «половинных» крестьян или кметов, часть коссетов и подобных им крестьян¹⁴⁷.

К средним, по-видимому, могут быть отнесены такие хозяйства:

В 1766 г. в д. Варте (округ Темплин, Бранденбург) на песчаных почвах в среднем на хозяйство приходилось 135 м. «чистого поля» и 117 м. «поросшей кустарником земли», которая использовалась для выпаса скота. Ежегодно обрабатывалось только 59 м. земли. В среднем общий доход от хозяйства составлял 150 тал. 20 з. г., возложенные на него повинности и платежи определялись суммой 149 тал. 7 з. г., чистый доход — 1 тал. 13 з. г.¹⁴⁸ В д. Альт-Гурковшбрух (Гурецко) округа Фридеберг (Стрельце Краенске) было хозяйство, заключавшее в себе 44,5 м. земли, огород ($\frac{1}{3}$ м.) и пастбище (18 м.). В хозяйстве работали четыре человека. Хозяин имел две лощади, пять коров и пять голов молодняка. На 2 моргена земли высевались 1 шеф. овса и 3 меще проса. В огороде выращивали картофель, капусту и другие овощи для собственного потребления и продажи. Ежегодно покупалось для мужского

* В литературе отмечается, что для такого хозяйства было характерно простое воспроизводство, его владелец едва сводил концы с концами, постоянно находился на краю дефицита. См.: Harnisch H. Bauerneinkommen, feudale Ausbeutung und agrarischer Fortschritt in der Mark Brandenburg gegen Ende des 18. Jahrhunderts // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1970. T. I. S. 191—192.

лица 8 и женского — 6 шеф. ржи и по 2 мече крупы. Из 270 центнеров заготовленного сена продавалось 124. Доход хозяйства от скота, сена и пахотной земли составлял 73 тал. 22 з. г., расход — 64 тал. 20 з. г.¹⁴⁹ Крестьянин д. Буков (округ Тельтов), имевший 5 гуф земли, в 1784 г., исключая семена для посева и зерно для хозяйства, получил 125 тал. 8 з. г. дохода. Из него он должен был уплатить 50 тал. 2 з. г. подати, 28 тал. помещику, 10 тал. проповеднику, кистеру, пастуху и ночному сторожу; из оставшихся у него 37 тал. 6 з. г. следовали платежи кузнецу, тележнику (за колеса для телеги и плуга), шорнику, канатчику (за веревки), за деготь и колесную мазь¹⁵⁰. Некоторые средние хозяева при благоприятных обстоятельствах переходили в разряд крупных, другие при возникавших трудностях превращались в малоземельных или безземельных. В Курмарке с 1780 по 1800 г. число «полных» крестьян сократилось с 15 733 до 15 199, а «половинных» — возросло с 2811 до 3051¹⁵¹.

К крупным относились хозяйства за некоторым исключением старост, солтысов, «полных» крестьян или кметов, гбиров в Западной Пруссии, располагавших значительным количеством земли (встречались хозяйства в 4—10 и более гуф)¹⁵² и использовавших наемных работников для выполнения барщины и ведения своего хозяйства. О размере и характере крупного крестьянского хозяйства можно судить по таким примерам. Барщинный лассит в д. Мальсдорф амта Кёпеник имел 3 гуфы земли, 5 лошадей, 4 вола, 4 коровы, одну штуку молодняка, 25 овец и 5 свиней, держал работника, работницу и подростка¹⁵³. В д. Више крестьянин, владевший 4 гуфами земли, не обремененный барщиной, нанимал 4 батраков, 4 работниц, 2 пастухов и нескольких подростков; во время уборки урожая в его хозяйстве было занято до 30 человек¹⁵⁴.

Горожане-земледельцы в Мюльрозе в 1780 г., располагая каждый 4 гуфами земли (от 68 до 106 м.) и дополнительно арендую ее, имели по 2—5 лошадей и столько же волов¹⁵⁵, крестьяне в д. Мальнов (округ Лебус) держали по 1—2 работника, 1—2 работницы и 1 подростку. В начале XIX в. в Западной Пруссии между реками Висла, Дрвенца и Оса из денежных расходов трехланового крестьянина 10 % приходилось на повинности помещику и подати и 36 % на наем рабочей силы¹⁵⁶.

Некоторые крупные хозяева, улучшая полеводство, вели торговое земледелие, приобретавшее черты капиталистического предпринимательства, становились обладателями большого состояния. Крестьянин в д. Альт-Врицен, располагая 90 м. земли, при четырехпольной системе земледелия и арендую пастбище, в 1795 г. получил от продажи скота, зерна и других продуктов своего хозяйства 482 тал. 11 з. г. 5 пф. В д. Фербеллин (округ Руппин) крестьянин от продажи пшеницы накопил 11 тыс. тал. Другие крестьяне этой деревни имели по 50 тыс. тал.¹⁵⁷ Лично свободный коссет, по сообщению современника, в округе Лебус благодаря «хорошему хозяйству» и в особенности «широкой торговле скотом»

приобрел такое имущество, что мог каждой из трех дочерей дать 30 тыс. тал. приданого¹⁵⁸.

Отдельные богатые и предпримчивые крестьяне арендовали помещичьи и государственные земли. В округе Тельтов арендатором имений Гроссцитен и Клейнцитен в течение 24 лет был крестьянин Йоль; кроме того, с 1759 по 1765 г. он арендовал имение Брузендорф, арендная плата с которого в год составляла 1 тыс. тал.¹⁵⁹

Таким образом, в связи с развитием производительных сил, торгового и капиталистического земледелия, обезземеливанием крестьян, усилением их сопротивления гнету помещиков иластей, ограничением крепостной зависимости, заменой отработочной ренты денежной и расслоением крестьян происходило разложение поместно-барщинной системы хозяйства. Дальнейший прогресс в сельском хозяйстве требовал ликвидации феодальных отношений. Однако большинство помещиков считало необходимым сохранение в основном существующих порядков.

ГЛАВА I УПРАЗДНЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА.

II ВЫКУП ФЕОДАЛЬНЫХ ПОВИННОСТЕЙ КРЕСТЬЯНАМИ С НАСЛЕДСТВЕННЫМ ПРАВОМ ПОЛЬЗОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВАМИ В ДОМЕНАХ

§ 1. Отмена личной зависимости крестьян от помещиков

Начавшаяся 8 октября 1806 г. война Пруссии с Францией ярко показала отсталость общественного строя и слабость прусского королевства. 14 октября его армии были разгромлены французскими войсками. Война до глубины потрясла прусское государство, резко ухудшила его внешнее и внутреннее положение.

Пруссия по Тильзитскому мирному договору (7—9 июля 1807 г.) утратила почти половину своей территории (владения, расположенные между Эльбой и Рейном, и часть польских земель, захваченных ею при разделах Речи Посполитой), должна была уплатить 100 млн франков контрибуции, оказалась в зависимости от Франции, стала второстепенным государством. Ее внешнеэкономические связи были нарушены, а материальные ресурсы значительно ограничивались.

Большой ущерб был нанесен экономике страны. Сократились мануфактурное и ремесленное производство, торговля и финансовые операции, но особенно пострадало сельское хозяйство. В результате военных разрушений, обременительных поборов и повинностей многие крестьяне были частично или полностью разорены. Нередко встречались опустевшие крестьянские дворы. В затруднительном положении находилось помещичье хозяйство. Возможности получения кредита в связи с установлением моратория на ипотечные долги были ограничены. Еще в большей мере на нем сказывалось разорение крестьян, обязанных отбывать повинности в пользу владельцев имения. Помещики, однако, считали более выгодным для себя не восстановление крестьянских хозяйств, а превращение крестьян в огородников. Они ходатайствовали об отмене ограничений в распоряжении крестьянской землей, об издании проектируемого закона о челяди и принятии других мер для восстановления и расширения своего хозяйства. Силезские помещики, в частности, просили урегулировать их долги, разрешить им присоединять крестьянские хозяйства к фольваркам, расширить права патrimonиальной власти и т. п.¹

В связи с войной обострились социальные противоречия в деревне. Надежда крестьян, что с приходом французских войск их положение улучшится², оказалась тщетной. Феодальный гнет, усугубляемый военными поборами и повинностями, вызывал резкое недовольство у крестьян. Крепостничество являлось и существ-

венным препятствием для того, чтобы прусское государство могло противостоять наполеоновской Франции. «14 октября 1806 г., — отмечал Ф. Энгельс, — при Йене и Ауэрштедте все прусское государство было разбито в один день, и у прусского крестьянина имеются все основания праздновать этот день... Только теперь, наконец, отогнанное до самой русской границы прусское правительство начало смутно понимать, что сыновей свободных, прочно владеющих землей французских крестьян нельзя победить при помощи сыновей крепостных барщинников, находящихся под постоянной угрозой сгона со своих дворов; только теперь, наконец, оно заметило, что и крестьянин, между прочим, тоже человек. Теперь-то должны были быть приняты меры.

Но как только был заключен мир и двор с правительством вернулся в Берлин, благородные намерения снова растаяли, как лед под лучами мартовского солнца»³.

Однако правительству вскоре пришлось заняться крестьянским вопросом. Крепостное состояние было упразднено в королевстве Вестфалии. 22 июля 1807 г. отменялось крепостничество в Варшавском княжестве. Прусские власти опасались, что это может усилить волнения крестьян в соседних с княжеством провинциях. В письме Комиссии внутренних дел (А. В. Клевиц, Т. Г. Шён, Ф. А. Штегеман) королю Фридриху Вильгельму III от 17 августа говорилось о возмущении крепостных в Восточной Пруссии и о дошедших сюда сведениях об упразднении крепостничества в княжестве. Отмечая широкое распространение крепостничества в Восточной и Западной Пруссии (в других провинциях, по ее мнению, оно было менее значительным, а в Марке имелись возможности его выкупа), Комиссия считала отмену крепостного состояния здесь весьма необходимой, а настоящее время наиболее подходящим для этого⁴.

Государственный министр по делам Восточной и Западной Пруссии Ф. Л. Шреттер (письмо королю от 17 августа) полагал, что крепостничество следовало бы упразднить уже только потому, что оно было отменено в Варшавском княжестве, в противном случае поданные Пруссии стали бы переходить в княжество⁵. Восточнопруssкие дворяне в письме королю от 29 августа сообщали о волнениях крестьян⁶. В кабинетном распоряжении короля от 3 сентября указывалось: «Отмена наследственного крепостничества... благодаря мерам соседних правительств (имелось в виду и правительство Вестфалии. — И. К.) становится делом настоящей необходимости»⁷.

Предположения властей и помещиков относительно отмены крепостничества исходили прежде всего из интересов владельцев имений. Комиссия внутренних дел (письмо от 17 августа) полагала, что крепостничество могло быть упразднено в течение 4—6 лет, за это время помещик подготовился бы к ведению своего хозяйства с помощью вольнонаемных работников. С отменой крепостничества помещику следовало бы разрешить свободно распоряжаться крестьянской землей, а до этого, если бы он не мог

содержать все крестьянские хозяйства, с согласия провинциальной камеры имел бы право соединять несколько хозяйств в одно размером от 4 до 10 магдебургских гуф, которое сдавалось бы в аренду не менее чем на 12 лет; крестьянин, утративший хозяйство, освобождался бы от крепостной зависимости без уплаты выкупных денег и получал бы некоторое вознаграждение.

По мнению министра Шреттера, изложенному в упомянутом письме, с упразднением крепостничества необходимо было, в частности, отменить ограничения в правах собственности и залога земли и разрешить дворянам и мещанам пользоваться всякими источниками дохода, а собственникам, ленным и фиден-комиссным владельцам передавать свои хозяйства и отдельные принадлежности к ним в наследственную аренду. Соглашаясь с предложением министра, король считал заслуживающим внимания и соображение Комиссии внутренних дел о целесообразности постепенной отмены предписаний о кадастровых хозяйствах. Он полагал, что такие меры следовало бы осуществить и в других провинциях, где имелись крепостные отношения. Составление проекта соответствующего закона поручалось Ф. Л. Шреттеру и канцлеру К. В. Шреттеру (кабинетное распоряжение от 23 августа).

Министр Шреттер, проведя переговоры с представителями восточнопруссских дворян, в основном присоединился к их мнению. В докладе Шреттеров от 28 августа предусматривалось издание закона для Восточной и Западной Пруссии, в котором содержалось бы и разрешение помещику после вознаграждения крестьянина-арендатора присоединить его хозяйство к фольварку или соединить несколько таких хозяйств в одно, причем владелец имения был бы обязан взамен крестьянской семьи поселить огородника или ратая, предоставив ему не менее 3 м. земли. Что же касается других провинций, говорилось в докладе, то необходимо было дождаться восстановления там полного спокойствия и затем обсудить этот вопрос с провинциальными сословиями. Король согласился с этим предложением.

Узнав о намерении правительства, 13 восточнопруссских дворян (фон Корф, граф Шлибен, граф Дона-Шлобиттен и др.) обратились непосредственно к королю. В письме от 29 августа, выражая свое «частное мнение» и полагая, что оно разделялось большинством помещиков, они заявляли, что такая трудная и опасная мера, как отмена крепостничества, могла быть осуществлена без особого ущерба для владельцев имений, хотя и была бы значительным пожертвованием с их стороны. Однако она возможна лишь при следующих условиях: помещик получает право свободного распоряжения крестьянской землей и обязывается взамен крестьянского хозяйства поселить семью, предоставив ей 2—3 м. земли; крепостное состояние упраздняется одновременно во всех провинциях, но только через 3 года после издания закона, чтобы можно было подготовиться к ведению хозяйства иным способом; до публикации закона эта мера по возможности сохраняется

в тайне, чтобы избежать «нежелательных брожений (Gährungen) среди уже теперь неспокойных крепостных»; издается постановление о челяди, предусматривающее обязательную службу детей крестьянина в помещичьем дворе в течение 5 лет; после истечения упомянутого трехлетнего срока крестьянин не мог без предупреждения оставить свое хозяйство; перед уходом он должен уплатить свои долги, а затем обязан поселиться в определенном месте и заниматься земледелием; помещик освобождается от предоставления пособия несостояльному крестьянину.

Король, как отмечалось в кабинетном распоряжении от 3 сентября, был доволен заявлением восточнопрусских дворян. Полагая, что за отмену крепостничества дворянство должно было бы получить возмещение «в виде более свободного распоряжения своими имениями и крестьянскими дворами, поскольку последнее может произойти без ущерба для земледелия (Cultur) и населения», он обещал принять во внимание их пожелания. Однако некоторые предложения восточнопрусских дворян даже Шреттеры считали неосновательными и неприемлемыми. В их письме дворянам от 9 сентября говорилось, что изменения в крестьянском землепользовании должны производиться без нарушения прав крестьян и с ведома властей. Поскольку предусматривалась постепенная отмена крепостничества, то эта мера не могла быть одновременно и общей для всей страны; упразднение крепостного состояния в этой провинции прежде, чем в других провинциях, не имело бы для нее негативных последствий. Предполагаемое постановление о челяди не было бы столь важным, чтобы от его издания зависела отмена крепостничества; введение же обязательства дворовой службы означало бы установление нового крепостного состояния. Если крепостничество упразднялось не одновременно с публикацией закона, то это усилило бы волнения крестьян. Предписание об уплате долгов при уходе крестьянина из имения могло бы привести к долговому крепостничеству, которое уже запрещено законом. Нельзя было требовать от уходящего крестьянина свидетельства, где он поселится и чем будет заниматься, препятствовать его переходу в мещанское сословие. Помещикам следовало бы, по крайней мере по соображениям благотворительности, позаботиться о тех бывших крепостных, которые по старости или болезни не могут обеспечить себя средствами для существования. В письме далее говорилось, что отмена крепостничества на предусматриваемых правительством условиях, в особенности в данное время, является «отеческим благодеянием» не только для крепостных, но и помещиков, причем не может быть речи о «пожертвованиях» со стороны владельцев имений. Но если бы и имело место какое-то пожертвование, то лучше, чтобы оно было добровольным, чем пришлось бы сделать это под давлением обстоятельств и всеобщего мнения.

В проекте постановления, подготовленном Шреттерами и направленном 9 сентября королю, предусматривались в Восточной и Западной Пруссии отмена ограничений в приобретении земельной

собственности и распоряжения ю; разрешение помещику после прекращения ласситского права, окончания контракта и выкупа наследственного хозяйства такие земли присоединять к фольварку или создавать из них крупные крестьянские хозяйства с ведома властей и с условием поселения кетнера или ратая взамен упраздненного хозяйства; отмена крепостного состояния крестьян-собственников, наследственных чиншевиков и наследственных арендаторов с публикацией закона, а прочих крестьян — через два года при заявлении за шесть месяцев до окончания хозяйственного года (например, если заявление было сделано на рождество 1807 г., то крестьянин становился лично свободным в день св. Иоанна 1810 г.) или позднее, причем крестьянин мог без уплаты выкупных денег покинуть имение, а помещик удалить его с хозяйства; предоставление пособия лицам, оставшимся без средств к существованию.

Проект вызвал возражения со стороны Комиссии внутренних дел. В ее заключении, датированном 30 сентября, указывалось, что в проекте смешиваются различные правовые отношения, отмена крепостничества связывается с поземельными правами крестьян, с заявлениями об освобождении от него, с уходом крестьян из имения и другими условиями. Она считала достаточным предписание, что крепостничество упраздняется со дня св. Мартини (11 ноября) 1810 г., после чего помещик мог свободно распоряжаться землей крестьянина; если права последнего прекратились и он способен содержать себя в другом месте.

В соответствии с этим Комиссия внутренних дел подготовила свой проект закона. 4 октября главой гражданской администрации стал Г. Ф. К. Штейн, принадлежавший к сословию имперских рыцарей. Он считал необходимым упразднение крепостной зависимости*. В записке королю от 8 октября Штейн предложил распространить действие проектируемого закона на всю страну. По его мнению, следовало бы сохранить некоторые ограничения в присоединении крестьянской земли к фольваркам, разрешить соединение мелких крестьянских хозяйств в крупные, предусмотреть меры по восстановлению опустевших крестьянских дворов. В проекте были сделаны некоторые изменения⁸. 9 октября 1807 г. проект закона, получившего наименование «Эдикт относительно облегчения владения и свободного пользования земельной собственностью, а также личных отношений сельских жителей», был подписан королем.

Издание эдикта обосновывалось тем, что существовавшие ограничения в приобретении земельной собственности и пользовании ею, вредно сказывавшиеся на ее ценности и кредите для землевладельца, а также ограничения личной свободы крестьян, умень-

* Мотивируя это, позднее он писал: «Предстояло устраниТЬ дисгармонию, которая существовала в народе, упраздниТЬ борьбу между сословиями, которая делала нас несчастными, предоставить законную возможность каждому в народе свободно развивать свои силы в моральном направлении...» (Das Reformministerium Stein. B., 1968. Bd. III. S. 1136).

шавшие ценность труда, препятствовали осуществлению намерений правительства и усилиям землевладельцев, направленным на повышение сельскохозяйственной культуры. В целях редукции этих ограничений до размеров, «соответствующих требованиям общего блага», устанавливалось следующее.

После даты издания эдикта не могло возникать крепостное состояние (*Unterthänigkeits verhältnisse*) ни вследствие рождения, брака, ни принятия бывшего крепостного хозяйства, ни по договору. С публикацией эдикта упразднялись полностью и взаимно крепостные отношения крестьян, пользовавшихся своими хозяйствами на правах собственности, наследственно-чиншевого и наследственно-арендного владения. Крепостное состояние (*Gutsunterthänigkeit*) остальных крестьян прекращалось с днем св. Мартина 1810 г., затем они становились свободными людьми. Все повинности крестьян, обусловленные правом пользования землей или особыми контрактами, оставались в силе.

Разрешался переход крестьян в мещанское сословие, а мещан — в сословие крестьян; дворянин без ущерба для своего сословного положения мог заниматься мещанскими промыслами. Каждому жителю предоставлялось право владеть на правах собственности или залога дворянскими, крестьянскими, мещанскими и иными землями без всяких ограничений со стороны государства. Для приобретения земли не требовалось никакого разрешения, необходимо было только сообщить властям о произошедшем изменении во владении. Отменялись преимущества, которыми пользовался дворянин по сравнению с мещанином при наследовании владения, а также ограничения в доминиальных правах, связанных с сословной принадлежностью владельца. Оставались в силе особые предписания относительно приобретения недвижимого имущества жителями, религиозные представления которых препятствовали им в полном объеме исполнять гражданские обязанности.

Преимущественное или ближайшее право на покупку ленного, наследственно-чиншевого и наследственно-арендного владения сохранялось только за верховным собственником и совладельцем и там, где происходила продажа земли, расположенной через сполосно или среди других угодий. Владелец участка земли или имения с ведома полицейской власти мог, не нарушая прав ипотечных кредиторов и преимущественной покупки, делить их и продавать по частям. Совладельцам разрешалось делить общее имущество между собой. Собственник земли, владелец лена или майората, имел право по уведомлению полицейской власти передавать в наследственную аренду крестьянские дворы, трактиры, мельницы и другие принадлежности, а также доминиальные земли в целом или частями в любом размере. Против этого не могли возражать ни верховный собственник лена, ни ленные и майоратные наследники и кредиторы, если наследственная арендная плата (*Erbstandgeld*, *Einkaufgeld*) использовалась прежде всего на погашение ипотечного долга или для увеличения ценности лена или майората и по свидетельству кредитного учреждения и местной полицейской вла-

сти ипотечное обязательство не препятствовало сдаче такого имущества в наследственную аренду. Владельцу лена или майората разрешалось брать ссуду для возмещения ущерба, причиненного войной; этот долг обеспечивался субстанцией имения и доходами от него. По истечении трех лет владелец имения обязан был ежегодно погашать не менее 1/15 капитальной суммы долга. Всякое ленное отношение, не связанное с верховной собственностью, а также семейное и фиденкомиссное владение могли изменяться или вовсе упраздняться по добровольному согласию.

Если владелец имения считал, что он не может восстановить или сохранить отдельные крестьянские дворы или сельские хозяйства, не состоявшие в наследственном, наследственно-арендном или наследственно-чиншевом пользовании, то он имел право с разрешения провинциальной камеры соединить несколько таких хозяйств в одно или присоединить их к фольварку при условии, что крепостные отношения в имении уже отменены. Соединение или присоединение хозяйств, находившихся в наследственном, наследственно-чиншевом и наследственно-арендном владении, могло последовать лишь по прекращении прав крестьян посредством их продажи помещику или другим законным путем⁹.

По словам Ф. Энгельса, «достославный эдикт от 9 октября 1807 г.名义上 отменял на бумаге крепостное право или наследственную зависимость (и то лишь со дня св. Мартина 1810 г.!), но в действительности почти все оставалось по-старому»¹⁰. Личная зависимость крестьян от помещика в одних случаях упразднялась немедленно, в других сохранялась еще в течение трех лет. При сохранении феодальных повинностей личная свобода крестьянина в значительной мере имела формальный характер. Вместе с тем разрешалось частичное обезземеливание крестьян. Устраивались некоторые ограничения в приобретении земли и распоряжении ею. В результате создавались условия для дальнейшего преобразования аграрных отношений. С изданием эдикта началась буржуазная аграрная эволюция такого типа, который получил наименование прусского *.

В эдикте говорилось, что с 11 ноября 1810 г. все крестьяне станут свободными людьми, подобно тому как это уже имело место во всех доменах. В действительности же, судя по постановлению от 29 декабря 1804 г., крепостничество было упразднено только в восточно-прусских доменах. Поскольку действие эдикта не распространялось на домены, а после его издания оказывалось невозможным сохранение крепостничества там, где оно оставалось, 28 октября последовало кабинетное распоряжение, которым с 1 июня 1808 г. во всех доменах прекращалось крепостное состояние и связанные с ним обязательства и ограничения. Крестьянин освобож-

* См. также: Vogler G., Vetter K. Preussen. Von den Anfängen bis zur Reichsgründung. 2 Aufl. B., 1973. S. 160; Fischer U. Zur Historiographie der DDR über Probleme der bürgerlichen Umwälzung in Deutschland // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (далее: ZfG). 1981. H. 12. S. 1098; Moll G. Agrarfrage und bürgerliche Umwälzung in Deutschland // ZfG. 1982. H. 10/11. S. 948—949.

дался от принудительной дворовой службы и уплаты выкупных денег при переселении на другое место. Здесь не делалось различия между крестьянами с наследственным и ненаследственным правом пользования землей. Повинности крестьян, вытекавшие из права пользования землей и особых контрактов, оставались без изменений¹¹.

Распоряжение от 28 октября относилось к крестьянам в Померании и Бранденбурге, которые еще не выкупили принудительных работ; в Силезии им впервые и сразу упразднялись крепостные отношения в доменах. Постановлением министерства внутренних дел от 20 января 1810 г. в доменах отменялась плата крестьян при вступлении в брак¹².

Публикация эдикта в провинциях 26 октября была поручена Генеральной комиссии по исполнению мирного договора. 8 ноября комиссия сообщала, что текст эдикта ею направлен в провинции, но больше она ничего сделать не может, так как обнародование закона относится к компетенции гражданской администрации. Эдикт мог быть обнародован и судебными властями. Из письма Штейна обер-президенту Курмарка и Померании И. А. Заку от 23 ноября следовало, что эдикт официально еще не был объявлен. Предполагая, что дело замедлилось по техническим причинам, Штейн просил Зака обратить внимание на это¹³.

Провинциальная бюрократия и помещики были недовольны эдиктом, они стремились задержать обнародование и введение в жизнь закона, чтобы тем временем добиться его изменения или обеспечить благоприятные условия для ведения своего хозяйства. В Померании об издании эдикта было сообщено только учреждениям, и крестьяне узнавали о нем спустя некоторое время по слухам¹⁴. На Мазурах эдикт в течение длительного времени не был обнародован из опасения, что крестьяне прекратят отбывать барщину¹⁵. Хотя эдикт 31 октября был перепечатан из берлинской прессы в «Шлезише цайтунг», генеральный комиссар Силезии Э. Г. Массов, ссылаясь на отсутствие указания, запретил обнародование эдикта и распоряжения от 28 октября. По его мнению, следовало бы предварительно рассмотреть вопрос о применении эдикта в Силезии и обнародовать закон лишь после ухода французских войск из провинции, чтобы разуверить крестьян, что благодаря приходу этих войск они освободились от крепостничества. В письме, направленном королю 11 ноября, помещики просили отложить обнародование эдикта на год, чтобы принять меры для устранения его «кроковых» последствий. Их просьба не была удовлетворена¹⁶. В рецензии духовенству и помещикам от 26 ноября указывалось на необоснованность их опасений, так как права владельцев имений четко определены, а крепостное состояние сохраняется до ноября 1810 г.¹⁷ 19 декабря эдикт и распоряжение от 28 октября были опубликованы в «Шлезише цайтунг». В результате задержки обнародования эдикта еще на год сохранились принудительная дворовая служба для детей крестьян с наследственным пользованием землей, был ограничен уход

крестьян из имений, помещики смогли провести наем работников на новый срок на выгодных для себя условиях¹⁸.

В Курмарке была предпринята попытка задержать обнародование распоряжения от 28 октября. Камер-президент К. Ф. Л. Герлах, полагая, что крепостная челядь в доменах должна была служить до конца года, 12 ноября в письме указывал, что с объявлением упомянутого распоряжения она могла прекратить работу 1 июня 1808 г., т. е. перед самой уборкой урожая. Правительство (предписание от 27 ноября), считая невозможным задержку обнародования распоряжения, устанавливало, что челядь в Курмарке обязана служить до окончания годичного срока¹⁹. Дворовая служба в Померании и Ноймарке отменялась с 1 июня 1808 г. и в тех случаях, когда по контракту она устанавливалась на ряд лет (распоряжение от 8 января 1808 г.)²⁰.

Исходя из эдикта или толкуя его по-своему, помещики требовали выполнения крестьянами повинностей и часто таких, которые были уже упразднены, прекращали оказывать пособие крестьянам, замещать их в уплате податей, ограничивали крестьянское землепользование²¹. В результате положение крестьян почти не изменилось, а в некоторых случаях даже ухудшилось. В ноябре 1808 г. Штейн отмечал: «Крепостное право отменено, но еще в некоторых местностях существуют уставы о челяди, которые парализуют свободу народа... В Силезии также делались попытки посредством нового положения о челяди в отдельных пунктах восстановить крепостничество. Следовало бы упразднить барщину, которая влекла за собой личную зависимость и произвол»²².

Многие крестьяне, полагая, что с изданием эдикта упраздняются их повинности, или стремясь воспользоваться эдиктом для освобождения от феодального бремени, требовали отмены повинностей или отказывались их выполнять. Особенно широкий размах приобрели волнения крестьян в Силезии. В ноябре 1807 г. прекращали отбывать повинности крестьяне д. Зайтендорф (Понятув) Швейдницкого (Свидницкого) округа и д. Ризендорф Кауфунг Гиршбергского (Еленегурского) округа, в июле—августе 1808 г. — в 14 деревнях Швейдницкого и Ландесхутского (Каменно-Гурского) округов. В то же время не повиновались крестьяне 25 деревень в округе Леобщюц (Глубчице), 4 деревень в округе Требница (Тшебница) и всех деревень, принадлежавших к доменамту в округе Волау (Волув), во многих деревнях округа Штригау (Стшегом). Большая часть крестьян в округе Намслай (Намыслув) уже в течение года не выполняла повинностей. Весной 1809 г. произошли волнения крестьян в округах Лёвенберг (Льувувек), Гиршберг, Ландесхут, Рейхенбах (Дзержонюв), Яуэр (Явор), Штригау, Франкенштейн (Зомбковице), Нимпч (Немча) и Намслай. Они были подавлены с помощью солдат²³.

Поскольку в эдикте не было определено, какие права и обязанности, вытекавшие из крепостного состояния, подлежали отмене, и это вызывало большие недоразумения, то 8 апреля 1809 г. было издано постановление, относившееся к Силезии и графству Глац

(Клодзко). В нем указывалось, что с отменой крепостничества упразднялись право помещика требовать от крестьянина за освобождение от крепостной зависимости особую плату (personliche und dingliche Loslassungsgeld); обязанность всех детей крестьянина в течение трех лет служить в помещичьем дворе за установленную для крепостной челяди плату (gegen des Zwangs-Gesindelohn); денежное возмещение помещику в тех случаях, когда дети крестьянина лично не выполняли дворовую службу; право помещика заставлять детей крестьянина и подопечных родственников (Schutzverwandten) после окончания дворовой службы работать в помещичьем хозяйстве за плату, установленную для посторонних работников; плата помещику за разрешение крестьянину работать вне имения (Schutzgeld). Подлежали отмене также следующие права: требовать, чтобы подопечные поданные (Schutzunterthanen) помимо уплаты определенного сбора (Schutzgeld) выполняли отдельные работы и преимущественно работали в помещичьем имении; заставлять подданного по достижении им 24 лет принять рустикальное хозяйство; определять, кому из детей крестьянина должно было перейти по наследству хозяйство; возражать против высокой оценки хозяйства при переходе его по наследству. Не требовалось разрешения помещика на отчуждение, залог и обременение долгами хозяйств, находившихся в пользовании крестьян на правах собственности, наследственного, наследственно-чиншевого и наследственно-арендного владения; на вступление крестьянина в брак и на обучение его городскому ремеслу²⁴.

Однако и после этого разъяснения имели место различные толкования эдикта. 24 октября 1810 г. по этому вопросу было издано новое постановление, и его действие распространялось на другие провинции страны²⁵. Из него следовало, что упразднялась только личная зависимость крестьянина от помещика. Но так как сохранились патrimonиальная администрация и юрисдикция, то личная свобода крестьянина была в значительной мере ограничена.

Неодинаковым было мнение о правовом положении ласситов. В связи с запросом померанского правления, датированным 9 сентября 1810 г., министерство внутренних дел 19 октября сообщало, что ласситу, ставшему лично свободным со дня св. Мартина 1810 г., нельзя было препятствовать передать свое хозяйство помещику и переселиться в другое место при соблюдении предписаний Общего земского права (ч. 1, гл. 21, § 648—649), а помещик мог оставленное хозяйство передать другому лицу, соединить с другим крестьянским хозяйством или присоединить к фольварку²⁶.

С изданием эдикта возник вопрос об обязанности владельца имения замещать крестьянина при уплате податей, вносить недомки и предоставлять пособие. Курмаркское правление (письмо от 16 августа 1809 г.) считало необходимым издать особое постановление по этому вопросу. По мнению министерства внутренних дел, такое обязательство помещика являлось существенной принадлежностью крепостничества и с отменой последнего само собой аннулировалось (письмо от 15 сентября 1809 г.). Курмаркское

правление не согласилось с этим. 2 декабря 1809 г. последовал рескрипт министерства внутренних дел, направленный всем правлениям провинций, в котором указывалось, что предоставление помещиком пособия проистекает из опеки, связанной с крепостничеством, и поэтому с упразднением крепостничества оно прекращается. Рескрипт вызвал возражения со стороны курмарского правления и министерства финансов. В письме правления от 7 февраля 1810 г. говорилось, что применение рескрипта при возросшем бремени податей повлекло за собой утрату многими ласситами своих хозяйств. Министерство финансов (вотум от 19 апреля 1810 г.) считало, что такая обязанность помещика вытекает не из крепостной зависимости крестьян, а является следствием поземельного отношения и до передачи земли в собственность крестьянина не может быть упразднена. В результате министерство внутренних дел 23 июля 1810 г. направило всем правлениям провинций предписание, в котором указывалось, что его рескрипт предполагает полное отделение крестьянского хозяйства от помещичьего имения, а пока крестьянское хозяйство находится в зависимости от помещика, то за последним остается и ответственность за уплату крестьянином податей²⁷.

Ссылаясь на эдикт, помещики заявляли, что не могут содержать разоренные крестьянские хозяйства, и добивались их присоединения к фольваркам. 13 октября 1807 г. министр Шреттер запросил мнение восточнопруссской и западнопруссской камер по этому вопросу. В записке западнопруссской камеры от 18 октября говорилось, что помещик обязан был взамен упраздненных хозяйств поселить столько же халупников (*Häuslerfamilien*), предоставив каждому по 2—3 м. земли. Подобного мнения придерживалась и восточнопрусская камера, полагая, что в этом случае необходимо было заявление крестьянина перед судом, что он добровольно оставляет свое хозяйство и его частные права не пострадали (отзыв от 24 октября). Померанская камера считала, что эдикт предоставлял помещику безусловное право на присоединение крестьянской земли к своему хозяйству. Разделяя в основном соображения камер, министр Шреттер 3 декабря представил проект постановления, которым разрешалось помещику при условии отмены крепостничества, ненарушения частных прав крестьянина и замены его халупником без ограничения соединять крестьянские хозяйства или присоединять их к своему хозяйству. Штейн, выражая недовольство проектом, передал его Комиссии внутренних дел для рассмотрения. Комиссия в своем заключении от 19 декабря, считая необходимым некоторое ограничение права помещиков в распоряжении крестьянской землей, предлагала различать старые крестьянские хозяйства, существовавшие в Восточной Пруссии, главных амтах Мариенвердер (Квидзин) и Ризенбург (Прабуты) и в наследственных главных амтах Шёнберг (Шимбарк) и Дойч-Эйлау (Илава) до 1752 г. — времени введения ипотеки, в Западной Пруссии и Эрmlandе до 1774 г. — времени составления земельного кадастра, и новые, возникшие соответственно

после 1752 и 1774 гг. Поскольку новых хозяйств было немногого и в связи с войной они якобы утратили основание для своего существования, то помещик, вознаградив крестьянина за потерю права владения, мог бы распорядиться хозяйством по своему усмотрению. Старые же хозяйства (обычно с наследственным правом пользования) можно было бы соединять; кроме того, помещику следовало разрешить присоединять к своему хозяйству столько земли, сколько он передал бы ее крестьянам в собственность, наследственно-чиншевое или наследственно-арендное пользование с условием отмены барщины, мельничной повинности и права пропиниации. Исходя из этого, Комиссия внутренних дел подготовила свой проект.

Соглашаясь в основном с предложением комиссии, канцлер Штейн находил целесообразным проектируемую меру в отношении старых хозяйств распространить и на новые хозяйства с наследственным правом пользования. Соображения комиссии и Штейна были сообщены министру Шреттеру. Последний 22 января 1808 г. представил новый проект, который немногим отличался от старого и не удовлетворил правительство. В письме Шреттеру от 29 января Штейн, выражая свои опасения в связи с усилившимся стремлением помещиков к присоединению крестьянской земли к своим хозяйствам, указывал на необходимость его ограничения. Шреттер согласился с этим, и был подготовлен проект, получивший утверждение правительства²⁸.

Постановлением от 14 февраля 1808 г., относившимся к Восточной и Западной Пруссии, помещику разрешалось после отмены крепостничества и с согласия провинциальной камеры соединять или присоединять к фольварку крестьянские хозяйства: новые ненаследственные, если право временного пользования ими прекратилось; новые наследственные, наследственно-арендные и наследственно-чиншевые, если их владельцы перед судом отказались от своих прав; старые ненаследственные по истечении права временного пользования ими. При соединении таких хозяйств вновь созданные хозяйства не должны были превышать 4 магдебургских гуф в низменной и 8 — в возвышенной местности (при плохой земле — 10—12 гуф), а если они присоединялись к помещичьему хозяйству, то следовало половину земли в соответствии с ее качеством участками от 4 до 8 гуф передать в собственность, наследственно-чиншевое или наследственно-арендное владение без мельничной повинности и права пропиниации. За нарушение этого предписания помещик подвергался штрафу²⁹.

Хотя в эдикте соединение и присоединение к фольварку крестьянских хозяйств предусматривалось только в случае невозможности их сохранения, это условие не оговаривалось в постановлении. На запрос западнопрусской камеры от 22 ноября 1808 г. относительно основания для ходатайства помещика 5 декабря последовал ответ Шреттера, что для дела не имеет значения, может или не может он восстанавливать крестьянские хозяйства. Не было принято во внимание и предложение Штейна не делать

различия между новыми и старыми хозяйствами с наследственным правом пользования³⁰. В результате значительно расширились возможности помещика для захвата крестьянской земли.

Несмотря на это, помещики Восточной Пруссии были недовольны постановлением, считая его условия тяжелыми для себя. Комитет восточнопрусских сословий (письмо Штейну от 15 июля 1808 г.) ходатайствовал, чтобы помещику было разрешено вторую половину крестьянской земли передать по контракту такому же числу крестьян в качестве чиншевых арендаторов. Если бы это не произошло в течение года, то земля с аукциона сдавалась бы желающим в аренду на три года. Штейн находил предложение комитета неприемлемым. По его мнению, чрезмерное стремление помещиков к присоединению крестьянской земли к фольваркам противоречило правильно понимаемым их интересам; если же такое предписание для них невыгодно, то все может остаться по-старому (письмо от 1 июля 1808 г.). Комитет настаивал на своем, а 8 мая 1809 г. депутаты прусского ландтага обратились к королю с просьбой принять во внимание их пожелание³¹. Считая передачу половины крестьянской земли во владение крестьян нарушением прав помещичьей собственности, восточнопрусские дворяне заявляли, что такая мера повлекла бы за собой разорение не только владельцев имений, но и крестьян³². Правительство, однако, не сочло возможным удовлетворить их просьбу.

Подобное постановление 27 марта 1809 г. было издано для Силезии и графства Глац. Здесь с отменой крепостничества помещик мог с разрешения властей соединять и присоединять к фольварку крестьянские хозяйства, существовавшие с 14 июля 1749 г.: ненаследственные (после прекращения права пользования), наследственные, наследственно-чиншевые и наследственно-арендные (после отказа крестьянина перед судом от своего права), а также ненаследственные хозяйства, находившиеся в пользовании крестьян до 14 июля 1749 г. При соединении хозяйств новое хозяйство с учетом качества земли не должно было превышать 6—12 магдебургских гуф, а в случае присоединения таких хозяйств к фольварку не менее половины их земли передавалось крестьянам в собственность, наследственно-чиншевое и арендное пользование участками от 6 до 12 гуф (в зависимости от качества угодий), причем упразднялись сервитуты, мельничная и пропинационная повинности. Помещик, нарушивший это постановление, наказывался штрафом от 50 до 100 тал.³³

Предложения курмарского правления о том, чтобы помещику было разрешено ласситские и другие наследственные хозяйства продавать с аукциона с условием обеспечения семей престарелых крестьян средствами для существования (письмо от 21 мая 1809 г.) и обер-президента Курмарка и Померании Зака о возможности присоединения к фольварку хозяйств, оставленных крестьянами, умерших и лиц, которые не могли себя содержать, при условии, что остальные хозяйства в деревне после сепарации земель передавались бы в собственность крестьян, не были приняты правитель-

ством³⁴. 9 января 1810 г. было издано постановление для Курмарка, Ноймарка и Померании. Здесь к новым относились хозяйства, созданные после 15 февраля 1763 г. В остальном оно было аналогичным постановлениям для других провинций³⁵.

Хотя эти постановления, по-видимому, не получили значительного применения³⁶, они в определенной мере сказались на предписании о регулировании крестьянских хозяйств с ненаследственным правом землепользования.

В связи с упразднением крепостничества постановлением от 28 октября 1810 г. отменялась с 1 января 1811 г. обязанность крестьян предоставлять бесплатно или за недостаточное вознаграждение подводы для проезда военных лиц и гражданских чиновников. Эдиктами от 28 октября 1810 г. безвозмездно упразднялись мельничная монополия и право пропиннации (в отдельных случаях предусматривалось возмещение помещикам со стороны государства)³⁷ и разрешалось свободное занятие промыслами с условием уплаты особого сбора³⁸. Принятым 30 октября постановлением отменялись обязательные поставки продовольствия и фуража для армии. 8 ноября было издано новое Положение о челяди, обеспечивавшее интересы помещиков.

В ноябре 1810 г. крестьяне с ненаследственным правом пользования землей стали лично свободными, но их положение существенно не изменилось. Касаясь этого, Ф. Энгельс указывал: «Правда, в 1810 г. наследственная зависимость была на словах отменена, но сохранились по-прежнему феодальные поборы, барщинная повинность, вотчинный суд, полицейская власть в поместье, а вместе с ними на деле продолжала существовать и наследственная зависимость»³⁹.

18 января 1819 г. было упразднено крепостное состояние в округе Котбус, в Нижних Лужицах и части Верхних Лужиц, перешедших к Пруссии от Саксонии после Венского конгресса. При этом дворовая служба и повинности подопечных лиц сохранялись до времени общего найма работников в 1820 г.⁴⁰

§ 2. Выкуп феодальных повинностей в доменах

В результате войны многие крестьяне в доменах, обремененные поборами, лишившись скота и орудий труда, оказались в тяжелом положении. Для восстановления разоренных хозяйств и обеспечения платежеспособности крестьян требовалась значительные средства, которые обязана была предоставить казна. Не желая нести такие расходы, правительство решило передать крестьянам их земли в собственность и вместе с тем освободиться от своих обязательств¹.

Постановлением от 27 июля 1808 г., относившимся к доменам в Восточной Пруссии, Литовском департаменте и Западной Пруссии, крестьянам (Immediateinsassen), так называемым гофцинерам, освобожденным от шарварка, шарварковым, чиншевым и вообще всем хозяевам, которые по декларации от 25 марта 1790 г.

приобрели право наследственного пользования своими хозяйствами, предоставлялось полное и неограниченное право собственности на их земли, причем они обязаны были вносить все существующие и установленные в будущем государственные, коммунальные и общинные подати и сборы. Со дня издания этого постановления крестьянин получал право свободного и беспрепятственного распоряжения своей землей, мог ее продать, передать наследнику, обременять долгами и вообще пользоваться выгодами, правами и прерогативами, какие законно проистекали из полной собственности на крестьянскую землю. Он освобождался от уплаты окупа (*Einkaufgeld*). Вместе с тем прекращались все льготы (*Remissionen*) и пособия древесным материалом для построек и отопления, выпас скота в лесах и другие бенефииции. Тем, кто «с благодарностью» принимал эти условия, «из милости» сохранялись льготы и пособия древесным материалом в течение двух лет (1809 и 1810 гг.). Что же касается лесного пастбища, то крестьянин должен был довольствоваться участком, который ему пока предоставлялся на определенных условиях. В деревне, где прекращение выпаса скота в лесах повлекло бы за собой полное преобразование крестьянского хозяйства, разрешалось еще пользование необходимым пастбищем в течение неопределенного времени за умеренный чинш и с условием отказа от рубки леса и прочих лесных сервитутов. Находящийся у крестьянина казенный инвентарь передавался ему в полную собственность по старой оценке, 5 % его стоимости причислялись к ежегодному платежу. Постройки считались принадлежностью земельного участка и в расчет не принимались. Доминиальные платежи и повинности оставались в прежнем размере.

Барщина и другие работы, а также натуральные повинности, подлежащие отмене, по определенной оценке превращались в денежный платеж. $\frac{1}{4}$ ежегодного платежа считалась невыкупаемой земельной податью (*Contribution*). Она определялась по средней цене ржи в последние 30 лет в торговом городе провинции и в течение 30 лет изменялась по средней цене ржи в том же городе за предшествующие 30 лет. Остальные $\frac{3}{4}$ ежегодного денежного платежа выкупались. Крестьянин мог по капитализации из 5 % выкупить их сразу или по частям, которые не могли быть менее 5 тал., а при большей сумме должны были делиться на 5 (в соответствии с этим определялись и проценты). Выкуп капитальной суммы должен был быть произведен в течение 24 лет, т. е. до конца 1832 г. При уплате всей суммы в 1809 г. она уменьшалась на 15 %, в 1810 г. — на 14 %, в 1811 г. — на 13 % и т. д. по 1818 г. и в каждом последующем году — на 1 %.

В деревнях, где большая часть крестьянских дворов была опустошена, как только оказалось возможным, упразднялось общее пользование угодьями. В других случаях крестьяне могли по доброй воле осуществить раздел земель общего пользования. Но если это не произошло бы в течение 10 лет, то раздел таких угодий производился бы в обязательном порядке за счет крестьян,

причем они должны были согласиться с его условиями, если по заключению сведущих лиц их доходы не уменьшились бы.

Крестьянин был обязан в течение шести недель со дня объявления ему этого постановления заявить о своем желании приобрести хозяйство в собственность. При согласии крестьянина на указанные условия ему выдавался документ на владение хозяйством. Если же он находил эти условия неприемлемыми или в течение упомянутого срока не делал никакого заявления, то его хозяйство со всеми принадлежностями подлежало продаже с аукциона и полученная сумма денег по отчислении произведенных при этом расходов выплачивалась ему. Для крестьянина, оставившего свое хозяйство в связи с войной и местожительство которого было неизвестно, срок подачи заявления удваивался; за ним сохранялось и право на получение денег, вырученных при продаже его хозяйства.

При отсутствии владельца и наследника хозяйство передавалось другому крестьянину. При этом окуп уплачивался, если хозяйство заключало в себе 3 и более гуф. Предусматривалась разработка аналогичного постановления относительно временных арендаторов, временных эмфитеутов и им подобных хозяев².

Канцлер Штейн высказывался за распространение действия этого постановления на провинцию Померания, но его пожелание осталось без последствий³.

16 марта 1811 г. было издано постановление о выкупе повинностей в доменах других провинций. Подлежали выкупу сервитуты, стесняющие права (Vapp- und Zwangsrechte), монополии, денежные и натуральные повинности, причем обязательства доменов должны были возмещаться преимущественно без денежного платежа. Непостоянныe повинности, отбывающиеся хозяевами совместно, как, например, мясная десятина, считались постоянными и наряду с правами юрисдикции, патроната и обязанностями в отношении общины, церкви, школы и т. п. сохранялись по-прежнему. Годичная сумма выкупаемых повинностей капитализировалась из 4 %, стоимость зерновых сборов определялась по средней цене зерна в ближайшем значительном торговом городе за последние 30 лет (до 1806 г.), других натуральных сборов — по местным ценам за 10 лет (до указанного года). При слишком высокой цене зерна оно понижалось на несколько процентов (до 10 %). Непостоянныe сборы оценивались по средней цене за те же 10 лет. Сумма канона, уплачиваемого наследственным арендатором, при изменении его ставки (через 12, 15, 30 лет) устанавливалась по средней величине за эти годы (до 1806 г.) и капитализировалась из 4 %, причем возможно было ее понижение на 10 %. Размер лаудемии (dominium utilis или Erbprachtgerichten) определялся по покупной цене в 1776—1805 гг., а также по судебной или проведенной перед выкупом оценке. Стоимость обязательства содержать тутовые деревья составляла 8 з. г. (в капитале) или определялась особой ставкой. Ценность права охоты капитализировалась из 3 %. Условия контракта, ограни-

чившие право обременять долгами, наследование и продажу хозяйства и др., компенсировались по добровольному согласию сторон, если не отменялись общими законами без вознаграждения. Круговая порука упразднялась. Не устанавливалось никакого срока для выкупа обязанным лицом его повинностей⁴.

В Восточной Пруссии с введением в действие постановления 1808 г. по данным на 5 января 1812 г. более 30 тыс. крестьян в доменах стали собственниками своих хозяйств, а ежегодный доход казны должен был увеличиться в Восточной Пруссии на 68 тыс., в Литовском департаменте — на 100 тыс. тал.⁵

Условия выкупа земли были тяжелыми, а для многих крестьян и непосильными. Одни крестьяне при таких обстоятельствах предпочитали остаться в прежнем положении, другие, согласившись на выкуп своих хозяйств, не в состояни были вносить выкупные платежи. Это усугубляло недовольство крестьян, и правительство (декларация от 4 февраля 1811 г.) вынуждено было частично облегчить условия выкупа. Однако и после этого положение существенно не изменилось. На Мазурах крестьяне около Нейденбурга (Нидзицы) в 1813 г. не соглашались на выкуп своих хозяйств, так как должны были вносить непомерную плату за утраченный инвентарь и платить большую подать; через несколько лет под угрозой утраты своих хозяйств они были вынуждены подчиниться. В домене Вилленберг (Вельбарк) крестьяне требовали обеспечения их строительным материалом. Под Дзялдовой в течение двух лет велись переговоры, и лишь под угрозой продажи хозяйств с аукциона крестьяне приняли условия выкупа. Крестьяне около Дригельсдорфа (Дригалы) возражали против особенно высокой оценки инвентаря (иногда до 300 тал.) и считали, что после выкупа «остались бы на всю жизнь невольниками». В домене Иоганнисбург (Пиш) крестьяне заявляли, что не в состоянии вносить такие выкупные платежи.

В Вармини часть крестьян, опасаясь потери хозяйств в связи с непомерными платежами, воздерживалась от выкупа. Во многих местах происходили споры относительно принадлежности инвентаря (он был собственностью крестьян, власти же требовали возмещения за него).

Передача земли в собственность крестьянам на Мазурах в основном была произведена в 1814—1817 гг., в Вармини — к 1820 г. (здесь акты на владение хозяйствами получили около 4,5 тыс. крестьян). Вскоре оказалось, что многие крестьяне не могли вносить такие большие платежи. За недоимку этих платежей крестьянское хозяйство подлежало принудительной продаже. В 1817 г. в домене Иоганнисбург проводилась продажа с аукциона 5, в 1822 г. в административном округе Гумбиннен — 449 хозяйств. В домене Дригельсдорф в 1824—1827 гг. было несколько случаев продажи хозяйств. До 1823 г. было продано с аукциона в округе Ангербург (Венгожево) 44, Голдап — 71, Лёцен (Гижицко) — 41, Иоганнисбург — 49, Лык (Элк) — 78 хозяйств (в округе Лык крестьянское землевладение к 1835 г. сократилось на 25 %)⁶.

Таким образом, условия выкупа феодальных повинностей в доменах оказывались непосильными для многих крестьян. В результате этого значительная часть крестьян, став собственниками своей земли, вскоре ее утратила. Характеризуя позицию монархии и реформы, проведенные в 1807—1810 гг., Ф. Энгельс указывал: Фридрих Вильгельм III при его капральской заносчивости из-за страха «разрешил вместо себя управлять партии половинчатых реформаторов — Гарденбергу, Штейну, Шёну, Шарнхорсту и другим, которые положили начало более либеральной организации муниципалитетов, отмене крепостного права, обращению феодальных повинностей в ренту или в определенную сумму, подлежащую выплате в течение 25 лет. .»⁷

ГЛАВА РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ

III МЕЖДУ ПОМЕЩИКАМИ И КРЕСТЬЯНАМИ

§ 1. Предписания о регулировании поземельных отношений

После отмены крепостничества сохранялись все поземельные повинности крестьян: барщина, чинш, денежные и натуральные сборы. Особенно обременительными эти повинности были для крестьян с ласситским правом пользования землей. Тяжелое положение крестьян усугублялось военными разрушениями, государственными поборами и отказом помещиков предоставлять им пособие. Выражая свое недовольство помещичьим гнетом, крестьяне стремились освободиться от феодальных повинностей.

Помещики, заинтересованные в расширении фольваркового хозяйства, настаивали на отмене ограничений в распоряжении крестьянской землей. Некоторые из них склонялись к постепенной замене барщинного труда вольнонаемным; ссылаясь на затруднения в ведении хозяйства, они прекращали оказывать помощь крестьянам. Опасаясь выступлений крестьян и проявляя заботу о помещиках, власти рассчитывали посредством дальнейших реформ ослабить социальные противоречия в деревне и укрепить положение страны в предстоящем военном конфликте с Францией. На повестку дня встал вопрос о регулировании отношений между помещиками и крестьянами-ласситами.

В проекте постановления о разделении и соединении крестьянских земель, представленном министерству внутренних дел 7 мая 1809 г., курмарское правление (*Regierung*), считая, что ценность права собственности помещика на наследственную крестьянскую землю по большей части снизилась, а обязательства помещика по отношению к крестьянину остались в прежнем размере, предлагало передать наследственным ласситам и наследственным арендаторам их хозяйства в собственность на следующих условиях: помещик отказывается от своих прав на землю, постройки и инвентарь, находящиеся в пользовании крестьянина, а последний — от помощи помещика при возведении и ремонте построек, помощи в обеспечении лесным материалом и т. д. (пастбищные сервитуты упразднялись бы при сепарации земель); превышение прав над обязательствами стороны подлежало бы соответствующей компенсации; после окончания временной аренды помещик мог половину крестьянской земли присоединить к фольварку, а вторую половину обязан был бы в течение года передать в собственность крестьян без упомянутых обязательств (*Dienstbarkeiten*).

Хотя проект исходил из интересов помещиков, он не вполне их удовлетворял. Помещики Курмарка полагали, что за предоставление наследственного хозяйства в собственность крестьянин должен был передать владельцу имения $\frac{1}{4}$, своей земли; при этом упряжная барщина могла быть отменена за особое вознаграждение, пешая же сохранялась бы по-прежнему. По мнению владельцев имений в Померании, право помещика обычно соответствовало половине ценности крестьянского хозяйства. Поэтому крестьянин за приобретение хозяйства в собственность помимо выкупа барщины обязан был уступить помещику половину своей земли. Обер-президент Курмарка и Померании И. А. Зак в письме министру внутренних дел Дона от 21 июня 1809 г., обращая внимание на то, что в проекте курмарского правления ничего не говорилось об отмене барщины, предлагал распоряжение о ее выкупе в доменах распространить на крестьян в помещичьих имениях. Рассматривая притязания помещиков как яркое проявление сословного эгоизма, Зак находил их требования неосновательными и даже нелепыми. Право собственности помещика на крестьянское хозяйство, обусловливая содержание последнего в исправном состоянии, не только не приносило пользы помещику, но даже было убыточным для него. Поэтому нельзя было требовать возмещения за то, что не имело никакой ценности. Однако помещик должен был получить за свое право вознаграждение, как в доменах, в виде особого канона. Часть крестьян после передачи помещику $\frac{1}{4}$ своей земли без уменьшения повинностей не могла вести хозяйства. Пашенные крестьяне (*Kulturbauern*) в Померании имели пожизненное право пользования землей, хотя помещики считали, что таких крестьян можно было удалять с хозяйства через каждые полгода.

В проекте постановления для Курмарка, поступившем в министерство внутренних дел 14 февраля 1810 г., предусматривалось упразднение ласситских отношений крестьян и коссетов с 1811 г. следующим образом.

С приобретением крестьянином хозяйства в собственность прекращалось бы пособие со стороны помещика; если хозяйство признавалось ценным, то помещик по своему выбору получал бы возмещение землей, капиталом, зерном или в виде выкупного канона ($\frac{1}{4}$ земли с вычетом $\frac{1}{4}$ платежей и повинностей или $\frac{1}{4}$ стоимости подобного хозяйства крестьянин-собственника с условием ее возмещения в течение трех лет). Если крестьянин не мог бы обойтись без пособия, то должен был передать хозяйство помещику, который распоряжался бы им по своему усмотрению (бывшему хозяину предоставлялось бы жилище и один морген земли в собственность).

Министерство внутренних дел в письме курмарскому правлению от 18 февраля 1810 г., отмечая, что этот проект имел в виду только интересы помещиков, стремившихся превратить крестьян-ласситов в поденщиков, считало, что его осуществление вызвало бы у крестьян горькую обиду, привело бы к нежелательным

потрясениям. По его мнению, ласситские отношения могли быть упразднены постепенно по добровольному соглашению сторон на основаниях, установленных для выкупа смешанного права собственности и пользования. Для этого потребовались бы годы, но в таком случае была бы соблюдена справедливость и можно было бы не опасаться возбуждения недовольства больших масс народа.

Курмаркское правление в своем заключении от 29 апреля 1810 г. на проект в основном разделяло мнение министерства внутренних дел. В нем говорилось, что право верховной собственности помещика на крестьянскую землю является лишь почетным правом и что оно не имеет какой-либо ценности для владельца имения. Поэтому нет никаких оснований для возмещения этого права посредством уступки помещику $\frac{1}{4}$ крестьянского надела. Напротив, пособие владельца имения представляло значительную ценность, о чем свидетельствовали и отказ крестьян приобретать хозяйство в собственность в доменах или брать опустевшие хозяйства без такого пособия. С его отменой следовало бы уменьшить на $\frac{1}{4}$ повинности крестьянина. Крестьяне-ласситы (а таких насчитывалось около 40 тыс.) на $\frac{3}{4}$ надела не смогли бы содержать себя, и следствием этой несправедливой меры было бы общее восстание. Передача хозяйства в собственность должна была быть связана с отменой повинностей, как это имело место в доменах.

Предложение об отмене ласситских отношений было включено в проект постановления о разделе угодий общего пользования, относившийся ко всем провинциям страны. Предусматривалось упразднение этих отношений по ходатайству одной из сторон, причем в расчет принимались бы право собственности помещика, обычные и чрезвычайные его пособия и крестьянские повинности. Однако соображение министерства внутренних дел о том, чтобы передача крестьянам земли в собственность рассматривалась бы как особый случай раздела земель общего пользования не получило одобрения.

По поручению государственного канцлера К. А. Гарденберга, считавшего необходимым принять существенные меры для упрочения государства, специальная комиссия (в составе представителей правительства и земских депутатов из провинций) подготовила проект эдикта о регулировании отношений между помещиками и крестьянами-ласситами, второй вариант которого 9 октября 1810 г. был представлен канцлеру. В нем, в частности, предлагалось предоставить временным арендаторам наследственное право пользования землей. Это вызвало возражения со стороны военного советника Х. Ф. Шарнвебера, считавшего более полезным для земледелия и государства передачу временными арендаторам их хозяйств в собственность.

В проект эдикта были внесены некоторые изменения. Крестьяне делились на наследственных хозяев, к которым приравнивались и хозяева с пожизненным правом пользования землей, и временных арендаторов. В первом случае предусматривалась

отмена права верховной собственности без возмещения, освобождение помещика от ответственности за уплату крестьянином государственных податей и коммунальных сборов и упразднение взаимных обязательств по добровольному соглашению сторон или на основании проектируемого постановления о разделе угодий общего пользования. Положение временных арендаторов оставалось бы без изменений, но если помещик желал бы освободиться от своих обязательств, то должен был половину их земли передать крестьянам в полную собственность, наследственно-чиншевое или наследственно-арендное пользование, причем подлежали бы отмене натуральные повинности и сборы, а сервитуты и установленный канон не препятствовали бы ведению хозяйства и уплате податей. Вторую половину надела помещик мог бы присоединить к своему хозяйству или продать¹.

Рассматривая этот вопрос, правительство не могло не считаться с напряженными отношениями между крестьянами и помещиками. В феврале 1810 г. в графстве Глац (Клодзко) крестьяне 54 деревень прекратили отбывать барщину и их примеру хотели последовать жители других 25 деревень. Сопротивление крестьян было подавлено вооруженной силой. Подобные выступления крестьян произошли в Силезии: в апреле в округе Грюнберг (Зелена Гура), в июне — в округе Плесс (Пщина), в ноябре — в округе Милич².

После прекращения крепостного состояния (11 ноября 1810 г.) крестьяне все настойчивее добивались упразднения тяжелых для них поземельных повинностей. В феврале 1811 г. произошло восстание крестьян в Верхней Силезии. Начавшись в Тунскирх (Творкове) Ратиборского округа, оно охватило 69 деревень в этом округе, 27 — в округе Леобщюц (Глубчице) и 74 деревни в округе Плесс. Крестьяне, заявляя, что со дня св. Мартина 1810 г. они стали свободными, прекратили отбывать барщину; их выступления в 74 деревнях сопровождались решительными действиями. В некоторых местностях крестьяне требовали от помещиков, управляющих имениями и священников письменных свидетельств об освобождении от повинностей, угрожали им расправой, прогоняли людей с работы, громили помещичьи дворы, избивали тех, кто им не повиновался. Восстание было подавлено воинскими частями, были убитые и раненые, многие его участники на месте подверглись телесным наказаниям. Затем 93 крестьянина были приговорены к тюремному заключению, а 582 — к телесным наказаниям³.

Восстание в Верхней Силезии, волнения крестьян в других местностях и обстоятельства военно-политического характера побудили правительство ускорить решение вопроса о регулировании поземельных отношений. В конце февраля — начале марта 1811 г. проект эдикта был рассмотрен комиссией, состоявшей из представителей правительства и земских депутатов. Помещики из Померании, выражая сомнения в правомочности правительства предоставить наследственным хозяевам в частных владениях

право собственности, считали несправедливым соединение в одну категорию наследственных и пожизненных владельцев (последних следовало бы рассматривать как временных арендаторов) и полагали, что пешая барщина должна была быть сохранена, а упряжная — могла быть отменена в течение 6 лет.

По мнению депутатов из Курмарка и Ноймарка, при регулировании поземельных отношений необходимо было пока сохранить пешую барщину; лассит, приобретая хозяйство в собственность, обязан был бы передать помещику половину своей земли и отказаться от получаемого им пособия; барщина упразднялась бы, и при взаимном расчете разница компенсировалась бы деньгами или зерном. Малоземельные хозяева (коссеты и им подобные) оставались бы в прежнем положении; наследственный лассит, становясь собственником земли, построек и инвентаря, должен был бы уступить одно из трех полей (за исключением двора, огородов и лугов). Упряженная барщина, кроме необходимой, отменялась бы немедленно, остававшаяся — к определенному сроку за вознаграждение, пешая — в течение 6 лет; сервитуты и пособие подлежали бы упразднению при соответствующей компенсации; временные арендаторы могли быть превращены в мелких собственников (наподобие нижнесилезских огородников); опустевшие до 1 июля 1809 г. дворы переходили бы в полное распоряжение помещика.

По расчетам Вистингхаузена (из Ганзеберга), при ласситском пользовании $\frac{1}{3}$ хозяйства соответствовала барщине, $\frac{1}{3}$ покрывала государственные подати и $\frac{1}{3}$ обеспечивала личные потребности крестьянина, при временной аренде (например, в Померании) соотношение это было следующим: $\frac{1}{2}, \frac{3}{10}$ и $\frac{2}{10}$. Поэтому за отмену повинностей лассит должен был передать $\frac{1}{3}$, а арендатор половину своей земли помещику; коссетов же следовало превратить в поденщиков. Депутат из Восточной Пруссии граф Шлибен, считая, что большинство помещиков не могли бы вести хозяйство без барщины, предлагал отложить передачу крестьянам их хозяйств в собственность и разрешить владельцам имений свободно распоряжаться частью крестьянской земли. Помещики из Верхней Силезии заявляли, что отмена упряженной барщины была бы весьма трудным делом, а пешей — почти невозможной, упразднение последней привело бы к запустению фольварковых земель. Они считали целесообразным превращение временных арендаторов в таких огородников, какие были в Нижней Силезии. Напротив, в отзыве рустикальных владельцев говорилось о настоятельной необходимости упразднения упряженной барщины. Они указывали, что после ее отмены количество лошадей у крестьян не уменьшилось бы, поскольку расширилась бы обработка земли под паром и увеличилась бы заготовка кормов. Отмена пешей барщины, по их мнению, также была необходима и возможна. Нетрудно было найти работников, кроме того, могли быть заключены новые контракты о работе с освободившимися от барщины крестьянами.

Пожелания или требования помещиков в основном были приняты во внимание. В министерстве внутренних дел был подготовлен новый проект эдикта. Тем временем поступило ходатайство от верхнесилезских помещиков об исключении огородников из-под действия проектируемого закона. По их предложению в проект эдикта было включено сформулированное ими в письме от 31 июля 1811 г. особое предписание о силезских огородниках⁴.

14 сентября 1811 г. проект «Эдикта о регулировании отношений между помещиками и крестьянами» приобрел силу закона. «Только когда уже надвигалась война Наполеона с Россией, — отмечал Ф. Энгельс, — снова вспомнили, что понадобятся крестьяне, и тогда был издан эдикт от 14 сентября 1811 г.»⁵

Издание эдикта мотивировалось полезностью регулирования для помещиков и крестьян и «котеческой заботливостью» короля о благе подданных. В эдикте предусматривались передача крестьянам: «полным», «половинным», гуфнерам, огородникам (загродникам), коссетам и им подобным — в частных, городских и церковных имениях в собственность хозяйств, находящихся в их пользовании на ласситском наследственном и ненаследственном^{*} праве, отмена их повинностей в пользу помещиков и обязательств помещиков в отношении крестьян за соответствующее вознаграждение. До проведения регулирования крестьяне обязаны были под угрозой наказания за неповинование выполнять все их повинности.

Регулирование должно было проводиться по добровольному соглашению сторон; если в течение двух лет со дня обнародования эдикта такое соглашение не состоялось бы, то регулирование осуществлялось по предписаниям эдикта, а при отсутствии ходатайства — в обязательном порядке специальной комиссией.

При регулировании в расчет принимались со стороны помещика право собственности на землю, повинности в его пользу (барщина, денежные платежи и натуральные данины), переданный им крестьянину хозяйственный инвентарь и сервитуты на крестьянской земле; со стороны крестьянина — право на пособие в несчастных случаях, сервитуты на фольварковой земле, обязанность помещика ремонтировать и возводить крестьянские постройки и замещать крестьянина при уплате податей и общественных сборов. При этом оставались в силе предписания, что повинности наследственного хозяина нельзя было увеличивать, что они могли быть понижены, если крестьянин оказывался не в состоянии их выполнять или уплачивать государственные подати. Считалось, что повинности крестьянина при наследственном пользовании хозяйством не должны были превышать $\frac{1}{3}$, а при ненаследственном — $\frac{1}{2}$ ценности земельных угодий (Guts-Nutzungen).

* Хозяйство, предоставленное крестьянину в пользование на неопределенное время, определенный срок или пожизненно без обязательства помещика передать его наследнику хозяина, относилось к категории временноарендных. См.: ALR. Zw. Th. Tit. 21. § 628—630.

Стороны могли договориться о возмещении повинностей землей, уплатой капитала, денежной или продуктовой ренты; в случае разногласия за помещиком оставалось право получить вознаграждение зерном. Если помещик требовал передачи земли, а крестьянин не соглашался на это, то способ возмещения определялся властями. При регулировании хозяйств размером свыше 50 м. земли среднего качества признавалось наиболее соответствующим возмещение землей, и если не встречалось каких-либо препятствий, то это должно было быть правилом, а при регулировании меньших хозяйств — вознаграждение зерном.

Наследственный лассит обычно за предоставление ему хозяйства в собственность и отмену его повинностей обязан был передать помещику $\frac{1}{3}$, а ненаследственный — $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{6}$ своей земли и за $\frac{1}{6}$ вносить ренту зерном. Вместе с тем упразднялись обязательства помещика предоставлять крестьянину хозяйственный инвентарь и оказывать ему помощь при ремонте и возведении построек, при несчастных случаях и уплате податей.

Двор с прилегающим к нему огородом, а также лесной участок, обеспечивающий нужды крестьянина в топливе, не подлежали разделу.

На земле, перешедшей к помещику, прекращался выпас крестьянского скота, а вместе с тем помещик терял право выпаса своего скота на соответствующей части крестьянской земли. Право крестьянина на получение топлива от помещика могло быть сохранено при условии выполнения работ и повинностей, связанных с этим правом, и особого вознаграждения за топливо. Выпас крестьянского скота в помещичьем лесу сокращался соответственно на $\frac{1}{3}$ или половину. Крестьянин должен был возвратить помещику хозяйственный инвентарь или возместить его стоимость по старой или последней оценке. За предоставленные крестьянину семена для посева вознаграждения не полагалось. Государственные подати за землю, перешедшую к помещику, уплачивались последним.

Поскольку двор с огородом оставались за крестьянином, отмечался выпас помещичьего скота на части его земли и предоставлялось ему топливо, то за ним сохранялись все коммунальные повинности и он обязан был выполнять вспомогательные работы. Эти работы для крестьянина с упряжкой не должны были превышать 10 дней с трехконной упряжкой и 10 мужских пеших дней, а для крестьянина, отбывавшего пешую барщину, — 10 мужских и 10 женских пеших дней в год, причем нельзя было без согласия крестьянина требовать более двух дней работы в неделю, а рабочие дни не могли следовать один за другим за исключением особых случаев.

По соглашению сторон могло быть оставлено и большее количество вспомогательной работы, но только на 12 лет, по истечении которых эта повинность изменялась или сохранялась на последующие 12 лет. С отказом помещика от вспомогательных работ могли быть упразднены и лесные сервитуты. Помещик имел право

на вспомогательные работы и тогда, когда крестьянину не предоставлялось топливо, в этом случае он должен был платить за рабочий день трехконной упряжки 6 берлинских месе ржи, за день мужской ручной работы — 2 и женский пеший день — 1,5 месе ржи. При высокой цене зерна разрешалась оплата деньгами.

Вспомогательные работы, выполняющиеся крестьянином, не имевшим наследственного права пользования хозяйством, не оплачивались, поскольку его земля полностью освобождалась от пастбищного сервитута. По истечении 12 лет вспомогательные работы могли быть выкуплены.

Если стороны не договорились о возмещении повинностей посредством уплаты капитала или денежной ренты, вознаграждение производилось зерном. Рента зерном при наследственном пользовании хозяйством составляла $\frac{1}{3}$, при ненаследственном пользовании — $\frac{1}{2}$ чистого дохода от земельных угодий, исключая огороды и лесные участки, обеспечивавшие нужды крестьянина в топливе; при меньших хозяйствах в расчет принимались и огороды, имевшие в таких случаях существенное значение. Задолженность по ренте зерном возмещалась отработками по ценам вспомогательных работ или деньгами по цене зерна на ближайшем городском рынке, но не свыше 1 тал. 12 з. г. за берлинский шеф. ржи и 18 з. г. за шеф. овса. В случаях регулирования с уплатой капитала или ренты, без уступки земли, государственные подати не подлежали перераспределению.

Наследственным владельцам хозяйств разрешалось ходатайствовать об установлении возмещения в меньшем размере, чем нормальное вознаграждение. Если другая сторона возражала против такого возмещения, то решение принималось особыми комиссиями.

При регулировании крестьянин мог быть переселен на другое место; расходы, связанные с переносом двора, покрывались помещиком. Если разверстанию угодий препятствовали частно-собственнические земли, то производился их обмен на другие при условии соответствующего вознаграждения. Чтобы ипотечные долги не затрудняли проведение регулирования, не разрешалось обременять ими крестьянское хозяйство выше $\frac{1}{4}$ его ценности. При небольшой задолженности можно было провести парцеляцию в пределах до $\frac{1}{4}$ имевшейся до регулирования и оставшейся после него земли в хозяйстве, если при лицензии $\frac{1}{4}$, а при свободной продаже половина вырученной суммы обращалась на покрытие первого ипотечного долга. С изданием эдикта помещик освобождался от обязательства производить капитальный ремонт крестьянских построек и возводить новые постройки для крестьянина. Если крестьянин отказывался сам это делать, то он мог быть удален с хозяйства.

Крестьянское хозяйство, опустевшее во время последней войны или позднее, но до дня троицы (28 мая) 1809 г., если не предъявлялось законное право на него и на аукционе не находилось по-

купателя, могло быть присоединено к помещичьему хозяйству *.

Регулирование должно было быть проведено в течение 4 лет (в Восточной и Западной Пруссии ненаследственных хозяйств — в течение 6 лет), начиная с первого срока окончания контрактов по найму фольварковых работников в 1812 г.** При проведении регулирования в более короткий срок помещик имел право сохранить барщину в течение 4 лет, за исключением случаев, когда по возвращении ему хозяйственного инвентаря не требовалось приобретения нового инвентаря и устройства помещений для скота или полученное им возмещение в деньгах позволяло обеспечить себя необходимым инвентарем. Ранее установленного срока могла быть отменена и пешая баршина, если оказывалась возможной ее замена. По требованию помещика обязательные отношения могли быть прекращены немедленно после регулирования, но тогда он должен был согласиться с приемлемыми для крестьянина сроками уплаты вознаграждения.

После проведения регулирования крестьянин становился полным собственником своего хозяйства. Он мог, не нарушая прав третьих лиц, увеличивать или уменьшать хозяйство, обменять, подарить, передать его одному или нескольким наследникам или иначе распорядиться им без особого на то разрешения. Долги, обременявшие крестьянское хозяйство, оставались за ним, поскольку вследствие уступки земли или отмены повинностей его ценность не уменьшалась, а, напротив, увеличивалась. За помещиком сохранялось право охоты на крестьянской земле, возникавшие в связи с этим убытки крестьянина помещик обязан был возместить.

Регулированию не подлежали мелкие хозяйства, состоявшие из нескольких моргенов земли, с которых отбывалась пешая баршина. Лица, пользовавшиеся такими хозяйствами, относились к категории фольварковых работников. Их положение могло быть изменено только по взаимному соглашению сторон. Что же касается силезских огородников и огородников-молотильщиков, то устанавливалось следующее.

Поскольку отношение, существовавшее между огородником, отбывавшим барщину за предоставленную в его пользование землю, и помещиком, считалось невыгодным для обеих сторон, то помещик мог хозяйство огородника перенести на другое место, раздробить или присоединить к фольварку; при этом, однако, в деревне должно было оставаться столько хозяйств огородников, сколько числилось их в податном кадастре. Эти хозяйства должны были заключать в себе не менее трех и не более четырех магдебургских моргенов земли, включая двор и огород, они

* По сообщению министра внутренних дел Дона, в октябре 1811 г. числилось 2033 хозяйства, опустевших во время войны 1806—1807 гг. См.: *Harnisch H. Statistische Untersuchungen zum Verlauf der kapitalistischen Agrarreformen in den Preussischen Ostprovinzen (1811 bis 1865)* // JfW. S. 160.

** По Положению о челяди от 8 ноября 1810 г. — 2 апреля, в Силезии 2 января.

вместе с жилищем передавались в собственность огородника. Права огородника на получение ординации, строевого дерева и топлива, сбор подстилки для скота в лесу и пользование лесным пастбищем, связанные с отбыванием барщины, упразднялись; он мог получать топливо от помещика за соответствующее вознаграждение. Огородник обязан был начиная с 31 марта 1812 г. в течение четырех лет работать в имении за обычную в местности плату или возместить деньгами или зерном расходы помещика, связанные с заменой его другим работником. Хозяйства огородников устраивались таким образом, чтобы нежилые старые дворы могли бы быть использованы для размещения новых работников; если передача хозяйства в собственность огороднику оказывалась невозможной, то существующие обязательные отношения сохранялись в течение четырех лет. Хозяйства огородников, устроенные помещиком на его земле и не включенные в кадстр, рассматривались как хозяйства фольварковых работников.

Огородники-молотильщики, владевшие своими хозяйствами на правах собственности и получавшие за барщинные работы вознаграждение зерном, снопами или деньгами, считались фольварковыми работниками. С согласия помещика барщина могла быть заменена денежной платой, помещику предоставлялось право требовать замены платы снопами вознаграждением другого рода. Если огородник не хотел оставаться в таком положении, то мог продать свое хозяйство. Небольшая определенная пешая барщина, выполнявшаяся наряду с уплатой чинша вольными огородниками и другими свободными хозяевами-собственниками, подлежала выкупу. Если при взаимном расчете оказывалось, что их повинность превышала обязательства помещика, то они не имели права требовать возмещения разницы, поскольку с отменой крепостничества взаимные повинности уравнивались⁶.

Таким образом, по эдикту крестьяне, пользовавшиеся землей на ласситском праве, могли приобрести на нее право собственности. В литературе предмета встречается утверждение, что регулирование означало превращение ласситского права пользования землей в ограниченную собственность (*własność podległa*), причем верховная собственность оставалась за помещиком, поскольку сохранялись платежи ренты, чинша и лаудемии, вспомогательные работы, право охоты и разработки залежей на крестьянской земле, патrimonиальная юрисдикция⁷. Эти платежи, повинности и права являлись существенным остатком феодализма, но теперь не определялись правом верховой собственности и не были равносочетны ей (она предусматривала ограничения при продаже и обременении долгами хозяйства и прекращение пользования хозяйством при недоплате платежа). После регулирования крестьянин мог, не нарушая прав кредиторов, свободно распоряжаться своим хозяйством. В эдикте прямо говорилось о передаче крестьянину хозяйства или части его в собственность (§ 1, 4, 6, 10, 25), которая считалась полной или неограниченной (§ 31, 38). В актах регулирования поземельное право крестьянина определялось как

«прочная и полная», «неоспоримая и неограниченная», «полная, чистая и неотменяемая», «свободная и неограниченная» собственность. Касаясь регулирования крестьянских хозяйств, Ф. Энгельс констатировал: «Согласно основному принципу, крестьянин за уступку одной трети своего земельного участка (или за уплату ее денежной стоимости) должен был стать свободным собственником сохранявшейся у него еще после этого земли»⁸. В другом месте он указывал, что в эдикте «крестьянам и помещикам рекомендовалось в течение двух лет вступить в полюбовное соглашение о выкупе барщины и повинностей, а также и о выкупе у помещика его верховных собственнических прав...»⁹.

По мнению Г. Ф. Кнаппа, в результате регулирования помещик переставал быть собственником или (по более четкому определению администрации Курмарка) верховным собственником крестьянского хозяйства, последнее становилось собственностью крестьянина¹⁰. И. Цикурш считал, что ласситское пользование землей при регулировании превращалось в полную собственность¹¹. Также характеризуется это поземельное право и в работах других историков и экономистов¹².

За приобретение хозяйства в собственность крестьянин должен был уплатить большой выкуп. Даже канцлер Гарденберг отмечал, что помещики получали «очевидно больше, чем им пришлось бы строго по закону». Поскольку для содержания крестьянской семьи и общественных платежей требовалось по меньшей мере от 30 до 40 % дохода, то помещику осталось бы лишь 15—30 % крестьянского дохода¹³. Позднее В. Вольф справедливо указывал, что эдиктом было «предоставлено помещикам огромное вознаграждение за те феодальные повинности, которые уже давно должны были быть безвозмездно упразднены... Вместо того чтобы вознаградить крестьян за грабеж, осуществляемый рыцарством уже так долго, благородное рыцарство потребовало и получило благодаря этому закону еще одно вознаграждение, увековечивавшее феодальное ограбление в формах буржуазной законности»¹⁴.

«Но даже и этот выкуп, предоставивший такие огромные выгоды дворянству, — писал Ф. Энгельс, — оставался музыкой будущего. Ибо дворянство тормозило дело, чтобы добиться еще большего...»¹⁵

Многие помещики, заявляя, что эдикт нарушает их права, ставят в трудное положение фольварковое хозяйство или даже угрожает им разорением, ходатайствовали об изменении или отмене закона о регулировании. С такими просьбами обращались владельцы имений из округов Штолп (Слупск) 1 ноября 1811 г., Лауенбург (Ленборк) 26 ноября, Растенбург (Кентшин) 14 декабря, Белгард (Бялогард) 30 декабря, Нойштеттин (Щецинек) 6 января 1812 г., Диршауэр 10 января, Фюрстентум 11 января. По их мнению, регулирование могло производиться только по добровольному соглашению сторон в соответствии с местными условиями и в приемлемые для них сроки; или в случае регулиро-

вания крестьянин обязан был уплатить выкупные деньги или канон и выполнять определенную барщину, а коссетов, отбывавших пешую барщину, следовало бы оставить в прежнем положении, поскольку для оплаты поденщиков требовались бы значительные средства. По другим предложениям помещиков регулированию подлежало бы хозяйство, с которого уплачивались обычная контрибуция и сбор на содержание кавалерии. Такое хозяйство в течение 6 лет после 1812 г. могло быть передано в собственность, а хозяйство, сданное в аренду до 1818 г., продано кому-либо; за половину земли, оставшейся у крестьянина, он обязан был уплатить выкупные деньги и отбывать в течение 12 лет пешую барщину, причем возвращался бы помещику хозяйственный инвентарь и разрешалось бы переселение крестьянина на другое место. Кроме того, можно было бы передать крестьянские хозяйства в наследственное пользование или собственность на условиях, принятых в доменах; помещикам следовало бы разрешить проведение регулирования в течение шести лет без применения эдикта. Помещики некоторых восточно-прусских и литовских округов, рассматривая эдикт как посягательство на их право собственности и считая, что его осуществление нанесло бы ущерб владельцам имений, ухудшило бы положение крестьян и не принесло бы пользы государству, настаивали на отмене закона (письма канцлеру Гарденбергу и королю от 20 ноября 1811 г.).

Вместе с тем у местных властей, занимавшихся регулированием, возникли сомнения, подходит ли под действие закона только хозяйства, с которых уплачивалась контрибуция, или же он распространяется также на хозяйства: а) устроенные на доминиальной земле после 1763 г.; б) созданные на средства мелиорационного фонда, в) расположенные в лесистых местностях Померании (так называемые Busch-vorwerk), г) переданные за плату в пользование на 25—30 лет, д) на земли, которые разрешалось присоединить к фольварку, и т. д.

Эти обстоятельства побудили правительство к пересмотру эдикта. В начале 1812 г. был составлен проект декларации, предусматривавший регулирование только хозяйств, отбывавших упряжную барщину и числящихся в податном кадастре, т. е. существенно ограничивавший круг регулируемых хозяйств. Кроме того, был подготовлен проект постановления так называемого Интермистикума о немедленной передаче хозяйств, подлежащих регулированию, в собственность крестьян с условиями прекращения пособий со стороны помещика, уменьшения барщины наследственных хозяев на $\frac{2}{9}$, а ненаследственных — на $\frac{1}{3}$ и последующего окончательного регулирования отношений между сторонами. Оба проекта по предложению национальных представителей в мае 1812 г. были переделаны¹⁶.

Начавшаяся в июне 1812 г. война Пруссии против России, а с февраля 1813 г. война Пруссии против Франции, осложнив обстановку в стране, замедлили регулирование крестьянских хозяйств и оказались на проектируемых мерах по аграрному вопросу.

В сентябре 1812 г. проекты декларации и Интермистикума были соединены в один законопроект (проект Е). В особых проектах постановлений предусматривались условия регулирования крестьянских хозяйств в доменах и парцелляции земель.

При обсуждении проекта Е¹⁷ в октябре 1812 г. представители министерства юстиции, считая, что предоставление крестьянам хотя и ограниченного права собственности на их хозяйства до регулирования их повинностей означало бы вторжение в частную собственность, противоречило бы эдикту, затормозило бы регулирование, запутало бы правовые отношения и не было бы полезным государству, высказались против такой меры. Напротив, депутаты от крестьянского сословия в письме королю от 18 февраля 1813 г., сообщая о тяжелом положении крестьян в связи с военными поборами и отказом помещиков предоставлять пособие, просили скорее издать закон о передаче их хозяйств в собственность, парцелляции земель и выкупе повинностей.

По мнению некоторых представителей администрации и национальных депутатов, интересы освободительной войны и стабилизации положения в стране требовали безотлагательного издания проектируемого закона. Военный советник Х. Ф. Шарнвебер в письме канцлеру от 18 февраля 1813 г., указывая, что и независимость и благо государства зависят прежде всего от сохранения крестьянского сословия, считал необходимым утвердить проект. Граф Гарденберг находил исключение из проекта второй и третьей частей (так называемого Интермистикума и предписаний о способе проведения регулирования) вредным для государства, помещиков и крестьян. «Для государства, — отмечал он, — так как я в этом случае опасаюсь со стороны вооруженных крестьян беспокойства и волнений, которые государство не может достаточно быстро подавить, и вследствие этого во всяком случае была бы парализована сила, которая должна применяться для великой цели — национального освобождения».

Сообщая о настроениях крестьян и выражая подобные опасения, местные власти высказывались за проведение в жизнь эдикта. Генеральный комиссар фон Браухич в письме от 1 августа 1813 г., указывая, что крестьяне Померании настаивают на скончайшем проведении регулирования, возражал против продления срока для добровольного соглашения сторон, так как в этом случае барщина сохранялась бы в течение более длительного времени, чем предусматривалось в эдикте, а это вызвало бы недоверие крестьян к правительству. «Оружие ему (крестьянину. — И. К.) дано в руки, — говорилось в письме, — хотя против внешнего врага, но он сперва обратит его против того, кого считает врагом своего счастья, и нет больше силы, чтобы держать его в узде»¹⁸.

По сообщению экономического комиссара Крюгера (письмо от 25 апреля 1814 г.), многие крестьяне говорили, что только надежда на регулирование удерживала их в последние годы от бегства из своих хозяйств. 25 июня 1814 г. ландрат фон Девиц писал: «Свыше 300 деревень в Померании уже внесли письменные

предложения о проведении регулирования. Следует быстро двигаться вперед в регуляционном деле, так как иначе неизбежно самовольное прекращение связи между крестьянами и помещиками. Уже теперь [крестьяне] во многих местностях отказываются выполнять барщину и промедление в регулировании может подвергнуть опасности общественное спокойствие. Помещики, однако, не видят этой опасности. Они за малым исключением предубеждены против эдикта и надеются, что он будет отменен». По его мнению, помещикам следовало бы разрешить ходатайствовать о большем, чем нормальное возмещение, и таким образом были бы устранены основания для их жалоб. Отмечая, что положение крестьян в Ноймарке в последнее время еще более ухудшилось, генеральный комиссар фон Зак полагал, что задержка с исполнением эдикта или приостановка его действия на неопределенный срок имели бы опасные последствия и ослабили бы доверие к законодательству (письмо от 15 июня 1814 г.). В письме генерального комиссара Иордана от 12 октября 1814 г. говорилось, что в Верхней Силезии растет число ходатайств о проведении регулирования. Такие просьбы поступали не только от крестьян, хозяйства которых подлежали регулированию, но и от хозяев-собственников, обремененных барщиной, причем их ходатайства становились все более настойчивыми. Положение крестьян с 1811 г. в связи с увеличением поборов, сокращением поголовья скота, застоем в промышленном производстве и снижением цен на продукты земледелия значительно ухудшилось. Иордан считал необходимым дальнейшее проведение регулирования по правилам эдикта.

При таких обстоятельствах в условиях военного времени правительство считало невозможным издание проектируемого закона, который, с одной стороны, усугубил бы недовольство крестьян, а с другой — усилил бы нарекания помещиков.

Стремясь избавиться от помещичьего гнета, многие крестьяне, несмотря на тяжелые условия регулирования, добивались его проведения. Помещики же, за некоторым исключением, надеялись на изменение эдикта, воздерживались от его применения. По мнению правительства, регулирование должно было проводиться по добровольному соглашению, что в конечном итоге обеспечивало бы интересы помещиков. Неблагоприятно сказывалась на регулировании и военная обстановка в стране. Поэтому регулирование в первые годы после издания эдикта не получило значительного распространения.

25 апреля 1814 г. экономический комиссар Крюгер сообщал, что в Померании при регулировании помещики считали для себя более выгодным возмещение землей, чем рентой, а крестьяне, желая освободиться от барщины, соглашались на уступку половины своей земли. В записке заведующего отделением по делам сельского хозяйства и регулирования министерства внутренних дел Г. И. Кунта, датированной 16 июня 1814 г., говорилось, что в Марке, Померании и Силезии поступило много ходатайств

о проведении регулирования, больше от крестьян, чем от помещиков. Почти везде помещики получили возмещение землей по установленным нормам, причем оно признавалось достаточным. В Ноймарке помещик иногда довольствовался и меньшим вознаграждением. В некоторых местах владельцы имений полностью или частично отказывались от вспомогательных работ. После регулирования крестьяне производили улучшения в своих хозяйствах¹⁹.

Из письма экономического комиссара Людеке от 31 декабря 1815 г. следовало, что регулирование было проведено или начато в Пригнице в 78, Миттельмарке в 38, Гавелланде в 2, земле Руппин в 3 случаях. В Пригнице почти везде права помещика возмещались уплатой капитала. Регулирование задерживалось в связи с ожидавшимся изменением эдикта²⁰.

С успешным окончанием войны против Франции к Пруссии возвратились утраченные территории, были присоединены другие земли, в стране укрепились позиции монархии и консервативных сил. Внешняя и внутренняя политика правительства приобретала все более реакционный характер. Монархия шла навстречу домогательствам помещиков в связи с регулированием крестьянских хозяйств. Делая уступки дворянству в этом отношении, монархия тем самым пыталась ослабить и нейтрализовать его претензии на участие в управлении страной.

В связи с жалобой жителей округа Дойч-Кроне (Валч) на то, что эдикт еще не проводится в жизнь и что они по-прежнему отбывают свои повинности, а помещики не разрешают им пользоваться лесными сервитутами, в кабинетном распоряжении от 7 февраля 1815 г. для управления Западной Пруссии говорилось: пока эдикт не может быть полностью введен в действие, отношения между помещиками и крестьянами остаются без изменений. 24 апреля 1815 г. министерство внутренних дел направило в управления провинций и генеральным комиссарам предписание, в котором без оговорки обстоятельств дела сообщалось о распоряжении короля. В результате регулирование при неблагожелательном отношении к нему со стороны местных властей затягивалось или даже приостанавливалось²¹.

В связи с заявлением владельцев рыцарских и кульмских имений из округа Морунген (Моронг) Восточной Пруссии (приложенным к письму Дона от 15 марта 1814 г.) о том, что эдикт подвергает опасности кредитное дело и нарушает право собственности, 18 апреля последовало кабинетное распоряжение, в котором говорилось, что исполнение эдикта, судя по многим протестам со стороны помещиков и особенно из округа Морунген, встречает затруднения, король поручил канцлеру проверить принципы эдикта и представить ему об этом доклад. Канцлер 12 сентября 1814 г., сообщая министерству внутренних дел о распоряжении короля, предложил запросить мнение земских представителей по этому вопросу.

Юнкерское большинство временного собрания земских представителей предлагало проводить регулирование только по добро-

вольному соглашению; исключить из регулирования хозяйства: а) устроенные на фольварковой земле, б) коссетов и им подобных, отбывающих лишь пешую барщину; в) ненаследственных владельцев, г) эмфитеотов в Западной Пруссии (после истечения их контрактов они считались бы временными арендаторами). Предлагалось также сохранить половину барщины на 12 лет, не определять нормы возмещения; не устанавливать для крестьянина особых ограничений в обременении долгами хозяйства, парцелляции земель и т. п. Меньшинство, состоявшее в основном из представителей крестьян и горожан, возражало против изменения эдикта.

Проект нового закона, составленный с учетом мнения большинства, 14 марта 1815 г. был представлен канцлеру. 3 июля министерской комиссии в составе государственного советника Л. В. Влёмера, тайного правительского советника Девица и камерюстицсоветника Мюллера-1 было поручено рассмотреть предложения земских представителей. Комиссия, внеся некоторые изменения в проект закона, признала целесообразным издать его в виде декларации к эдикту (заключение комиссии от 17 декабря).

Судя по постановлению правительства от 31 декабря, задержка с введением эдикта в жизнь вызывала беспокойство у крестьян. В постановлении говорилось, что война затруднила не только исполнение закона, но и подготовку дополнительных постановлений к нему. Вместе с тем крестьяне предупреждались от ошибочных надежд, что с окончанием установленного в эдикте срока могут быть прекращены их повинности в пользу помещиков. До проведения регулирования в соответствии с подготовляемой декларацией все их обязательства оставались в силе²². В марте 1816 г. проект декларации был частично изменен, а 29 мая подписан королем.

Характеризуя позицию правительства, Ф. Энгельс отмечал, что после изгнания французских войск из страны «все прекрасные посулы были снова забыты»; декларация к эдикту «звучала уже совершенно иначе»²³.

Действие декларации не распространялось на уже проведенное регулирование. В ней устанавливалась категория так называемого земледельческого хозяйства (Ackegnährung). Земледельческим считалось хозяйство, с которого отбывалась упряжная баршина или для ведения которого содержался рабочий скот*. Отныне регулированию подлежали только земледельческие хозяйства, которые обладали вместе следующими свойствами: а) были предназначены для содержания их владельцев в качестве самостоятельных сельских хозяев, б) числились в податных книгах провинции крестьянскими владениями, в) в так называемые нормальные

* Декларацией от 10 июля 1836 г. устанавливалось, что такое хозяйство должно было заключать в себе не менее 25 м. земли среднего качества (ячменной второго класса) или в зависимости от качества большее или меньшее количество земли, располагать двумя лошадьми или двумя волами и быть обремененным упряженной барщиной.

годы, т. е. в Силезии до 14 июля 1749 г., в Восточной Пруссии, главных и наследственных и главных амтах Мариенвердер (Квидзин), Ризенбург (Прабуты), Шёнберг (Шимбарк) и Дойч-Эйлау (Илава) до 1752 г., в Марках и Померании до 15 февраля 1763 г., в Западной Пруссии, Эрmlandе и Вармини до 1774 г., находились в пользовании крестьян и г) в отношении их при обнародовании эдикта еще сохранялась обязанность помещика передавать освободившиеся хозяйства другим крестьянам.

Под действие эдикта подходили все такие хозяйства независимо от того, принадлежали ли они к доменам (за исключением доменов в Восточной и Западной Пруссии, где уже последовала передача их в собственность), камерам, духовным учреждениям, рыцарским и другим частным (кельмерским в Пруссии и солтысским в Силезии) владениям. Его предписания относительно ненаследственных хозяйств применялись и к находившимся в Пруссии эмфитеутам с определенным сроком землепользования*.

Из-под действия эдикта исключались хозяйства крестьян (*Dienstfamilien-Etablissements*), отбывавших только пешую барщину, не имевших рабочего скота и для ведения их хозяйств не требовался такой скот; находившиеся на фольварковой земле; не числящиеся крестьянскими в податном кадастре; возникшие после установленного времени; подлежащие присоединению к фольварку с разрешения властей, а также приходские и церковные земли, сданные в обработку или аренду.

Регулирование могло быть проведено по ходатайству одной стороны или обеих сторон и по добровольному их соглашению. Если регулирования требовала одна сторона, то оно проводилось особым комиссаром; спорные вопросы решались Генеральной комиссией, в случае обжалования окончательное решение принималось Ревизионной коллегией на основании предписаний эдикта и декларации. В отличие от эдикта срок проведения регулирования не определялся и не предусматривалось его осуществление в обязательном порядке.

Все земли, состоявшие в законном пользовании крестьянина перед обнародованием эдикта, считались принадлежностью крестьянского хозяйства. Однако если у крестьянина в настоящее время было больше земли, чем принадлежало ему раньше, то помещик мог сразу присоединить излишек к своему хозяйству при условии, что он образовался не за счет земель, приобретенных крестьянином в собственность или наследственное владение. При недостатке доказательств основанием для такой претензии помещика являлось соотношение между размером производимого и зафиксированного в податном кадастре посева. Это предписание применялось и к ненаследственным хозяйствам, причем временные арендаторы и эмфитеуты не могли претендовать на представленные

* Относительно отмены повинностей крестьян-собственников, наследственных чиншевиков и наследственных арендаторов предусматривалось издание особого постановления.

им в аренду фольварковые земли. К повинностям, подлежавшим возмещению, относились и мясная десятина, вносившаяся в натуре или деньгами, и данины жареными курами.

При разногласии сторон относительно способа возмещения прав и повинностей Генеральная комиссия определяла, должно ли оно производиться землей или рентой в зерне или частично тем и другим. Помещик обязан был принять возмещение рентой, если в крестьянском хозяйстве после уступки земли не оказалось бы достаточно работы для пары волов. Способ возмещения, однако, не мог быть навязан помещику за исключением следующих случаев: а) когда ему при отсутствии добровольного соглашения назначалось возмещение сверх нормальной ставки (оно уплачивалось денежной рентой) и б) когда по спорным делам о сумме ренты, хозяйственных предметах, о разделе угодий общего пользования и обмене земель принималось решение Ревизионной коллегией.

Предписания эдикта о возмещении землей за исключением нормальной ставки и распределения податей и реальных платежей имели теперь рекомендательный характер. Земли, переходившие к помещику, должны были отводиться таким образом, чтобы они в хозяйственном отношении были связаны с его владением, а если это оказывалось невозможным без значительного ущерба для одной из сторон, то обособлялись от крестьянских земель. Потеря в качестве земли могла быть компенсирована увеличением ее количества, потеря в количестве — лучшим качеством, а недостача земли одного рода — другим ее родом. Предусматривались обмен земель с условием возможной компенсации и перенесение крестьянского хозяйства за счет помещика на другое место. Помещик мог требовать возврата дворового инвентаря или возмещения его деньгами по таксе, установленной при передаче его крестьянину, или на другом законном основании.

Крестьянин был обязан возвратить семена, необходимые для засева уступаемой им земли, или возместить их по цене на ближайшем определенном городском рынке и передать соответствующую часть навоза, полученного из последнего сбора сена и зерна перед регулированием; если крестьянину была передана засеянная земля, то возмещение производилось такой же землей. До проведения регулирования крестьянские и переходившие к помещику земли должны были обрабатываться и унавоживаться обычным способом, при передаче помещику земли, недостаточно унавоженной, ему полагалась особая компенсация за это.

Рекомендовалась сепарация земель общего пользования. Помещик и крестьянин могли требовать раздела таких угодий, сепарация земель должна была проводиться по правилам разверстания угодий общего пользования.

Постановления эдикта относительно размера ренты при регулировании ненаследственных хозяйств впредь имели примерное значение. Рента устанавливалась исходя из местных условий по предписаниям декларации. Если определение ренты по ценности

поля оказывалось затруднительным, то производилась оценка всех земель, подлежащих разделу между сторонами, и одна треть чистого дохода при наследственном и половина — при ненаследственном пользовании после вычета реальных платежей составляли ренту. При этом применялись постановления эдикта о пастьбах, лесных сервитутах, вспомогательных работах и фольварковом инвентаре и относящиеся к ним предписания декларации. Коммунальные повинности и расходы на содержание построек не принимались во внимание.

Рента, если стороны не договорились о ней иначе, выражалась в определенном количестве зерна и вносилась деньгами по цене зерна, которая равнялась его средней цене в последние десять лет в мартиновские дни * на ближайшем обычном городском рынке. Размер денежной платы оставался неизменным в течение последующих десяти лет, по истечении которых он определялся таким же образом на очередное десятилетие.

Поскольку в эдикте крестьянину с наследственным правом пользования землей разрешалось ходатайствовать об установлении платежа в меньшем размере, чем нормальная ставка, то теперь предоставлялось и помещику право требовать более высокого возмещения, чем предусматривалось в эдикте. При этом не делалось различия между наследственными и ненаследственными хозяйствами. Такие ходатайства не могли, однако, задерживать проведение регулирования и рассматривались особо. При несогласии сторон вопрос о меньшем или большем возмещении решался избранными ими (по одному) сведущими лицами, в случае разногласия экспертов Генеральная комиссия назначала субарбитра. Если оказывалось необходимым специальное разыскание, то оно проводилось не только в интересах ходатайствующей стороны, но и в пользу другой стороны. При ходатайстве о высшем возмещении помещик мог получить за предоставление крестьянину права собственности на наследственное хозяйство 5 %, а на ненаследственное — 7,5 % чистого дохода от оставшегося ему после регулирования хозяйства, включая и огород.

Вспомогательные работы в тех местах, где баршина отбывалась с четырехконной или двухконной упряжками, должны были составлять соответственно 8 и 13 дней. Если крестьянин не получал никакого топлива, то вспомогательные работы оплачивались по определенным нормам. Сверх предусмотренных вспомогательных работ могли быть установлены в определенном размере на срок до 12 лет дополнительные ручные работы, которые оплачивались помещиком по предписанным ценам. Если помещик получал ренту по изменяющейся цене ржи, то расчет за вспомогательные работы производился в деньгах по цене зерна, применявшейся для исчисления денежной ренты. Крестьянин обязан был бесплатно предоставить подводы помещику для производимых им

* Мартиновскими считались дни с 4 по 18 ноября.

в связи с регулированием работ, размер и сроки выполнения которых определялись Генеральной комиссией.

Обязанность помещика производить капитальный ремонт старых построек и возводить новые постройки для крестьянина прекращалась с момента внесения ходатайства о проведении регулирования. Помещик мог требовать возмещения расходов, произведенных в связи с выполнением этого обязательства после издания эдикта в размере $\frac{2}{3}$ ценности сохранившихся ко времени регулирования улучшений. Расположенные на крестьянском дворе жилища для фольварковых работников и другие особые постройки, принадлежавшие помещику, сохранялись за последним. По требованию крестьянина и за его счет они могли быть перенесены на фольварковые земли, в противном случае — оставались на прежнем месте.

Недоимка барщины возмещалась только в случае, если она образовалась в результате неповиновения крестьянина. Задолженность помещику в зерновом сборе или в деньгах, возникшая до 1 января 1815 г., могла быть покрыта с 1 января 1816 г. в течение пяти лет равными частями.

Условия регулирования фиксировались в специальном документе — рецессе. В случае разногласия сторон относительно срока исполнения регулирования он устанавливался Генеральной комиссией, причем вопреки воле заинтересованного не мог откладываться более чем на один год, считая от ближайшего после утверждения рецесса срока замены фольварковых работников.

При задолженности в уплате ренты зерном помещик имел право требовать ее возмещения и посредством платежа натурой или деньгами по рыночной цене зерна, а недоимки в денежной ренте — отработками по принятой для исчисления денежной ренты цене зерна, являющегося эквивалентом стоимости рабочего дня.

С проведением регулирования крестьянин приобретал право собственности не только на поверхности земли, но и на ее недра в соответствии с государственными и провинциальными законами. Если до регулирования на крестьянской земле помещиком была начата разработка известняка, мергеля, других минеральных ископаемых и торфа, то он мог продолжать ее, причем должен был вознаградить крестьянина за используемую им поверхность земли. За крестьянином оставалось право пользования этими залежами для удовлетворения собственных нужд, если он имел такое право до регулирования.

Долги крестьянского хозяйства свыше $\frac{1}{4}$ его ценности не касались преимущественных прав других его кредиторов. Впрочем, хозяйство являлось объектом, не ограниченным для выполнения обязательств, принятых его владельцем. Передача крестьянского хозяйства по наследству производилась по провинциальным законам, при разделе оно оценивалось по действительному доходу и могло быть продано с аукциона.

Помещик имел право при отсутствии законной претензии на получение опустевшего крестьянского хозяйства распоря-

диться им по своему усмотрению без продажи с торгов. При этом не делалось различия между хозяйствами, которые уже были присоединены к фольварку, оставались впусте или перешли бы к помещику в будущем. Это постановление применялось и в случаях, когда помещик договорился с временным держателем или другим владельцем об отмене его прав и претензий. Оно распространялось и на наследственные хозяйства, оставшиеся после удаления владельцев или арендаторов или их добровольного отказа от приобретения хозяйств в собственность, а также на хозяйства огородников в Силезии после истечения срока пользования ими, независимо от того, числились они в кадастре или нет²⁴.

Декларация прежде всего ограничивала масштабы регулирования. «Возможность выкупа феодальных повинностей, — констатировал Ф. Энгельс, — была здесь уже не правилом, а исключением...»²⁵ Вместе с тем условия регулирования стали более обременительными для крестьян и расширились возможности помещиков в обеспечении своих интересов.

В связи с возникшим вопросом о праве на приобретение крестьянского хозяйства постановлением от 9 июня 1819 г. определялось, что такое право имел и наследник подлежащего регулированию хозяйства с наследственным правом пользования. Ненаследственное хозяйство переходило к наследнику таким же образом, как и хозяйство при наследственном пользовании. Однако различия между этими хозяйствами в отношении возмещения повинностей сохранялись. Если хозяйство, подходившее под действие закона, было присоединено к фольварку, а затем передано крестьянину, то последний имел право на приобретение этого хозяйства, как если бы он владел им во время издания эдикта. При необязательной передаче хозяйства крестьянину права нового владельца определялись по контракту²⁶.

Действие эдикта и других постановлений относительно регулирования 18 ноября 1819 г. распространялось на округ Котбус²⁷, а 21 июля 1821 г. — на Верхние и Нижние Лужицы и амт Зенфтенберг²⁸.

Под действие декларации подходили и некоторые хозяйства огородников в Верхней Силезии. Это вызвало возражения со стороны помещиков. Они заявляли, что не могут обойтись без пешей барщины и настаивали на исключении хозяйств огородников из регулирования. Генеральный комиссар Иордан и комитет Силезского кредитного общества разделяли их мнение. Министерство внутренних дел, однако, находило домогательства помещиков неосновательными; оно полагало, что нельзя было отнять у огородников предоставленное им право на приобретение своих хозяйств в собственность без вознаграждения, в противном случае мог возникнуть вопрос о коссетах в других провинциях.

Между тем при проведении регулирования обнаружились различия в толковании закона самими властями. Генеральная комиссия в Гросс Штрелиц (Стшельцах) и Ревизионная коллегия в Бреславле (Влоцлав) считали, что регулированию подлежат

хозяйства, которые имели по меньшей мере двух рабочих волов (или такой же рабочий скот был необходим для их ведения) и после уступки части земли помещику оставались бы самостоятельными земледельческими хозяйствами. Напротив, по мнению Тайного верховного трибунала, под действие декларации подходило хозяйство, имевшее упряжку (хотя бы небольшое количество рабочего скота) независимо от того, каким бы оно стало после такой передачи земли. Государственное министерство предлагало считать подлежащим регулированию хозяйство, имевшее не менее 25 м. земли среднего качества. Его заключение было передано на рассмотрение Государственного совета и провинциальных сословий²⁹. В результате 13 июля 1827 г. было издано постановление относительно огородников и других мелких хозяев в Верхней Силезии. Здесь не должно было применяться предписание декларации, содержавшее определение земледельческого хозяйства, и исключались из-под ее действия все хозяйства, числившиеся в седьмой части податного кадастра как хозяйства огородников, огородников-молотильщиков или под другим названием, которые считались хозяйствами работников. Если с такого хозяйства отбывалась упряжная барщина и оно заключало в себе с присоединенным и полевым огородами по меньшей мере 25 м. земли среднего качества или соответствующее количество лучшей или худшей земли, то последнее подлежало регулированию. В этом случае к упряженной барщине относились работы с упряжкой, зафиксированные в кадастре и поземельной описи, имеющих законную силу, в неоспариваемом контракте, ставшие обычаем ко времени издания эдикта 1811 г. и отбывавшиеся в имении или промышленном заведении. Подводы, предоставляемые временно или по контракту за особое вознаграждение или передачу в пользование земли, облагаемой доминиальной податью, не считались упряженной барщиной. Разрешалось регулирование хозяйств указанного размера не обязанных упряженной барщиной при условии возмещения их владельцами повинностей помещику уплатой капитала сразу³⁰.

Таким образом, в Верхней Силезии значительно ограничивалась сфера регулирования. Большинство огородников были исключены из-под действия декларации. Владельцы имений могли распоряжаться их хозяйствами по своему усмотрению. При этом, однако, с уменьшением потребности в пешей барщине регулирование хозяйств огородников заметно расширилось³¹.

Условия регулирования крестьянских хозяйств в Познанской провинции, а также в Хелминском, Михаловском и Торуньском округах Западной Пруссии определялись особым законом от 8 апреля 1823 г. В этих землях, находившихся в 1807—1815 гг. в составе Варшавского княжества, 22 июля 1807 г. была упразднена личная зависимость крестьян от помещиков, а декретом от 21 декабря 1807 г. устанавливалось, что по истечении года отношения между крестьянами, не имевшими права собственности на землю или права временного пользования, и помещиком регули-

ровались добровольным соглашением сторон, причем крестьянин, передав свое хозяйство помещику, мог переселиться на другое место, а помещик удалить его с хозяйства³². С присоединением этих земель к Пруссии по Венскому трактату от 7 июня 1815 г. патентами от 9 ноября 1816 г. восстанавливалось действие Общего земского права в Хелминском, Михаловском и Торуньском округах с 1 января, а в княжестве Познанском с 1 марта 1817 г.³³ Поскольку регулирование поземельных отношений предусматривалось и в этих землях, то местные помещики стремились заранее в большей мере обеспечить свои интересы. В значительных масштабах происходил захват крестьянской земли. Это порождало недовольство у крестьян и вызывало беспокойство у властей. 2 января 1817 г. мариенвердерское правление объявило, что в упомянутых округах помещики не имеют права присоединять крестьянские земли к своим хозяйствам³⁴. 13 июня 1817 г. познанское правление обнародовало распоряжение министерства внутренних дел, запрещавшее включение крестьянских хозяйств в фольварки под угрозой судебного процесса³⁵. Однако захват помещиками крестьянских земель продолжался. 6 мая 1819 г. было издано кабинетное распоряжение, им запрещалось владельцам имений удалять крестьян с предоставленных им хозяйств, если это не было предусмотрено в контрактах³⁶, но помещики с ним мало считались.

Предписания закона от 8 апреля 1823 г. в основном были аналогичными или подобными постановлениям эдикта и декларации, но и в значительной мере отличались от них, что обуславливалось местными обстоятельствами. Существенное значение имело стремление правительства, с одной стороны, ослабить влияние помещиков на крестьян и привлечь их на свою сторону, а с другой — не противопоставить помещиков прусской монархии³⁷.

В доменах, частных, городских и церковных имениях, а также владениях учреждений в Познанской провинции, Хелминском, Михаловском и Торуньском округах подлежали регулированию земледельческие хозяйства с правом наследственного и ненаследственного пользования, которые а) по податному кадастру, составленному в 1772—1773 гг., облагались крестьянской лановой податью или как хозяйства данников, ратаев и им подобных были обязаны к уплате подопечных денег; б) во время обнародования закона были обременены барщиной или относились к категории шарварковых (ласситских); в) были переданы без барьеры в эмфитеутическое пользование на определенные годы или определенным поколениям (с правом или без права требовать продления контракта) или во временную аренду и заключали в себе не более 200 м. земли; г) если владельцы этих хозяйств принадлежали к крестьянскому сословию и имели наименования: крестьянин (хлоп), кмет, окупник, пулрольник, половник, пулланник, пулследник, хатник, коморник, загродник, халупник и т. д. Здесь в отличие от других провинций расширялся круг регулируемых хозяйств, так как к ним относились и часть хозяйств, не числив-

шихся в податном кадастре. При этом принадлежностью хозяйства считались как земли, первоначально состоявшие в нем, так и позднее присоединенные к нему из фольварка. Кроме того, помещики были обязаны передать крестьянам хозяйства, незаконно присоединенные к фольваркам после издания распоряжения от 6 мая 1819 г.

Из-под действия закона исключались крестьянские хозяйства, включенные в фольварки до распоряжения от 6 мая 1819 г., созданные на фольварковой земле после этого распоряжения, упраздненные с ведома властей, и арендаторы церковных и приходских земель.

Для содействия регулирования создавались посреднические комиссии в составе помещика и крестьянина-окупника или другого сведущего и доверенного лица. Если старания комиссии оказывались безрезультатными, то по ходатайству одной или обеих сторон регулирование проводилось особым комиссаром.

При регулировании в расчет принимались денежный чинш, выплачивавшийся в данный момент; упряжная и пешая барщина, фактически отбывавшаяся при обычном ведении фольваркового хозяйства в последние три года до обнародования закона (если ее размер не был определен, то он устанавливался сведущими лицами по состоянию фольварка в указанные годы); строительные повинности и другие виды барщины, выполнявшиеся в особых случаях (по количеству дней или работы); платежи зерном по их нынешней величине; другие натуральные повинности и сборы (десятины и т. п.); сервитуты на крестьянской земле (по оценке экспертов), чинш рожью или деньгами за земли или предметы, предоставленные в пользование крестьянам; вкуплые деньги (*Einkaufsgeld*) временных эмфитеевтов, уплачиваемые по обычаям или контракту; пособия со стороны помещика; его платежи за отбываемые повинности; сервитуты на фольварковой земле. Таким образом, здесь не предоставлялось особое возмещение за право собственности помещика на землю, не делалось различия между наследственным и ненаследственным правом пользования и не устанавливалась норма вознаграждения, его размер определялся существующими повинностями крестьянина за вычетом обязательств помещика.

Для оценки барщины, исчисляемой днями работы, сшедшими лицами при участии представителей помещиков устанавливались минимальные и максимальные цены барщинного дня различного рода в мерах ржи, и в границах этих цен Генеральная комиссия определяла местную стоимость барщинного дня *. Барщина, измерявшаяся количеством работы, оценивалась по затратам для выполнения такой работы помещичьей упряженной и фольварковым работником. Все сервитуты на фольварковой и крестьянской землях подлежали упразднению, но, в отличие от декларации,

* Здесь пеший день барщины приравнивался к $\frac{3}{4}$ – $\frac{5}{6}$ вольнонаемного дня работы, упряженный день — к $\frac{1}{3}$ – $\frac{3}{4}$ вольнонаемного дня работы с упряженкой.

по ходатайству крестьянина за ним в течение ближайших 12 лет сохранялось право на получение топлива из помещичьего леса или торфяника и на выпас скота на лесном пастбище за соответствующие отработки (без упряжки).

За отменяемые повинности крестьянина помещик получал возмещение землей, зерном, деньгами или частично землей, инвентарем, зерном, деньгами и в течение определенного времени отработками. Ему предоставлялось право выбора возмещения землей, инвентарем или рентой (зерном или деньгами по изменяющейся цене зерна), которая могла быть выкуплена. Если регулирование проводилось по добровольному соглашению, то устанавливались такие ограничения: помещик не имел права требовать передачи ему более половины земли даже тогда, когда в хозяйстве оставалось бы столько земли, для обработки которой необходима была пара сильных волов; нельзя было сохранять десятины и лаудемию; отработки не должны были продолжаться более 24 лет после обнародования закона и превышать трех пеших мужских дней, а в первые три года после регулирования и трех упряженых дней, во время жатвы — двух мужских и четыре женских пеших дней в неделю.

Если упряженные работы не сохранялись или истек упомянутый трехлетний срок, то разрешалось во время уборки урожая и в зимние месяцы для перевозки зерна заменять при определенном соотношении ручные работы упряженными. Допускались отработки и в большем размере, если посредники считали это необходимым для помещика и возможным без особого ущерба для крестьянина. При уступке половины земли отработки не должны были превышать половины прежней барщины. Сохранение отработок в таком значительном размере обусловливалось большим удельным весом барщины в помещичьем хозяйстве и соображениями помещиков о возможности его перестройки.

Крестьянин обязан был в течение 12 лет после обнародования закона взвести на помещичьей земле для фольварковых работников такие помещения, какими они пользовались в его постройках за исключением тех случаев, когда работники проживали в одной избе с ним. Регулирование предусматривало раздел угодий общего пользования крестьян и упразднение чересполосицы их земель. Барщина прекращалась с днем найма годовых работников (23 апреля). Расходы по регулированию и разверстанию земель общего пользования покрывались следующим образом: 1/3 возмещал помещик, остальные 2/3 делились между помещиком и крестьянами по площади их земель. При спорном деле расходы покрывала проигравшая сторона. На таких или подобных условиях проводилось регулирование и в сельских местностях, прилегающих к городу Гданьску³⁸.

Помещики были недовольны предписаниями закона 1823 г. в особенности относительно регулирования некоторых хозяйств. На заседании познанского провинциального сейма в 1827 г. шла речь о неправомерности и обременительности для помещиков и

крестьян проведения регулирования Генеральной комиссией и предлагалось, чтобы оно проходило только по добровольному соглашению сторон, и для его осуществления был установлен десятилетний срок. В 1834 г. сейм принял постановление (против него возражали представители крестьян и горожан), в котором содержалась просьба королю учесть пожелания помещиков и, кроме того, разрешить им требовать выполнения барщины в течение трех лет после регулирования крестьянских хозяйств³⁹. По этому ходатайству 10 июля 1836 г. была издана декларация. Отныне регулированию подлежало такое земледельческое хозяйство, которое обладало следующими признаками: было обременено упряжной барщиной; для его ведения содержались обычно по меньшей мере две лошади или два рабочих вола или необходим был такой рабочий скот (размер такого хозяйства по заключению окружной комиссии, состоявшей из представителей властей, двух помещиков и двух крестьян по выбору, определялся министерством внутренних дел); заключало в себе 25 м. пахотной и луговой (с приусадебным и полевым огородами) земли среднего качества (таковой считалась ячменная земля второго класса, в соответствии с этим устанавливалась величина хозяйства с худшей и лучшей землей). При отсутствии одного из этих признаков хозяйство не подходило под действие закона.

Предписания о регулировании распространялись на данников и им подобных, которые наряду с отбыванием барщины и уплатой чинша работали по найму в фольварке, если их хозяйства признавались земледельческими и крестьянскими. При этом хозяева были обязаны после регулирования исполнять те же ручные работы и за ту же плату, что и раньше, в течение трех лет, а в случаях, когда в связи с сомнениями постановлением от 29 июня 1829 г. было приостановлено их регулирование, — до 1847 г. включительно. Действие декларации распространялось также на хозяйства мельников, кузнецов и других ремесленников, если они были особыми владениями, за которые отбывались крестьянские повинности. Не подлежали регулированию хозяйства, созданные на фольварковой земле, и фольварковые земли, переданные крестьянину без обмена после составления податного кадастра (в 1772—1773 гг.). Фольварковые служащие и другие хозяева не могли претендовать на передачу им в собственность крестьянских земель, предоставленных в их пользование в счет жалованья, дополнительного возмещения и т. п., а мельники, кузнецы, трактирщики и прочие — на земли, переданные им в качестве возмещения за их работы, если эти земли были неразрывно связаны с промысловым заведением. Обязательство помещика по поддержанию крестьянских построек в хорошем состоянии осуществлялось при условии выполнения крестьянином его обязанностей. Срок для постройки помещений для фольварковых работников продлевался, но не более чем на один год после проведения регулирования. Ограничения (по ст. 101) относительно владения помещиком перешедшими к нему или вновь приобретенными

крестьянскими хозяйствами отменялись. Принятые решения по делам регулирования, если они не были формально зафиксированы или не были исполнены, оставались в силе⁴⁰. Законом от 31 октября 1845 г. предусматривался выкуп барщины посредством уплаты денежной ренты даже вопреки воле помещика.

По ходатайству помещиков 8 февраля 1846 г. был установлен конечный срок (1 января 1849 г.) для предъявления претензий крестьянином или его наследником, который имел право по кабинетному распоряжению от 6 июня 1819 г. или закону 1823 г. на получение подлежащего регулированию хозяйства, если такое хозяйство ко времени подачи заявления еще находилось во владении помещика или его наследника⁴¹.

Таким образом, законодательство о регулировании крестьянских хозяйств с ласситским правом землепользования предусматривало постепенное преобразование аграрных отношений, добровольное соглашение сторон или обязательную отмену феодальных повинностей на весьма тяжелых для крестьян условиях. Оно обеспечивало преимущества помещика и поддержку его со стороны властей при осуществлении реформы.

§ 2. Упразднение ласситских отношений (1816—1847 гг.)

Регулирование крестьянских хозяйств проходило в условиях напряженных отношений, споров и конфликтов между крестьянами и помещиками. Помещик был заинтересован в более выгодном для себя регулировании; крестьянин, напротив, пытался избавиться от феодальных повинностей с меньшими для него потерями. Закон и само положение помещика обеспечивали ему преимущества в этом деле. На стороне помещиков обычно находились учреждения, созданные для проведения регулирования.

В соответствии с постановлением от 20 июня 1817 г. были образованы генеральные комиссии: 1) для провинции Бранденбург (исключая административный округ Франкфурт-на-Одере), 2) административного округа Франкфурт, 3) Верхней Силезии, 4) Померании, 5) Западной Пруссии, включая Быдгощский административный округ, 6) Восточной Пруссии и Литовского департамента. Комиссия состояла из генерального комиссара, обер-комиссара и юстициария. Второй инстанцией, принимавшей окончательные решения по делам регулирования, являлась Ревизионная коллегия. Коллегии были созданы в Берлине для провинции Бранденбург и административного округа Магдебург, в Бреславле для Силезии, Штеттине (Щецине) для Померании, Мариенвердере (Квидзине) для Западной Пруссии, в Кенигсберге для Восточной Пруссии. Коллегию составляли председатель — член президиума высшего земского суда, два советника высшего земского суда, два специалиста по сельскому хозяйству (советники окружного управления) и в качестве непостоянных членов — другие лица¹. В 1819 г. была учреждена третья инстанция по этим делам — Тайный верховный трибунал².

На ходе регулирования и его условиях существенно сказывалась конъюнктура в сельском хозяйстве. На первых порах давали о себе знать разрушения и потери, произошедшие в годы войны. Повышение цен на зерно в 1816—1819 гг. в определенной мере способствовало проведению регулирования³. В 1818 г. был отменен мораторий на ипотечные долги и затем повысилась процентная ставка кредита. Неоднозначным было влияние на регулирование аграрного кризиса 20-х годов и его последствий. В Силезии в 1822—1828 гг. снизились цены на рожь, рапс, лен, хмель, скот и древесину⁴. Упала ценность земли в Западной Пруссии, и многие имения здесь продавались с молотка⁵. В Познанской провинции цена земли уменьшилась наполовину; в 1820—1829 гг. 1/4 имений подверглась продаже с аукциона. Низкая цена на зерно оставалась до начала 30-х годов⁶. В Восточной Пруссии в связи с понижением цен на зерно в 1819—1826 гг. произошел упадок земледелия; в 1844—1845 гг. на нее обрушились стихийные бедствия⁷. В таких условиях помещики, испытывавшие недостаток денежных средств, предпочитали возмещение за крестьянские повинности в виде ренты или капитала, крестьяне же соглашались на уступку части своей земли⁸.

С 1829 г. в Силезии началось повышение цен на зерно и расширились возможности получения кредита. Помещики были более заинтересованы в получении вознаграждения землей, поскольку распоряжение капиталом было ограничено (часть его обращалась на уплату долгов)⁹.

В связи с предстоящим регулированием помещичий гнет становился для крестьян особенно тягостным и они более настойчиво или решительно добивались упразднения повинностей. Отбывая барщину из рук вон плохо, крестьяне тем самым стремились принудить помещика к ее отмене. Владелец д. Альтенвалл (Коморно) округа Козел (Козыле, Силезия) в 1816 г. отмечал: «Крестьяне твердят, что господин должен... их освободить. Делают теперь, что хотят: на работу приходят в 6 часов утра (должны были быть с восходом солнца. — И. К.), потом в течение более часа завтракают, в 11 час. 30 мин. делают уже перерыв на обед и возвращаются на работу лишь без четверти три, так что часто лишь в три четверти четвертого начинают работать; затем опять часовой перерыв, и так каждый день. Напоминания по-хорошему никак не помогают, эконом не может им ничего сказать, ибо крестьяне тотчас оскорбляют его ужасным способом и только ищут случая, чтобы поступить оскорбительно по отношению к двору... Нет с ними никакого согласия. Побуждают их к порядку и трудолюбию, однако это ими совершенно игнорируется, и поэтому они стремятся затруднить двору введение каких-либо улучшений. Особенно во время жатвы двор вынужден нести огромные расходы, чтобы свезти урожай в овины, так как гмина знает, что господин, чтобы не потерять все, полностью обречен на их милость и немилость. Своеволие огородников простирается так далеко, что отстраняют от работы людей для этой цели нанятых двором...»¹⁰

Подобное положение было и в других местностях, и помещики не могли с этим не считаться.

В некоторых местах крестьяне, толкуя по-своему эдикт и декларацию, прекращали отбывать повинности, требовали проведения регулирования. В апреле 1817 г. крестьяне имения Пецдорф (Пацулово), заявляя, что эдиктом 1811 г. упразднена баршина, отказались ее выполнять. Их примеру последовало более 300 крестьян в 40 деревнях имений Гейерсвальде (Гежвалд), Штеффенсвальде (Щепанково), Рейхенау (Рыхново), Платтейнен (Платны), Райн (Рин), Краплау (Краплево), Остервейн (Островин), Виттигвальде (Вигвалд), Гросс Кирштейндорф (Керштаново), Любайнен (Любайны), Шмюквальде (Шмыквалд) в окрестностях Остероде (Оструды), Неберг (Ниборк), Гогенштайн (Ольштынек), Гильгенбург (Домбрувно). Подобное выступление крестьян произошло в имении Бахман около Клайпеды. Канцлер К. А. Гарденберг, признавая, что вина за случившееся лежала на владельцах имений, упорно сопротивлявшихся проведению регулирования, распорядился, однако, привести крестьян в повинование вооруженной силой. В деревни, охваченные волнением, были направлены отряды солдат. Наиболее активные участники выступления подверглись аресту.

В Шмюквальде были арестованы три крестьянина, затем они были посажены на гауптвахту в Остероде. Прибывшие за ними крестьяне, заявляя: «Где солтыс, там и мы», пытались проникнуть в арестантское помещение. Командир эскадрона приказал прогнать их из города. Хозяйства четырех арестованных крестьян из Штеффенсвальде были разграблены кирасирами, владелец имения аннулировал контракт с этими крестьянами относительно работы. Из деревни Фробен (Бровина) после ареста четырех зacinщиков выступления ушло все население. Волнение крестьян было подавлено в течение двух недель (по другим сведениям, здиние крестьяне оказывали неповинование и в июле того же года). За отказ от выполнения баршины подлежали удалению со своих хозяйств 349 крестьян.

Владельцы имений пытались использовать это обстоятельство для присоединения крестьянских хозяйств к фольваркам. Некоторые из них даже сожалели, что сопротивление крестьян прекратилось, ибо в противном случае им не понадобилось бы проводить регулирование. Король отказался помиловать «виновных» и предложил Генеральной комиссии, чтобы она уладила дело без удаления крестьян с хозяйств и ускорила регулирование. Большинство помещиков, однако, настаивало на удалении этих крестьян из имений. Решение вопроса затягивалось. Распоряжением короля от 19 января 1819 г. участники выступления за исключением зacinщиков были помилованы. Последние (около дюжины крестьян) утратили свои хозяйства и подверглись тюремному заключению¹¹.

По сообщению Генеральной комиссии в Западной Пруссии от 29 ноября 1817 г., при регулировании крестьяне несравненно

больше, чем помещики, создавали затруднений, «главным образом потому, что [они] до сих пор не поняли законов и вводились в заблуждение несведущими и плохими советчиками...»¹². 7 октября 1818 г. в правительственном объявлении, относившемся к Западной Пруссии, говорилось: «Пришло сведение, что многие владельцы гбурских хозяйств имеют ошибочное представление о содержании эдикта от 14 сентября 1811 г. и [декларации] 29 мая 1816 г. и тем самым во вред себе попадают в действия, противные закону». Министерство предупреждало, что за неповинование они могут лишиться своих хозяйств¹³.

В некоторых местах Познанской провинции, отмечалось в объявлении Генеральной комиссии от 12 мая 1828 г., крестьяне полагали, что если у них было меньше земли, чем можно было обработать двумя волами, то они вправе были добиваться увеличения своих хозяйств. Таких крестьян нельзя было принудить к приобретению собственности, а, напротив, следовало удалять с хозяйств. Вместе с тем комиссия сообщала: «С некоторого времени там и сям были случаи, когда обязаные крестьяне хотели уклониться от выполнения барщины и других повинностей в отношении помещика и даже упорно противились выполнять таковые и тем самым дали повод для справедливых жалоб и применения против них суровых мер. Кажется, что крестьяне считают, что таким поведением они могут ускорить устройство их отношений и этим путем достичь скорейшего их освобождения от до сих пор отбываемых повинностей. Однако грубо ошибаются в этом крестьяне». Комиссия предупреждала, что «те возмутители, как и обманутые ими хозяева, которые не повинуются нашим и специальных комиссаров увещеваниям, теряют право на свои усадьбы и будут выброшены из них». Так, «два непослушных и строптивых хозяина в деревне Кованцувке Оборникского округа были выброшены из своих усадеб и теперь скитаются, как нищие, а их хозяйства переданы в собственность другим спокойным и послушным крестьянам»¹⁴. Во многих местах этой провинции крестьяне, надеясь на скорое регулирование с заменой земель, небрежно возделывали свои поля и не унавоживали их¹⁵. В других местах крестьяне прекращали отбывать барщину. В связи с восстанием 1830—1831 гг. в Королевстве Польском неповинование крестьян приобрело значительный размах¹⁶.

Стремясь избавиться от помещичьего гнета, многие крестьяне, несмотря на тяжелые условия регулирования, ходатайствовали о его проведении. Просьбы некоторых крестьян о регулировании их хозяйств не принимались во внимание. Помещики считали такие хозяйства не подлежащими регулированию или добивались изъятия их из-под действия закона. В связи с этим в 1827 г. были изданы предписания, ограничивавшие регулирование хозяйств верхнесилезских огородников. В подобном положении оказались и даниники в Хелминском и Михаловском округах. Рассматривая их как фольварковых работников, владельцы имений в 1829 г. на провинциальном ландтаге потребовали исключения их из регулирова-

ния. Рескриптом министерства внутренних дел от 29 июня 1829 г. было приостановлено регулирование таких хозяйств¹⁷. Помещики отказывали данникам в регулировании и захватывали их земли. В д. Пуста Домбровка Бродницкого округа на данников были наложены столь тяжелые повинности, что они вынуждены были оставить свои хозяйства¹⁸. Данники в имениях Суцимин, Сулин, Радеёво, Мирадово Старогардского округа, имевшие хозяйства по 15—20 хельминских моргов, оказавшись под угрозой сноса с земли, в 1829 г. просили сохранить за ними их хозяйства, заявляя, что в противном случае они (около 300 человек) вынуждены будут эмигрировать за границу¹⁹. По декларации 1836 г. хозяйства данников подлежали регулированию, если они были крестьянскими земледельческими хозяйствами. Но таковых к этому времени осталось мало.

Нередко помещики воздерживались от регулирования хозяйств, подходивших под действие закона, или противились его проведению. Так было в 1817 г. в некоторых местах Восточной Пруссии²⁰. Управляющий имением Бишофшталь (Уязд) округа Гросс Штрелиц (Стшельце Опольске, Верхняя Силезия) в 1818 г., ссылаясь на недостаток рабочих рук, возражал против регулирования хозяйств огородников²¹. По свидетельству Ю. Лёмпы, некоторые помещики в Верхней Силезии умышленно задерживали проведение регулирования²². Подобным образом поступали и некоторые владельцы имений в Познанской провинции²³. Судя по жалобе крестьян д. Хвалибогово в округе Вжесня (Врешен), поданной обер-президенту Познанской провинции в 1836 г., помещик, чтобы избежать регулирования, превратил их в коморников. Многократные их обращения в Генеральную комиссию не дали положительного результата²⁴. Иногда помещики предлагали такие условия, которые заведомо исключали проведение регулирования. Так, владелец имения в 1817 г. требовал от крестьян д. Черск в округе Хойнице (Кониц) наряду с прочим передачи ему половины их земли и возмещения повинностей посредством уплаты ренты. Крестьяне не могли согласиться на это, так как, по их словам, «новые наши условия были бы намного тяжелее и труднее, нежели нынешние». Поэтому они просили только уменьшить их барщину²⁵. В д. Гуры округа Вейгерово (Нойштадт) крестьяне, ходатайствовавшие о регулировании, по заключению комиссара были обременены столь большими повинностями, что после его проведения не могли бы остаться хозяевами. Позднее они были удалены из своих хозяйств²⁶.

Некоторые крестьяне, для которых условия регулирования, предусмотренные в законе, были особенно тяжелыми, также воздерживались или отказывались от него²⁷. В некоторых местностях они противились проведению регулирования²⁸.

Регулирование хозяйств в некоторых случаях проводилось по так называемому добровольному соглашению. При этом помещик, заинтересованный в упразднении ласситских отношений или вынужденный от них отказаться, если и не получал выгоды, то не имел

и потерю. Крестьяне же, стремясь освободиться от ненавистной барщины и подчинения помещику, соглашались на уступку части своей земли или платеж определенной ренты, что ставило многих из них в трудное положение. Такое соглашение, разумеется, в основном было добровольным для помещика и вынужденным для крестьянина. В Западной Пруссии регулирование по добровольному соглашению встречалось редко²⁹. Соотношение добровольных сделок и дел, сопровождавшихся конфликтами, составляло в Познанской провинции 7 : 3, в Силезии — 1 : 2³⁰.

Обычно при регулировании возникали споры и даже острые разногласия между крестьянами и помещиками относительно условий отмены феодальных повинностей. Некоторые помещики не довольствовались нормальным возмещением и ходатайствовали о высшем вознаграждении. Более многочисленными были такие требования в Задней Померании³¹. Крестьяне в Познанской провинции добивались снижения чинша, уменьшения или отмены выполняемой барщины, сохранения сервитутов, не соглашались на перенесение усадеб, были недовольны и другими условиями регулирования. Нередко разбирательство таких дел происходило в присутствии жандарма, который должен был «поддерживать порядок»³². Подобное было и в других провинциях.

Решения по спорным делам принимались особыми комиссарами и комиссиями, которые прежде всего считались с интересами помещиков, хотя и были обязаны заботиться о том, чтобы крестьяне после регулирования могли бы уплачивать государственные подати. Депутат Диршке в своем выступлении 21 июля 1848 г. в Национальном собрании, на которое обратил внимание Ф. Энгельс, касаясь деятельности экономических комиссаров, в частности, отмечал: «Власти, занимавшиеся регулированием, интерпретировали их (принципы регулирования и возмещения — И. К.) часто в ложном и неблагоприятном духе для крестьян... Эти чиновники выступали в троекратной роли, во-первых, как посредники: выслушивают обе стороны, определяют действительные основания регулирования и исчисляют стоимость вознаграждения. К этим делам подходят очень односторонне, не принимают во внимание действительные правовые отношения, поскольку в достаточной мере не знают закона... Далее экономические комиссары выступают одновременно как свидетели и эксперты, сами определяя стоимость предметов, являющихся объектом регулирования. Наконец, они представляют отчет, который фактически имеет почти силу решения, поскольку Генеральная комиссия обычно должна опираться на их предложения, основанные на знании местных отношений. Экономические комиссары не пользуются доверием крестьян: одна из сторон обижена тем, что ее заставляют ждать их целыми часами, которые комиссары проводят у помещика за столом, уставленным лакомствами. Все это вызывает недоверие крестьян. Когда, наконец, после трехчасового ожидания огородники-молотильщики предстают перед экономическим комиссаром, то нередко бывают обруганы, а их предложения отвер-

гаются. Могу об этом говорить по собственному опыту, так как неоднократно в качестве юстициария оказывал содействие крестьянам при такого рода переговорах...»³³ Позднее Ф. Энгельс констатировал: «Аграрные комиссии полностью усвоили благие намерения правительства и, как это на отдельных примерах ярко показано Вольфом, позаботились о том, чтобы при выкупе надлежащим образом надуть крестьянина в интересах дворянин»³⁴.

В Познанской провинции комиссары, в частности, применяли максимальные ставки при оценке повинностей или оценивали последние по так называемым затратам помещика, принимали предложения помещиков о переносе крестьянских усадеб и другие условия, неприемлемые для крестьян³⁵. Комиссары, получавшие за проведение регулирования вознаграждение от заинтересованных сторон и стремившиеся нажиться на этом, иногда задерживали решение таких дел. В спорных случаях регулирование затягивалось на многие годы и приводило к разорению крестьян³⁶.

О деятельности некоторых комиссаров дают представление следующие примеры. При проверке решения комиссара оказалось, что повинности крестьян д. Навра (Западная Пруссия) оценивались по высшей, а обязательства помещика — по низшей ставке. В результате размер ренты, установленный комиссаром, с хозяйства был снижен с 37 тал. 10 з. г. 8 пф. до 20 тал. 20 з. г. 6 пф.³⁷ Это был, по-видимому, один из немногих случаев, когда жалоба крестьян была частично принята во внимание. В 1843 г. учитель Ю. Лёмпа отмечал, что в Лиготе «хитрый экономический комиссар напугал крестьян расходами, которые им пришлось бы понести при регулировании и измерении земель, и завел их так далеко, что они уступили ему (помещику. — И. К.) вместо $\frac{1}{3}$, половину земель и отреклись от всяких претензий к господину. Кроме того, они обязались при каждой продаже хозяйства давать вместо лаудемии (платежа, которого до этого никогда не было) 4 польских золотых с каждого морга»³⁸. По свидетельству В. Вольфа, экономические комиссары и землемеры, за некоторым исключением, решали вопросы регулирования в пользу помещиков не бескорыстно. Если им не удавалось уговорить крестьян, то следовали угрозы, после чего крестьяне «соглашались» на предлагаемые им условия. Нередко при замене земель крестьянскую землю относили к низшему классу, крестьянам доставалась худшая, отводилось меньше земли по сравнению с тем, что было определено в процессе³⁹.

Недовольные решениями комиссаров и комиссий крестьяне обжаловали их действия. Поступали жалобы и от помещиков, если комиссары придерживались закона или их решения не устраивали владельцев имений⁴⁰. Генеральная комиссия в Западной Пруссии в 1817 г. сообщала, что на 55 из 56 принятых ею решений последовали апелляции. Из рассмотренных Ревизионной коллегией апелляций только две были приняты во внимание⁴¹. С увеличением числа регулируемых хозяйств возрастило количество процессов

по этим делам⁴². В своем большинстве эти дела решались в пользу помещиков, в отдельных случаях — в интересах крестьян⁴³.

Регулирование проводилось за счет заинтересованных сторон. При этом расходы крестьян были значительными, а при спорных делах весьма обременительными. Поэтому некоторые из них воздерживались от регулирования или отказывались от него. В прошении, поданном 10 марта 1820 г. в Пузке (Западная Пруссия), трое крестьян, опасаясь непосильных расходов, отзвали свою апелляцию в связи с регулированием и ходатайствовали об оставлении за ними их хозяйств⁴⁴. Ю. Лёмпа в 1843 г. отмечал, что небольшая гмина в Силезии за проведение регулирования уплатила около 800 тал.⁴⁵ По свидетельству В. Вольфа, такие платежи у крестьян одной из деревень, располагавших до 30 м. земли, составляли около 137 тал., а в другой деревне владелец 7 м. земли уплатил не менее 29 тал.⁴⁶

В некоторых местах крестьяне отказывались выполнять решения властей. При регулировании в 1827 г. крестьяне д. Чарнотки (округ Плешев) получили меньше земли и худшего качества, чем у них было ранее. Рента была установлена в размере 5 тал. с хозяйства. Владелец имения возражал против этого, и другой комиссар увеличил ее вдвое. Под угрозой наказания пять хозяев подписали рецесс, а крестьянин В. Плутеничак не повиновался. Он был не в состоянии вносить плату за регулирование и отбывать барщину. Ему грозило удаление с хозяйства. Еще более обиженными считали себя шесть крестьян из д. Новы Кармин. Крестьяне д. Бродницы Сремского округа, говорилось в объявлении Генеральной комиссии от 31 января 1829 г., не согласились с решением Генеральной комиссии и министерства внутренних дел, обязывавшим их до 23 апреля 1829 г. отывать существующую барщину, а затем в несколько уменьшенном размере до 1835 г. Попытка властей принудить крестьян к повиновению оказалась безрезультатной. Поэтому четверо крестьян, признанных предводителями, по решению Генеральной комиссии и Ревизионного суда были удалены из своих хозяйств. По сообщению Генеральной комиссии от 29 мая 1829 г., при регулировании крестьянских хозяйств в деревнях Опорове, Опарувке и Грабовце (округ Всхово, Фрауэнштадт) потребовалось упразднение чересполосицы. Крестьяне не хотели показать свои участки для измерения. Комиссия уравняла наделы и определила размер ренты, но крестьяне, требуя увеличения их наделов до размера, который мог бы быть обработан двумя волами (к фольварку их земли не присоединялись), не желали принимать и возделывать их и даже препятствовали обработке фольварковых полей. В деревни был направлен отряд солдат, однако крестьяне продолжали оказывать неповинование. Вследствие этого 38 крестьянских семей были удалены из своих хозяйств и вместе с движимым имуществом вывезены за пределы имения. Они стали коморниками и поденщиками в соседних местностях. Шесть наиболее виновных крестьян были преданы суду⁴⁷.

При определенных общих условиях каждое регулирование крестьянского хозяйства имело свои местные особенности. Из проживавших в д. Блейхенау (Бяла Гижицка) в округе Лёцен (Гижицко) 14 крестьян в 1809 г. оставались 12, а в 1817 г. — 7 хозяев.

По контракту, заключенному в 1817 г. перед патrimonиальным судом в Нойгоф (Зельки), трое крестьян передавали помещику свои хозяйства (по 2,5 влук земли), получая за это на каждого фольварковый инвентарь (2 вола и 2 лошади) и зерно для посева (2 полкорца овса, 3 полкорца ячменя и полкорца гороха). Четыре крестьянина передавали половину своей земли и обязывались ежегодно платить по 10 тал. (что противоречило закону). Здесь к помещику перешло 22,5 влук крестьянской земли⁴⁸.

В связи с ходатайством крестьян д. Старе Поляшки (Альт Палешкен) в округе Костежина (Берент) в 1820 г. о проведении регулирования помещик предложил им переселиться на другое место. На новом месте, по словам крестьян, хозяйства были «очень плохие», «без пастбищ и воды»; они согласились на переселение при условии соответствующего вознаграждения, но позднее отказались от этого. В 1824 и 1825 гг. крестьяне обращались в Генеральную комиссию с просьбой ускорить регулирование. При регулировании, проведенном в 1827 г., восемь полнонадельных крестьян (имевших по влуке земли) и два «половинных» (по половине влук) приобретали «в прочную и полную собственность» половину своих пахотных, луговых и пастбищных земель с огорождами и постройками (за исключением одного хозяина, которому взамен его построек и огорода предоставлялись в другом месте изба и огород и должны были быть за счет помещика возведены овин и конюшня), а половина их пахотной, луговой и пастбищной земли переходила к помещику. При этом производился раздел угодий общего пользования между помещиком, крестьянами и церковным приходом. Сохранялись пастбищный сервитут на лесном участке и общее для крестьян пастбище, на котором они могли выпасать определенное количество своего скота.

Полнонадельный хозяин был обязан ежегодно в течение 12 лет работать в помещичьем хозяйстве 13 дней с двухконной упряжкой и отывать 10 мужских пеших дней барщины, а «половинный» соответственно 8 и 10 дней, причем не более двух дней в неделю и не подряд. Затем эти работы могли быть прекращены. По случаю регулирования для возведения новых построек в фольварке (овина, конюшни и двух жилых домов для работников) крестьяне должны были в определенный срок перевести необходимые материалы. За помещиком сохранялись права охоты и рыбной ловли, юрисдикции, патроната и пользования сельскими дорогами в том виде, как это имело место до регулирования. Перераспределялись поземельная подать и данины в пользу церкви, оставались без изменения повинности в пользу священника и пастуха, прихода, школы и общины. В 1841 г. упряжная и пешая барщина крестьян

была заменена денежной рентой из расчета по 20 з. г. за упряженной и 7 з. г. за пеший день работы⁴⁹.

По рецессу от 2 мая 1828 г. в д. Ожегув (округ Бойтен, Бытом) пять крестьян получали свои дворы, огороды и половину полевых земель, а один хозяин (В. Сикора) приобретал все свои земли «в неоспоримую и неограниченную собственность». В связи с этим прекращался выпас помещичьего скота на крестьянских землях. Крестьяне освобождались от всех повинностей в пользу помещика и вместе с тем упразднялись обязанности последнего ремонтировать старые и возводить новые постройки для крестьян, предоставлять им пособие в несчастных случаях и замещать их при уплате податей и общественных сборов. Отменялись права крестьян собирать хворост, листья для подстилки и пасти свой скот в помещичьем лесу и их услуги, связанные с пользованием лесными сервитутами.

За передачу хозяйств в собственность и отмену барщины, чинша, данин, сторожевой повинности и других обязанностей пять крестьян передавали помещику половину своих пахотных, луговых и пастбищных земель, от 19 м. 55 прентов (пр.) до 30 м. 15 пр. с хозяйства, всего 114 м. 173 пр., а В. Сикора должен был вносить ежегодно ренту в размере 15 корцев 14 гарнцев ржи прусской меры, что в денежном выражении составляло в течение первых десяти лет 20 тал. 28 з. г. и 10 пф. Кроме того, каждый крестьянин за отказ помещика от требования возмещения сверх нормальной ставки обязан был платить ему ежегодно 29 сентября 1 тал.

Пять крестьян, пользовавшихся помещичьим инвентарем, обязывались каждый в отдельности в течение первой недели после заключения соглашения о регулировании возместить его деньгами из расчета: за две лошади — 20 тал., двух волов — 16 тал., окованную телегу — 10 тал., плуг — 1 тал., за мотыгу — 10 з. г. и за две бороны — 24 з. г., всего 48 тал. 4 з. г. (наследники крестьянина А. Ксёнжки возвратили помещику инвентарь до регулирования). Четыре крестьянина до 1 января 1824 г. возвратили помещику половину полученных от него семян: каждый по 3 корца ржи и гречихи, 12 гарнцев ячменя, 3 корца 12 гарнцев овса и 4 гарнца гороха вроцлавской меры. В. Сикора, уплачивавший ренту, не был обязан возвращать семена, а наследники А. Ксёнжки за них рассчитались раньше. Все крестьяне (за исключением В. Сикоры и наследников А. Ксёнжки) отдавали помещику со всего урожая 1823 г. шестой сноп, а овощи и картофель с каждой шестой грядки по его выбору; сенокосы делились пополам.

Поземельный налог крестьян, уступивших помещику половину своей земли, уменьшался наполовину. С 1 августа 1823 г. каждый из них обязан был платить по 1 тал. 17 з. г. налога. С этого же времени они должны были вносить половину подати от повинностей, уплачивавшихся помещиком, т. е. по 14 з. г. 2 пф. и половину сбора в пользу церкви, т. е. по 1 з. г. с хозяйства. В. Сикора платил поземельный налог (3 тал. 4 з. г.) и сбор в пользу церкви (2 з. г.) в прежнем размере, подать от повинностей

(28 з. г. 4 пф.) переходила на его хозяйство, и на ее сумму уменьшалась годовая рента. Все гминные сборы и повинности оставались без изменения за ними.

При каждом изменении владения независимо от величины приобретения крестьяне обязаны были платить лаудемию в размере 5 тал. со двора и огорода и по 10 з. г. с 1 моргена земли. Обнаруженные на крестьянских землях полезные ископаемые, добыча которых могла производиться только промышленным способом, считались собственностью помещика. Прочие ископаемые, в особенности известь, составляли неограниченную собственность крестьянина, если они по закону принадлежали владельцу земли. Право охоты на крестьянских землях сохранялось за помещиком. Крестьяне должны были помогать администрации при исполнении ею служебных обязанностей и выполнять такие вспомогательные работы, которые требовали значительной рабочей силы, как, например, при перенесении деревянных построек и т. п., но не более одного дня в году. По истечении 12 лет эта обязанность прекращалась. Если после регулирования требовалось возведение новых построек для помещика, то крестьяне обязаны были предоставить подводы соответственно имеющейся у них упряжке, причем споры по этому вопросу решались Генеральной комиссией. В связи с переходом части крестьянской земли к помещику производился обмен земельных участков, находившихся в пользовании огородников, проживавших в деревне⁶⁰.

В Познанской провинции барщина оценивалась по ставкам, установленным в 1825 г., или по затратам, которые владелец имения должен был понести для ее возмещения посредством фольваркового инвентаря и найма работника. В зависимости от производительности барщины определялись минимальная и максимальная ставки (последняя была на 33 % больше минимальной), которые выражались в мерах ржи. Цена дня ручной работы мужчины равнялась 1,88—8,75, женщины — 1,4—6,55, подростка — 0,93—3,75 кг ржи (по нормам 1830 г. 1 месце = 2,5 кг), а в денежном выражении (по средней цене 1 кг ржи в 1824—1840 гг. 9,7 пф.) составляла соответственно от 18 до 85, от 14 до 64 и от 9 до 36 пф. День работы с конной упряжкой (упряжка с волами приравнивалась к 3/4, а с коровами — к 2/3 дня с конной упряженкой) при пахоте оценивался в пределах 3,75—5 кг (36—49 пф.), при перевозке зерна и прочего двумя лошадьми — 7,5—10 кг (73—97 пф.) и т. д. При согласии помещика на оценку барщины по этим ставкам стоимость барщины определялась обычно по максимальной норме, а в отдельных случаях и в размере превышавшем эту норму⁵¹.

Помещики, лучше ориентировавшиеся в ситуации, предпочитали оценку барщины по затратам, необходимым для ее замены. Такая оценка уже сама по себе предполагала большую стоимость барщины. Упряженой день барщины по производительности труда составлял от 0,25 до 1, большую частью от 0,5 до 0,7 дня вольнонаемной работы с упряженкой. При этом цена дня работы фольвар-

ковым инвентарем при пахоте была в два раза, а при перевозках — в четыре раза больше максимальной цены для такой барщины. Стоимость дня пешей барщины равнялась 1/2—5/6 рабочего дня постоянного фольваркового работника, средняя цена дня такого работника до 1840 г. была для мужчин — 6,7 кг ржи (65 пф.), для женщин — 4,46 кг (43 пф.). По расчетам Бетковского, занимавшегося регулированием хозяйств, стоимость барщины по ставкам определялась в 14 тал., а по затратам на ее возмещение — в 24 и более талеров. В последнем случае происходили различного рода злоупотребления: увеличивался размер фольварковой работы за счет редко встречавшегося или вовсе отсутствовавшего запасного инвентаря, повышались процент с капитала и амортизационные расходы, принимались за основание расходы на содержание коморников и работников, получавших ординарию, т. е. более высоко оплачиваемых. Оценка по затратам применялась сравнительно редко вследствие неосведомленности помещиков и сложности расчетов, что не импонировало комиссарам. Неодинаковая оценка барщины впоследствии сказывалась на стоимости вспомогательной барщины и возмещении ренты посредством отработок. Цена отработок была ниже цены вольного найма⁵².

При регулировании 10 хозяйств халупников в д. Дарново (округ Костян), проведенном в 1830 г. (рецесс составлен 25 марта и утвержден 9 июля 1840 г.), их владельцы приобретали в собственность находившиеся в их пользовании земли (хозяйства заключали в себе от 34 м. 177 пр. до 36 м. 22 пр.), постройки, фольварковый инвентарь, предоставленные им семена и освобождались от барщины и других повинностей. За это каждый из них был обязан платить ежегодно 10 тал. 10 з. г. ренты (1/3—3 тал. 13 з. г. — в день св. Войтеха, а 2/3 — 6 тал. 26 з. г. — в день св. Мартина). Вместе с тем прекращались обязательства помещика по отношению к ним. При регулировании были измерены и комасованы крестьянские земли за счет хозяев. Поземельная подать (24 % от чистого дохода) составляла 1 тал. 21 з. г. с хозяйства (остальная ее часть — 70 тал. 2 з. г. 4 пф. — вносилась помещиком), подымная — уплачивалась по таксе. Сохранялись прежние сборы и работы в пользу духовенства и школы. К коммунальным повинностям, которые крестьяне должны были выполнять в одинаковой мере и в прежнем размере, относились упряжные и ручные работы по строительству и ремонту мостов, дорог и деревенской улицы (помещик предоставлял древесину, песок, хворост и оплачивал ремесленников), посадка и содержание деревьев и травяного покрова у дорог, прилегающих к их земле, устройство канав для стока воды, оплата ночного сторожа и тушение пожаров. Право охоты, рыбной ловли и пропинации на крестьянских землях сохранялось за помещиком. Расходы по регулированию покрывались сторонами пополам.

В д. Кокожин (округ Костян), где числилось пять «половинных» хозяев, владевших от 68 м. 171 пр. до 76 м. 98 пр. земли, и семь «четвертных» (от 36 м. 20 пр. до 43 м. 150 пр.), в 1835 г.

баршина была заменена чиншем. При регулировании хозяйств, проведенном в 1840 г., рента устанавливалась с половинного хозяйства в сумме 18 тал. 20 з. г., с четвертного — 10 тал. 6 з. г. При общих чертах регулирования здесь имелись и особенности. Крестьянам предоставлялось 1,5 м. земли, содержащей глину, и 1,5 м. песчаной, но без права продажи заготовленных глины и песка и в общее пользование — 25 м. 52 пр. (для школ 14 м. 33 пр. земли), 112 пр. леса, старосте — 8 м. 89 пр., сторожу — 1 м. 178 пр. Дороги и выгоны (20 м. 16 пр.) находились в общем пользовании крестьян и помещика. Рыбная ловля в пруду и в канале р. Обра сохранялась за помещиком, но крестьяне могли ловить рыбу в канавах, расположенных на их землях. Помещик был обязан взвести необходимые постройки (кроме одного случая), причем крестьяне должны были доставить материалы и дать работников. На починку построек помещик предоставлял лес, мелкий ремонт производили сами крестьяне, в случае крупных починок помещик выделял работников. Пруд для водопоя скота находился в общем пользовании крестьян и помещика⁵³.

В д. Стшельце Вельке Кробского округа в 1834 г. 20 «четвертных» рольников получили от 36 м. 35 пр. до 40 м. 170 пр., а 6 коморников — от 17 м. 178 пр. до 19 м. 46 пр. земли, жилые и хозяйственныепостройки (исключая четырех хозяев), фольварковый инвентарь и посевы «в полную, чистую и никогда не могущую быть отмененной собственность, свободную от всякой барщины и всяких повинностей». Четыре крестьянина передавали свои постройки в деревне помещику, который обязывался за свой счет взвести такие же строения на их новом месте жительства, причем все хозяева деревни должны были давать для этого подводы и выполнять ручные работы неремесленного характера. Остальным хозяевам для возведения их построек помещик единовременно бесплатно предоставлял древесину и кирпич (на дымовые трубы), а также ремесленника. Прекращались всякие обязательства помещика в отношении крестьян; взамен прежней барщины и других повинностей «четвертной» рольник был обязан платить помещику 13 тал. 4 з. г., а коморник — 6 тал. 17 з. г. в год (половину этой суммы 23 апреля, а вторую — 11 ноября). Из 116 тал. 19 з. г. 7 пф. земельной подати (офяры) 42 тал. 28 з. г. оставались за крестьянами («четвертной» рольник платил 1 тал. 26 з. г., коморник — 28 з. г.), остальная сумма подати уплачивалась помещиком. Подымная подать крестьянина составляла 1 тал. 2 з. г. 6 пф. «Четвертной» рольник должен был давать приходу по 4 гарнца (4,4 берлинских месе), а коморник — по 2 гарнца (2,2 месе) ржи и овса. Остальная часть зернового сбора вносились помещиком. Гминные и общественные повинности оставались без изменений (У «четвертного» рольника они были вдвое больше, чем у коморника).

Право пропинации и право охоты сохранялись в прежнем виде. Крестьяне были обязаны до 23 апреля 1835 г. в счет чинша выполнять вспомогательные работы, величина и род которых

определялись особым регламентом, а после этого вносить установленную ренту⁵⁴.

Первые ходатайства о регулировании крестьянских хозяйств в Западной Пруссии поступили уже в 1811 г.⁵⁵ По сообщению Генеральной комиссии этой провинции, до конца сентября 1817 г. частично крестьянами и частично помещиками были сделаны предложения о регулировании хозяйств в 234 деревнях. К этому времени в двух деревнях регулирование было окончено, по девяти деревням были представлены в комиссию рецессы, которые вызвали замечания; дела (в том числе спорные) по 183 деревням находились на рассмотрении. Крестьяне одной деревни в обеих инстанциях были признаны не подлежащими регулированию⁵⁶. По данным министерства внутренних дел, на 4 февраля 1818 г. в Курмарке было проведено регулирование в 216, начато в 236 случаях, в Померании — соответственно в 190 и в 265, в Силезии — в 55 и 187, в Ноймарке — в 44 и 85, Западной Пруссии — в 11 и 50, Восточной Пруссии — в 26 и 56, всего — в 542 и 879 случаях⁵⁷.

О дальнейшем ходе регулирования крестьянских хозяйств и его результатах дают представление следующие данные (табл. 1).

Из табл. I следует, что до конца 1820 г. регулирование крестьянских хозяйств в Померании получило значительное распространение, а в Западной Пруссии оно было проведено сравнительно в небольшом размере. При этом после регулирования в среднем на одно хозяйство приходилось в Померании 105 м. земли, 13 упряженных и 25 пеших дней упраздненной барщины; в Западной Пруссии — соответственно 93, 39 и 65; Бранденбурге — 87, 34 и 92; в Восточной Пруссии — 79, 39 и 49; в Силезии — 40, 202 и 18. Хотя сведения об отмененной барщине, судя по примечанию А. Мейцена, являются неполными, они в основном отражают существовавшее положение. В Верхней Силезии крестьяне при гораздо меньшем размере хозяйств были наиболее обременены барщиной. Таблица не содержит данных о возмещении крестьянами феодальных повинностей, но о том, что оно в значительной мере происходило за счет уступки земли, свидетельствует число вновь образованных помещичьих фольварков. Более всего таких фольварков возникло в Восточной Пруссии и Верхней Силезии, где средний размер регулированных хозяйств оказался весьма малым.

По другим сведениям, которые несколько отличаются от данных, приведенных в табл. I (разница между ними пока не может быть объяснена), регулирование крестьянских хозяйств до конца 1820 г. выглядело таким образом (табл. 2, 3, 4):

В среднем в год (с 1812 г.) регулировались 1632 хозяйства. При сопоставлении числа регулированных хозяйств до конца 1820 г. с данными о регулировании по этим законам до конца 1849 г., оказывается, что до конца 1820 г. было регулировано 32% всех хозяйств, в Западной Пруссии — 20 %, Силезии — 26 %, Бранденбурге — 30 %. Восточной Пруссии — 40%, в Померании — 41%. На них приходилось 26% всей земли, оставшейся

Таблица 1. Регулирование крестьянских хозяйств до конца 1820 г.
(по А. Мейнену)*

Провинция	Число хо- датайств о регули- ровании	Число регу- лированных деревень	Число новых собственни- ков	Крестьянские земли после регулирования		Упразднено барщины дней		Новые обозведения		Догадки школам	
				число случаяев	площадь, м.	упряжных пеших	фоль- варки	помещения для фольвар- ников	число слу- чаяев	земля. и. рут.	
Бранденбург	1303	609	5052	518	439 070	174 172	464 013	24	16	1015	117
Померания	1116	629	5122	629	537 810	65 362	126 676	33	4	336	65
Силезия	500	259	2224	237	89 523	451 465	40 882	40	29	349	19
Западная Пруссия	620	212	1958	212	181 709	77 162	127 130	21	11	590	88
Восточная Пруссия	754	528	3900	497	309 274	152 574	194 142	55	76	1649	138
Всего	4293	2237	18 256	2093	1 557 386	920 735	952 843	173	136	3939	427 2054—3

* Meissen A. Der Boden und die wirtschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staates. Bd. I. S. 431.

Причины А. Мейнена: Количество отменной барщины гораздо больше, так как часто в реестрах специально не приводятся сведения о барщине. В Силезии не измерялись отдельно расположенные хозяйства.

**Таблица 2. Регулирование крестьянских хозяйств до конца 1820 г.
(по Г. Гарнштруу)***

Провинция	Число регу- лированных хозяйств	Площадь их земель до регулирова- ния, м.	Площадь их земель после регулирова- ния, м.	Уступка земли и платежи в пользу помещиков			Ставка возвраще- ния фоль- варового инвестора, тыл.	
				земля, м.	денежная рента, тыл.	рента рожью, шиф.		
Восточная Пруссия	2553	280 257	207 639	72 618	24 271	976	72 469	113 660
Западная Пруссия	1529	189 961	128 946	61 015	11 627	163	26 308	5666
Померания	4415	334 305	205 275	129 030	6600	2406	111 269	209 185
Бранденбург	4744	496 718	397 500	99 218	21 012	3325	1192 817	190 020
Силезия	1450	100 022	59 571	40 451	4869	626	32 861	39 325
Всего	14 691	1 401 263	998 931	402 332	68 379	7496	1 435 724	557 856

* Harnisch H. Statistische Untersuchungen zum Verlauf der kapitalistischen Agrarreformen in den Preussischen Ostprovinzen (1811 bis 1865) // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1974. T. IV. S. 176--178 (no данных: Zentrales Staatsarchiv. Hist. Abt. II. Merseburg. Rep. 87 B N 11571. Bl. 126—130).

**Таблица 3. Регулирование крестьянских хозяйств до конца 1820 г.
(из расчета на одно хозяйство)***

Провинция	Площадь земли до регулирования, м.	Площадь земли после регулирования, м.	Земля, перешедшая к помещикам, в %	Уступка земли и платежи крестьян помещикам				Стоимость возвращенного инвентаря, тал.
				земля, м.	денежная рента, тал.	рента зерном, шеф.	капитал, тал.	
Восточная Пруссия	109	81	26	28	9,5	0,3	28	44
Западная Пруссия	124	84	32	40	7,6	0,1	17	3,7
Померания	75	46	38	29	1,5	0,5	25	47
Бранденбург	104	83	20	21	4,4	0,7	251	40
Силезия	69	41	40	28	3,3	0,4	22	27
В среднем в этих провинциях	95	67	30	28	4,6	0,5	97	38

* Рассчитано по данным табл. 2.

Таблица 4. Возмещение помещикам при регулировании крестьянских хозяйств до 1820 г. (приходилось в среднем на один моргей земли, оставшейся у крестьян)*

Провинция	Земля, м.	Платежи крестьян						Всего денежные платежи, з. г.	
		денежная рента		рента: рожь		Капитал, з. г.			
		з. г.	по капиталу из 4 %, з. г.	шеф.	по капиталу из 4 %, з. г.				
Восточная Пруссия	0,35	2,8	70	0,004	0,1	8,3	78,4		
Западная Пруссия	0,47	2,1	52,5	0,001	0,025	4,9	57,42		
Померания	0,63	0,77	19,25	0,01	0,25	13	32,5		
Бранденбург	0,25	1,26	31,5	0,01	0,25	72	103,75		
Силезия	0,68	1,96	49	0,01	0,25	13,2	62,45		
В среднем в этих провинциях	0,40	1,64	41	0,007	0,17	34,5	75,67		

* Рассчитано по данным табл. 2. Принята средняя цена шеф. ржи — 1 тал. (по энкту 1811 г. она должна была превышать 1 тал. 12 з. г. Таллер = 24 з. г.).

после регулирования у крестьян до конца 1849 г., в Западной Пруссии — 21 %, Силезии — 28 %, Бранденбурге — 32 %, Восточной Пруссии — 39 %, Померании — 17 %.

Регулирование крестьянских хозяйств в доменах Вармин и Мазур в основном было закончено к 1822 г.⁵⁸ В Познанской провинции на первых порах поступало много ходатайств из доменов о проведении регулирования. С такими предложениями выступали и помещики, хозяйства которых находились в лучшем

Таблица 5. Регулирование крестьянских хозяйств с 1821 по 1838 г.*

Провинция, часть provинции	Число регулированных хозяйств	Площадь их земли до регулирования, м.	Площадь их земли после регулирова- ния, м.
Восточная Пруссия	5167	515 209	400 336
Западная Пруссия	4908	631 421	479 179
Померания	6329	1 413 500	1 004 214
Бранденбург	9826	1 013 629	785 522
Силезия	3110	169 686	109 439
Познань	22 592	1 395 139	1 252 371
Всего	51 932	5 138 584	4 031 061

* Таблица составлена посредством вычета из табл. 8. данных табл. 2 и включения сведений по Познанской провинции, содержащихся в табл. 8. В последней почему-то сумма уплаченного капитала в Западной Пруссии значится в меньшем размере, чем в табл. 2. Здесь же оставляем сумму, показанную в табл. 2. Для сопоставления данных мы здесь и в даль-

состоянии, и крестьяне, положение которых было сравнительно сносным⁵⁹.

О результатах регулирования крестьянских хозяйств с 1821 по 1838 г. можно судить по данным таблиц 5, 6, 7.

В среднем ежегодно с 1821 по 1838 г. регулировалось 2885 хозяйств. В эти годы по эдикту 1811 г., декларации 1816 г. и закону 1823 г. (остававшихся в силе до начала 1850 г.), если для Восточной Пруссии принять разницу между числом регулированных хозяйств до конца 1820 и 1849 г. (3772), было регулировано 71%.

Таблица 6. Регулирование крестьянских хозяйств с 1821 по 1838 г.
В среднем на одно хозяйство*

Провинция, часть provинции	Площадь земли до регулирования, м.	Площадь земли после регулиро- вания, м.	Уменьшение надела крестьян, %
Восточная Пруссия	99,7	77,4	22
Западная Пруссия	128,6	97,6	24
Померания	223,3	158,6	29
Бранденбург	103	80	22
Силезия	54,6	35,2	36
Познань	61,7	55,4	10
В среднем в этих про- винциях	99	77,6	22

* Рассчитано по данным табл. 5. По расчетам Г. Гарниша, в среднем на хозяйство в восточных провинциях приходилось: уступка земли — 22 м., денежная рента — 10 тал., рента зерном — 0,5 шеф., капитал — 39 тал., стоимость инвентаря — 25 тал. см.: Harnisch H.

Возмещение помещикам

земля, м.	денежная рента, тал.	рента: роль, шеф.	капитал, тал.	Стоимость возвра- щенного крестьянами инвентаря, тал.
114 873	30 045	3683	143 906	124 548
152 242	45 384	4664	26 308	445
409 286	66 923	33 981	251 154	515 769
228 107	91 962	7084	722 855	399 237
60 247	14 306	2514	24 490	48 521
142 768	334 196	6474	36 814	12 602
1 107 523	582 816	58 400	1 205 527 **	1 101 122

нейшем выделяем Западную Пруссию и Восточную Пруссию, составлявшие с 1824 г. одну провинцию — Пруссию.

** При показателе для Западной Пруссии 12 296 тал. (табл. 8) общая сумма капитала равняется 1 191 515 тал.

в Силезии 55 %, Померании 59 %, Бранденбурге 62 %, Западной Пруссии 67 % (в доменах до конца 1827 г. — 4 тыс. хозяйств)⁶⁰, в Познанской провинции 89 % (в доменах административного округа Познань до 1840 г. — около 4 тыс. хозяйств⁶¹) всех хозяйств, а в Восточной Пруссии регулирование было закончено. Удельный вес их земли в общей площади регулированных хозяйств до конца 1849 г. составлял в Померании 83 %, в Силезии — 53 %, в Бранденбурге — 63 %, в Западной Пруссии — 79 %, в Познанской провинции — 93 %. По сравнению с периодом до 1820 г.

Уступка земли и платежи крестьян

перешло к помещи- кам, м.	денежная рента, тал.	рента ролью, шеф.	капитал, тал.	Стоимость возвра- щенного инвентаря, тал.
22,2	5,8	0,7	27,8	24,1
31	9,2	0,9	5,4	0,1
64,7	10,6	5,3	39,6	81,5
23	9,3	0,7	73,6	40,6
19,4	4,6	0,8	7,9	15,6
6,3	14,8	0,3	1,6	0,6
21,3	11,2	1,1	23,2	21,2

Таблица 7. Платежи крестьян при регулировании хозяйств с 1821 по 1838 г. в денежном выражении и процентах*

Провинция, часть провинции	Земля		Денежная рента	
	тал.	%	по капиталу из 4 %, тал.	%
Восточная Пруссия	666 263	40	751 125	45
Западная Пруссия	654 640	33	1 134 600	59
Померания	3 806 360	58	1 673 075	25
Бранденбург	2 782 905	46	2 299 050	31
Силезия	783 211	63	357 650	29
Познань	970 822	10	8 354 900	87
Всего	9 664 201	36	14 570 400	54

* Составлено по данным табл. 5. Средняя цена моргена земли с начала регулирования по 1838 г. по данным табл. 8: Восточная Пруссия — 5,8 тал., Западная Пруссия — 4,3 тал., Померания — 9,3 тал., Бранденбург — 12,2 тал., Силезия — 13 тал., Познанская провинция — 6,8 тал. Средняя цена шеф. ржи в 1816—1837 гг. в Восточной и Западной

средний размер хозяйства в эти годы уменьшился в Силезии, Восточной Пруссии и Бранденбурге и увеличился в Западной Пруссии и особенно в Померании. Вместе с тем сократился размер уступленной помещикам земли и несколько возросла доля денежной ренты, а платежи капиталом уменьшились. В Силезии и Померании преобладало вознаграждение землей, в Познанской провинции и Западной Пруссии — денежной рентой. Размер выкупных платежей в определенной мере зависел от величины хозяйства и качества земли, но в основном определялся величиной регулируемых платежей, что подтверждается приходившимся воз-

Таблица 8. Регулирование крестьянских хозяйств генеральными комиссиями до конца 1838 г.*

Провинция, часть provинции	Число ре- гулиро- ванных хозяйств	Площадь земли до ре- гулирования, м.	Площадь земли после регулирова- ния, м	Стоймость регулирован- ных хозяйств, тал.	Отменено барщин- ных дней	
					упряжных	пеших
Восточная Пруссия	65 896 **	795 466	607 975	3 523 388	254 710	320 276
Западная Пруссия	6437	821 382	608 125	2 655 662	145 643	265 166
Познань	22 592	1 395 139	1 252 371	8 598 471	1 693 778	3 663 705
Померания	10 744	1 747 805	1 209 489	11 309 164	848 099	1 387 647
Бранденбург	14 570	1 510 347	1 183 022	14 481 661	763 530	1 824 749
Силезия	4560	269 708	169 010	2 211 345	728 884	169 451
Всего	66 623	6 539 847	5 029 992 **	42 779 691	4 434 644	7 630 994

* Weber F. B. Handbuch der staatswirtschaftlichen Statistik und Verwaltungskunde der Preussischen Monarchie. Breslau, 1840. S. 375—376; Harnisch H. Statistische Untersuchungen zum Verlauf der kapitalistischen Agrarreformen den Preussischen Ostprovinzen (1815 bis 1865) // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1974. T. IV. S. 176—178.

** у Ф. Б. Вебера, по-видимому, ошибочно — 4 979 992.

Рента: рожь		Капитал		Всего, тал.	В среднем с хозяйством, тал.	В среднем с моргеном земли, тал.
по капиталу из 4 %, тал.	%	тал.	%			
92 075	6	143 906	9	1 653 369	320	4,03
116 600	6	26 308	2	1 932 148	393	3,76
849 525	13	251 154	4	6 580 114	1040	6,55
177 100	4	722 855	13	5 981 910	608	7,61
62 850	5	24 490	3	1 228 201	395	11,22
161 850	2	36 814	1	9 524 386	421	7,6
460 000	5	1 205 527	5	26 900 128	518	6,67

Пруссия — 30,2 з. г., в Бранденбурге и Померании — 36,2 з. г., Силезия — 38 з. г., Познанской провинции — 38,1 з. г. См.: Weber F. B. Handbuch der staatswirtschaftlichen Statistik und Verwaltungskunde der Preussischen Monarchie. Brestau. 1840. S. 588. При расчете принятая средняя цифра шеф. зерна — 1 тал. (30 з. г.).

мещением с одного моргена. Оно составляло от 3,76 тал. (Восточная Пруссия) до 11,22 тал. (Силезия).

Результаты регулирования крестьянских хозяйств, проведенного со времени издания эдикта 1811 г. до конца 1838 г., характеризуются следующими данными (табл. 8, 9, 10, 11):

В Познанской провинции с 1823 по 1847 г. было проведено регулирование 25 001 хозяйства в 2308 деревнях, принадлежавших 2301 владельцу имений. После регулирования у крестьян осталось 1 381 664 м земли (в среднем на хозяйство — 55 м.), приблизительная стоимость которой при цене 7 тал. за 1 морген

Возмещение помещикам за право собственности и другие повинности				Другие отмененные повинности в капитале, тал.	Взаимно упраздненные повинности, тал.	Стоимость возвращенного инвентаря, тал.
земля, м.	денежная рента, тал.	рента зерном, шеф.	капитал, тал.			
187 491	54 316	4659 ^{6*}	216 375	9 335 517	27 614	238 208
213 257 ^{3*}	57 011	4827 ^{7*}	12 296	707 368	61 191	6111
142 768	334 196	6474	36 814	1 548 730	316 832	12 602
538 316	73 523 ^{5*}	36 387	362 423	4 655 132	26 746	724 954
327 325	112 974	10 409	1 915 672	2 588 375	1 179 628	589 257
100 698	19 175	3140	57 351	63 910	693 598	87 846
1 509 855 ^{4*}	651 195	367 383	2 600 931	18 899 032	2 311 609	1 658 978

* Г. Гарниш приводит цифру 183 257.

** у Ф. Б. Вебера, по-видимому, ошибочно — 1 479 855.

*** у Г. Гарниша ошибочно — 75 523.

**** В том числе 4219 шеф. овса.

***** В том числе 440 шеф. овса.

***** у Ф. Б. Вебера ошибочно — 35 896.

Таблица 9. Регулирование крестьянских хозяйств до конца 1838 г.
Приходилось в среднем на хозяйство *

Провинция, часть provинции	Площадь земли до регулиро- вания, м.	Площадь земли после регулирова- ния, м.	Уменьшение крестьянского надела, %	Стоимость крестьянско- го двора после регули- рования, тал.	Отменено барщи- ных дней	
					упряжных	пеших
Восточная Пруссия	103	78	25	456	33	41
Западная Пруссия	121	94	26	412	22	41
Познань	61	55	10	380	75	162
Померания	162	112	31	1052	79	129
Бранденбург	103	81	22	994	52	125
Силезия	59	37	38	485	160	37
В среднем	98	75	24	642	66	114

* Рассчитано по данным табл. 8.

составляла 9 746 364 тал. Отменялись 1 837 944 упряженых (в среднем с хозяйства — 73) и 3 985 447 (159) пеших дней барщины и другие повинности на сумму 1 700 035 тал. (в капитале). К помещикам перешло 155 563 м. (в среднем с хозяйства — 6,2 м.) крестьянской земли; кроме того, крестьяне уплатили 46 833 тал. капитала и обязаны были ежегодно вносить 36 751 тал. денежной ренты и 6510 шеф. ржи; взаимные обязательства оценивались в 349 435 тал., стоимость возвращенного инвентаря определялась в сумме 12 602 тал. Помещичьи имения увеличи-

Таблица 10. Платежи крестьян за регулирование хозяйств до конца 1838 г.*

Провинция, часть provинции	Земля, тал.	% по капит.	Денежная рента по капит. из 4 %		Рента рожью по капит. из 4 %	
			тал.	%	тал.	%
Восточная Пруссия	1 087 447	8,9	1 357 900	11,2	116 475	1
Западная Пруссия	917 005	28,8	1 425 275	44,7	120 675	3,8
Познань	970 822	8,8	8 354 900	75,4	161 850	1,5
Померания	5 006 338	39,2	1 838 075	14,4	909 675	7,2
Бранденбург	3 993 365	34,4	2 824 350	24,3	260 225	2,2
Силезия	1 309 074	65,8	479 375	24,1	78 500	3,9
Всего	13 284 051	25,2	16 279 875	30,8	1 647 400	3,1

* Рассчитано по данным табл. 8. Средняя цена моргена земли определена по стоимости крестьянского хозяйства. В этом случае она составляла в Восточной Пруссии 5,8 тал., Западной Пруссии — 4,3 тал., Познанской провинции — 6,8 тал., Померании — 9,3 тал., Бранденбурге — 12,2 тал., Силезии — 13 тал. По данным на 1833 г., в Померании цена моргена крестьянской земли за вычетом реальных платежей и вспомогательных повинностей составляла 9 тал. (покупная цена была значительно выше, а стоимость земельных участков — обычно намного ниже), в перешедшей к помещикам — 13,8 тал. См.: *W-*

Возмещение помещикам за право собственности и другие повинности					Стоимость возвращенного инвентаря, тал.	Взаимные повинности, тал.
уступка земли, м.	денежная рента, тал.	рента зерном, шеф.	капитал, тал.	за другие повинности, тал.		
24	7	0,6	28	1209	31	3,6
33	8,8	0,7	1,9	110	1	9,5
6	14,7	0,2	1,6	68,5	0,5	14
50	6,8	3,3	33	433	67	2,5
22	7,7	0,7	131	177	40	81
22	4,2	0,6	12	14	19	153
22	9,7	1	39	283	25	34,5

чились за счет присоединения хозяйств и не подлежащей регулированию земли на 23 479 м. Было создано 29 новых фольварков⁶².

По сообщению Т. Шюка, после издания постановления от 13 мая 1827 г. в Верхней Силезии до 1846 г. было только десять случаев регулирования хозяйств огородников. В действительности же регулирование таких хозяйств происходило в зна-

Капитал		За отмену других повинностей, кап.		Всего, тал.	В среднем с хозяйством, тал.	В среднем с моргена оставшейся земли
тал.	%	тал.	%			
216 375	1,8	9 335 517	77,1	12 113 714	1569	19,9
12 296	0,4	707 368	22,3	3 182 619	494	5,2
36 814	0,3	1 584 730	14,2	11 073 116	490	8,8
362 423	2,8	4 655 132	36,4	12 771 643	1188	10,5
1 915 672	16,5	2 588 375	22,6	11 581 987	795	9,8
57 351	2,9	63 910	3,3	1 988 210	436	11,7
2 600 931	5	18 899 032	35,9	52 711 289	791	10,5

ber F. B. Historisch-statistisches Jahrbuch in Bezug auf Nationalindustrie und Staatswirtschaft... Zw. Dop. Jahrgang. Die Jahre 1832 und 1833. Breslau, 1836. S. 69—70

Средняя цена морга земли в Познанской провинции в 1825—1840 гг. равнялась 6,9 тал. См.: Weber F. B. Handbuch der staatswirtschaftlichen Statistik... 1839—1842. Breslau, 1843. S. 104.

Средняя цена шеф. ржи в 1817—1837 гг.: Восточная и Западная Пруссия — 30,2 з. г., Бранденбург и Померания — 36,2 з. г., Силезия — 38 з. г., Познанская провинция — 39,1 з. г. Принята цена шеф. ржи — 1 тал. См.: Weber F. B. Handbuch... 1840. S. 588.

Таблица 11. Новые обзаведения и дотация школам при регулировании крестьянских хозяйств до конца 1838 г.*

Провинция, часть provинции	Фоль- варки	Кресть- янские дворы	Помещения для фоль- варковых работников	Пастбищные участки, м.	Дотация школам	
					земля, м.	денежная и натуральная рента, тал
Восточная Пруссия	114	216	2621	119	996	128
Западная Пруссия	27	205	748	—	1147	100
Познань	27	5441	5759	2	7085	333+40 ка- питала
Померания	108	354	3293	583	2961	272
Бранденбург	63	98	1297	221	477	160
Силезия	7	8	16	14	42	17
Всего	346	6322	13 734	939	12 708	1014+40 ка- питала

* Weber F. B. Handbuch... 1840. S. 376.

чительных размерах⁶³. В доменах административного округа Оппельн с 1811 по 1853 г. было регулировано 458 хозяйств⁶⁴.

В связи с восстанием крестьян в Западной Галиции в 1846 г. ускорился процесс регулирования хозяйств в княжестве Плесс (Пщина); здесь уменьшалось возмещение, которое должны были давать крестьяне, отбывавшие пешую барщину, а кметы могли избавиться от повинностей путем уступки земли вместо уплаты высокой денежной ренты. В некоторых деревнях округа Бойтен (Бытом) было проведено регулирование хозяйств огородников-ласситов. После подавления восстания помещики уклонялись от регулирования хозяйств по добровольному соглашению^{64а}.

В 1839—1847 гг. в целом по стране было регулировано небольшое число крестьянских хозяйств. Это обусловливалось ограниченным кругом хозяйств, подлежащих регулированию, установленными изъятиями ряда категорий хозяйств из-под действия закона, сопротивлением помещиков и тяжелыми для крестьян условиями регулирования.

При регулировании крестьянских хозяйств помещики получили огромное возмещение землей, рентой и капиталом. Однако некоторые из них не довольствовались этим и ходатайствовали о предоставлении им по случаю регулирования пособия от казны. Владелец имения Вильденау (Яблонки) в округе Ортельсбург (Щитно) в связи с регулированием получил пособие в размере 2 тыс. тал., а после того как за бесценок приобрел регулированные хозяйства, хлопотал о новом пособии⁶⁵. В 1820 г. правительство приняло решение об оказании восточнонемецким помещикам безвозмездного пособия («Osthilfe»)⁶⁶.

Многие помещики кроме перешедшей к ним крестьянской земли в качестве возмещения за феодальные повинности присво-

или немало земли, подлежащей регулированию. Владелец имения Ублик Вельки в округе Иоганнисбург (Пиш), проведя регулирование четырех хозяйств, «у остальных [крестьян] выкупил их права», в результате ему досталось 44 влукки крестьянской земли⁶⁷. В 1821 г. при регулировании в д. Сыпнево (округ Злотув, Флатов) один крестьянин «продал свое хозяйство господину» и оно было присоединено к имению; были включены в фольварк хозяйство коссета, находившееся в 1811 г. впусте, и усадьба «половинного» крестьянина, не числившаяся в кадастре. Из 35 хозяйств были регулированы 24, остальные помещик выкупил или отнял у крестьян⁶⁸. Данныки д. Иловницы (округ Костежина, Берент) в 1830 г. жаловались, что помещик потребовал удаления их из усадеб. Хотя, по мнению ландрата, могло быть проведено регулирование этих хозяйств, данники были превращены в коморников⁶⁹.

Правление административного округа Мариенвердер (Квидзин) отмечало, что во время приостановки регулирования данников «владельцы имений в Хелмской земле... продолжали удалять данников из усадеб и включать их полностью в фольварки или урезать их до такого размера, что [хозяева] оставляли свои парцеллы». Случаев же восстановления хозяйств данников было мало. Администрация округа считала нецелесообразным существование мелких крестьянских хозяйств⁷⁰. Крестьянин д. Хойно (около Равича), будучи не в состоянии выполнять барщину, в 1832 г. уступил свое хозяйство арендатору⁷¹. Судя по жалобе крестьянин д. Синицыны (округ Тухоля) в 1836 г., у него было отобрано хозяйство, числившееся в кадастре загродничим и оценившееся в сумму до 500 тал.⁷² Ю. Лёмпа в 1843 г. сообщал, что комиссар имения в Эллгут (Лиготе) «прогнал девять пулрольников с их наследственных хозяйств», а помещик в Вайденгут (Вежбе) «отнял у четырех крестьян их посевы, рабочий скот и навоз». Судья же составил протокол, в котором говорилось, что крестьяне сами оставили свои хозяйства⁷³. По свидетельству Генеральной комиссии в Курмарке, во многих случаях помещики превращали ласситские хозяйства во временно-арендные. Президент Ревизионной коллегии Летте отмечал, что мелкие ласситские хозяйства не регулировались и добровольно или принудительно перешли помещикам⁷⁴.

Вместе с тем в больших масштабах происходило присоединение к фольваркам крестьянских хозяйств, не подлежащих регулированию*. До конца 1820 г. было включено в фольварки в Восточной Пруссии 311 таких хозяйств (37 094 м. земли), в Западной Прус-

* И. Цикурш считает, что многие из таких хозяйств в Силезии были регулированы по добровольному соглашению, так как помещики при высокой цене найма работников не были заинтересованы в расширении своих хозяйств. См.: *Zielkursch J. Hundert...* S. 348—350).

К. Ожековский, рассматривая регулирование в округе Козел (Силезия), уставил, что вне его осталось примерно 7 % ласситских хозяйств. См.: *Orzechowski K. Rozmieszczenie chłopskiej własności podlegającej na Górnym Śląsku w przed-dniach uwłaszczenia // Sobótka.* 1956. N 3. S. 321—322, 324

сии — 108 (11 967 м.), в Померании — 402 (55 131 м.), в Бранденбурге — 240 (25 257 м.), Силезии — 67 (6834 м.), а всего в этих провинциях — 1128 хозяйств общей площадью 136 283 м.⁷⁵ До конца 1838 г. было присоединено к помещичьим владениям крестьянских земель, не подлежащих регулированию, соответственно 95 160 м. (не учтены данные по административному округу Гумбиннен), 11 442 м., 153 966 м., 48 673 м., 16 044 м., в Познанской провинции — 22 407 м., всего — 347 694 м. земли⁷⁶. По данным К. Л. Геринга, с 1816 по 1837 г. в помещичьи фольварки было включено 30 тыс. крестьянских хозяйств с худшими правами землепользования общей площадью 2 млн. м. земли⁷⁷.

В Познанской провинции в некоторых местах присоединялась часть земли крестьян, подходивших и не подходивших под закон о регулировании, ограничивалось пользование угодьями, увеличивались барщинные повинности. Расширялось помещичье землевладение и за счет земли крестьян, разорившихся после регулирования. Помещики во многих местах не выполняли своих обязательств, зафиксированных в рецессах, при перенесении крестьянских усадеб нарушили установленные сроки, ставили плохие постройки, использовали худшие материалы. Часть помещиков пытаясь, и не без успеха, в определенной мере возместить утраченную барщину за счет нерегулированных хозяйств. Широко применялись различные наказания в отношении крестьян и сельскохозяйственных работников⁷⁸. Подобное положение было и в других провинциях.

Таким образом, помещики с проведением регулирования смогли расширить свои хозяйства *, получили большие средства и располагали другими возможностями для перехода к капиталистическому земледелию и его совершенствования. Иным было положение преобладающей массы регулированных крестьянских хозяйств. Если небольшое число крестьян превращалось в gros-sbauэрзов, то другие, приобретая хозяйство в собственность посредством уступки части своей земли или уплаты капитала **, при значительном размере хозяйства имели некоторые условия для сносного существования.

Многие крестьяне, наряду с уплатой капитала или ренты, были обязаны выполнять определенную барщину, так называемые вспомогательные или диспозиционные работы, а также перевозить необходимые материалы для возведения помещичьих построек. Эти повинности часто оказывались весьма тяжелыми для крестьян. «Вспомогательные услуги, — писал Р. Штейн, касаясь положения в Восточной Пруссии, — были в течение длительного времени

* Р. Штейн, касаясь положения в Восточной Пруссии, в частности отмечал: «Бурный рост крупной собственности в первой половине XIX в., без учета приобретений из государственных доменов, произошел полностью за счет крестьянской земли» (*Mazury i Warmia... S. XXVII*).

** До конца 1838 г. из 246 деревень, в которых регулирование хозяйств было проведено с единовременной уплатой возмещения деньгами, 194 приходились на округ Генеральной комиссии в Берлине. См.: *Harnisch H. Statistische... S. 158*.

предметом беспокойства и обременительных правовых споров, так как оказалось, что они во многих случаях были установлены без достаточной потребности. Многие имения располагали достаточным количеством рабочих рук и упряжек и не нуждались в постоянных вспомогательных услугах крестьян. Только при возведении построек для преобразования фольваркового хозяйства нужна была временная помощь со стороны крестьян. Строительных работ тогда было очень много, и они неблагоприятно сканывались в течение многих лет на здоровом развитии регулированных хозяйств⁷⁹.

В некоторых местах крестьяне отказывались отбывать такие повинности. В связи с этим министерство внутренних дел в 1824 г. предупреждало крестьян об их ответственности за неисполнение этих обязательств⁸⁰.

Крестьяне д. Конажины Вельке и Конажины Мале (округ Члухов, Шлахау) вследствие неурожая, произшедшего в 1826 г., лишились части рабочего скота и не могли перевезти строительные материалы для фольварка. На основании жалобы помещика они были подвергнуты наказанию. Но это не могло дать желаемого для помещика результата. Тогда было принято решение нанять других крестьян для перевозки материала и расходы, связанные с этим, возместить за счет лиц, обязанных нести повинность. Последние просили отложить ее выполнение, так как в противном случае они были бы полностью разорены. Находя просьбу крестьян уважительной, ландрат предложил воздержаться от дальнейшего их наказания. Тем временем последовало распоряжение окружного правления арестовать старосту, лавника и трех хозяев и содержать их три дня в тюрьме, а затем то же сделать с другим лавником и четырьмя хозяевами, а если и после этого не будет выполнена повинность, то каждого хозяина подвергнуть аресту на восемь дней, а если понадобится, то в третий раз — на четыре недели. Расходы на содержание в тюрьме относились на счет арестованных⁸¹. Дальнейшие обстоятельства этого дела неизвестны.

В окрестностях Остероде и Гильгенбург крестьяне в течение ряда лет не выполняли вспомогательные работы, а помещики обходились без этих услуг, но в 1828 г. потребовали за них уплаты, которая часто превышала стоимость крестьянской усадьбы. Эта задолженность крестьян возмещалась посредством принудительной продажи их хозяйств. Действия помещиков в данном случае даже Генеральная комиссия признала неправомерными. В 1840 г. помещик, считая работу крестьян д. Эльгенау (Эльгново) в округе Гильгенбург недостаточной, потребовал определить, сколько должно было быть вспахано земли за один день. Опытным путем была установлена дневная норма — 1 м. 148 пр. Крестьяне не согласились с этим и заявили, что помещик должен довольствоваться тем, что они в состоянии сделать. Попытка такого нормирования работы была предпринята и в д. Мошниц (Мошница). Министерства внутренних дел и юстиции признавали эти действия противоречащими закону⁸².

Крестьяне, не располагавшие средствами для уплаты ренты, податей и других сборов, вынуждены были влезать в долги. При ограниченных возможностях займа денег условия ссуды часто оказывались весьма тяжелыми. По сообщению Менцеля, побывавшего в 1846 г. в прусской части Литвы и на Мазурах, здесь крестьянин, чтобы занять 100 тал., должен был уплатить посреднику от 5 до 10 тал., ростовщику 25 тал. и сразу за совершение сделки около 5 тал.; после этого ему оставалось наличными только 60 тал. Встречались небольшие ссуды, при которых должник помимо уплаты процентов обязывался предоставлять отработанное поле под картофель и лен, выкармливать скот и т. п.⁸³

Будучи не в состоянии вносить платежи, некоторые крестьяне сами продавали свои хозяйства. Крестьяне в д. Вильденай в округе Ортельсбург после регулирования были вынуждены уступить свои хозяйства помещику «по цене бочки (130—140 л) водки»⁸⁴. В других случаях при задолженности крестьян происходила принудительная продажа их хозяйств. В округе Голдап в 1823 г. подлежали продаже с аукциона 800 крестьянских хозяйств⁸⁵. Ландрат Келлер из округа Ангербург (Венгожево) в 1836 г. сообщал: «Большинство хозяйств, приобретенных крестьянами в собственность в здешнем округе на господских землях, уже не существуют. Их земли вследствие предшествующего обременения долгами подлежали продаже с аукциона и были приобретены *in subhastione* помещиками. Некоторые крестьяне продали свои хозяйства помещикам по добной воле. Все эти хозяйства помещиками были присоединены к их владениям...»⁸⁶ В 1846 г. Менцель, отмечая стремление помещиков расширить фольварковые хозяйства, а беднейших крестьян — избавиться от хозяйств, не приносявших им дохода, указывал: «Когда желания столь явно сходятся, то обеим сторонам нетрудно достигнуть их исполнения. В действительности же дошло до широко задуманного отчуждения собственности крестьянами владельцам имений. Цена земли при этом была такая низкая, что покупатель благодаря лучшей обработке в короткое время получал обратно по крайней мере часть вложенного капитала и при его помощи или также через увеличение кредита вследствие новых приобретений мог приступить ко всем новым покупкам. Так, исчезали целые деревни, а на их месте возникали дворовые и фольварковые хозяйства. В тех местах считают, что не все сделки продающими были совершены добровольно и к их удовольствию»⁸⁷. Происходила продажа крестьянских хозяйств и в Силезии. Ю. Лёмпа в 1843 г. писал, что крестьяне в Забже и Микульцицах (округ Бойтен), в Любецке в округе Люблинец и других местах не имели средств для уплаты ренты и продавали свои хозяйства, которые приобретались помещиками за ничтожную сумму⁸⁸.

Характеризуя регулирование крестьянских хозяйств и выкуп повинностей в Силезии, В. Вольф в 1849 г. констатировал: «Закон о выкупе феодальных повинностей, воспеваемый бездарными платными писаками в стране и за рубежом, как неслыханное дело

свободомыслия, стал неиссякаемым источником самой страшной нищеты для крестьян и самого бессовестного обогащения для господ, неисчерпаемым источником золота для гулящего рыцарства и той части прусской бюрократии, которой было доверено проведение этого ловко задуманного выкупа... От общегосударственного египетского бедствия „выкупа“ и его последствий не было никакого спасения...»⁸⁹ Позднее Р. Штейн признавал, что «на основе либерального законодательства „крестьяне были положены на лопатки“ в гораздо большем масштабе, нежели в XVI и XVII вв.»⁹⁰.

Процесс регулирования сказался на положении и позиции крестьян, не поддавших под действие законов о регулировании, и сельскохозяйственных работников. Некоторые крестьяне упорно добивались предоставления им земли в собственность. Семь крестьян из деревень Суленчин, Жаково, Устка и Кистово (округ Картузы), несмотря на решение Тайного верховного трибунала от 3 ноября 1829 г., не признававшего за ними права собственности на их хозяйства, обратились к королю с просьбой о предоставлении им такого права. За необоснованное ходатайство в 1841 г. они были подвергнуты аресту на 14 дней. Однако и после этого один из них снова подал просьбу королю⁹¹. В некоторых местах крестьяне отказывались выполнять барщину — в частности, в апреле 1846 г. жители деревень Тыхе, Тельмице, Папроцаны и Подлесе (округ Плес); они были приведены в повиновение эскадроном кавалерии⁹².

Ухудшилось положение сельскохозяйственных работников. В Восточной Пруссии средняя поденная плата мужчины в 40-е годы по сравнению с 1811—1820 гг. сократилась с 98 до 63 пф., а женщины — с 62 до 35 пф.⁹³ Айнлигеры и халупники принимали активное участие в выступлениях крестьян против помещиков, происходивших в 1843 г. около Лигниц, в 1844 г. — в графстве Глац (Клодзко), в 1845 г. — в округе Вальденбург (Валбжих), в 1844 и 1846 гг. — в других округах Силезии⁹⁴.

Так обстояло дело с регулированием крестьянских хозяйств до революции 1848—1849 гг.

ГЛАВА IV ВЫКУП ФЕОДАЛЬНЫХ ПОВИННОСТЕЙ ПО ПОЛОЖЕНИЮ ОТ 7 ИЮНЯ 1821 г. И ДРУГИМ ПРЕДПИСАНИЯМ

В декларации 1816 г. предусматривалось издание особого положения о выкупе крестьянами, владевшими хозяйствами на правах ограниченной собственности, наследственно-чиншевого держания и наследственной аренды, их повинностей в пользу помещика. Такое положение было утверждено 7 июня 1821 г.¹ По этому закону могли быть выкуплены барщинные повинности крестьян-собственников, наследственных чиншевиков и наследственных арендаторов, если их хозяйства относились к категории земледельческих (*Ackerpächtingen*), а также вспомогательные работы, предусмотренные эдиктом 1811 г. и декларацией 1816 г. При этом работы, вытекавшие из обязательств по отношению к государству, общине и церкви, не подлежали отмене. Если крестьянское хозяйство было передано в собственность, наследственно-чиншевое владение или наследственную аренду до 1811 г. с неограниченным сроком исполнения барщинной повинности, то ее выкуп разрешался по истечении 12 лет после обнародования этого положения.

Выкуп барщины производился только по предложению заинтересованной стороны. Требовать выкупа могли помещик и крестьянин, последний, когда шла речь о вспомогательных работах — после истечения определенного срока. Барщина оценивалась и возмещалась следующим образом: если упряжные и ручные работы вместе ежегодно с хозяйства при пересчете их на ручную работу по предписаниям эдикта 1811 г. и декларации 1816 г.* не превышали 50 дней мужской ручной работы, то стоимость этих работ определялась в деньгах по обычным в местности ценам за аналогичную работу в соответствующее время. Цена дня мужской ручной работы, однако, не могла быть выше 8 бранденбургских грошей (10 з. г.). Стоимость барщины в указанном случае возмещалась уплатой ренты. Если ежегодная барщина с хозяйства превышала 50 пересчетных дней, то тогда ее ценность определялась суммой расходов помещика для ее возмещения при той же системе хозяйства. Оценка неопределенных строительных работ производилась сведущими лицами с учетом предписаний положения о разделе угодий общего пользования. Из стоимости барщины вычиталось возмещение, которое помещик обязан был давать крестьянину в натуре или деньгах. Если последнее превышало

* По § 17 эдикта и ст. 41 декларации день работы с одноконной упряжкой приравнивался к двум дням мужской ручной работы.

стоимость барщины, то крестьянин не имел права требовать выплаты ему излишка и должен был удовлетвориться освобождением от барщины. В случаях, когда барщина с хозяйства превышала 50 пересчетных дней, ее стоимость возмещалась уступкой земли или уплатой ренты, причем стороне, обязанной принять предложение о выкупе барщины, предоставлялось право выбора вознаграждения рентой или землей.

Размер ренты определялся по правилам положения о разделе угодий общего пользования. Рента могла быть выкуплена только по ходатайству обязанныго посредством выплаты ее (по капитализации из 4 %), т. е. в 25-кратном размере. О ее выкупе необходимо было предупредить за шесть месяцев. Разрешался частичный выкуп ренты, причем выкупаемая сумма капитала не могла быть меньше 100 тал. По этим правилам производился и выкуп ренты, установленной при регулировании по эдикту 1811 г. и декларации 1816 г. Невыкупленная рента могла быть внесена в ипотечную книгу крестьянского хозяйства.

При возмещении барщины землей помещик получал соответствующую стоимость его права часть пахотных, луговых и пастбищных земель, которая определялась по соотношению этих земель в крестьянском хозяйстве. Для отвода земель в удобном месте разрешался обмен участков, находившихся на общественном пастбище. Помещик имел право оставить за собой на 12 лет упомянутые в эдикте и декларации вспомогательные работы за установленное там вознаграждение. Если барщина не превышала предусмотренных вспомогательных дней или выполнялась в меньшем размере, то по требованию помещика она сохранялась на указанный срок. Барщина прекращалась при несогласии сторон по истечении года после утверждения акта об ее отмене, т. е. в ближайший срок окончания контрактов о найме (*Umtzugs*) фольварковых работников. Пешая барщина, обременявшая служебные хозяйства (*Dienstfamilien*), и в частности хозяйства огородников-молотильщиков в Силезии, могла быть выкуплена только при согласии обеих сторон.

В ренту могли быть превращены ежегодные натуральные сборы, десятины и лаудемии, обременявшие хозяйства, без различия, относились ли эти хозяйства к категории крестьянских или нет и отбывалась или не отбывалась с них барщина. Другими словами, право выкупа таких повинностей предоставлялось не только крестьянам, но и другим сельским хозяевам. Стоимость продуктовых сборов и десятины в продуктах определялась таким же способом, как и цена ржи. Сборы домашней птицей, телятами, ягнятами, свиньями, маслом, сыром, воском, другие натуральные данины и мясная десятина оценивались сведущими лицами по обычной цене перед их выкупом; если данины возмещались в деньгах, то денежная сумма составляла их ценность. Цены, зафиксированные в документах или основанные на обычae, принимались за основу подсчетов, если обязанный имел право вносить сбор в натуре или деньгах.

Предписание эдикта 1811 г. (§ II) о повышении культуры земледелия относительно выкупа наследственными арендаторами денежных повинностей (канона и лаудемии) распространялось и на лиц, владевших хозяйствами на правах ограниченной собственности и наследственно-чиншевого держания. При этом крестьянин в случае продажи части его земли должен был выкупить часть ежегодного чинша, соответствовавшую доходу от проданной земли; ежегодный сбор вносился частями не менее 4 тал., сумма платежа ниже 4 тал. подлежала выкупу посредством уплаты капитала.

Размер натуральной десятины определялся по состоянию хозяйства ко времени выкупа сведущими лицами, которые давали заключение, какое количество зерна, соломы, других продуктов и скота ежегодно в общей сложности мог получить владелец в качестве десятины. Если лицо, получавшее десятину, со своей стороны выполняло постоянные или случайные повинности, то при выкупе всех или некоторых десятин путем уплаты капитала оно могло требовать одновременного выкупа и своих обязательств. При несогласии сторон выкуп постоянных повинностей мог быть произведен только в целом, а случайных — только уплатой капитала. Их стоимость определялась таким же образом, как и ценность крестьянских повинностей и десятин. Помещику предоставлялось право выкупа и таких повинностей в отношении крестьянина, как пособия при возведении и ремонте построек, льготы или освобождение от повинностей при несчастных случаях и т. п. Выкуп натуральных десятин производился посредством уступки земли или уплаты ренты.

Размер лаудемии устанавливался по сумме платежей в течение столетия или другого определенного времени. Если лаудемия уплачивалась: а) в каждом случае перехода хозяйства по наследству, то считались в течение столетия три перехода; б) при передаче хозяйства наследнику по нисходящей линии — одна передача; в) в случае смерти помещика — три перемены во владении; г) при смене верховной собственности, связанной с учреждением, достоинством или сеньоратом, — шесть изменений; д) в случаях продажи права верховной собственности — две продажи. Основанием для расчета являлась сумма лаудемии, зафиксированная в контракте, регистре, земском законе или вносившаяся по обычью. При отсутствии таких данных размер лаудемии определялся по последним шести платежам, а если это оказывалось невозможным, то по средней сумме платежей, о которых имелись сведения. Платежи лаудемии при каждом изменении владельческих прав за столетие суммировались, и одна сотая их составляла ежегодную ренту, которая могла быть выкуплена. Если лаудемия вносились по истечении определенного числа лет, то ежегодная рента вычислялась путем деления лаудемии или установленной средней ее суммы на указанное число лет.

При возмещении повинностей землей или уплатой ренты налог и подать с повинностей сохранялись за их плательщиком, с уплатой капитала или выкупом денежной ренты подать с повинностями

переходила на выкупаемое хозяйство. Если барщина выкупалась огородниками, пользовавшимися своими хозяйствами на правах собственности по добровольному соглашению сторон, то подать с повинностей оставалась за помещиком.

Положение о выкупе повинностей применялось только к некоторым категориям крестьян. Касаясь этого закона, Ф. Энгельс указывал, что в нем «вновь предписывалось ограничить право на выкуп, предоставляемое только более крупным крестьянским дворам, так называемым Ackegnährungen, а для владельцев мелких хозяйств — безнадельных крестьян, Häusler, Dreschgärtner, одним словом, всех посаженных на землю батраков — недвусмысленно увековечивались барщина и феодальные повинности. Это и стало отныне правилом»².

Положение о выкупе феодальных повинностей от 7 июня 1821 г. имело двоякое значение. Предусматривая отмену барщины и других повинностей, обременявших хозяйства, которыми владели крестьяне на правах ограниченной собственности, наследственного держания и наследственной аренды, оно приравнивало эти хозяйства к регулируемым хозяйствам в отношении выкупа таких повинностей. Вместе с тем оно определяло условия выкупа ренты, установленной при регулировании хозяйств, т. е. расширяло возможности ликвидации феодальных отношений. По мнению К. Ожеговского, «ситуация, созданная положением 1821 г., делала также верховную собственность феодала в принципе иллюзорной, так что она в середине XIX в. (закон от 2 марта 1850 г.) могла быть упразднена без всякого вознаграждения»³. «В то время, — пишет он далее, — когда помещик уже с 1807 г. не участвовал в распоряжении крестьянским хозяйством, отмена обязательства вносить ренту была равнозначна превращению нынешней крестьянской ограниченной собственности в полную собственность и одновременной ликвидации верховной собственности... В этом, как кажется, состоит подлинное значение положения 1821 г. Остается только неясным, следует ли связывать превращение крестьянской ограниченной собственности в полную с фактом упразднения повинностей отдельного хозяйства, что, как известно, происходило не сразу, но в результате ряда соглашений в течение нескольких или нескольких десятков лет, или трактовать его как результат создания возможностей для отмены этих повинностей на основании предложения обязанного лица. Вторая из этих возможностей кажется более правильной, ибо во всем деле самым важным является предоставление права, чтобы с позитивным результатом крестьянин мог добиваться ликвидации феодальной ренты, а не то, воспользовался ли он и когда этим правом». Но если подходить к этому «с практической точки зрения», то «решающим было не признание законом за крестьянином права требовать выкупа повинностей», а «фактическая реализация им этого права и отмена повинностей... Существовавшая до сих пор ограниченная собственность в результате положения о выкупе от 7 июня 1821 г. превратилась в полную»⁴.

Эти соображения представляются спорными. Прежде всего очевидно противоречие: положение 1821 г. делает верховную собственность только иллюзорной или же ее упраздняет? В законе не содержится каких-либо указаний на изменение поземельных прав крестьян. Из выкупных рецессов следует, что после отмены барщины за крестьянами сохранялись строительные работы на мельнице, а также платежи чинша, лаудемии, а за помещиком — право охоты и рыбной ловли (и патrimonиальная юрисдикция). Здесь при частичном выкупе повинностей обязанности крестьян и права помещика оставались такими же или подобными, как и в случае регулирования, при котором за помещиком, по мнению К. Ожеховского, сохранялась верховная собственность. Что же касается наследственно-чиншевых и наследственно-арендных земель, то верховная собственность помещика на них была упразднена только в 1850 г. Положение 1821 г. предусматривало возможность выкупа повинностей, но сама возможность не означала превращения крестьянин в полного собственника. Таковым он мог стать после выкупа всех или большей части своих повинностей, что также имело место, как полагает К. Ожеховский, и в случае выкупа повинностей крестьянами, не подходившими под действие положения, по добровольному соглашению сторон⁵.

С выкупом феодальных повинностей прекращалась зависимость крестьян от помещиков. Последние же не всегда или не вполне были заинтересованы в этом, их взгляды разделяло и правительство. Законом от 31 января 1845 г. в провинциях, где применялось положение 1821 г. о выкупе, разрешались соглашения об отказе от выкупа или об ограничении выкупа существовавших или будущих денежных и зерновых сборов крестьянам, владевшим своими хозяйствами на правах собственности, наследственно-арендном и наследственно-чиншевом праве⁶. Эта мера мотивировалась необходимостью «упрочения естественного отношения защиты, надзора и зависимости» между помещиком и крестьянином, «отношения, благотворного как для мелкого владельца земли, так и особенно важного для высших государственных интересов»⁷. При отсутствии такого соглашения выкуп упомянутых повинностей должен был производиться только путем уплаты капитала.

Широко распространенная в Нижней Силезии система ведения помещичьего хозяйства с использованием принудительного труда огородников-молотильщиков, получавших долю собранного урожая (мандель) и намолоченного зерна (гебе), была приемлемой для помещиков до тех пор, пока существовало трехпольное хозяйство и урожай зерновых на хороших землях не превышал сам-4—5. С переходом к интенсивному земледелию эта система оказывалась невыгодной для владельцев имений⁸. Получаемая огородником плата при уборке урожая в виде 14-го или 10-го снопа составляла 7,5 % или 11 % всего сбора зерна и соломы. По подсчетам помещика из округа Розенберг (Олесно), содержание огородника-молотильщика в течение года обходилось ему в 480 тал., а на оплату той же работы, выполняемой наемными работниками, он

расходовал 371 тал. Попытки помещиков увеличить повинности огородников-молотильщиков вызывали сопротивление со стороны последних, в связи с этим велись судебные процессы между ними. Имея это в виду, помещики стремились упразднить обязательные отношения с огородниками-молотильщиками. До конца 1838 г. мандель и гебе были отменены в 153 имениях⁹. Выкуп повинностей огородников-молотильщиков и подобных им мелких хозяев мог быть произведен только по добровольному соглашению сторон. Огородник не всегда соглашался с предлагаемыми помещиком условиями. Поэтому помещики добивались того, чтобы выкуп повинностей огородников и обязательств владельцев имений происходил по ходатайству одной из сторон. Предоставление помещику права требовать отмены обязательных отношений обеспечивало ему большие выгоды.

Правительство пошло навстречу пожеланиям владельцев имений. Законом от 31 октября 1845 г. разрешался по ходатайству одной из сторон выкуп барщины, обременявшей мелких хозяев, пользовавшихся своими землями на правах ограниченной собственности, наследственно-чиншевом и наследственно-арендном праве. Если стоимость обязательств помещика превышала ценность барщины, то помещик обязан был возместить излишек, кроме случаев, когда он имел право вопреки воле крестьянина отказаться от барщины и вместе с тем освободиться от своего обязательства. Излишек возмещался по договоренности сторон или путем уплаты денежной ренты, которая могла быть выкуплена. Подлежала отмене барщина, оплачиваемая долей урожая или намолота. Эти оплаты впредь не могли выкупаться сами по себе, напротив, барщина считалась главной повинностью, а мандель и гебе рассматривались как взаимные услуги, которые могли быть упразднены одновременно с отменой барщины. Помещик, ходатайствуя об отмене манделля и гебе, если он не мог иначе договориться с отдельными или всеми огородниками, обязан был сделать такое представление в отношении всех лиц, пользующихся этими услугами. Если выкупа повинностей требовала часть огородников, то выкуп производился при равенстве голосов или по соотношению выполняемой барщины. Если по ходатайству крестьян властями было принято решение о выкупе, то такое ходатайство могло быть взято обратно только при общем их согласии. Пешая барщина (без упряжной) размером в 50 и выше мужских рабочих дней в год возмещалась денежной рентой, если стороны не договорились об ином способе компенсации. По этому закону могла быть отменена и барщина, считавшаяся до этого невыкупаемой¹⁰. Рассматривая выкупное законодательство, Ф. Энгельс констатировал: «Только с 1845 г. в виде исключения для Саксонии и Силезии стал допускаться выкуп и этого рода повинностей...»¹¹

Выкуп феодальных повинностей в провинции Вестфалия производился по положению от 13 июля 1829 г. и другим предписаниям. Законом от 25 апреля 1835 г. разрешался выкуп права на вымороочное хозяйство (*Heimfallrecht*) при двух и одном наследнике

(auf vier или zwei Augen stehenden Gütern). В первом случае выкупаемая рента составляла 5 %, во втором — 10 % чистого дохода¹². В округах Падерборн, Бюрен, Варбург и Гёттер (административный округ Минден) выкуп осуществлялся посредством специальных касс (Tilgungskassen). Подлежащая выкупу рента определялась по средней цене повинностей за последние двадцать лет и возмещалась в восемнадцатикратном размере при 4 % годовых в течение 41 года. По регламенту от 8 августа 1836 г. обязанный должен был ежегодно платить в кассу ренту, составлявшую $\frac{3}{4}$, денежной стоимости отбывавшихся им до сих пор повинностей или $4\frac{1}{6}\%$ долговых листов кассы¹³. В графствах Виттгенштейн-Ферлебург и Виттгенштейн-Виттгенштейн (адм. округ Мюнстер) по закону от 22 декабря 1839 г. крестьяне в частных и институтских имениях с правом ограниченной собственности и наследственные владельцы приобретали свои хозяйства в собственность, если они были обременены только стабильной денежной или зерновой рентой или особым платежом после преобразования десятины¹⁴.

В герцогстве Вестфалия освобождение от зависимости, принудительная служба, посмертный сбор, доходные деньги (Gewinngelder), право верховной собственности и право помещика на хозяйство, оставшееся без наследника, колонатные отношения выкупались на основе постановлений гессского великого герцога от 5 ноября 1809 г. и 18 августа 1813 г. По положению от 18 июня 1840 г. здесь подлежали выкупу реальные повинности (исключая повинности публичного и общественного характера, в пользу корпораций, церковных и школьных заведений, если они не вытекали из поместных отношений и права на десятину); сервитуты и общинные права отменялись по положению о разделе угодий общего пользования независимо от срока давности, судебного решения и контракта (условия последнего сохранялись в силе в течение 12 лет и могли быть продлены). Добровольные сделки не ограничивались законом. Повинности возмещались посредством уступки земли, уплаты капитала или тем и другим, зерновые сборы и десятина — уплатой всей суммы капитала сразу. Если о выкупе ходатайствовал правомочный, то обязанный крестьянин мог выбирать способ вознаграждения (если капиталом, то должен был уплатить его в четыре следующие друг за другом срока равными частями в сумме не менее 100 тал.), при ходатайстве обязанного выбор вознаграждения принадлежал правомочному. Рента зерном оценивалась по средней цене в мартиновские дни за последние 14 лет (исключая два года с высшей и два года с низшей ценой). Если возмещение производилось землей, то у крестьянина должно было остаться $\frac{2}{3}$ земли или такое ее количество, при котором хозяйство было бы упряженным. Рента при выкупе капитализировалась из 4 %¹⁵. На подобных условиях происходил выкуп повинностей и в других областях западной части Пруссии¹⁶.

Законом от 30 марта 1820 г. поземельная подать в доменах восточных провинций устанавливалась в размере $\frac{1}{6}$, а в западных

провинциях — $\frac{1}{5}$ повинностей крестьянина, остальные его повинности выкупались в старых провинциях по капитализации из 5 % (западнее Рейна по предписанию от 12 февраля 1820 г. денежная рента устанавливалась из 5 %, натуральные сборы — из 4 %). С изданием положения 1821 г. его предписания об условиях возмещения повинностей применялись и к крестьянам в доменах (рескрипт от 8 апреля 1824 г.). Выкупная ставка по капитализации из $6\frac{2}{3}\%$ в областях, расположенных западнее Рейна, существовавшая с 1800 г., была отменена в 1821 г., а в 1824 г. была восстановлена по отношению к мелким повинностям (до 1 тал.) и распространена на другие провинции. С 1825 г. натуральные сборы оценивались по средней цене за 14 лет за исключением двух лет с самой высокой и двух лет с самой низкой ценой. Выкупаемая рента капитализировалась в местностях между Эльбой и Рейном из 4 %, в новых и возвращенных областях восточнее Эльбы — из 5 % (распоряжение от 22 февраля 1824 г.), в административном округе Мерзебург на левом берегу Эльбы — из 4 %, на правом — из 5 %, в Силезии при применении положения 1811 г. — из 5 %, положения 1821 г. — из 4 %, лаудемия и ленное право — из 1—5 %¹⁷. В графствах Виттгенштейн-Ферлебург и Виттгенштейн-Виттгенштайн при выкупе повинностей из их суммы исключались расходы на управление (3 %), а $\frac{4}{5}$ — капитализировались из 4 % и подлежали уплате в особую кассу в течение 41 года. Крестьяне с правом ограниченной собственности и наследственным владением становились полными собственниками своих хозяйств (закон от 22 декабря 1839 г.)¹⁸.

Выкуп повинностей проходил медленно и сопровождался спорами и тяжбами между сторонами и большими потерями для крестьян. Об условиях выкупа феодальных повинностей можно судить по нижеприведенным данным.

В Познанской провинции барщина до 50 пересчетных дней выкупалась по ценам вольного найма, хотя ее производительность была ниже вольнонаемного труда. Она оценивалась по более высоким ставкам по сравнению со ставками, применявшимися при регулировании крестьянских хозяйств (в некоторых случаях ее стоимость определялась ставками, принятыми при регулировании). В 1824—1840 гг. цена барщинного дня при выкупе составляла (табл. 1).

В д. Герсдорф (Подгужине) в округе Гиршберг (Еленя Гура) 12 крестьян, приобретших свои хозяйства путем покупки или по наследству, имели право без ограничения, по своей воле распоряжаться ими. Каждый из них был обязан в течение года работать с двуконной упряжкой 7 дней на помещичьем поле и 2 дня при доминиальном пруде; во время жатвы вывезти 90 (кмет Ворбс 135) снопов ржи и предоставить помощника для погрузки; перевезти 4 ящика древесины из леса к пивоварне; выполнять пешую барщину — один день при уборке льна за плату 1 з. г. ... и помогать при стрижке овец за плату по 2 галера от штуки и при посадке капусты на помещичьем поле. Вместе они должны были

Таблица 1. Стоимость барщинного дня *

Вид работы	Выкупная ставка				Ставка при регулировании	
	нижняя, пф.	высшая, пф.	в среднем, пф.	кг ржи	пф.	кг ржи
Косьба во время жатвы (мужчины)	60	120	90	9,28		
Другие работы во время жатвы (мужчины)	60	96	78	8,04	74	7,65
Работы в другое время (мужчины)	48	72	60	6,19		
Работы во время жатвы (женщины)	60	90	75	6,73	52	5,83
Работы в другое время (женщины)	36	60	48	4,95		
При перевозке зерна, сена с двумя лошадьми	180	240	210	21,65	85	8,75

* Borowski S. Kształtowanie się rolniczego rynku pracy w Wielkopolsce w okresie wielkich reform agrarnych 1807—1850. Poznań. 1963. S. 279, 283.

вывезти сено с трех доминиальных лугов (с третьего — раз в три года), причем каждый предоставлял подводу и помощника для укладки сена; во время очистки прудов вывозить ил и предоставить по одному работнику для его погрузки; погрузить и перевезти хворост, листья и подстилку, заготовка которых производилась вместе с крестьянами двух соседних деревень; перевезти вместе с крестьянами соседней деревни весной и осенью рыбу из прудов, за что каждому выдавался бочонок карпов; предоставлять лошадей для упряжки в случае поездок помещика и его семьи, для перевозки их багажа, вновь прибывающих экономов, лесничих, старост и тому подобных лиц, причем для одного коня выдавалось 2,5 мешка овса; давать подводы для графской часовни; доставлять вместе с крестьянами других деревень необходимые материалы для ремонта и возведения помещичьих построек; выполнять строительные работы на мельнице.

По предложению помещика между ним и крестьянами было заключено соглашение (речесс датирован 9 февраля 1830 г.) о выкупе этих повинностей, за исключением строительных работ на мельнице, которые подлежали особому выкупу. С 1 января 1827 г. указанные барщинные повинности отменялись и взамен их каждый крестьянин вносил выкупной капитал в размере 301 тал. 5 з. г. 4,5 пф. Крестьяне были обязаны платить поземельный чинш в деньгах от 4 тал. 9 з. г. до 37 тал. 12 з. г. 2 пф. с хозяйства и в натуре от 1 корца 7 гарнцев до 9 корцев 13 гарнцев овса с хозяйства, а всего 27 корцев и $3\frac{2}{3}$ гарнца овса. Сторожевая повинность каждого хозяина составляла 1 з. г. 9 пф., а так называемые служебные платежи всей деревни определялись в 4 тал. 10 з. г. При смене владельца хозяйства независимо от того, переходило оно по

наследству или постороннему лицу, уплачивалась лаудемия помещику в размере 10 % имущества и 1 тал. так называемого конфирмационного сбора в связи с подтверждением контракта. С 29 сентября по 19 апреля помещик имел право пасти свой скот вместе с крестьянским на крестьянских землях, предназначенных для его выпаса. За ним сохранялось исключительное право охоты на крестьянской земле и ловли рыбы в естественных водоемах, расположенных в деревне¹⁹. В этом случае выкупалась только баршина (за некоторым исключением), остальные повинности крестьян сохранялись до последующей их отмены.

При выкупе повинностей в д. Пичен (Пышчин) в округе Штрайгай (Стшегом) в рецесс была включена лаудемия, которой до этого не было. Один из крестьян обжаловал это в суде, и тот аннулировал ее платеж²⁰.

Выкуп повинностей часто производился таким образом, что сперва выкупались одни повинности, затем другие и т. д. В отчетах комиссии одно лицо (или хозяйство) числилось столько раз, сколько оно фигурировало в выкупных рецессах.

В Силезии с 1821 по 1829 г. выкуп повинностей производился 13 519 хозяевами. При этом было отменено 419 396 упряженых и 897 382 пеших дня баршины (в среднем на одно хозяйство приходилось соответственно 31 и 66 дней). Помещики получили возмещение за отмену баршины: землей 28 678 м., денежной рентой 36 341 тал., рентой зерном 5121 шеф., капиталом 1 265 418 тал., за денежные и натуральные сборы и лаудемию соответственно 2778 м., 7534 тал., 2246 шеф. зерна и 51 631 тал.²¹

Результаты выкупной операции, проведенной комиссиами по положению 1821 г. в период до конца 1838 г., представляются в табл. 2, 3, 4, 5, 6.

Рассматривая данные табл. 2—5, следует иметь в виду, что во многих случаях при выкупе упразднялись не все повинности, отбывавшиеся крестьянами. Некоторые из них оставались и выкупались впоследствии. До конца 1838 г. выкупалось 55 % всех хозяев, выкупавших повинности до конца 1849 г. (по положению 1821 г.), в Силезии — 37 %, Познанской провинции — 63 %, в Восточной и Западной Пруссии и Померании — 67 %, Бранденбурге — 81 %. Таким образом, выкупная операция до 1838 г. по сравнению с последующим периодом получила относительно большее развитие во всех восточных провинциях за исключением Силезии. Хотя крестьяне с лучшими поземельными правами были в меньшей мере обременены баршиной, чем крестьяне-ласситы, удельный вес баршины в выкупаемых повинностях был весьма большим. Он составлял от 34 % (Силезия) до 80 % (Западная Пруссия) выкупных платежей. Это обусловливалось высокой оценкой баршины (помещики таким путем возмещали ее утрату), стремлением крестьян прежде всего избавиться от принудительного труда и другими обстоятельствами.

Собственно выкупными платежами были уступка земли (она составляла от 7,4 % в Померании до 24,4 % в Восточной Пруссии)

Таблица 2. Выкуп феодальных повинностей до конца 1838 г.*

Провинция, часть про- винции, адм. округ	Число выкупав- шихся хозяев	Отменено барщин- ных дней		Возмещение за упраздненную барщину			
		упряжных	пеших	земля, м.	денежная рента, тал.	рента режью, шеф.	капитал, тал.
Восточная Пруссия	6161	11 216	14 190	1043 **	8781 **	629 **	19 540 **
Западная Пруссия	3639	9390	23 198	4933 **	9401 **	32 **	1640 **
Познань	9670	105 826	161 426	2860	36 229	116	13 685
Померания	8941	42 200	51 182	2396	34 374	483	15 758
Бранденбург	32 476	464 613	1 288 817	51 298	106 606	10 903	1 220 191
Силезия	36 847	1 119 981	2 572 366	83 346	119 284	26 765	2 267 578
Всего	97 734	1 753 186	4 111 179	145 876	314 675	38 928	3 538 392
Адм. округ Стендаль	27 880	100 449	105 083	4210	60 548	13 738	2 050 236
Адм. округ Мюнстер						2 **	

* Weber F. B. Handbuch der Staatswirtschaftlichen Statistik und Verwaltungskunde der Preussischen Monarchie. Breslau, 1840. S. 376—377.

и уплата капитала (от 1,8 % всего возмещения в Познанской провинции до 30 % в Силезии). Платежи же денежной ренты (от 45 % в Силезии до 87 % в Западной Пруссии) и ренты зерном (от 0,2 % в Западной Пруссии до 18 % в Бранденбурге) всего

Таблица 3. Выкупные платежи крестьян до конца 1838 г.
в денежном выражении *

Провинция, часть provинции	За отмену барщины					
	земля, тал.	денежная рента, тал.	рента режью, шеф.	капитал, тал.	всего, тал.	стоимость пересчет- ного дня барщины, з. г.
Восточная Пруссия	5945	219 525	15 725	19 540	260 735	8,5
Западная Пруссия	21 211	235 025	800	1640	258 676	7,3
Познань	19 448	905 725	2900	13 685	941 758	3
Померания	22 282	859 350	12 075	15 758	909 465	8
Бранденбург	625 835	2 665 150	272 575	1 220 191	4 783 751	2,6
Силезия	1 083 498	2 982 100	669 125	2 267 578	7 002 301	1,8
Всего	1 778 219	7 866 875	973 200	3 538 392	14 156 686	2,2

* Исходные данные в табл. 2. Рассчитано: земля по средней цене 1 м. при регулировании в Восточной Пруссии 5,7 тал., в Западной Пруссии — 4,3; Познанской провинции — 6,8; Померании — 9,3; Бранденбурге — 12,2; Силезии — 13 тал.; цена шеф. ржи

Возмещение за отмененные денежные и натуральные сборы, лаудемию и др.

Возмещение за барщину и другие повинности

земля, м. земля, тал.	денежная рента, тал.	рента режью, шеф.	капитал, включая сто- имость возвра- щенного ин- вентаря, тал.	земля, м. земля, тал.	денежная рента, тал.	рента режью, шеф.	капитал, тал.
17 400	2041	198	13 946	18 443	10 822	827	33 486
2599	1827	—	7562	7532	11 228	32	9202
44 190	27 943	2260 +13 овса	21 383	47 050	64 172	2389	35 068
9043	14 310	826	55 544	11 439	48 684	1309	71 302
16 615	42 890	43 903	330 846	67 913	149 486	54 812	1 551 037
6271	30 297	10 265	228 673	89 616	149 581	37 030	2 496 251
96 118	119 308	57 465	657 954	241 993	433 973	96 399	4 193 346
26	5547	578	206 440				

** За барщину и другие повинности

возмещения означали, по существу, замену одной формы повинности другой, которая оставалась впредь до выплаты ее капитальной суммы. Таким образом, за исключением случаев, когда повинности выкупались полностью, а таких случаев было немного, происходил лишь в большей или меньшей мере частичный выкуп феодальных повинностей крестьянами. Общая сумма платежей

За упразднение других повинностей

земля, тал.	денежная рента, тал.	рента режью, тал.	капитал, тал.	всего, тал.	Общая сумма выкупных платежей, тал.	Соотношение платежей за барщину и другие повинности
99 180	51 025	4950	13 946	169 101	429 836	60 : 40
11 175	45 675	—	7562	64 412	323 088	80 : 20
300 492	698 575	56 825	21 383	1 077 275	1 019 033	46 : 54
84 099	357 750	20 650	55 544	518 043	1 427 508	63 : 37
202 703	1 072 250	1 097 575	330 846	2 703 374	7 487 125	63 : 37
81 523	757 425	256 625	228 673	1 324 246	8 326 547	84 : 16
779 172	2 982 700	1 436 625	657 954	5 856 451	20 013 137	70 : 30

в среднем 1 тал. и по капитализации из 4 %; денежная рента в капитальной сумме; в капитале числится и стоимость возвращенного фольваркового инвентаря.

Таблица 4. Выкупные платежи за отмененные барщинные и другие повинности по виду платежей (до конца 1838 г.) *

Провинция, часть provинции	Земля		Денежная рента		Рента рожью		Капитал	
	тал.	%	тал.	%	тал.	%	тал.	%
Восточная Пруссия	105 125	24,4	270 550	62,9	20 675	4,8	33 486	7,9
Западная Пруссия	32 386	10	280 700	86,8	800	0,2	9202	3
Познань	319 940	15,8	1 604 300	79,4	59 725	3	35 068	1,8
Померания	106 381	7,4	1 217 100	85,2	32 725	3	71 302	4,4
Бранденбург	828 538	11	3 737 400	50	1 370 150	18,3	1 551 037	20,7
Силезия	1 165 021	14	3 739 525	44,9	925 750	11,1	2 496 251	30
В этих про- винциях	2 557 391	12,7	10 849 575	54,2	2 409 825	12	4 196 346	21,1

* Рассчитано по данным табл. 3. В сумме капитала числится стоимость возвращенного помещикам инвентаря.

Таблица 5. Выкуп феодальных повинностей до конца 1838 г. Приходилось в среднем на одно хозяйство *

Провинция, часть provинции	Отменено бар- щинных дней		Возмещение помещикам						Общая сумма плате- жей, тал.	
	упряж- ных	пеших	уступка земли		денежная рента		рента рожью			
			м.	стои- мость, тал.	тал.	по капит. из 4 %, тал.	шев. тал.	по капит. из 4 %, тал.		
Восточная Пруссия	1,8	2,3	3	17,1	1,7	42,5	0,13	3,2	5,4	68,2
Западная Пруссия	2,5	6,3	2	8,6	3	75			2,5	86,1
Познань	10,9	16,6	4,8	32,6	6,6	165	0,2	5	3,6	206,2
Померания	4,7	5,7	1,2	11,2	5,4	135	0,1	2,5	7,9	156,6
Бранденбург	14,3	39,6	2	24,4	4,6	115	1,6	40	47,7	227,1
Силезия	30,3	69,8	2,4	31,2	4	100	1	25	67,7	223,9
В среднем по этим провин- циям	17,9	42	2,4	25,2	4,4	110	1	25	42,9	202,8

* Рассчитано по данным табл. 2, 3. При сопоставлении числа хозяйств с данными табл. 5 оказывается, что выкупные платежи в среднем с одного хозяйства составили в Восточной Пруссии 69,7 тал., Западной Пруссии — 88,7 тал., Познанской провинции — 208,7 тал., Померании — 159,6 тал., Бранденбурге — 230,5 тал., Силезии — 225,9 тал. Данные Г. Гарниша: средний размер выкупных платежей с хозяйства землей 1,5 м., денежной рентой — 3 тал., рентой зерном — 0,4 шеф., капиталом — 36 тал. — относятся к барщине и не учитывают выкупа других повинностей. См.: Harnisch H. Statistische Untersuchungen zum Verlauf der kapitalistischen Agrarreformen in den Preussischen Ostprovinzen (1811 bis 1865) // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte, 1974. T. IV. S. 161.

Таблица 6. Новые обзведения и дотация школам при выкупе феодальных повинностей до конца 1838 г.*

Провинция, часть provинции	Новые обзведения			Дотация школам		
	фольварки	дворы	помещения для работников	земля, м.	рента, тал.	пастища, м.
Восточная Пруссия	2	—	7	13	—	9
Западная Пруссия	—	—	12	8	—	—
Познань	1	3	264	101	—	2
Померания	—	—	—	—	—	—
Бранденбург	8	56	160	42	18	1
Силезия	20	22	77	183	205	9
Всего	31	81	520	347	223	21

* Weber F. B. Handbuch... 1840. S. 377.

в среднем с одного хозяйства колебалась от 68 (Восточная Пруссия) до 224 тал. (Силезия), что обуславливалось величиной повинностей, обременявших хозяйство, и их оценкой.

При выкупе повинностей обязаные крестьяне оплачивали расходы по осуществлению выкупной сделки, которые нередко были весьма значительными. Так, по свидетельству депутата Национального собрания Дане, «город Лихтенau в Вестфалии заплатил за 12 000 моргенов 17 000 талеров, и расходы этим еще не покрыты!!!»²².

После издания закона от 31 октября 1845 г. в некоторых местах огородники и халупники, требуя отмены барщины или считая ее упраздненной, отказывались выполнять свои повинности. В апреле 1846 г. барщинные огородники и халупники в д. Тыхы (округ Плесс, Пщина), несмотря на разъяснение ландрата, заявили, что закон о выкупе они понимают таким образом: высочайшей волей его королевского величества является то, чтобы они были освобождены от всякой барщины без всякого возмещения. Поэтому они не будут впредь отбывать барщину и платить за нее вознаграждение. В ответ на предупреждение ландрата о плохих последствиях такого поведения в толпе крестьян раздавались проклятия и брань по отношению к тем, кто требует барщину и понуждает к ней. Многие из них говорили ландрату: «Мы очень хорошо знаем, что произошло в Галиции и как тамошние крестьяне, отрубая головы [помещикам], освободились от барщины. Таким же способом сумеем ответить на все предпринятые против нас репрессии, воспротивимся им решительно». Ландрат предложил им разойтись, на что последовал ответ: «Пусть дьявол возьмет ландрата!» В деревню был введен эскадрон улан, и крестьяне повиновались. Зачинщиков обнаружить не удалось, были арестованы три халупника, подозреваемые в подстрекатель-

стве²³. В том же месяце прекратили выполнять барщину жители деревень Цельнице, Папроцаны и Подлесе. Особенно непослушными были крестьяне в Подлесе, в связи с чем в Тыхах был оставлен отряд улан²⁴.

По сообщению министра Бодельшвинга, огородники в деревнях Ястшембе Гурне, Руптавы, Осины Гурне и Осины Дольне (округ Рыбник), имевшие право на выкуп повинностей и начавшие дело о выкупе, ошибочно толкуя закон от 31 октября 1845 г., 15 июля 1846 г. отказались отывать барщину. Разъяснение комиссара дало лишь частичный результат. Огородники в Руптаве, несмотря на предостережения, экзекуцию и арест трех хозяев, оказывали неповиновение, и туда был направлен отряд улан²⁵.

При выкупе повинностей, как и при регулировании крестьянских хозяйств, помещики получили от крестьян огромный выкуп, а последние понесли громадные потери. «Благодаря изданным в 1821 г. законам о выкупе барщины, — констатировал В. Вольф, — феодальное юнкерство устроилось так тепло, что лучше и не придумать. Благодаря выкупу... силезское юнкерство получило из рук крестьян не менее 80 миллиончиков наличными деньгами, пахотной землей и рентой. А выкупным платежам не видно было конца»²⁶. Это было бессовестное ограбление крестьян помещиками, узаконенное монархическим правительством.

I. ЧАСТЬ РАЗДЕЛ ЗЕМЕЛЬНЫХ УГОДИЙ V ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

В связи с выкупом феодальных повинностей в доменах и регулированием крестьянских хозяйств с худшими поземельными правами происходили раздел угодий общего пользования и ликвидация сервитутов. По данным начала 1821 г., сепарация земель в пяти восточных провинциях при регулировании хозяйств была проведена в 1256 случаях и площадь сепарированной земли (за исключением Силезии) составила 2 683 495 м. (табл. 1).

Таблица 1. Сепарация земель при регулировании крестьянских хозяйств до конца 1820 г.*

Провинция	Число случаев	Площадь сепарированных земель, м.	Провинция	Число случаев	Площадь сепарированных земель, м.
Бранденбург	291	891 345	Западная Пруссия	151	359 173
Померания	354	893 093	Восточная Пруссия	435	539 884
Силезия	25		Всего		2 683 495
* Meitzen A. Der Boden und wirtschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staaten. B., 1868. Bd. I. S. 431.					

7 июня 1821 г. было издано положение о разделе угодий общего пользования. Оно предусматривало отмену за соответствующую компенсацию прав пасти скот на полях, лугах и в зарослях, в лесах и на других пастбищах, собирать корм и листья для подстилки в лесу, получать древесину, нарезать дерн, заготовливать удобрения или топливо, если эти права основывались на общей или совместной собственности или же на односторонних или взаимных сервитутах. Отмена таких прав могла быть произведена по предложению собственника земли; лица, имеющего постоянное и неоспоримое или наследственное пользование; держателя наследственно-чиншевого, ленного, фидеикомиссного и выкупаемого хозяйства; лица, пользующегося хозяйством, подлежащим регулированию при условии одновременного ходатайства о его проведении; в прочих случаях — только с согласия собственника земли, при общинной собственности — каждого правомочного члена общины; в случаях взаимных сервитутов, в особенности пастбищных — по ходатайству каждой стороны, при односторонних сервитутах — лица, имеющего право на сервитут.

Если по контракту или волеизъявлению исключалась отмена общего пользования угодьями, то такие соглашения оставались в силе в отношении пахотных земель на время двукратного их использования при существующем севообороте, а в отношении остальных угодий — в течение 10 лет. В особых случаях с разрешения властей общее землепользование могло оставаться на более длительный, но строго определенный срок.

Право пользования угодьем и его размер определялись законным волеизъявлением, судебным решением, статутом, провинциальными законами, а при их отсутствии — предписаниями Общего земского права. Если размер пользования общим пастбищем не был указан в документах, то он устанавливался по средней величине поголовья выпасаемого скота, его виду и времени пастьбы за последние 10 лет перед отменой общего пользования угодьем. При этом в случаях уменьшения поголовья скота у одних хозяев в результате обеднения или несчастья и увеличения его у других расчет производился по среднему количеству скота, содержащегося обычно хозяевами той же категории. Годы войны, эпизоотии и т. п., сопровождавшиеся уменьшением поголовья скота, при расчете заменялись непосредственно предшествовавшими им годами. Если таким способом нельзя было точно установить размер пользования пастбищем или отдельные хозяйства доказали, что в последние 10 лет они не пользовались или в меньшей мере пользовались своим правом, зафиксированным в документах, то их участие определялось по предписанию Общего земского права. При неопределенном размере пользования пастбищем безнадельному крестьянину с семьей в 5 человек предоставлялось право выпаса одной коровы и мелкого скота на этом пастбище. В некоторых случаях при разделе общего пастбища должны были учитываться особые пастбища, находящиеся во владении лиц, пользующихся общим пастбищем.

Размер заготовки дерна, удобрений и топлива в общем угодье определялся по местным потребностям, причем принимались во внимание собственные средства хозяйства. Если право заготовки удобрений имели все лица, пользующиеся общим пастбищем, то с разделом его между ними компенсировалось и это право. Там, где таким правом пользовались отдельные лица, оно возмещалось по потребности в соломенной подстилке для скота, выпасшегося на пастбище. Если заготавливаемые удобрения и топливо продавались, то размер пользования устанавливался по средней их цене за 10 лет до отмены этого права.

Отменяемое право пользования общим угодьем возмещалось землей, рентой, натуральными сборами или уплатой капитала; при одностороннем сервитуте, в случае если ходатайствовало правомочное лицо, то по выбору обязанной стороны право пользования возмещалось капиталом, рентой или землей. Земля, за исключением лесных участков, оценивалась по ее состоянию во время раздела угодья. Участки земли должны были отводиться по возможности таким образом, чтобы они были связаны с хозяйством

ством лица, получавшего возмещение. Могли они быть и в обособленном положении. Если угодье нельзя было разделить без ущерба для лиц, пользующихся им, и стороны не пришли к соглашению, то оно продавалось с публичных торгов и вырученная сумма соответственно распределялась. Если право пользования угодьем не могло быть компенсировано землей, оно возмещалось уплатой ренты.

Рента устанавливалась в мерах ржи и вносилась деньгами, если стороны не договорились об ином способе ее уплаты. Денежная рента определялась по цене ржи за предшествовавшие 14 лет, при этом из расчета исключались два года с высшей и два года с низшей ценой. Средняя цена ржи в мартиновские дни на определенном рынке в оставшиеся 10 лет составляла денежную сумму ренты, которая вносилась в ближайший платежный срок. Для следующего затем года она устанавливалась в размере 9/10 прежней суммы и 1/10 средней цены ржи в данном году на том же рынке в указанные дни. Таким же способом денежная сумма ренты исчислялась для каждого последующего года. Рента выкупалась посредством уплаты ее суммы в 25-кратном размере. О ее выкупе следовало предупредить за шесть месяцев. Если помещик требовал выкупа ренты, то по просьбе крестьянина он должен был согласиться на выплату ее в несколько сроков в течение пятилетнего периода.

Временные потери при разделе угодий могли покрываться натуральными сборами с обязанного хозяйства. Разрешалось сохранять вспомогательные работы для хозяйственных улучшений на срок не более чем 12 лет. По желанию правомочного лица натуральные сборы и вспомогательные работы возмещались деньгами. Взаимные права одинакового рода компенсировались с их отменой. При обоюдных правах преимущества одной стороны возмещались соответствующим способом.

Раздел общественного леса разрешался, когда отдельные его участки сохраняли прежний род угодья или могли быть выгодно использованы в качестве поля или луга. В других случаях, если стороны не договорились иначе, лес продавался с публичных торгов и вырученная сумма соответственно делилась между лицами, пользовавшимися им. Сервитут на откорм скота оценивался по средней стоимости корма в предыдущие 30 лет для поголовья скота в среднем и возмещался только рентой. Ценность неопределенного сервитута на древесину для продажи устанавливалась по средней продажной цене древесины в последние 10 лет до отмены этого права. При неопределенном праве на получение древесины для собственных нужд экспертами устанавливалась ежегодная потребность в ней, причем учитывались и возможности повреждения построек от огня и воды. Если этот сервитут из-за недостатка леса ограничивался, то соответственно уменьшалось и возмещение за него.

Право на определенный вид древесины компенсировалось по состоянию этого вида во время отмены сервитута, а если владелец

леса должен был восстанавливать его, то с учетом такого обязательства. Право на получение древесины, если об отмене его ходатайствовал обязанный, возмещалось землей с учетом находившихся на ней деревьев, а в особых случаях — рентой. Если предоставлялось право пользования деревьями, растущими на полях, лугах и пастбищах, в пригодном для вырубки состоянии, то его ценность составляла 1 % стоимости древостоя, имевшегося ко времени отмены сервитута; кроме того, отводилась в натуре или компенсировалась деньгами соответствующая часть древостоя. За корм для скота особого возмещения не полагалось, но если его получал обязанный, то его ценность исключалась из стоимости сервитута.

Пастбищный сервитут на землю, покрытую лесом, определялся с учетом состояния древостоя (ко времени упразднения сервитута) или среднего лесонасаждения и обязательств владельца по лесоводству, прав на получение древесины и корма и заготовки удобрения. Если размер сервитута оказывался недостаточным для удовлетворения лиц, пользующихся им, то он соответственно уменьшался, при этом право собственника пастбища на часть древесины (кроме особого случая) при неполном возмещении за удобрение не ограничивалось. Пастбищный сервитут компенсировался землей, пригодной для пастбища. Эти правила применялись и к сервитутам на землях без древостоя. Ценность подстилки для скота определялась с учетом предписаний о лесоводстве¹.

Крестьяне неоднозначно относились к сепарации земель. Часть из них предпочитала существующую систему землепользования. Большое недовольство сепарация вызывала у малоземельных крестьян, которые с ее проведением лишались права выпаса скота на прежних пастбищах. Раздел угодий общего пользования происходил за счет заинтересованных лиц. Расходы, связанные с ним, были значительными.

Некоторое представление о разделе угодий общего пользования дает сепарационный рецесс д. Вейсунен (Вейсуны) в округе Иоганнисбург (Пиш) от 17 сентября 1842 г. В общем пользовании крестьян этой деревни находились 10 хелминских влук, 11 прусских влук (переданных управлением доменов в наследственную аренду) и участок земли около 30 прусских моргенов. Эти земли были измерены и классифицированы. Разделу подлежали 1062 м. 3 пр., из них переходили в частное владение М. Шенмана 76 м. 57 пр., Я. Садовского — 159 м. 53 пр. и т. д. Выделялись огорода для пастуха и кузнеца, участок земли для школы, земля под сельские дороги (общего пользования); дома пастуха и кузнеца являлись общей собственностью крестьян, поземельная подать соответственно распределялась между хозяевами². В Вармии положение 1821 г. в течение длительного времени не применялось. В 1822 г. была проведена сепарация и комасация земель д. Коминен (Коминки) в округе Ресель (Решель) после произшедшего здесь пожара. В округе Аленштейн (Ольштын) в 1821—1841 гг. всего лишь пять хозяев провели сепарацию своих земель³. Подобное положе-

ние было на Мазурах. В округе Неберг (Ниборк) сепарация была начата в 1836 г. в трех деревнях, в остальных (63) — сохранились угодья общего пользования. Во многих местах общие земли делились между отдельными группами крестьян, так называемыми объединениями. Так, например, в Дыбове шесть хозяев полностью обособились, а остальные (30) образовали четыре «объединения». В 1837 г. такие «объединения» были в округе Ангербург (Венгожево) в 30 деревнях (крестьяне 11 деревень еще не подали заявлений о проведении сепарации), в округах Даркейны — в 24 (29), Голдап — в 22 (83), Иоганнисбург — в 10 (200), Лёцен (Гижецко) — в 22 (59), Элс (Элк) — в 14 (162).

Таблица 2. Раздел угодий общего пользования до конца 1838 г.*

Провинция, часть provинции, адм. округ	Число заинтересо- ванных хозяев	Полностью сепари- ровано земель, м.	Освобождено от пахот- ных, луговых, пастбищ- ных и лесных сервиту- тов, м.
Восточная Пруссия	63 323	3 374 633	1 222 938
Западная Пруссия	32 604	2 708 782	424 071
Познань	41 545	4 462 528	793 979
Померания	39 845	4 135 268	1 301 759
Бранденбург	136 416	4 691 019	2 311 319
Силезия	72 439	1 406 368	2 884 572
Стендаль	148 956	831 361	634 772
Мюнстер		839 768	839 768
Всего	532 128	22 449 727	10 413 178

* Weber F. B. Handbuch der staatswirtschaftlichen Statistik und Verwaltungskunde der Preussischen Monarchie. Breslau, 1840. S. 377—378.

Таблица 3. Новые обзаведения и дотация школам при сепарации земель до конца 1838 г.*

Провинция, часть provинции, адм. округ	Дотация школам			Новые обзаведения		
	земля, м.	рента, тал.	пастбища, м.	фольварки	кресть- янские дворы	жилые поме- щения для работников
Восточная Пруссия	5976	97	25 363	20	3180	2644
Западная Пруссия	3647	—	4	--	1043	42
Познань	3297	32	3	13	1280	408
Померания	8520	311	1413	—	—	—
Бранденбург	4693	262	154	192	494	274
Силезия	2193	342	62	77	196	2857
Стендаль	920	158	52	5	6	20
Всего	29 246	1202	27 051	307	6199	6245

* Weber F. B. Handbuch... 1840. S. 378.

Тройбург (Олецко) — в 16 (67), Зенсбург (Мронгово) — в 32 (47) и т. д.⁴ В Западной Пруссии до конца 1821 г. были сепарированы 1 052 463 м. земли⁵.

О сепарации земель, проведенной до конца 1838 г., дают представление табл. 2.3.

В провинции Силезия при разделе общих пастбищ, сепарации земель и отмене сервитутов крестьяне получили 93 тыс. м. земли, возмещение рентой: 1629 шеф. зерна, 13 400 тал. и капиталом — 91 тыс. тал.⁶ По сообщению правления Гумбинненского административного округа в 1843 г. угодья общего пользования сохранились еще в 48 деревнях литовской части округа, а на Мазурах — в более чем 500 деревнях⁷. До 1845 г. было сепарировано в округах Лык (Элк) 1/8, Тройбург — 2/17, Иоганнисбург — 1/19 всех хозяйств⁸.

В Познанской провинции с 1823 по 1847 г. был проведен раздел угодий общего пользования 61 889 хозяйств. Было сепарировано 5 632 995 м. земли, а на 1 625 239 м. упразднены сервитуты. При этом предоставлялась дотация школам (5835 м. земли, 51 тал. ренты, 6 фур древесины и 342 пастбищных участка), было образовано 18 помещичьих фольварков, перемещено 2236 крестьянских дворов и построено 467 жилых помещений для работников⁹.

Ликвидация чересполосицы, раздел угодий общего пользования и отмена сервитутов устранили существенные ограничения в землепользовании и создавали условия для улучшения земледелия. Однако они сопровождались значительными потерями для крестьян, в особенности малоземельных, испытывавших недостаток в пастбищных и лесных угодьях.

ГЛАВА АГРАРНЫЙ ВОПРОС

VI В РЕВОЛЮЦИИ

1848—1849 гг.

§ 1. Крестьянское движение и позиция революционных, либеральных и правящих кругов по аграрному вопросу

Хотя до 1848 г. в Пруссии заметное развитие получили капиталистические отношения, характерными чертами ее политического и социального строя являлись, по словам К. Маркса, «корона божьей милостью, опекающая все и вся бюрократия, самостоятельная армия... привилегированное дворянское землевладение с его крепостными или полукрепостными крестьянами, мелкая патриархальная или организованная на цеховых началах промышленность, обособленные друг от друга сословия, резкая противоположность между городом и деревней и прежде всего господство деревни над городом»¹.

Феодальный гнет, регулирование крестьянских хозяйств и выкуп повинностей, сопровождавшиеся утратой части земли и обременительными платежами, обрекали многих крестьян на нищенское существование. Ярким проявлением классовых противоречий явилось восстание силезских ткачей в июне 1844 г., которое оказало существенное влияние на позицию крестьян. Тяжелое положение трудящихся деревни и города усугублялось стихийными бедствиями. В середине 40-х годов в связи с неурожаем резко сократились сборы зерна и картофеля. Весной 1847 г. в ряде местностей произошли голодные бунты. 21—22 апреля в Берлине состоялись выступления бедноты, получившие наименование «картофельной войны», в ходе которых были разгромлены продовольственные лавки. По свидетельству ландрата округа Нойроде (от 3 мая 1847 г.) в волнениях, связанных с повышением цен на продукты питания, участвовали сельские жители. Толпы бедноты от 30 до 100 человек двигались от деревни к деревне и требовали от помещиков и состоятельных крестьян предоставления им средств к существованию². В Верхней Силезии, где распространилась болезнь картофеля, от голода и эпидемий только в административном округе Оппельн в 1847—1848 гг. умерли около 60 тыс. человек³.

Торговля и промышленность в 1847 г. находились в состоянии кризиса, что существенно осложняло ситуацию в стране. С развитием буржуазных отношений старые сословные привилегии теряли свою материальную основу. «Само дворянство, — отмечал К. Маркс, — в значительной мере обуржуазилось. Вместо вер-

ности, любви и веры оно стало торговать преимущественно свекловицей, водкой и шерстью⁴. Дворяне и набиравшая силу буржуазия претендовали на участие в управлении страной.

Казна находилась в плачевном состоянии. Рассчитывая пополнить ее посредством займа, правительство собрало представителей провинциальных ландтагов. Собрание представителей, считая себя неправомочным, отказалось правительству в займе. В апреле 1847 г. были созваны ландтаги, образовавшие Соединенный ландтаг. Поскольку король Фридрих Вильгельм IV не соглашался на введение представительной системы правления, либеральная оппозиция в лице крупных землевладельцев и капиталистов не приняла его предложение о займе, и вслед за тем Соединенный ландтаг был распущен. С обострением социальных и политических противоречий в стране складывалась революционная ситуация.

В первые месяцы 1848 г. под впечатлением революционных событий в Италии и во Франции развернулось революционное движение в западных и юго-западных немецких землях, а затем и в Пруссии. В Бадене, Гессен-Дармштадте, Вюртемберге, Саксонии и Баварии состоялись собрания и демонстрации, участники которых выдвигали требования демократического характера. Монархические правительства вынуждены были пойти на некоторые уступки, представители либеральной оппозиции получили доступ к управлению. В связи с волнением крестьян были упразднены феодальные повинности в Бадене.

В Пруссии горожане на демонстрациях и собраниях требовали отмены сословных привилегий, введения представительного правления. Напряженной была обстановка в деревне. Ландрат округа Бойтен (Бытом) 7 марта сообщал, что в гимне Янув в связи с конфликтом относительно барщины крестьяне якобы решили обратиться прямо к королю. Если и после этого они не освободились бы от барщины, то тогда, по их словам, должна была начаться революция. В донесении от 13 марта говорилось, что в Грос Штрелиц (Стшельце Опольске) перед магистратом было обнаружено письмо, в котором содержалась угроза расправы над господами, если они не удалят своих управляющих, не освободят крестьян от дани и не выполнят других требований⁵.

Правительство пыталось силой подавить революционное движение. В Берлине при разгоне демонстраций 15—16 марта было применено оружие. Это вызвало большое возмущение у горожан. В ночь на 18 марта король издал указы, которыми предусматривались созыв Соединенного ландтага, введение конституции, упразднение таможенных перегородок и отменялась цензура печати⁶.

18 марта собравшиеся на улицах толпы берлинцев потребовали вывода войск из столицы. Против них были направлены солдаты. В городе появились баррикады, в развернувшемся сражении войскам не удалось сломить сопротивление восставших горожан. Правительство оказалось вынужденным вывести войска. Народные массы одержали победу.

Монархия, дворянство и буржуазия, напуганные революционным движением, пошли на компромисс. Монархии пришлось «смириться и принять, против своей воли, внешнюю видимость буржуазной королевской власти»⁷. 21 марта король обратился с воззванием «К моему народу и к немецкой нации». В нем содержались обещания созвать сословные представительные учреждения, ввести конституцию и осуществить другие преобразования. 29 марта было образовано правительство, которое возглавил лидер рейнских буржуазных либералов Л. Кампгаузен. К власти пришла, по характеристике К. Маркса, буржуазия «без веры в себя, без веры в народ, брюзжа против верхов, страшась низов, эгоистичная по отношению к тем и другим и созидающая свой эгоизм, революционная по отношению к консерваторам и консервативная по отношению к революционерам...»⁸.

Правительство Кампгаузена, выступая в качестве «посредника» «между старой бюрократией и новыми порядками», оставило «реальную власть в руках своих старых противников — бюрократов»⁹. В своей деятельности оно «ограничивалось пассивным сопротивлением революции»¹⁰. Для соблюдения «законной преемственности» власти было принято решение о созыве второго Соединенного ландтага.

Революционные выступления в Берлине и других городах вызвали живой отклик в деревне. «Крестьяне, — отмечал Ф. Энгельс, — в особенности в Силезии, где система латифундий и связанное с ней принудительное превращение населения в безнадельных батраков получили наибольшее развитие, нападали на замки, сжигали уже заключенные акты о выкупах и принуждали господ помещиков письменно отказываться от всяких требований повинностей в дальнейшем»¹¹. В других местах крестьяне прекращали отывать барщину, платить подати, требовали парцелляции имений и т. п.

В сообщении, опубликованном в газете «Дер Боте аус ден Ризенгебирге», говорилось, что 21 марта поздним вечером крестьяне гмины Штайнзейфен (Стенгны) в округе Гиршберг (Елена Гура) собирались перед замком Арнсдорф (Милкув) и просили владельца имения графа Матушку освободить их от барщины и чинша. Помещик согласился на это. В то же время «бунтовщики» из Арнсдорфа, Крумгюбеля (Карпач) и Штайнзейфена устроили погром в Арнсдорфе и направились к Биркигт (Бжезе Карконоске) и Штайнзейфену. Под Крумгюбелем произошло кровавое столкновение между «бунтовщиками» и отрядом жителей из Штайнзейфена. «В связи с такими насильственными и внезапными обстоятельствами, — указывалось в письменном обязательстве графа Матушки от 22 марта, — вижу потребность в целях необходимого успокоения умов утвердить петицию, предложенную всеми гминами моих владений, а именно: 1. Прекращение и полное упразднение лаудемии как ныне, так и навсегда. 2. Прекращение и полное упразднение прядильных, охотничих и сторожевых сборов, чинша телятами, зерном, курами и вообще

всех поземельных чиншей, независимо от их наименования, в том числе чинша мельников, белильщиков и новопоселенных халупников. 3. Прекращение выпаса овец на крестьянских землях. 4. Погашение всяких долгов без различия, за исключением задолженности за древесину, кирпич и торф, а также за аренду земли. 5. Прекращение и полное упразднение упряжной и пешей барщины, а также ренты, уплачиваемой за уже выкупленные повинности. 6. Бесплатное исключение из поземельных книг вписанных в них дворовых чиншей, рент и прав. Признаю также право гмины на самостоятельный выбор гминных судей и судебных писарей без необходимости моего утверждения».

В корреспонденции из того же округа сообщалось: «Здесь господствует большое возбуждение. В деревнях речь идет в особенности об упразднении феодальных тягот». Крестьяне имения Хойник, собравшись перед замком Бад Вармбронн (Теплице), предъявили графу Шаффгочу свои «желания». Он отказался от взимания лаудемии, всех повинностей, соляного и прядильного сборов и зернового чинша. С такими же требованиями выступили и крестьяне деревень, принадлежавших городу Гиршбергу. Городская рада приняла во внимание эти требования, насколько это было возможно. Подобное имело место и в Бербисдорфе (Дивишув), Майвальдау (Матеёва) и других местностях.

25 марта крестьяне имения Бухвалд (Буковец), включавшего деревни Бухвалд, Квирл (Костшицу) и околицу (в округе Гиршберг), ссылаясь на распоряжение ландрата (призвавшего помещиков отказаться от своих привилегий) потребовали: «1. Отменить навсегда все данины, которые доминиум Бухвалд взимало до сих пор с жителей этого имения. 2. Возвратить вместе с чиншами капиталы, уплаченные крестьянами в качестве выкупа барщины и лаудемии; возвратить также взысканные с 1 января 1840 г. лаудемии и чинши. 3. Вернуть жителям право охоты и пользования водами на их землях. 4. Обеспечить вновь пользование гминными пастищами и долинами. 5. Погасить все задолженности по упомянутым выше данинам. 6. Владелица корчмы вдова Фромгольд требует упразднения чинша за изготовление пива, а также возврата сумм, уплаченных по этой повинности с 1841 г. в кассу имения; того же требуют владельцы водяной мельницы и корчмы... в Бухвалде. 7. Четыре мельника из имения Бухвалд желают, подобно прочим жителям, освобождения на вечные времена от всяких платежей в пользу двора, без различия как они называются; взамен того они не требуют от него никакого дальнейшего вознаграждения. 8. Настоящим отказываемся от дальнейшей уплаты лаудемии и регуляционных капиталов, а также требуем возврата сумм, уплаченных в связи с этим до 1 июля текущего года. Наконец, требуем бесплатного исключения из поземельных книг всех упомянутых здесь данин и повинностей...»

Помещица Ф. Реден в основном удовлетворила эти требования крестьян. На обратной стороне их прошения против п. 12 она 25 марта написала: «Настоящим заявляю, что с сегодняшнего дня

освобождаю гмины Бухвалд и Квирл от всяких данин и лаудемии, а вместе с тем оплатившим эти услуги капиталом обязуюсь возвратить уплаченные суммы в течение одного года и одного дня; если я буду не в состоянии этого сделать, то внесу эти суммы в ипотечную книгу имения Бухвалд. От выполнения всех остальных требований воздерживаюсь до момента издания соответствующих законов»¹².

В рапорте правления административного округа Бреславль (Вроцлав) от 26 марта министерству внутренних дел говорилось, что «также и на территории, подлежащей нашей администрации, во многих местностях произошли выступления сельского населения. Их целью было принуждение господ к отказу от всяких услуг, следовавших до сих пор в пользу двора. Во многих местностях эта цель была достигнута». Правление округа призвало население соблюдать законный порядок и поручило ландратам создавать в деревнях отряды безопасности. Командование VI корпуса приказали подвижным войсковым отрядам и патрулям оказывать содействие местным властям. В округе Волау (Волув) в этих целях был мобилизован батальон ландвера. По сообщению ландрата этого округа, крестьяне гмин Мондщюц (Моенцице), Шенейхе (Дембно), Гросс Крейдель (Кшидлина Велька), Паульсхёге (Павлошево), Нидерау (Нешковице), Гайнцендорф (Багно), Шёнбрунн (Микожице), Мёнхмочельниц (Мочидльница Кляшторна), Цехлине, Альт Волау (Гурны и Дольны Стары Волув) принудили помещиков освободить их от повинностей. Вместе с тем произошло нападение крестьян на обер-лесничество в Шенейхе. Позднее крестьяне некоторых гмин отказались от своих требований. Зачинщики выступлений были преданы суду¹³.

26 марта деревенская беднота в д. Поленчине округа Требниц (Тшебница) прибыла к замку и потребовала наделить ее фольварковой землей. Инспектор заявил, что помещик по возвращении выполнит их просьбу, после чего крестьяне успокоились. Вслед за тем было арестовано 7 человек. Работники из Лёйтена около Бреславля хотели получить фольварковые земли имения Малич в округе Яузер (Явор). Они требовали к 1 апреля дать малоземельным и безземельным от 3 до 5 м. земли¹⁴.

В донесении правления Бреславльского административного округа от 29 марта отмечалось, что в имениях графа Хохберга в округе Вальденбург (Валжих) крестьяне по их требованию были освобождены от уплаты чинша в текущем году. «Подобные и еще далее идущие требования в отношении дворов выдвигали также и другие гмины: освобождение от барщины, чинша, лаудемии; более того, во многих случаях требовали возврата уплаченных лаудемий и даже уступки земли. В некоторых местностях, например Маркштедте [Ласковице] и Ельче в округе Олау [Олава]... жители гмин, усиленные подлой голытьбой из других местностей, учинили грубейшие насилия и грабежи, избили также многих королевских лесничих в округе Швейдниц [Свидница] и Ноймарк [Сроде], поскольку считали, что несправедливо

ограничиваются их права пользования лесом. Крестьянские волнения особенно проявились в округах Швейдниц, Штригау [Стшегом], Вальденбург, Ноймаркт, Волау и Нимпч [Немча]...» Для подавления крестьянского движения использовались воинские отряды. В Ельч и Маркштедт были направлены батальон пехоты и эскадрон гусар, около 50 участников выступлений были арестованы. В Малквице (Малковице) Бреславльского округа 31 марта состоялось собрание крестьян, в котором участвовали около 200 человек. Они требовали скорейшего упразднения феодальных поборов¹⁵.

Волнения крестьян происходили в округах Гросс Вартенберг (Сыцув), Намслau (Намыслув), Элс (Олесница). Почти во всех деревнях, отмечалось в газете «Бреслауэр цайтунг» от 30 марта, крестьяне, сговорившись, требовали отмены поземельного чинша, баршины, лаудемии и других сборов, ревизии дел по регулированию хозяйств и выкупу повинностей, восстановления прав выпаса скота, охоты, рыбной ловли, пользования лесом и т. п. Большинство помещиков, напуганных угрожающим поведением крестьян, соглашались удовлетворить их требования. Они могли это сделать тем более спокойно, что вынужденные обещания, устные или письменные, не влекли за собой законных последствий. Там же, где это произошло, волнения крестьян прекратились. В других местах, где помещики отказались удовлетворить требования крестьян, последние прекращали отбывать повинности. По требованию крестьян д. Зиммельвиц (Земеловице) около Намслau гражданская стража, открывшая стрельбу, была удалена из замка. Бедные жители д. Крашен (Красовице) округа Элс добивались выдачи им зерна и денег. Под угрозой побоев помещик согласился на это. «Во всех эксцессах, — говорилось в газете, — которые имели место в упомянутых выше округах, хозяева держались в стороне, но не старались им воспрепятствовать. Они заявляли, правда, окружным властям, что готовы организоваться и предотвратить возникновение волнений в деревнях, однако требовали, чтобы правительство взамен этого удовлетворило их пожелания»¹⁶. Власти использовали военную силу для усмирения крестьян.

Правление Лигницкого административного округа 27 марта доносило: «В деревне вспыхнула волна восстаний против помещиков. Угрозой избиения и другими средствами давления их вынуждают отказываться от всяких данин в пользу фольварка и дать согласие на возврат в течение восьми дней всех платежей, произведенных на законном основании в последние несколько лет. Наши поучения и напоминания население во многих местностях и округах вообще не принимает во внимание...» Представители отдельных гмин говорили, что «только ясное заявление его королевского величества может их успокоить... Гражданские комиссары, которые были направлены в деревни в сопровождении воинских отрядов, старались объяснить крестьянам, что их действия не только наказуемы, но и лишены всяких законных

оснований. Крестьяне на это им отвечали, что скорее дадут себя застрелить, чем согласятся вернуться к прежнему положению в отношении помещиков».

По вызову ландрата округа Франкенштейн (Зомбковице) 27 марта в Гейнрихау (Генрикув) собрались многие старосты (предполагалось обсуждение с ними вопроса о создании отрядов безопасности с целью противодействия выступлениям крестьян). Прибывшие с ними толпы людей из всех деревень имения Гейнрихау потребовали упразднить данины и услуги в пользу помещика. Когда им было предложено подать прошение или не производить платежи до законного решения, то они на это ответили страшными угрозами. Во избежание столкновения из Гейнрихау был выведен пикет гусар. «Люди, — сообщала газета, — которые представлялись как уполномоченные этих толп (среди них находились и состоятельные крестьяне), заявили, что если сейчас все их требования не будут выполнены, то они немедленно удалятся и тогда может произойти несчастье». Их требования были приняты, и тогда толпа направилась к юстициарию и настойчиво добивалась утверждения признанных им уступок, среди которых была отмена данин, аннулирование регуляционных рецессов, упразднение рент и возврат денег, уплаченных помещику с 1842 г., возвращение уступленной при регулировании земли, превращение временной аренды в наследственную, предоставление права охоты и др.

В Камниц (Каменец) округа Глац (Клодзко) собралось около 400 крестьян, которые в угрожающем тоне требовали упразднения всех повинностей. Администратор имения согласился на это, оговорив, что его согласие было «вынужденным». Крестьяне д. Альтгабель (Стара Яблона) в округе Шпроттау (Шпротава) потребовали от помещика отменить их повинности. Помещик отказался это сделать, и тогда крестьяне разгромили его дом; когда же он заявил, что имение со всеми повинностями он приобрел у прежнего владельца, то крестьяне устроили погром и в доме последнего. В деревню была направлена рота солдат для усмирения крестьян.

Из округа Ратибор (7 мая) сообщалось: «Нет почти ни одной деревни, где не произошло бы каких-либо волнений, не устранили бы от должности старост и судей, а имения не подверглись бы нападению таких толп, что помещики должны были, не имея защиты, отдать им полностью или в большей части свои овины»¹⁷. Халупники имения Кифернвальде (Ласковице) в округе Розенберг (Олесно) подали прошение об отмене юрисдикционного сбора и возврате уплаченных ими денег (по 1 тал.). 12 апреля они прибыли к управляющему имением и потребовали немедленного ответа на их просьбу. Им было сказано, что пока нет распоряжения владельца имения по этому делу. При этом один из халупников вел себя дерзко и угрожающе¹⁸.

Власти пытались успокоить крестьян, запугивали их наказанием за неповинование, подвергали репрессиям участников выступлений. 27 марта министерство внутренних дел, отмечая, что во

многих местностях Силезии помещики под давлением крестьян были вынуждены согласиться на отмену крестьянских повинностей, объявило такие акты недействительными и предупреждало крестьян об уголовной ответственности за подобные действия¹⁹. 28 марта последовало воззвание временного комиссара Силезии графа Иорк фон Вартенбурга. В нем говорилось об ошибочности представлений крестьян, что с приобретением политической свободы они якобы освобождаются и от повинностей в пользу помещиков, и отмечалось, что в некоторых случаях владельцы имений были принуждены удовлетворить необоснованные требования крестьян, причем «даже состоятельные люди» совершали незаконные поступки. Крестьяне предупреждались об ответственности за нарушение законного порядка, им рекомендовалось передать свои требования будущему Национальному собранию и ожидать решения короля. В циркуляре Бреславльской евангелической консистории от 31 марта осуждались выступления крестьян и предлагалось духовенству «посредством публичных и индивидуальных поучений, а также увещевания содействовать успокоению умов в своих гминах».

Помещик Тейлер в опубликованном 1 апреля воззвании к крестьянам округа Нейссе (Ныса) пугал их возможной войной России с Пруссией и в связи с этим ссылкой на рудники Сибири, призывал их к спокойствию. В воззвании обер-президента Силезии Ф. Э. Пиндер говорилось, что, несмотря на повторное предупреждение, крестьяне в разных местах провинции совершали неправомерные действия и что отказы помещиков по принуждению от крестьянских повинностей не имеют законной силы. Виновные крестьяне в Дыгернфурте (Бжеге Дольном) округа Волау, в Цобтен (Собутка) округа Бреслау, Маркштедте, Ельче и других местах были арестованы. Пиндер призывал крестьян спокойно ждать выборов в Национальное собрание, которое примет решение по вопросу об их повинностях²⁰. Помещики, рассчитывая на поддержку со стороны властей, объявляли выданные ими документы об освобождении крестьян от повинностей недействительными. Более того, такие документы являлись основанием для наказания крестьян. В связи с этим В. Вольф констатировал: «В марте и апреле 1848 г. множество высокопоставленных господ в Силезии выдали своим крестьянам письменные грамоты, в которых они отказывались от всех прежних крепостнических поборов и повинностей. Чтобы спасти свои замки от сожжения, а самих себя от того, чтобы стать своеобразным украшением какой-нибудь липы в замке или тополя во дворе, они одним росчерком пера отрекались от своих так называемых благоприобретенных прав. На их счастье, бумага и тогда все терпела».

Когда же затем революция, вместо того чтобы шагать вперед, застряла в болоте филистерства и благодушного выжидания, господа помещики извлекли свои грамоты об отречении, но не для того, чтобы привести их в исполнение, а для того, чтобы послать их в уголовный суд для производства расследования в

качестве вещественных улик против бунтующей крестьянской черни»²¹.

Волнения крестьян происходили и в других провинциях страны. В марте в некоторых местностях Нижних Лужиц крестьяне и работники требовали отмены подопечного сбора (имение Люббенау, округ Калау; д. Закро, здесь помещик вынужден был согласиться на это), проведения повторной сепарации и упразднения пешей барщины бюднеров (в д. Гулбен помещик обещал вскоре упразднить барщину), отказывались выполнять работы в фольварке (д. Вербен), вопреки запрещению пользовались помещичьим лесом (деревни Хайнерсбрюк, Греч, Гросс Лискув в округе Коттбус), выражали недовольство податями (д. Бург), своим бесправным положением (округ Люкау). В начале апреля 40 жителей Люббенау выступили с требованием безвозмездного упразднения барщинных работ. До середины этого месяца из 15 деревень округа Коттбус поступили прошения об отмене подопечного сбора, о ревизии регулирования, предоставлении лесных сервитутов, упразднении помещичьего права охоты, патrimonиальной и судебной власти помещиков, облегчении выкупа барщины и т. д.²²

В некоторых местностях провинции Саксония толпы крестьян заставляли помещиков отменять барщину и сборы, уступать участки земли, восстанавливать сервитуты. В связи с этим 30 мартаober-президент провинции граф Бонин издал объявление, в котором говорилось, что такие уступки помещиков не имеют законной силы²³. Крестьяне д. Веддерштедт близ Кведлинбурга (адм. округ Магдебург) в прошении от 27 марта, направленном второму Соединенному ландтагу, открытие которого намечалось на 2 апреля, требовали возврата 10 гуф земли, которые они утратили при выкупе повинностей, выражали пожелание, чтобы соседние доменные земли были разделены между ними. Жалуясь на обременительность барщины, чинша и помещичьего права охоты, крестьяне деревень Цшепплин, Рёдген и Штойбельн (округ Делицш адм. округа Мерзебург) в петиции от 30 марта, адресованной ландтагу, настоятельно просили о безвозмездном упразднении взаимных обязательств обчины и помещика и об увеличении их представительства в управлении по свободному выбору. В прошении крестьян д. Глейна (округ Кверфурт) от 1 апреля говорилось о несправедливости феодальных повинностей и выражалось пожелание об отмене ленного сбора, чинша, барщины, ренты, помещичьего права охоты, о необходимости определения повинностей в пользу церковного прихода и обложения духовных и рыцарских владений квартирной повинностью и другими податями.

В петициях, направленных второму Соединенному ландтагу из деревень Мартинфельд и Шмидефельд (от 30 марта), расположенных в административном округе Эрфурт, содержались преимущественно просьбы крестьян об отмене или уменьшении различного рода податей и сборов, о признании им сервитутных прав, введении общинного правления и выборов управления округом. Жители

деревни Мартинфельд считали, что выкуп ленных платежей и чинша должен был быть произведен «по справедливой оценке»²⁴.

«После мартовских дней, — писал Ф. Энгельс, — крестьяне Восточной Пруссии повсюду перестали выполнять барщину, а в некоторых местах даже вынудили помещиков в письменной форме отказаться от права на такой труд»²⁵. Крестьяне д. Вильнау (округ Морунген) в петиции от 29 марта, сообщая, что после регулирования они, утратив каждый 1/3 земли и право пользования сервитутом, должны были платить 27 тал. (до этого с гуфы они вносили, как и крестьяне в доменах, 6 тал.) и отбывать шарверк, просили уменьшить платеж с гуфы до 6 тал., снизить государственные подати и сборы в пользу прихода и школы, понизить платежи халупников (*Eigenkätlper*) и цену соли, предоставить последним пастище и по одной гуфе земли из имения, освободить поденщиков от всяких сборов и обеспечить крестьянам представительство в ландтаге²⁶.

Выходившая в Кенигсберге «Кениглих пройssiше штаатс-кригсунд фриденс-цайтунг» сообщала: «Лык [Элк] 8 апреля. Сейчас самое время, чтобы армия прибыла на Мазуры, не для защиты границ, а для защиты личности и собственности от наших крестьян. Нас ожидают галицийские сцены, если не будет подавлено достаточно быстро волнение, возбуждаемое и разжигаемое каждый день среди неотесанного простонародья людьми, давно утратившими гражданскую честь. Во всех мазурских округах уже имели место нарушения общественного спокойствия. 10 апреля. Во время ярмарки скота несколько сот вооруженных крестьян хотели ворваться в наш город и отобрать у ландрата деньги, которые, по их словам, „король подарил им в годы неурожая, а ландрат присвоил себе“. Напрасно старались предотвратить эту бурю уговорами. Крестьяне напрямик заявляют: „Господа (по-видимому, некоторые индивиды из нашего города, которые уже сидели в тюрьмах за различные оскорбляющие честь преступления) открыли нам глаза, и мы уже не позволим себя обманывать. Теперь мы хотим быть господами“. Для защиты города изготовлено 400 пик. Граждане обучаются действовать оружием пеше и конно»²⁷.

Учитель К. из Каршau (Каршево) в имени Денгофштедт (Дрогош) округа Растенбург (Кентшин) говорил наемным людям и работникам на собраниях, что каждый из тех, кому исполнилось 24 года, может требовать от помещика предоставления ему влук земли и 6 тал., и призывал их прогнать господина, если не получит этого. Учитель был арестован и посажен в тюрьму в городе Бартен (Бартяны). 30 апреля собралось около 400—500 наемных работников с целью освободить учителя из тюрьмы. С палками в руках они направились в Бартен. Против них выступило около 50 вооруженных горожан, и в происшедшем столкновении более 30 работников были ранены²⁸.

В провинциях Бранденбург, Померания и Восточная Пруссия, как отмечают Г. Блейбер и В. Шмидт, в 1848 г. были лишь споради-

ческие революционные выступления крестьян, что обусловливалось далеко продвинутым здесь процессом ликвидации феодальной зависимости. Вместе с тем значительное развитие получило движение сельскохозяйственных работников²⁹.

В Познанской провинции развернулось национально-освободительное движение, в котором важное значение имел аграрный вопрос. Национальный комитет в Познани 25 марта обратился к населению с воззванием, в котором предусматривались после освобождения Польши уменьшение чинша крестьян-собственников, передача барщинным крестьянам земли в собственность, опека над безземельными (улучшение условий их труда), отмена чинша лиц, добровольно вступивших в польскую армию, или вознаграждение их иным способом. Позднее (16 апреля) Национальный комитет обещал тем, кто будет сражаться за освобождение страны и возвратится с победой, предоставить 3 м. земли. Некоторые помещики заявляли, что после завоевания национальной независимости упразднят чинши крестьян³⁰. Такие обещания, разумеется, не могли существенно повлиять на позицию крестьян.

Временный национальный комитет польской или Западной Пруссии в воззвании к полякам от 29 марта объявлял: «Нет никаких сословий, никаких различий, никаких особых привилегий!» Провозглашая братство народов, он видел опасность для их свободы со стороны царской России и призывал население вооружаться для отпора возможному ее нападению (а на самом деле прежде всего для обеспечения национальных интересов) и оказания помощи освободительному движению в других польских землях. В другом его обращении к полякам Западной Пруссии выдвигалась идея национального освобождения и объединения польских земель. Это вызвало недовольство у немецкого населения. 30 марта немецкий комитет выступил против отделения Западной Пруссии от прусского государства. В воззвании жителей города Гданьска от 18 апреля говорилось об угнетении крестьян польской шляхтой и заботах прусского короля о крестьянах в прошлом и будущем³¹.

Интересы крестьян получили наиболее последовательные выражения в политической платформе Союза коммунистов. В «Требованиях Коммунистической партии в Германии», написанных К. Марксом и Ф. Энгельсом между 21 и 29 марта, опубликованных в виде листовки 30 марта и в демократических газетах в начале апреля, говорилось: «... 6. Все феодальные повинности, все барщины, оброки, десятины и т. д., до сих пор тяготевшие на сельском населении, отменяются без всякого выкупа.

7. Земельные владения государей и прочие феодальные имения, все рудники, шахты и т. д. обращаются в собственность государства. На этих землях земледелие ведется в интересах всего общества в крупном масштабе и при помощи самых современных научных способов.

8. Ипотеки на крестьянские земли объявляются собственностью государства. Проценты по этим ипотекам уплачиваются крестьянами государству.

9. В тех областях, где распространена аренда, земельная рента или арендная плата уплачивается государству в виде налога»³². Эти требования пропагандировались среди трудящихся.

Правящие круги были вынуждены считаться с требованиями народных масс. Вместе с тем они стремились ослабить революционное движение в стране. 2 апреля собрался второй Соединенный ландтаг. Ему была придана видимость законного и конституционного органа. 6 апреля было издано постановление о некоторых основных положениях будущей конституции. Прокламировались отмена залога при основании газет, упразднение особых судов, право проводить собрания в помещениях без предварительного разрешения полиции, а на открытом воздухе — с ведома полицейских властей, свобода объединения в обществах, цель которых не заключала бы наказуемых действий. Все законы и постановления о государственных податях подлежали бы рассмотрению будущего народного представительства. Предусматривались выборы Национального собрания, которое по согласию с короной подготовило бы конституцию³³. Затем (8 апреля) последовал закон о выборах в Национальное собрание.

Ландтаг утвердил положение о выборах в Национальное собрание, в соответствии с которым все лица, достигшие 24-летнего возраста, проживавшие в данной местности не менее 6 месяцев и не получавшие пособия по бедности, могли избирать выборщиков, а последние — депутатов из числа выборщиков, достигших 30-летнего возраста³⁴. Правительству разрешалось произвести заем, после этого 10 апреля ландтаг был распущен.

Волнения крестьян побудили правительство заняться аграрным вопросом. 20 апреля министр внутренних дел Р. Ауэрсвальд и министр торговли, промышленности и общественных работ Э. Р. Патов направили обер-президентам провинций циркуляр, в котором говорилось о намерении правительства провести «в соответствии с требованиями времени» ревизию аграрного законодательства и подготовленные им проекты представить будущему народному представительству. Местным властям поручалось сообщить об этом сельским жителям, что должно было бы их успокоить. Спустя несколько дней (27 апреля) министерство торговли, промышленности и общественных работ потребовало от управлений административных округов представить их соображения о том, какие из существующих повинностей можно было бы упразднить и как модифицировать положения о выкупе повинностей «без чрезвычайного уменьшения ценности прав», чтобы не вызвать волнения и у тех, кто уже выкупил повинности³⁵.

С обнародованием 15 апреля положения о выборах в Национальное собрание началась предвыборная кампания. Касаясь положения в Силезии, В. Вольф в письме К. Марксу и Ф. Энгельсу от 18 апреля указывал: «Теперь буржуазия захватила себе значительную часть победы, а с другой стороны, здесь, в Силезии, — как, впрочем, вероятно, и в других провинциях — реакция,

земельная аристократия и бюрократия с примикающими к ним неслыханно активны. В связи с выборами не брезгают никакими средствами... Теперь, однако, из силезских выборов выйдет возбуждающее омерзение, частично реакционное, частично современное конституционное большинство»³⁶.

В связи с предстоящими выборами развернулась агитация и среди крестьян. В Силезии ее вели В. Вольф, Э. Рейхенбах и другие демократы, а также либералы и реакционеры. Обращаясь к крестьянам, Э. Рейхенбах призывал их в одних округах избирать депутатами крестьян, в других — людей, которые знают законы, сумеют «хорошо говорить» и будут защищать их интересы. В листовке, распространявшейся в административном округе Оппельн, содержался призыв к жителям деревень и местечек соблюдать спокойствие и порядок и выбирать людей, заслуживающих их доверие, а не ландротов, помещиков и священников. Силезский центральный конституционный союз либерального направления в обращении к сельскому населению заявлял, что в деревне имеются достойные люди, и предостерегал перед избранием тех, кто хотел бы «все перевернуть вверх ногами», «осчастливить вас». Подобные воззрения излагались и в листовке либералов, предназначеннной для верхнесилезских крестьян³⁷. Демократические, либеральные и консервативные черты имела предвыборная агитация и в других провинциях³⁸.

Многие крестьяне связывали свои надежды с выборами и деятельностью Национального собрания. Значительную активность проявляли малоземельные и безземельные крестьяне. В административном округе Кенигсберг инсти на собраниях вели разговоры о своей жизни и обсуждали кандидатов в выборщики³⁹.

1 мая проходило избрание выборщиков. Во многих деревнях округа Ратибор выборы не состоялись, так как население не знало или неправильно было информировано о них. Часть жителей уклонилась от участия в выборах, считая, что с выборами они принимают на себя какие-то обязательства⁴⁰. В деревнях Кенигсбергского административного округа выборщиками были избраны преимущественно инсти, поденщики, мелкие ремесленники, кое-где корчмары и в редких случаях помещики⁴¹. Среди 200 выборщиков из округа Люкау (Нижние Лужицы) были 61 крестьянин и сельскохозяйственный работник и 3 помещика⁴². В некоторых сельских округах в Силезии В. Вольфу удалось провести радикальных кандидатов⁴³. В деревнях округа Глогау (Глогув) выборщиками стали 25 крестьян, одно духовное лицо, 4 учителя и 66 огородников-молотильщиков, извозчиков, халупников и мельников, имевших от 1 до 6 м. земли. В связи с этим дворяне округа в письме министерству внутренних дел отмечали, что, хотя здесь не было существенного нарушения «спокойствия», широкое распространение получила агитация против помещиков, чиновников и духовенства. У кметов сложилось убеждение, что им должны быть возвращены земли, а также капиталы, уплаченные помещикам в течение последних 30 лет, и снижены подати; у мелких владельцев — что

надлежит упразднить все ренты, наделить землей из фольварков и крестьянских хозяйств и уменьшить их подати; у безземельных поденщиков и им подобных — о необходимости увеличения поденной платы, предоставления им участков земли из фольварков и доменов, освобождение их от податей. Дворяне просили министерство позаботиться об их интересах⁴⁴.

8 мая состоялись выборы депутатов в Национальное собрание. Среди избранных преобладали представители либеральной буржуазии и интеллигенции, склонные к соглашению с монархией. Большинство депутатов-демократов придерживалось умеренных взглядов, небольшое число депутатов составляли крестьяне. В Силезии было избрано 45 депутатов, из них 29 были крестьянами. В целом в Национальном собрании насчитывалось около 60 депутатов-крестьян⁴⁵.

Во время избирательной кампании и после нее продолжались выступления крестьян и сельскохозяйственных работников против помещичьего гнета. Делегация верхнесилезских крестьян пыталась подать петицию королю, но не была принята им. Крестьянам было обещано, что их просьба об отмене дворовых повинностей, о возвращении утраченных при регулировании земель, предоставлении права охоты, об упразднении вотчинной власти и т. п. будет рассмотрена. С таким же результатом возвратилась домой и делегация нескольких гмин из округа Розенберг. В связи с обращениями крестьян Силезии к королю и министрам последовало объявление обер-президента Пиндера. В нем говорилось, что пожелания крестьян будут приняты во внимание в новом законе, а до его издания все должно оставаться по-прежнему; лица, оказывающие неповинование, будут подвергаться наказанию⁴⁶.

9 мая министерство внутренних дел дало указание Генеральной комиссии Силезии приостановить взыскание неуплаченных крестьянами сборов и судебные дела относительно регулирования верхнесилезских огородников, а 20 мая министерство юстиции предложило судам Силезии по возможности отложить начатые дела о недонимках лаудемии⁴⁷.

В то же время происходили волнения сельскохозяйственных работников в округе Веглау, в особенности в населенных пунктах Эйхен, Губегнин, Подолин, Шивенау, Кодиен Шауплеце. В одном месте они стащили помещика с лошади и нанесли ему серьезные ранения, в другом — учинили погром в инспекторском дворе и угрожали поджечь его. 1 мая в имении Ломп (Лумпия, округ Морунген) несколько инстов ворвались в дом помещика, в результате столкновения помещиком были ранены из ружья два работника. В округах Лабиау и Остероде (Оструды) группы работников, переходя из одного места в другое, принуждали помещиков и состоятельных крестьян выполнять их требования. По сообщению ландрата округа Алленштейн (Ольштын), в деревнях совершались грубые выпады против личности и собственности помещиков, выдвигались безрассудные требования, раздавались угрозы, не уплачивались подати и сборы⁴⁸. «Волнение» крестьян д. Риббен

(Рыбно) округа Зенсбург (Мронгово), по донесению ландрата, возросло до того, «что ее жители сговорились, чтобы разделить между собой запасы зерна, принадлежащие помещику, а его хозяйственного инспектора повесить, если он этому воспротивится»⁴⁹. До середины июня только из округа Калау (Нижние Лужицы) были направлены в Национальное собрание требования из 37 деревень о ревизии регулирования и выкупа повинностей⁵⁰.

Напряженная обстановка в деревне придавала особое значение аграрному вопросу. Его решение связывалось с деятельностью Национального собрания. Силезским помещикам оно представлялось в таком виде: в записке графа Ренарда от 13 мая говорилось о невозможности совмещения феодальных прав: патроната, юрисдикции, пропинации, полицейской власти, охоты, пользования пастбищами, выбора старост и т. п. — со стремлениями сельского населения, поэтому право патроната следовало бы передать государству, гмине или церковному приходу, а патrimonиальную юрисдикцию — особым судам; поземельные, мельничные, выкуплены и судебные чинши, лаудемии, данины, барщина и десятины могли бы по добровольному согласию остаться или быть выкуплены при посредстве государства на основании прежних предписаний, а где понадобилось бы — в соответствии с новым законом; сервитуты и взаимные обязательства подлежали бы упразднению. Считая ошибочным регламент работы Генеральной комиссии, граф Ренард предлагал для скорейшего осуществления реформы увеличить число ее членов путем создания окружных и урбариальных комиссий. Полагая, что Национальное собрание не сможет быстро найти удовлетворительное решение аграрного вопроса, он рекомендовал помещикам вносить свои предложения, что облегчило бы работу собрания. Эти предложения должны были быть наиболее либеральными и не давать повода считать помещиков крайними реакционерами⁵¹.

Либералы высказывались за полное вознаграждение помещика за упраздняемые барщины и данины и за безвозмездную отмену патrimonиальной юрисдикции, полицейской власти и патроната. Расходы по вознаграждению помещиков могли быть покрыты за счет государства. Обращаясь к депутатам Национального собрания, один из выборщиков призывал их: «Не ждите, пока нетерпеливые массы... сбросят без помощи закона лежащие на них обязательства... решайте быстро, пока не будет поздно, ибо уже теперь воинские оперативные отряды должны оказывать поддержку местным властям, чтобы не допустить в деревне угрожающих имуществу беспорядков...»⁵²

§ 2. Национальное собрание и аграрный вопрос

22 мая в Берлине открылись заседания Национального собрания. Среди его делегатов был Брилль, человек весьма левых убеждений. Он занял место на скамьях правого центра, где находились верхнесилезские и померанские депутаты-крестьяне. «...Благо-

дarya своему популярному ораторскому таланту», он добился того, «что некоторые наущения реакционной партии не имели успеха среди этих крестьян»¹. 2 июня депутаты-демократы Ю. Штейн, доктор М. Эльснер и Э. Рейхенбах внесли предложение об отмене лаудемии и других платежей, которые взимались помещиками за исполнение патrimonиальной юрисдикции над крестьянами, и вместе с тем об упразднении этой обязанности владельцев имений (подобное предложение было сделано депутатом юстиц-комиссаром Диршке 3 июня) и об отмене права охоты нынешних владельцев и предоставлении этого права каждому собственнику земли. Депутат, асессор Бухер предложил немедленно аннулировать закон от 31 января 1845 г., разрешавший соглашения о невыкупаемости повинностей, депутат Ф. Ганов — приостановить по ходатайству одной из сторон все незаконченные дела о регулировании хозяйств и выкупе повинностей до издания нового закона на более справедливом основании, депутат учитель Метце — создать в каждом округе комиссии (в равном числе из помещиков, крестьян, огородников-молотильщиков и айнлигеров и лиц, сведущих в правовых вопросах), которые провели бы ревизию выкупных дел, выявили бы допущенные несправедливости и содействовали бы осуществлению добровольных сделок, а также предоставили бы сведения о доменах и других крупных имениях, которые можно было бы разделить и передать в наследственную аренду. Все эти предложения были переданы в комиссию собрания для рассмотрения. Предложение пастора Яндера (9 июня) о прекращении крестьянских платежей в пользу доменов до проведения регулирования было отклонено собранием². Депутат ксендз Ю. Шафранек, выступая 14 июня, считал необходимым, чтобы собрание обратилось к доминикальным и рустикальным владельцам с призывом, чтобы они передали взаимные дела в руки Национального собрания, которое примет по ним решение³.

Крестьяне с нетерпением ожидали благоприятных для себя решений. В корреспонденции из Силезии от 17 июня, помещенной в газете «Нойе рейнише цайтунг» отмечалось: «В деревне господствует неслыханное возбуждение. Крестьяне надеются, что депутаты в Берлине немедленно упразднят без вознаграждения все феодальные повинности. Пока еще не дошло до этого, и огорчение растет со дня на день»⁴.

Правительство, опасаясь усиления крестьянского движения и того, что Национальное собрание под давлением крестьян может принять постановления, ущемляющие интересы помещиков, решило взять инициативу в свои руки и придать предстоящей реформе приемлемое для дворянства направление. 6 июня министерство торговли, промышленности и общественных работ запросило мнение местных властей прежде всего относительно повинностей, которые должны были быть отменены безвозмездно. На основе поступивших в министерство сведений была составлена записка. Содержавшиеся в ней предложения были использованы при выработке «Промемории о законодательных мерах, имеющих

целью сообразную времени реформу помещичьих и поместных отношений и устранение существующих еще для земледелия препятствий» от 10 июня.

В «Промемории» предусматривалось сохранение в силе всех уже принятых решений по выкупу повинностей; упразднение за вознаграждение всех ограничений свободного распоряжения личностью и собственностью, а ограничений, вытекающих из крепостничества, прежнего податного обложения, вотчинной юрисдикции и некоторых других, не имеющих значительной ценности и не касающихся хозяйственных отношений, — без возмещения; проведение реформы «на справедливых основаниях» — по возможности в короткий срок и простым способом с условием сохранения платежеспособности крестьян; устройство рентных банков для выкупа повинностей. При этом подлежали бы отмене ограничения относительно выкупа (собственниками, наследственными чиншевиками и наследственными арендаторами своих хозяйств) и регулирования повинностей (связанные с размером хозяйства, податным обложением или принадлежностью земли к духовным учреждениям). Сборы всякого рода считались бы выкупаемыми. При выкупе и регулировании повинностей крестьянину должно было остаться не менее 1/3 чистого дохода от его хозяйства с учетом сервитутов на фольварковой земле. Если из общины поступало ходатайство о выкупе только барщины или сбора, то регулированию подлежали бы вся барщина и все сборы, существующие в общине. По добровольному соглашению могли бы остаться вспомогательные работы на срок не более 12 лет, после чего они упразднялись бы без возмещения⁵.

Министерство торговли, промышленности и общественных работ считало необходимым направить «Промеморию» в качестве правительственного проекта аграрной реформы на рассмотрение в Национальное собрание. Обосновывая целесообразность этого, Патов в записке королю от 16 июня указывал, что, хотя недовольство крестьян выражается преимущественно посредством многочисленных петиций и жалоб, можно предвидеть, если не будут приняты необходимые меры, новые «эксцессы» с их стороны, которым трудно будет воспрепятствовать. Такая опасность признается и помещиками, большинство которых желает законного упорядочения напряженных отношений с крестьянами, даже если бы оно было связано с немаловажными потерями. «Промемория» должна была определить направление реформы, поскольку Национальное собрание предполагало заняться крестьянским вопросом. «Если ему (собранию. — И. К.) будет предоставлена инициатива, говорилось в записке, то неизбежно последуют решения, более убыточные для помещиков и более глубоко вторгающиеся в существующие правовые отношения, чем предложения прилагаемой „Промемории“»⁶. Опасение правительства относительно позиции Национального собрания не имело, однако, достаточных оснований, поскольку его большинство не было склонно к решительным действиям.

Восстание рабочих и ремесленников в Берлине, произошедшее 14 июня, вызвало серьезное беспокойство у правительства, дворянства и буржуазии. Восстание было подавлено вооруженной силой.

20 июня «Промемория» по крестьянскому вопросу была передана в Национальное собрание для рассмотрения⁷. Хотя в ней частично принимались во внимание некоторые требования крестьян, она в основном имела в виду обеспечение интересов помещиков. Рассматривая эту записку, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что, хотя революция сделала все феодальные повинности «навсегда невозможными», правительство сохраняло в силе все прежние выкупные акты, исключало возможность возмещения потерь, понесенных крестьянами, а допуская безвозмездную отмену ничтожной части повинностей, считало необходимым выкуп основного феодального бремени⁸. Этот проект представлял собой, по словам К. Маркса, «жалкий плод бессильнейших поползновений буржуазии отменить феодальные привилегии... и страха буржуазии перед революционным покушением на какой бы то ни было вид собственности»⁹.

Национальное собрание, приняв к рассмотрению правительственный проект, «подтвердило или, вернее, восстановило ненавистные феодальные привилегии и таким образом предало свободу и интересы крестьянства»¹⁰. Именно «жалкий, трусливый, узкий эгоизм» буржуазии обусловил то, констатировал Ф. Энгельс, что она «обратилась против крестьянства, своего самого старого, самого необходимого союзника. Демократы, напуганные не менее, чем буржуа, так называемыми посягательствами на частную собственность, также не оказали ему поддержки, и вот по истечении трех месяцев свободы, после кровавых столкновений и военных экзекуций, в особенности в Силезии, феодализм был восстановлен руками той самой буржуазии, которая до вчерашнего дня была еще антифеодальной. Нельзя привести в осуждение ее более позорного факта, чем этот. Еще никогда в истории ни одна партия не совершила подобного предательства по отношению к своим лучшим союзникам, по отношению к самой себе...»¹¹.

Июньское восстание в Берлине и его поражение повлекли за собой перемены в расстановке политических сил. Правительство Кампгаузена, неспособное отстоять интересы буржуазии и крестьян и задевавшее интересы буржуазии своими финансово-выми мерами, оказалось неприемлемым для всех партий и в результате комбинаций «нерешительного центра» в Национальном собрании вынуждено было уйти в отставку. Новое правительство возглавил представитель кенигсбергской оппозиции либерал-аристократ Э. Ауэрсвальд. Это более правое правительство, получившее наименование «министерства дела», в котором ведущую роль играл Д. Ганземан, старалось в соглашении с короной укрепить власть буржуазии над народом¹².

11 июля министром сельского хозяйства либералом Гирке был представлен в Национальное собрание проект закона о безвоз-

мездной отмене различных повинностей и поборов с крестьян¹³. По мнению правительства (письмо Гирке от 17 июля), следовало бы упразднить без выкупа «отдельные отношения, внутреннее обоснование которых недостаточно или дальнейшее существование которых не совместимо с требованиями духа времени и всеобщего блага». К ним относились сеньориальная власть (Lehnsherrlichkeit), аллодификационный чинш, посмертный побор (Sterbefall), побор «лучшей головой скота» (Besthaupt), курмед, охранные деньги (Schutzweld), судебный побор (Jurisdiktionszins), судебные штрафы (Dreidinggelder), бортнический чинш (Zuchtgelder), пошлина за приложение печати к документу (Siegelgelder), десятина скотом (Blutzehnt), десятина с ульев (Bienenzehnt) и другие подобные повинности и сборы. При безвозмездной отмене этих повинностей помещиками были бы принесены «нескоторые жертвы» (примерно около 50 тыс. тал.) «не только во имя всеобщего блага, но и во имя своих собственных правильно понятых интересов, дабы сделать мирными и дружественными отношения» между ними и крестьянами. Что же касается других основных повинностей, то они, разумеется, должны были выкупаться. Прежние выкупные акты не подлежали пересмотру, ибо в противном случае были бы поколеблены «все правовые (т. е. буржуазные. — И. К.) устои земледелия». Этот проект, принятый Национальным собранием к рассмотрению, не предусматривал радикальной ликвидации феодальных отношений, не считался с интересами крестьян. Характеризуя его смысл, К. Маркс отмечал: «Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает этих крестьян, *своих самых естественных союзников*, которые представляют из себя плоть от ее плоти и без которых она бессильна против дворянства. Сохранение феодальных прав, санкционирование их под видом (иллюзорного) выкупа — таков результат немецкой революции 1848 года. Гора родила мышь!»¹⁴

По предложению депутата Фогельмана, сделанному 21-го и рассмотренному собранием 24 августа, было принято решение о приостановке начатых дел по постановлению от 7 марта 1843 г. о делении охотничьих округов в Вестфалии, Курмарке, Ноймарке, Нижних Лужицах и в саксонских округах¹⁵. Окружные собрания, состоявшие из помещиков, представителей от городов (одного) и крестьян (трех), лишались права облагать население местными податями и распоряжаться ими¹⁶.

На заседании собрания 16 августа рассматривалось предложение депутата Э. Баумштарка о создании посреднических комиссий для изучения положения малоземельных крестьян и безземельных работников. Депутат Метце сообщил, что им было передано в собрание 124 крестьянских петиций, в которых содержались прежде всего требования о пересмотре дел по регулированию хозяйств и разделу угодий общего пользования. Он указывал: так как правительству обещанием издания нового закона «удалось до настоящего момента удержать в спокойствии силезских крестьян, но следует опасаться, что эти недальновидные

люди вскоре начнут волноваться, не имея никаких иных возможностей уведомления высокой палаты об испытанном беззаконии, мне кажется необходимым, чтобы предложенные депутатом Баумштарком комиссии распространили свои исследования также на дела выкупа, раздела угодий общего пользования и парцелляции». Э. Рейхенбах, считая главной причиной голода в Силезии барщину, обращал внимание на то, что его предложение об упразднении барщины остается до сих пор нерассмотренным, предлагал осуществить такую меру, какая была проведена в Австрии, и высказывался против создания особых комиссий. По мнению депутата Мюллера из округа Волау, такие комиссии не могли изменить положение, а это вызвало бы недоверие крестьян к собранию. Предложение Метце было отклонено, а вопрос об образовании посреднических комиссий передавался на рассмотрение в министерство торговли и промышленности¹⁷.

До 20 июля в Национальное собрание поступило 508 предложений и 6504 петиции, из которых более 2/3 содержали требование об отмене феодальных повинностей. Однако юнкерство решительно противилось проведению аграрных преобразований. Собрание помещиков, состоявшееся 18—19 августа, высказалось против рассмотрения в Национальном собрании проектов законов об отмене податных привилегий для юнкеров, упразднении без вознаграждения некоторых феодальных повинностей и выкупной операции. Король согласился с этим и 28 августа потребовал изъять указанные проекты из Национального собрания. Правительство, по-видимому, не смогло это сделать¹⁸. 1 сентября Национальное собрание признало «не неотложным предложение Ненштиля о „немедленной отмене барщинных повинностей“». Таким образом, буржуазия «легкомысленно потеряла даже этого союзника и сделала его орудием в руках феодальной контрреволюции»¹⁹.

Не встретило поддержки и предложение депутата-крестьянина Дзядека, внесенное 4 сентября, об упразднении в Верхней Силезии чинша и зернового сбора, подлежащих уплате в день св. Михаила. Предложение депутата Кутцнера (5 сентября) об изменении постановления от 31 сентября 1845 г. (чтобы повинности могли возмещаться и уступкой земли) и ревизии рецессов, заключенных после 1 января 1846 г., было принято к рассмотрению, но обсуждение его откладывалось²⁰. Рассмотрение проекта закона о безвозмездной отмене некоторых повинностей, начавшееся в конце сентября, не было закончено до распуска собрания.

Такая позиция правительства и Национального собрания не могла не сказаться на отношении к ним крестьян. Правительство Ауэрсвальда, указывал К. Маркс, «сумело также оттолкнуть и враждебно настроить против себя даже угнетаемый феодализмом класс крестьян, в чем ему усердно помогало собрание соглашателей»²¹.

Между тем контрреволюция становилась все более угрожающей, Правительство Ауэрсвальда, оказавшись неспособным при-

нять меры по обузданию реакционного офицерства, в начале сентября ушло в отставку. Оно было заменено кабинетом во главе с генералом Э. Г. Р. Пфуэлем. Хотя при новом правительстве был принят закон о гарантии личной свободы, его политика приобретала все более реакционный и контрреволюционный характер.

Так как попытка демократов в Национальном собрании добиться удовлетворения насущных требований крестьян не имела успеха, то некоторые из них призвали своих избирателей к активным действиям, к поддержке вносимых ими предложений. Депутат Франкфуртского собрания К. Минкус 16 июня писал крестьянину д. Мариенфельд (Лось) Фрайде: «Только не бойтесь и выпасайте свой скот, где хотите. Дворяне — это помет, и они все должны погибнуть. Можете им это сказать... Поднимайте порядочный крик, не бойтесь, пасите и дальше свой скот у пруда и сгребайте ежедневно подстилку». В его письме в редакцию газеты «Розенбергер-Крайцбургер телеграф» от 18 июля говорилось: «Избиратели при моем отъезде дали мне важные наказы: упразднение всех феодальных тягот, упразднение патrimonиальной юрисдикции... возвращение господами обиженным земель и полей, которые незаконно прежде забрали, и т. п.» Собираясь внести эти предложения, К. Минкус просил о поддержке его со стороны избирателей. Обращаясь к крестьянам округа Крайцбург-Розенберг (Ключборк-Олесно) 14 сентября, Минкус призывал: «Не позволяйте далее себя угнетать». Позднее, судя по сообщению газеты «Альгемайнे Одер цайтунг», на встрече с избирателями Минкус просил их верить, что он будет защищать интересы народа. Вместе с тем Минкус заявлял, что «облегчение в крестьянских повинностях может быть не для всех, ибо будет невозможным делом удовлетворить все требования», после чего его приветствовали даже реакционеры, которым он представлялся до сих пор «к намного хуже»²². Депутат Национального собрания корчмарь Б. Геннель 18 октября писал из Берлина: «...нас, крестьян, здесь слишком мало, поэтому наши крестьянские дела обстоят плохо, ибо мы не имеем возможности получить большинство голосов»²³.

В некоторых местах крестьяне выражали недовольство действиями избранных ими депутатов. Жители Гульчина и окрестностей (Верхняя Силезия) на собрании 20 июня осудили позицию своих депутатов в Национальном собрании в Берлине и в собрании во Франкфурте, выступавших на стороне правых. В сентябре высказали недоверие депутату жители округа Бреславль. Демократический клуб в Бойтене, одобряя действия депутата Ю. Шаффранека, осуждал депутата Франкфуртского собрания Ф. Бали-Хутова за его выступление на стороне правых²⁴.

Крестьяне, теряя надежду, что Национальное собрание удовлетворит их нужды, оказывали неповиновение помещикам и властям. В конце лета и осенью, особенно в Силезии, усилилось крестьянское движение. 10 августа обер-президент Силезии Пиндер призвал крестьян не нарушать права охоты и отывать

повинности. Это, однако, не произвело впечатления на крестьян. Власти намеревались применить силу, были мобилизованы ландверисты, но те, не получив ответа на вопрос, против кого они должны действовать, разошлись по домам²⁵.

27 августа состоялся съезд крестьян в Швейднице, на котором присутствовало около 400 делегатов из 18 округов Силезии и было учреждено местное крестьянское товарищество. Съезд потребовал немедленного приостановления выполнения феодальных повинностей²⁶. Жители гмины Лауэнбронн (Тепловоды) в округе Франкенштайн (Зомбковице), по сообщению управляющего имением от 6 сентября, воспротивились проведению охоты на их землях и не остановились перед угрозами по его адресу. «В округе Ратибор, — отмечалось в газете „Дер боте аус дем Ризенгебирге“., — имели место волнения, достойные сожаления». Группа молодежи из Гульчина вместе с толпой сельских жителей 6 сентября учинила погром в помещичьем дворе. Туда был послан отряд улан, и волнение жителей прекратилось. В Бенешове толпа овладела дворовой тюрьмой, освободила находившегося в ней человека, а затем устроила погром в замке. На следующий день туда прибыл отряд улан. Вновь собралась толпа перед замком, и произошло столкновение с солдатами, в результате чего были ранены с обеих сторон. С прибытием новых воинских отрядов выступление крестьян было подавлено. 9 сентября ландрат округа Глац (Клодзко), отмечая почти всеобщее прекращение уплаты крестьянами чинша, доносил, что в связи с требованием владельца имения внести недоимки произошли волнения крестьян в деревнях Нидершведельдорф и Обершведельдорф (Шалеюв Дольны и Шалеюв Гурны). Собравшиеся перед замком крестьяне были разогнаны солдатами, несколько человек было арестовано.

Из округа Нейссе 10 сентября сообщалось: «Здесь в окрестностях вспыхнуло восстание крестьян-силезцев против немецких господ. Туда же послан батальон солдат». В корреспонденции из Гульштына от 10 сентября говорилось: «И здесь также ширится восстание силезцев против немецких помещиков. Произошло оно уже после выступления в Бенешове, где была стычка с уланами; город забаррикадирован, в эти небольшие местечки и Творкув направлены по железной дороге 250 чел. конницы и 500 пехоты». В сообщении из Глубчиц (Леобшау) от 13 сентября говорилось: «Несколько тысяч крестьян восстали против своих помещиков. Под Бинковицами произошла стычка с солдатами; Кшановице, Боянув, Кухельна, Войновице, Ленкартурв заняты повстанцами. Предводителем крестьян и работников является сын крестьянина из Пильщ».

В середине сентября в Розенберге толпа устранила от должности бургомистра; опасаясь ее действий, бежали из города ландрат и его заместитель. Представитель толпы (им был К. Минкус) заявил прибывшему чиновнику, что им не надо ландрата, что они сами будут управлять и хотят быть свободными. Чиновнику удалось успокоить собравшихся жителей. По другим сведе-

ниям, здесь произошло и выступление крестьян, собравшихся на ярмарку. «Спокойствие» в городе установилось после прибытия роты пехоты и отряда улан²⁷. Нижнесилезские помещики, обращаясь к обер-президенту провинции Пиндеру, 16 сентября указывали: «...сопротивление и выступления против еще обязательного права (имелось в виду право охоты. — И. К.) приобретают во многих местностях очень серьезный характер, соединяясь с враждебными демонстрациями и даже угрозами вооруженных выступлений против помещиков». Они считали необходимым принятие срочных мер для удержания крестьян в повиновении²⁸.

Позднее в правительской записке отмечалось: «Возбуждение, господствовавшее летом и осенью среди большой части населения Силезской провинции, приобрело в сентябре особенно опасный характер прежде всего в округе Розенберг, а вскоре затем также и в округе Крайцбург... С давнего времени именно там существовало большое напряжение в отношениях между земскими господами и крестьянами, между имеющими права и обязанными нести повинности. Оно усугублялось деятельностью Крестьянского товарищества, создавшего свое отделение в Бургдорфе (Бжезинке, округ Крайцбург). Внушения крестьянам со стороны властей не давали результатов, и «настроения [крестьян] проявлялись во все большей мере в виде угроз, массовых нападений на дворянские и государственные леса и поля, в требовании сохранения давно упраздненных сервитутов, нарушений различными способами права собственности. При этом, конечно, вообще не было речи о выполнении каких-либо взаимных обязательств или отбывании надлежащих повинностей»²⁹.

В ходе антифеодальной борьбы у крестьян складывалось убеждение в необходимости их объединения, создания своих организаций, что позволило бы им успешнее отстаивать свои интересы. 22—23 сентября в Бреславле состоялось собрание представителей крестьян из 35 округов Силезии, на котором присутствовали 120 человек. На собрании было принято решение о создании Крестьянского товарищества в Силезии. Его возглавила комиссия в составе: председатель — крестьянин Шлинке из Гросс Вейгельсдорфа (Келчув) округа Розенберг, земеститель председателя — литератор Ю. Петер-Петери из Швейдница, члены: крестьянин Бек из Эрндорфа (округ Рейхенбах — Держонюв), литератор Вюстрих из Лигницы, староста Польст из Польшиц (округ Ноймаркт), секретарь — литератор Кениг из Бреславля. Товарищество ставило своей целью «заботиться о благе и содействовать счастью крестьян, защищать их и всего сельского народа интересы и права. А поэтому обязанностью всех гмин, принадлежащих к этому союзу, является взаимная поддержка советом и делом во время беды и нужды».

Собрание единогласно просило Национальное собрание постановить: «1. Дабы все платежи, данины и работы, которые до сих пор обременяли крестьян, как принадлежности доминиев или господств, солтысских имений, казенных палат и т. п., везде так

долго не могли быть требуемы, пока закон, касающийся освобождения крестьянских земель от этих повинностей, не будет опубликован. 2. Дабы предписало судьям все дела и процессы, касающиеся этих предметов, а также все принудительные продажи с аукциона приостановить до публикации этого закона без всякого возмещения расходов. 3. Дабы все переговоры с Генеральной комиссией были приостановлены, а оплата расходов отложена». Если такие постановления не были бы приняты Национальным собранием или правительство отказалось бы их исполнить, то все сословие крестьян в Силезии прекратило бы платить все королевские подати.

Собрание признало и с юридической точки зрения справедливым, чтобы все барщинные работы, чинши, лаудемии и другие повинности, а также поземельные и промысловые чинши были бы упразднены безвозмездно. Так следовало бы поступить и с чиншами мельников, если со стороны господ не было никаких обязательств. Выдвигались требования амнистии крестьян, «пронившихся» в мартовских событиях, и аннулирования платежей, связанных с этими обстоятельствами. Национальное собрание обязано было считаться с интересами крестьян; все их прошения являлись принадлежностью всего крестьянского сословия. Выражалось пожелание, чтобы Национальное собрание наряду с выработкой конституции занималось бы в особенности и вопросами, касающимися отношений между крестьянами и помещиками. Предлагалось избирателям заявить, что депутаты правого толка и центра в Национальном собрании утратили доверие народа и впредь не могут быть его представителями. Было одобрено заявление депутата из округа Ноймаркт, обещавшего выступать в интересах народа. Собрание считало необходимым отмену без вознаграждения помещичьего права охоты и возражало против предоставления права охоты только хозяевам, имевшим не менее 300 м. земли. Оно находило несправедливым распоряжение о поземельном налоге и требовало его пересмотра. Признавая вопрос об улучшении положения сельских работников и коморников очень важным, собрание считало целесообразным предварительное его обсуждение в местных отделениях товарищества. Предложения по другим вопросам также передавались на рассмотрение окружным отделениям. По мнению властей, товарищество стремилось к тому, чтобы «массово выступить против требований земских господ и сделать невозможным пользование их правами»³⁰.

Продолжались волнения крестьян в Нижних Лужицах. 18 сентября 140 халупников в д. Шлабене (округ Губен) потребовали от монастыря передать им 200 м. земли в аренду. Администрация монастыря была вынуждена согласиться на это. Подобные требования выдвигались и в других деревнях. В округе Калау крестьяне добивались восстановления сервитутов и отмены права помещичьей охоты на их землях, и некоторые помещики удовлетворяли эти требования. В начале октября крестьяне многих деревень решили прекратить платежи в пользу духовенства и

не отбывать других повинностей. К 30 октября крестьяне 28 деревень отказывались выполнять повинности, при этом помещики и их служащие подвергались различного рода оскорблению. Происходили, хотя и в меньших размерах, выступления крестьян в округе Люкау. Частыми были столкновения между крестьянами и помещиками в связи с правом охоты на крестьянских землях³¹.

Осуждая крестьянские выступления, Национальное собрание 30 сентября постановило, что все повинности и услуги крестьян в пользу помещиков должны выполняться до издания подготовленного закона³². Вместе с тем Национальное собрание, рассмотрев на своих заседаниях 30 сентября и 2—4 октября проект закона о приостановке дел по регулированию крестьянских хозяйств и выкупу повинностей («причем все либеральные поправки были отклонены»³³), приняло соответствующее решение³⁴, которое 9 октября было утверждено королем. По этому закону начатые дела по регулированию крестьянских хозяйств и выкупу повинностей, а также мельничного сбора могли быть приостановлены по ходатайству одной из сторон, а судебные процессы по этим делам — по распоряжению властей с условием временного решения о текущих повинностях до издания проектируемого закона. Приостанавливались и дела по повинностям, подлежащим безвозмездной отмене³⁵. При всем этом, по словам К. Маркса, предписывалось «временно оставить в силе установленные текущие повинности» и «взыскивать спорные платежи и недоимки»³⁶. Позднее (декларацией от 3 июля 1849 г.) действие этого закона распространилось и на судебные процессы по делам о возврате уже уплаченных сборов, если возникал вопрос об их правомерности³⁷.

Это, однако, не прекратило волнений крестьян. 12 октября правление административного округа Оппельн, ссылаясь на решение Национального собрания от 30 сентября, опровергло мнение, что будто бы уже имеется закон об освобождении крестьян от повинностей. Крестьяне д. Шелиц (Хшелице) округа Нойштадт (Прудник), считая, что они не получили достаточного вознаграждения за отмену лесного сервитута, 15 октября нанесли оскорбление лесничему, угрожали его убить, разбили стекла в служебном помещении. В связи с жалобами помещиков 17 октября Генеральная комиссия вновь предупреждала крестьян об их ответственности за невыполнение их обязанностей. Работники из предместья г. Яузер произвели погром в помещичьей усадьбе. «В целях охраны собственности и общей безопасности» 19 октября ландрат округа Тост-Глейвиц (Тошек-Гливице) распорядился об установлении в каждой гмине до конца марта будущего года ночного патрулирования. 30 октября из округа Розенберг сообщалось, что в Шивалде произошло «недоразумение» в связи с вывозом без разрешения лесной подстилки; крестьяне д. Линденхеге (Высока) нанесли значительный ущерб порубками городскому лесу³⁸.

В связи с требованиями крестьян после обсуждения в Национальном собрании 31 октября было принято постановление об

отмене без всякого вознаграждения помещичьего права охоты на крестьянской земле³⁹. Проистекавшие из этого права взаимные обязательства упразднялись. При согласии хозяев их земли могли соединяться в особый участок*, охота на котором затем сдавалась бы в аренду⁴⁰.

Характеризуя позицию Национального собрания по крестьянскому вопросу, Ф. Энгельс отмечал, что оно «все еще не могло отважиться» на безвозмездную ликвидацию феодальных повинностей. Оно допускало некоторое облегчение условий выкупа барщины и безвозмездное упразднение только некоторых из «самых скандальных и возмутительных феодальных прав». Правительство, однако, не соглашалось даже на это⁴¹.

Тем временем контрреволюция, укрепив свои позиции, перешла в наступление. Правительство Пфуля, состоявшее «из бюрократов и военных, сплошь заядлых реакционеров», в начале ноября было заменено «людьми дела»⁴². Новое правительство возглавил представитель придворных кругов генерал Ф. В. Бранденбург. Собрание вынесло ему вотум недоверия. 8 ноября король, ссылаясь на напряженную обстановку в Берлине и якобы для того, чтобы «обеспечить свободу дебатов народных представителей от анархистских движений в столице и от их террористических влияний», издал указ о перемещении собрания в небольшой городок Бранденбург и в связи с этим о прекращении его работы до 27 ноября. Большинство депутатов не подчинилось этому решению и обратилось с призывом к населению оказать поддержку собранию.

В связи с этим конфликтом в некоторых местностях распространились слухи, что правительство не желает проводить аграрные преобразования. 14 ноября министерство внутренних дел издало объявление, в котором говорилось о том, что правительство выполнит обещание короля и сделает все возможное для блага сельских жителей⁴³. В тот же день было введено осадное положение в Берлине и распущена национальная гвардия. 15 ноября Национальное собрание призвало население не платить подати, пока оно не сможет свободно заседать в Берлине (это решение вступало в силу 17 ноября).

Призыв Национального собрания вызвал значительный отклик в Силезии. По сообщению из Вальденбурга, 17 ноября жители гмин Либихау (Любехув) и Фрайденбурга (Радосна) отказались платить подать. Подобным образом поступали и жители в других гминах. В Фрайденбурге был проведен секвестр вещей, но продажа их оказалась затруднительной. Хотя 18 ноября бреславльский епископ призывал население платить подати, собрание горожан и крестьян, состоявшееся 19 ноября в Ратиборе, приняло

* По закону от 7 марта 1850 г. такой участок должен был заключать не менее 300 м. земли, не связанной с другим земельным участком. Право охоты на нем предоставлялось одному из его владельцев или сдавалось в аренду. Доход от охоты распределялся между хозяевами по количеству их земли в участке (GS. 1850. S. 165—172).

решение не платить налоги. Собрание жителей в Лигнице (по сведениям от 22 ноября) выражало протест против перемещения собрания в Бранденбург и солидаризировалось с его решением о неуплате податей. При этом крестьянин Гундер заявил, что поскольку собрание не удовлетворило пожеланий крестьян, то он «не намерен высказываться за него». В Грунау (Ежове Судетском) 20 ноября подати были взысканы лишь при содействии 11 таможенных чиновников и 6 жандармов. В других деревнях крестьяне принимали постановление не платить налоги. Призывы к неуплате налога имели место в Шпроттау и других округах. Представители гмин округа Бойтен в воззвании от 26 ноября заявляли о поддержке Национального собрания, в особенности его демократических депутатов, призывали добровольно не платить податей, но в случае принуждения не противиться уплате налогов⁴⁴.

5 декабря было распущено Национальное собрание и издана октроированная конституция. Национальное собрание, указывал К. Маркс, было разогнано потому, «что оно представляло интересы буржуазии против интересов феодализма, потому, что оно хотело устраниć феодальные отношения, препятствующие развитию сельского хозяйства, подчинить армию и бюрократию интересам торговли и промышленности, положить предел расхищению государственной казны, отменить дворянские и бюрократические титулы»⁴⁵.

В конституции в основном воспроизводился проект закона, подготовленный в Национальном собрании, но по сравнению с ним расширялись прерогативы короля. Прокламируя равенство граждан перед законом, свободу личности, неприкосновенность жилища, свободу слова, собраний и союзов, конституция предусматривала образование двух палат, которые должны были совместно с королем осуществлять законодательную власть. Избирательные права ограничивались возрастным, имущественным и другими цензами. В конституции содержались и некоторые предписания по аграрному вопросу. В ст. 40 говорилось: «Право свободного распоряжения земельной собственностью не подлежит никаким другим ограничениям, кроме общего законодательства. Гарантируется делимость земельной собственности и выкупаемость поземельных повинностей. Без вознаграждения отменяются: а) патrimonиальная юрисдикция, поместьичья, полицейская и административная власть, как и определенные верховные права и привилегии на земельные участки и вытекающие из них поборы и повинности, которые до сих пор принадлежали правомочным лицам. До издания нового положения об общине остаются в силе существующие до сих пор постановления относительно полицейского управления; б) обязанности, проистекающие из этих прав, из господской подопеки, прежнего крепостничества, податного и промыслового устава. При передаче земли в наследственное владение допускается только передача ее в полную собственность. При этом может устанавливаться лишь прочный выкупаемый

чинш»⁴⁶. Буржуазия была в общем удовлетворена этой конституцией.

Правительство, однако, не считало возможным осуществление аграрных преобразований в соответствии с проектом, рассматривавшимся в Национальном собрании. В частности, «Мантефель заявил, что такой проект правительство не примет в качестве закона»⁴⁷.

В начале декабря крестьянские выступления в Силезии приобрели острый характер. 2 декабря в лесу имени Бишдорф (Бискупице) в округе Розенберг 30 крестьян, производивших самовольные порубки, напали на лесную стражу и обратили ее в бегство. Лесничий выстрелом из ружья ранил одного крестьянина, который вскоре умер. В тот же день крестьяне разгромили лесничество. 3 декабря состоялось собрание крестьянского товарищества в Биркдорфе. Принимавшие в нем участие крестьяне д. Брюккенорт (Борки Вельке), прибыв в Розен (Рожнув), принудили его жителей присоединиться к ним и здесь совершили нападение на две помещичьи усадьбы. Был убит отставной поручик. Помещик Денель из ружья убил двух и ранил трех крестьян. В Розен прибыл отряд солдат, и наиболее активные участники выступления были арестованы. 10 декабря было введено осадное положение в округе Крайцбург, северной части округа Розенберг и приграничных с ним местностях округов Оппельн и Намслай⁴⁸. Антифеодальная борьба в Силезии оказывала влияние на положение во всей стране. «С марта по декабрь 1848 г., — отмечал В. И. Ленин, — Пруссия жила под впечатлением „революционного пожара“ в Силезии»⁴⁹.

Стремясь успокоить силезских крестьян, 20 декабря правительство издало постановление о временном регулировании отношений между крестьянами и помещиками на основании положений подготовляемого закона. Оно предусматривало заключение временного соглашения о регулировании при посредстве третейской комиссии. Два члена комиссии избирались сторонами, возглавляя ее королевский комиссар. Кроме того, разрешалось привлекать пять дополнительных арбитров, причем заинтересованные лица выбирали двух; если стороны воздерживались от этого, то арбитры назначались комиссаром. Комиссия должна была стараться, чтобы участники регулирования заключили окончательное соглашение, а если это не удавалось, то временное, которое после издания нового закона могло быть заменено окончательным⁵⁰. Постановление от 20 декабря прежде всего исходило из интересов помещиков. Касаясь его, В. Вольф указывал, что это «не что иное, как ловушка с волчьими ямами и прочими принадлежностями: уж если сельское население попадет в нее — оно безвозвратно погибло»⁵¹. Но и помещики были недовольны этим постановлением⁵².

Наконец, постановлением от 2 января 1849 г. без возмещения упразднялись сословно-господская и городская патrimonиальная юрисдикции по гражданским делам, наказуемым проступкам и духовная юрисдикция в светских дела⁵³.

В результате упорной борьбы крестьяне добились упразднения некоторых обременительных для них повинностей, приостановки спорных дел по регулированию и выкупу повинностей, а в Силезии — и частичного изменения условий регулирования хозяйств.

Регулирование хозяйств и выкуп повинностей в первый год революции, судя по некоторым данным, были проведены в незначительных размерах. Так, в Познанской провинции регулированию подверглись 73 хозяйства. Крестьяне приобрели в собственность 5189 м. земли стоимостью 57 805 тал. В среднем на хозяйство приходился 71 м. земли. Были упразднены 2893 упряженых (в среднем с каждого хозяйства — 39) и 8843 пеших (в среднем — 121) день барщины; другие повинности оценивались в размере 6394 тал. Помещики получили возмещение: 170 м. земли, 726 тал. денежной ренты, 3500 тал. капитала, всего (по капитализации ренты из 4 % цене 1 м. земли — 11 тал.) 23 520 тал., что составляло 4,5 тал. с каждого мorgена земли.

Выкупные сделки были заключены с 281 хозяином, при этом упразднялись 1488 упряженых (в среднем с хозяйства — 5) и 4651 пеший (в среднем — 16) день барщины, которые возмещались уступкой земли (109 м.), уплатой капитала (19 тал.) и денежной рентой (575 тал.). За отмену других повинностей крестьяне передали 190 м. земли, уплатили 2974 тал. капитала и должны были вносить ежегодно 3212 тал. ренты. Взаимные обязательства в размере 73 тал. прекращались. Возмещение помещикам (по капитализации ренты и цене 1 м. земли в 11 тал.) определялось в сумме 100 957 тал.

В 124 местностях между 2283 заинтересованными лицами был произведен раздел угодий общего пользования. Было сепарировано 107 292 м. и освобождено от сервитутов 395 362 м. земли. При этом была предоставлена дотация 24 школам (217 м. земли, 14 тал. ренты и 2 пастбища) и устроено 59 дворов⁵⁴. Подобное положение, по-видимому, было и в других провинциях.

§ 3. События 1849 г.

Результаты регулирования крестьянских хозяйств и выкупа повинностей по законам 1811—1816 и 1821 гг.

Напряженная обстановка в деревне побуждала правительство торопиться с решением аграрного вопроса. В январе 1849 г. был подготовлен новый проект закона о выкупе повинностей и регулировании крестьянских хозяйств, а затем, после получения отзывов местных властей, велась доработка этого проекта.

С объявлением выборов в первую и вторую палаты парламента началась избирательная кампания. В ней противостояли друг другу три основных лагеря: правительственный, либерально-буржуазный и демократический. Все они были заинтересованы в том, чтобы получить поддержку и со стороны крестьян. В листовке «Душевно искреннего товарищества избирателей», изданной

в Берлине, содержался призыв к населению относиться с доверием к королю, а также помещикам и состоятельным людям, у которых-де можно заработать и которые помогают в беде. В ней говорилось, что король обещает облегчить платежи крестьян, но эти платежи не могут быть упразднены безвозмездно. «Союз с целью законного порядка» в Бреславле, уверяя крестьян, что король сделает для них то, что угодно богу и людям, рекомендовал им голосовать за кандидатов, которые «искренне держатся с королем, как и с народом». Либералы в округе Ратибор (Силезия) призывали голосовать за лиц, которые наряду с прочим могли бы принять постановления об освобождении крестьян от барщины «по закону и справедливости» и об уравнении податей. Газета «Дзенник Гурнсленски», отражая взгляды демократов, рекомендовала избирать тех, кто будет добиваться уравнения податей, урегулирования отношений между крестьянином и помещиком, между мастером и подмастерьем, улучшения положения горняков и сохранения всех конституционных свобод¹.

Контрреволюционные акции правительства оказались на позиции отдельных классов и социальных слоев общества. 21 января состоялось избрание выборщиков во вторую палату, а 29 января — в первую палату. Эти выборы, как указывал К. Маркс, показали, что в западных областях страны «мелкая буржуазия, крестьянство и пролетариат освободились от влияния крупной буржуазии, высшего дворянства и высших чиновников»; они «явным большинством голосов провалили представителей крупной буржуазии и других видных конституционалистов»².

5 февраля были проведены выборы депутатов во вторую, а 12 февраля — в первую палату. Большинство во второй палате составили бывшие депутаты Национального собрания. Они были «избраны вторично, — отмечал Ф. Энгельс, — не потому, что вся их деятельность с мая по ноябрь 1848 г. удовлетворяла избирателей, а потому, что решением об отказе от уплаты налогов они встали на революционную почву»; однако надежда, что они сделают теперь шаг вперед, не оправдалась, «они поправели»³.

При открытии палат 26 февраля король в тронной речи заявил, что им предстоит также заняться обсуждением законов о выкупе поземельных повинностей и о безвозмездной отмене некоторых из них, а также об учреждении рентных банков⁴.

Крестьяне, недовольные своим положением, направляли жалобы в учреждения и к королю, оказывали неповиновение помещикам и властям. В письме крестьян деревень Кистово, Суленчин и Здановице Картузского округа королю от 12 февраля говорилось об обременительности их повинностей и насилиях со стороны помещиков. Крестьяне просили о передаче им земли в аренду. Их просьба осталась неудовлетворенной, и они позднее опять обратились с жалобой к королю⁵. В д. Нойе Кармен (Нове Кармонки) округа Розенберг с крестьянина Гербалли по решению суда должна была быть взыскана недоимка платежей. Крестьянин оказал сопротивление судебному исполнителю, а затем и прибыв-

шему с ним жандарму. 19 февраля в деревню было направлено 20 солдат, но против них выступило свыше 100 вооруженных крестьян, в том числе около 50 женщин. В результате столкновения были ранены. Сопротивление крестьян было подавлено отрядом пехоты, усиленным кавалерией. Главные зачинщики были подвергнуты аресту⁶.

В. Вольф в статье, опубликованной 22 марта в «Нойе рейнише цайтунг», отмечал: «Все шире и шире распространяется сознание того факта, что если вообще должна идти речь о компенсации за феодальные повинности, то за совершенный у них [крестьян] рыцарский грабеж должны быть компенсированы крестьяне... Таково требование, которое открыто высказывается уже в тысячах деревнях»⁷.

По сообщению газеты «Велькополянин» от 24 марта, по деревням ходят «бродяги», которые «говорят на ухо хозяевам, что не надо платить чиншней, а коморникам, поденщикам и прислуге говорят, что следует прогнать хозяев, ибо они имеют землю»⁸.

В конце марта силезское Крестьянское товарищество направило петицию обеим палатам. «Требуем, — говорилось в ней, — ревизии рецессов, поскольку те мнимо добровольные соглашения почти никогда не имели добровольного характера, а почти всегда были вынужденными. Они должны были устранить разнородные повинности, лежащие на крестьянстве. При заключении рецессов чиновники действовали преимущественно в пользу казны, юстициарии земельных господ, как правило, в пользу этих последних. Генеральная комиссия утверждала все этого рода соглашения. Поэтому с чувством испытанного беззакония требуем создания окружных комиссий для рассмотрения рецессов. Они должны происходить из свободных выборов, в которых принимали бы участие как имеющие права, так и обязаные. Эти комиссии в соответствии с действующими ныне принципами отменили бы без вознаграждения все феодальные повинности, не основанные на имеющих законную силу соглашениях; там же, где эти обязанности имеют законные основания, утверждали бы их с целью будущего выкупа»⁹.

Опубликованные в «Нойе рейнише цайтунг» 28 марта требования сельскохозяйственных работников Силезии имели не только социальный, но и политический характер. Они добивались, чтобы государство гарантировало «такую высокую поденную плату», которая была бы «достаточной для содержания работника с семьей»; передачи государственных и церковных земель бедным в аренду за умеренную плату; справедливого распределения податей и упразднения ненужных расходов государства; обеспечения условий для образования детей работников, предоставления всеобщего и непосредственного пассивного и активного избирательного права при выборах высших и гминных властей¹⁰. В д. Клейниц (Кленицах, округ Грюнберг — Зелена Гура) 40 работников потребовали от обер-лесничего увеличения поденной платы. Им было выдано по 4 тал., а затем двое зачинщиков подверглись аресту¹¹.

В объявлении Генеральной комиссии в Силезии от 11 апреля говорилось: «Мы получили известие, что барщинные огородники во многих деревнях округа Тост-Глейвиц сопротивляются отбытию барщины, полагая, что якобы все повинности, лежащие на их хозяйствах... уже отменены». Комиссия предупреждала огородников, что постановление от 20 декабря 1848 г. предусматривает лишь временное регулирование и до его проведения они обязаны выполнять барщину, в противном случае они будут принуждены возмещать недоимки. По сообщению из Верхней Силезии от 14 апреля, «работники, обязанные выполнять барщину в пользу доминиев, заявили, что с 1 апреля считают себя свободными от своих обязанностей, без различия того, возникли они на основании заключенных в последние годы контрактов или вытекают из более ранних отношений. Даже арендаторы хотят получить свои участки в собственность». Подобное имело место и в округе Розенберг. В округе Оппельн в апреле ландрату было поручено «склонить к выполнению повинностей в пользу доминиев всех обязанных к этому на различных основаниях работников, которые с 1 апреля текущего года отказались от дальнейшего выполнения этих повинностей. Однако все попытки посредничества не дали никаких результатов...»¹².

Выражая интересы крестьян и разъясняя им положение дел, В. Вольф в «Нойе рейнише цайтунг» 25 апреля писал: «Рыцари-грабители должны возвратить захваченную у крестьян (*Landvolk*) в течение 30 лет добычу; должны вознаградить их за все совершенные обманы и мошенничества. Этой суммы вознаграждения рыцарей-грабителей хватит, чтобы приодеть нагих, накормить голодных, вылечить больных и побороть эпидемию голода. Но чтобы такое положение скорее возникло, следует провести парцеляцию крупных сословных владений, майоратов и т. п. Само собой разумеется, что все барщинные повинности и денежные чинши должны быть упразднены без вознаграждения; та же земля, которая останется в руках светских господ, должна быть обложена податью столь высоко, как и земля бедных (*Kleinpen*) людей. Все это, однако, не произойдет при нынешнем божьей милостью освященном правительстве, и поэтому же, пока будут в силе бранденбургско-майнцейфелевские и вообще божьей милостью освященные принципы, массы верхнесилезцев по-прежнему будут жертвами голода и голодного тифа»¹³.

Тем временем проекты законов о выкупе повинностей, регулировании крестьянских хозяйств и о рентных банках были рассмотрены правительством и 10 апреля представлены королю, который 20 апреля разрешил направить их в палаты для рассмотрения. Однако в связи с одобрением второй палатой имперской конституции, принятой во Франкфурте, 26 апреля она была распущена¹⁴. После выборов второй палаты, состоявшихся 17 июля по новому избирательному закону, упомянутые законопроекты поступили на рассмотрение палат, которые теперь уже не очень торопились с этим делом.

О регулировании крестьянских хозяйств в Силезии по предписаниям от 20 декабря 1848 г. дает некоторые представления рецесс от 2 августа 1849 г., относящийся к деревням Зандвизен (Пшезхлебе) и Аккерфельде (Зементице) в округе Глейвиц. Огородники этих деревень получали в неограниченную, сервитутную, свободную собственность жилища и хозяйственные постройки, огорода и полевые земли (от 10 м. 153 пр. до 19 м. 32 пр.) и отказывались от платежа в деньгах или натурой за выполнявшуюся барщину, от пособий при возведении и ремонте их построек и права на получение древесины и подстилки для скота из фольваркового леса. Взамен барщины и чинша они обязаны были платить ежегодно от 10 до 15 тал. ренты, которая при выкупе подлежала капитализации из 5 %. Помещик отзывал свое прошение об удалении этих огородников с занимаемых ими хозяйств, а последние принимали на себя возникшие по этому делу платежи. Недоимка барщины с 19 марта 1849 г. в количестве 70 дней должна была быть покрыта до 11 июля 1850 г. из расчета 4 з. г. за один день или отработана. Расходы по регулированию делились пополам между крестьянами и помещиком¹⁵. В этом случае, как явствует из рецесса, помещик за неповиновение крестьян пытался отнять у них хозяйства, но крестьяне отстояли свое право, хотя и обязаны были возместить недоимку повинностей.

В ноябре в окрестностях Жоры (Верхняя Силезия) было много случаев экзекуции в связи с неповиновением барщинных ласситов¹⁶.

При напряженной обстановке в деревне в 1849 г., как и в 1848 г., регулирование хозяйств, выкуп повинностей и раздел угодий общего пользования были редким явлением или охватывали сравнительно небольшое число хозяйств (табл. 1).

В 1849 г. в среднем на регулированное хозяйство приходилось в административных округах Потсдам и Познань (если в данных не ошибка) 1—2, Оппельн — 12, Марненвердер — 21, Франкфурт — 53, Быдгощ — 111, Кенигсберг — 308 м. земли. Другие данные о регулировании соединены со сведениями о выкупе повинностей и не поддаются анализу. По числу выкупных сделок выделялись округа Бреславль, Магдебург, Оппельн, Кенигсберг, в остальных округах таких сделок насчитывалось от 23 (Мюнстер) до 667 (Мерзебург).

При сопоставлении официальных данных о регулировании крестьянских хозяйств и выкупе повинностей до конца 1838 и 1849 гг. оказывается, что в период с 1839 по 1849 г. дело регулирования и выкупа повинностей выглядело таким образом (табл. 2).

Судя по табл. 2, число регулированных хозяйств в Восточной Пруссии и Померании до конца 1838 г. превышало число таких хозяйств по состоянию на конец 1849 г. Другие показатели 1849 г. также ниже данных 1838 г. В остальных провинциях общее число регулированных хозяйств по сравнению с 1838 г. увеличилось на 5663, что составляло около 8 % всех хозяйств, подвергшихся регу-

Таблица 1. Регулирование крестьянских хозяйств, выкуп повинностей и раздел угодий общего пользования в 1849 г.*

Административный округ	Число регулированных собственников	Площадь их земельных участков, м.	Число прочих хозяев, выкупавших барщину и сборы	При регулировании и выкупе отменено барщинных дней	
				упряжных	пеших
Кенигсберг	8	2467	998	476	320
Гумбиннен	—	—	8	—	—
Гданьск (Данциг)	—	—	5	39	30
Мариенвердер (Квидзин)	21	445	24	554	2194
Познань	16	34	110	1011	1520
Быдгощ (Бромберг)	70	7775	101	4748	8033
Штеттин (Щецин)	—	—	35	4	38
Кёслин (Кошалин)	—	—	274	—	4
Франкфурт	8	430	115	331	8571
Потсдам	10	10	27	74	924
Бреславль (Вроцлав)	—		1974	9243	160 151
Лигниц (Легница)	24		551	280	89 245
Оппельн (Ополе)	76	961	1021	1739	91 747
Магдебург	—	—	1973	116	198
Мерзебург	—		667	601	3179
Эрфурт	—	—	46	280	671
Минден	—	—	300	52	327
Мюнстер	—	—	23	271	169
Арисберг	—	—	155	12	62
Дюссельдорф	—	—	27	—	—
Всего	233	12 122	8434	19 781	367 383

* Tabellen und amtlichen Nachrichten über den Preussischen Staat für des Jahre 1849. IV. B. 1853 S. 550–551

лированию до конца 1849 г. В среднем в эти годы приходилось на одно хозяйство 40 м. земли. За исключением Восточной Пруссии заметно, и особенно в Силезии, возросло число хозяйств, выкупавших повинности. В период с 1839 по 1849 г. они составили почти 48 % всех хозяйств, заключивших выкупные сделки до конца 1849 г.

Г. Гарниш, отмечая различия между данными 1838 и 1848 гг. (последние мало отличаются от данных 1849.), считает первые заслуживающими доверия. В статистике 1848 г., по его предположению, могли быть опущены сведения о перешедшей к помещикам земле при выкупе повинностей. Правительство в условиях революции не было склонно к тому, чтобы дать представление о действительных потерях земли крестьянами при проведении реформы. Так или иначе, но те и другие данные содержат противоречия, кото-

Возмещение помещикам при регулировании и выкупе

При регулировании и разделе угодий общего пользования сепарированы или от всех лесных и пастильных сервитутов освобождены

земля, м.	денежная рента, тал.	рента рожью, шеф.	капитал, тал.	число владельцев	площадь земель м.	измерено земель, м.
—	552	—	—	3079	234 411	239 759
—	—	—	—	1595	110 422	81 872
—	28	—	1500	250	23 545	14 299
—	234	64	—	846	72 281	25 546
226	800	60	809	1281	122 225	719
1621	296	—	—	2370	134 553	6536
262	100	—	231	3354	81 948	8933
118	1038	48	3175	1340	73 531	5220
44	493	—	7925	1503	80 768	40 068
—	75	110	2595	1992	105 994	46 124
557	3931	124	23 263	416	18 249	28 490
1873	844	19	18 526	510	59 321	13 806
206	3109	67	17 953	518	13 136	26 658
400	589	124	53 793	2828	131 230	125 362
107	205	6	20 127	4920	122 843	114 042
—	—	—	7995	420	13 755	8833
929	279	—	27 134	1505	28 480	—
—	10	—	18 636	1135	22 963	—
—	151	10	10 910	143	3352	—
—	11	—	1852	67	331	—
6343	12 743	632	216 424	30 072	1 453 338	786 267

рые пока нельзя объяснить; поэтому они не могут быть поставлены в один ряд¹⁷.

Мы располагаем материалами о регулировании хозяйств и выкупе повинностей в Познанской провинции до конца 1847, 1848 и в 1849 гг. (табл. 3, 4, 5).

Эти данные согласуются со сведениями на конец 1838, 1848 и 1849 гг. Из них следует, что применительно к этой провинции не были опущены сведения об уступке земли при выкупе повинностей и вообще данные, относящиеся к ней, не корректировались.

Что же касается других провинций, то соотношение показателей 1838 и 1848—1849 гг. пока не поддается объяснению. В Восточной Пруссии число регулированных хозяйств в 1838 г. составляло 7720 (возможно, здесь учтены и хозяйства, регулированные помимо Генеральной комиссии), до конца 1849 г. — 6275, а по другим

Таблица 2. Регулирование крестьянских хозяйств и выпуск поземельных восточных производств с 1839 по 1849 г.*

Провинция, часть provинции	Число новых регулированных собственников	Площадь их земельных участков, м.	Число прочих обязанных, вы- купавших бар- щину и сборы	При регулировании и выплате поименно		
				отменено барщинных дней	денежная рента, тыс.	рента доход. шев. т.л.
	упряжных пеших	земли, м.				

Годы	Регулировано хозяйств	Площадь земли, м.	Упразднено барщинных дней		Возмещение помещикам			
			упряжных пеших	пеших	земл. н.	денежная рента зерном, тал.	рента таль. шоф.	капитал. тал.
Восточная Пруссия	-1445	-82 306	-2042	-58 386	-54 225	-49 040	-2359	8400 127 118
Западная Прус- сия	879	-5208	1767	14 108	8144 -180 793	22 987	-3389	26 930
Познань	2580	143 458	5543	192 061	528 815	18 892	95 357	1564 33 666
Померания	-29	-1196	4383	-72 269	26 327	41 239	19 183	-639 973 124
Бранденбург	1104	48 690	7496	-82 649	-471 842	10 708	4544	43 369 715 985
Силезия	1100	37 297	61 713	-421 393	5 146 807	-69 321	177 988	11 925 1 698 686
Всего	5663	223 445	80 902	206 169	5 710 093	70 839	320 059	65 258 3 575 509
	-1474	-88 710	-2042	-634 697	-526 067	-299 154	-2359	-44 028

* Таблица составлена посредством вычета данных табл. 8 (гл. III) и табл. 2 (гл. VI) из данных табл. 6 (гл. VI). Числа со знаком «-» означают уменьшение данных, относящихся к концу 1849 г. по сравнению с показателями на конец 1838 г.

Таблица 3. Регулирование крестьянских хозяйств в Познанской провинции *

Таблица составлена посредством вычета данных табл. 8 (гл. III) и табл. 2 (гл. IV) из данных табл. 6 (гл. VI). Цифры со знаком «—» означают уменьшение данных, относящихся к концу 1849 г., по сравнению с показателями на конец 1838 г.

• 111 •

Годы	Регулировано хозяйств	Площадь земли, м.	Упразднено барщинных дней			Возмещение помещикам		
			упряжных	пеших	земли, м.	денежная рента, тал.	рента зерном, шеф. тактал.	
С начала реформы до кон- ца 1847 г.	25 001	1 381 664	1 837 994	3 985 447	155 563	367 571	6510	46 833
В 1848 г.	73	5189	2893	8843	170	726	—	3500
Всего до конца 1848 г.	25 074	1 386 853	1 840 887	3 994 290	155 733	368 297	6510	50 333

Таблица 4. Выкуп поминности в Познанской провинции*

Годы	Число выкупавшихся	Упразднено барщинных		Возмещение помещикам			
		упряжных	пеших	земля, м.	денежная рента. тад.	рента зерном. шоф.	капитал, тад.
До конца 1847 г.	17 745	22 837	236 594	3397 ** 47 357 ***	52 418 ** 47 936 ***	159 ** 5205 ***	17 827 ** 33 299 ***
В 1848 г.	281	1488	4661	109 ** 190 ***	575 ** 32 ***	— —	19 ** 2974 ***
Всего до конца 1848 г.	18 026	24 325	241 255	51 053	100 961	5364	54 119

* ZSA. Hist. Abt. II. Mereburg. Ml. Rep. 87 B. N 6418. Bl. 11—14, 89—91, 155—156.

** За барщину.
*** За другие поминности.

Таблица 5. Регулирование и выкуп поминности в Познанской провинции*

Годы	Регулировав- шие хозяйства	Площадь земли, м.	Выкупалось хозяйства	Упразднено барщинных дней		Возмещение помещикам			
				упряжных	пеших	земля, м.	денежная рента, тад.	рента зерном, шоф.	капитал, тад.
В 1849 г.	86	7809	211	5759	9553	1847	1036	60	809
До конца 1849 г.	25 160	1 394 662	18 237	1 870 971	4 245 098	208 633	470 294	11 934	105 261

* ZSA. Hist. Abt. II. Mereburg. Ml. Rep. 87 B. N 6418. Bl. 89—91.

Таблица 6. Регулирование крестьянских хозяйств, выкуп повинностей и раздел угодий общего пользования до конца 1849 г.*

Административный округ	Число новых регулированных собственников	Площадь их земельных участков, м.	Число прочих обязанных, выкупавших барщину и сборы	При регулировании и выкупах	
				Отменено барщинных дней	
				упряжных	пеших
Кенигсберг	5184	459 488	3348	169 862	230 747
Гумбиннен	1091	66 181	771	37 678	43 494
Гданьск	666	57 746	1436	4477	5326
Мариенвердер	6650	545 171	3970	164 664	291 182
Познань	19 131	931 264	11 038	1 575 691	3 436 536
Быдгощ	6041	464 565	4175	415 974	917 410
Штеттин	5128	545 167	7110	406 502	634 254
Кеслин	5587	663 126	6214	411 528	830 902
Франкфурт	8198	471 668	21 402	677 010	2 067 162
Потсдам	7476	760 044	18 570	468 484	574 562
Бреславль	19	990	33 924	444 003	3 679 022
Лигниц	1253	49 362	45 776	631 358	2 800 509
Оппельн	4388	155 955	18 860	352 021	1 409 093
Всего по восточным провинциям	70 812	5 170 727	176 594	5 759 252	16 920 199
Магдебург	3	222	42 532	48 764	108 238
Мерзебург	—	—	47 606	132 980	128 141
Эрфурт	—	—	5733	14 339	20 489
Минден	—	—	9134	14 705	40 307
Мюнстер	—	—	3157	17 814	18 221
Арисберг	—	—	6513	1216	1553
Дюссельдорф	—	—	2067	56	59
Кельн	—	—	672	—	—
Кобленц	—	—	4077	—	—
Всего в этих округах	3	222	121 491	229 874	317 008
Всего в стране	70 815	5 170 949	298 085	5 989 126	17 237 207

* Данные до конца 1848 г.: *Melzen A. Der Boden und die wirtschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staaten.* B., 1868. Bd. I. S. 432—433.

Количество упряженых дней — 5 978 295 — по-видимому, опечатка. В приложении к таблице говорится, что в ней не учитываются сведения о регулировании хозяйств и выкупах, проведенных управлением доменов, лесов, духовных учреждений и касс погашения в четырех округах Падеборна, в Эйхсфельде и графстве Витгенштайн, а также о выкупах, произведенных с 1829 по 1840 г. при посредстве обычных судов. Данные табл. А. Мейзена несколько отличаются от сведений, приведенных в *Tabellen*

При регулировании и выкупах				При регулировании и разделе угодий общего пользования сепарированы или освобождены от всех лесных и пастбищных сервитутов		
Установлено возмещение помещикам						
земля, м.	денежная рента, тал.	рента рожью, шеф.	капитал, тал.	число владельцев	площадь их земли, м.	измерены, м.
125 185	59 978	9898	291 990	46 277	4 079 653	4 492 170
31 709	2801	3988	84 989	40 746	2 447 991	3 230 871
19 410	12 866	1138	9226	8548	997 560	1 084 488
20 586	78 360	332	39 202	39 202	3 745 120	4 347 068
112 797	371 312	4523	73 395	42 555	4 303 146	4 867 680 ***
95 913	122 413	5904	32 153	25 464	2 852 874	3 393 584 ***
240 902	76 088	21 855	919 827	27 010	2 477 783	2 854 890
350 092	65 292	15 404	487 022	18 154	3 046 379	3 532 342
193 045	128 588	24 789	1 369 589	93 095	4 173 528	4 911 110
212 901	138 416	83 801	2 813 105	98 114	3 591 198	4 647 144
51 934	131 488	13 550	1 196 858	45 451	2 288 609	2 379 048
23 598	153 965	14 935	2 528 307	42 066	2 057 547	2 451 261
45 461	61 301	23 670	527 123	24 317	1 223 885	1 795 569
1 523 533	1 402 868	223 525	10 372 786	551 009	37 285 273	43 987 225
7290	75 014	13 188	3 967 184	199 960	3 166 470	3 548 169
7177	57 302	9993	1 717 559	144 900	2 105 039	2 594 297
36	2542	627	329 244	26 298	191 926	294 359
1052	33 635	225	541 545	32 922	365 722	—
123	22 537	780	862 101	37 946	793 870	—
48	12 966	1098	618 645	17 319	256 733	—
—	3487	188	183 138	5364	108 924	—
134	—	444	34 625	—	—	—
—	2394	—	134 363	—	—	—
15 860	209 867	26 543	8 388 404	464 709	6 988 684	6 436 825
1 539 393	1 612 735	250 068 **	18 761 190	1 015 718	44 273 957	50 424 050

und amtliche Nachrichten über den Preussischen Staat für das Jahr 1849. B., 1853. IV. S. 550—551, но различия между ними не имеют существенного значения. В табл. 6 данные А. Мейцена суммированы со сведениями за 1849 г., содержащимися в Табл. ... (S. 550—551).

** В том числе 1063 шеф. овса, ячменя и пшеницы.

*** Не учтены земли под дворами, постройками и дорогами, неудобные земли, огороды (хотя они и измерены).

данным вообще здесь было регулировано 6212 хозяйств. За исключением данных о ренте зерном и капитале, прочие данные 1849 г. ниже сведений по состоянию на конец 1838 г.

В провинции Бранденбург при средних показателях на хозяйство до 1838 г. уступка земли в 1839—1849 гг. составила бы при регулировании хозяйств 24 288 м., а при выкупе повинностей — 14 992 м. (в табл. же 2 она составляет всего 10 708 м. земли). Поскольку в провинции Померания число регулированных хозяйств на конец 1849 г. по сравнению с 1838 г. почти не изменилось, то уступка 41 239 м. земли пришлась бы только на выкупаемые хозяйства (в среднем — 9,4 м.), что представляется, однако, сомнительным.

Вызывают сомнения и сведения, относящиеся к Западной Пруссии и Силезии. В дальнейшем, однако, придется пользоваться данными на конец 1848—1849 г., поскольку с ними связаны последующие результаты регулирования хозяйств и выкупа повинностей.

По данным до конца 1849 г., регулирование хозяйств и выкуп повинностей представляются таким образом (табл. 6).

Из табл. 6 следует, что в восточных провинциях до 1850 г. по сравнению с 1838 г. число регулированных хозяйств увеличилось на 4189, земельная площадь таких хозяйств — на 140 765 м., число выкупных сделок — на 78 860, количество упраздненных пеших дней барщины — на 5 178 026, возмещение денежной рентой — на 317 700 тал., капиталом — на 3 048 386 тал., рентой зерном — на 61 492 шеф., а вместе с тем число отмененных упряженых дней уменьшилось на 428 628, возмещение землей — на 288 315 м. Уменьшение этих показателей, по-видимому, может быть объяснено неполнотой сведений или иным способом подсчета.

Поскольку в ряде административных округов производился только выкуп повинностей, то можно определить в среднем его показатели на одну выкупную сделку (хозяйство), табл. 7.

Всего при регулировании хозяйств и выкупе повинностей помимо уступки земли (1 539 393 м.) платежи крестьян по капитализации ренты из 4 %, включая капитал, составили 65 331 265 тал., в среднем с регулируемого и выкупаемого хозяйства — 177 тал. Если средние показатели возмещения при выкупе повинностей (табл. 7) принять для определения выкупа в восточных провинциях (здесь сумма выкупных платежей была значительно выше), то оказалось бы, что при регулировании хозяйств в этих провинциях на одно хозяйство приходилось бы возмещения землей 21 м. и, кроме того, денежной рентой — 15,52 тал., рентой зерном — 2,6 шеф., капиталом — 28,1 тал. и всего по капитализации из 4 % — 480,6 тал. Это была огромная дань крестьян помещикам за отмену феодальных повинностей, которые следовало бы упразднить безвозмездно.

До конца 1849 г. в больших масштабах были проведены раздел угодий общего пользования и ликвидация паствищных, лесных и других сервитутов, что, с одной стороны, создавало благоприят-

Таблица 7. Барщина и выкупные платежи до 1849 г. в среднем на одну выкупную сделку (хозяйство) *

Административный округ	Упразднено барщинных дней		Выкупные платежи				Всего по капитал. из 4 % без земли, тал.
	упряж-ных	пеших	земля, м.	денежная рента, тал.	рента зерном, шеф.	капитал, тал.	
Магдебург	1,2	2,5	0,17	1,76	0,31	93,27	145,02
Мерзебург	2,8	2,7	0,15	12,03	0,20	36,07	341,82
Эрфурт	2,5	3,5	0,006	0,44	0,11	57,43	60,33
Минден	1,6	4,4	0,11	3,68	0,02	59,29	151,79
Мюнстер	5,6	5,8	0,04	7,14	0,24	273,07	457,57
Арnsберг	0,2	0,2	0,007	1,99	0,17	94,98	148,98
Дюссельдорф	0,03	0,03	—	1,68	0,09	88,60	132,85
Кельн	—	—	0,2	—	0,66	51,52	68,02
Кобленц	—	—	—	0,58	—	32,95	47,45
В среднем по этим округам	1,9	2,6	0,13	1,72	0,22	69,04	117,54

* Составлено по данным табл. 6. В среднем до конца 1848 г. стоимость упраздненного дня барщины составляла: упряженного — 7,5 з. г., пешего — 2,5 з. г., шеф. ржи — 1 тал. Доход от одного моргена земли определялся в 2 тал. (в действительности он был больше).

ные условия для земледелия, а с другой — ставило крестьян, в особенности малоземельных, в затруднительное положение.

В ходе революции 1848—1849 гг., буржуазно-демократической по своему существу, были проведены значительные социально-политические преобразования. Но революция оказалась незавершенной. Основные черты старого строя остались в прежнем или несколько модифицированном виде. Это было обусловлено рядом взаимосвязанных обстоятельств. Руководящей силой в революции выступала либеральная буржуазия. Обеспечив в определенной мере свои интересы, буржуазия, напуганная размахом движения народных масс, пошла на компромисс с монархией и дворянством, противопоставила себя революционным преобразованиям. Крестьянское движение, развернувшееся в Силезии и других провинциях, имело стихийный характер, не было связано с революционной борьбой горожан и не могло перерасти в аграрную революцию. Мелкая буржуазия была неорганизованной и непоследовательной. Пролетариат был малочисленным и не осознавал еще своей исторической миссии. Несмотря на ограниченный характер революции, она создала более благоприятные условия для дальнейшего развития капитализма и классовой борьбы трудящихся.

С окончанием революции в 1848—1849 гг. завершился первый этап аграрной реформы.

ГЛАВА АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

VII ПО ЗАКОНАМ ОТ 2 МАРТА 1850 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

§ 1. Условия выкупа повинностей, регулирования крестьянских хозяйств и раздела угодий общего пользования

Проекты законов о выкупе и регулировании повинностей после некоторых изменений были приняты второй палатой в декабре 1849 г.

В конституции, изданной 31 января и закреплявшей господство юнкеров в стране¹, подтверждались предписания по аграрному вопросу (ст. 42^{1а}), содержавшиеся в октроированной конституции. В феврале 1850 г. упомянутые проекты были одобрены и первой палатой. Недовольное ими духовенство Померании обратилось к королю с жалобой на то, что выкуп повинностей по предписаниям нового закона повлек за собой существенные убытки для духовных, школьных и благотворительных учреждений. Сообщая об этом министру духовных дел А. Ладенбергу и министру внутренних дел О. Т. Мантейффелю 13 февраля, король потребовал приостановить исполнение нового законодательства «по крайней мере по отношению к церквам, приходам, школам и благотворительным заведениям и немедленно сделать необходимое предложение палатам». Хотя А. Ладенберг и О. Т. Мантейффель в жалобе духовенства усматривали много «заблуждений и преувеличений», домогательство представителей церкви было принято во внимание. 15 февраля вторая палата постановила, что выкуп повинностей, отбывавшихся в пользу духовных учреждений, должен производиться по особому закону, превращение же повинностей в постоянную денежную ренту могло последовать независимо от этого по ходатайству одной из сторон. Это постановление 20 февраля было одобрено и первой палатой.

28 февраля законопроекты были представлены королю для подписания. В прилагаемой к ним записке О. Т. Мантейффель так обосновывал их правомерность. Выкуп и регулирование повинностей, говорилось в записке, не могут не затрагивать право собственности, ограничение же этого права определяется целями аграрной реформы и потребностями общего блага. Из повинностей, подлежащих безвозмездной отмене, одни должны быть упразднены без вознаграждения по конституции, другие, не имеющие реальной или определенной ценности, по той же конституции также следовало бы отменить. Поэтому претензия на возмещение таких повинностей является необоснованной. Кроме того, уже предусма-

трявась или была обещана безвозмездная отмена этих повинностей, с чем нельзя не считаться. Неосновательным был и упрек, что закон разрешает пересмотр утвержденных рецессов. В нем шла речь о случаях, когда уже был определен выкупной капитал, но право его выкупа принадлежало только крестьянину. Помещик, имевший лишь право на получение ренты или чинша, мог теперь требовать их выкупа по предписаниям закона. Что же касается замечаний самого короля, то они были учтены. В дополнениях к законопроекту предусматривались право помещика при уплате крестьянином денежной ренты в 18-кратном размере получить возмещение за нее в 20-кратном размере в рентных листах и издание особого закона о выкупе повинностей, отбывавшихся в пользу духовных учреждений. Предложенное второй палатой дополнение об установлении определенного срока для подачи ходатайств о выкупе повинностей аннулировалось. При принятии этих законопроектов имелись в виду и политические обстоятельства. Необходимо было урегулировать существующие споры между помещиками и крестьянами. Естественно, что установление и сохранение длительных мирных отношений между помещиками и крестьянами не могли обойтись без существенной жертвы с обеих сторон. Так, в частности, предписания относительно платежа лаудемии и выкупа повинностей в определенных случаях в большей мере ущемляют интересы крестьян, чем это на первый взгляд кажется. Необоснованно утверждение, что новые законы нанесут ущерб правовому сознанию народа; оно уже было поколеблено противоречивыми судебными решениями и приостановкой начатых дел и судебных процессов по вопросам выкупа и регулирования повинностей. Издание же этих законов будет иметь существенное значение для блага страны, восстановления нарушенного спокойствия и порядка, а также устранения условий для злостного подстрекательства к беспорядкам.

Несмотря на все это, король, как явствует из кабинетного распоряжения от 1 марта 1850 г., сомневался в справедливости этих законопроектов. Соглашаясь, однако, подписать их, король выражал уверенность, что «справедливое и целесообразное исполнение этих законов сделает их строгость менее чувствительной». Он предлагал устраниить от занятий этими делами чиновников, действия которых не давали полной гарантии «справедливого и надлежащего» применения новых законов, а также принять меры для скорейшего проведения выкупа и регулирования повинностей в тех местностях, где это необходимо.

В связи с этим О. Т. Мантейффель сообщил королю, что он уже отстранил от службы неподходящих лиц, число которых, впрочем, было незначительным, что теперь нет неблагонадежных чиновников и впредь такие не будут допускаться к этим делам. Информируя о принимаемых им мерах относительно ускорения аграрной реформы в Силезии, О. Т. Мантейффель считал дальнейшую задержку с введением в действие законов очень опасной, имея в виду предстоящие выборы в первую палату, растущее недоверие

крестьян и настойчивые пожелания со стороны помещиков². 2 марта 1850 г. законопроекты были подписаны королем.

В первом законе определялись новые условия выкупа повинностей и регулирования отношений между крестьянами и помещиками³.

С обнародованием этого закона безвозмездно отменялись верховная собственность (*dominium directum*) владельца лена (*des Lehnsherrn*) и вытекающие из нее права (за исключением королевских ленов — *Thronlehne*); верховная собственность помещика или землевладельца (*des Guts-oder Grundherrn*) и лица, передавшего землю в наследственно-чиншевое пользование (*des Erbzinsnsherrn*), а также право собственности на землю, сданную владельцем (*des Erbvergächters*) в наследственную аренду * (наследственный чиншевик и наследственный арендатор становились полными собственниками). Так же безвозмездно отменялись другие права, вытекавшие из крепостного отношения, вотчинной власти и прежнего податного обложения: право на регулирование аллодификационного чинша за отмененное ленное отношение (*Lehnsherrlichkeit*) в тех частях страны, которые прежде принадлежали Вестфальскому королевству, Бергскому великому герцогству, французско-ганзейским департаментам и Липпескому департаменту; право землевладельца или помещика на унаследование крестьянских земельных участков (*Heimfallsrecht*) и преимущества всякого рода без различия, принадлежали ли они государству, юридическим или частным лицам; право владельца земли, сданной в наследственную аренду или наследственно-чиншевое пользование, произвольно увеличивать канон или чинш; преимущественное право на приобретение недвижимости (*Vorkaufsrecht*), ближайшее право на нее за некоторыми изъятиями **; связанная с пользованием землей обязанность работать за обычную в данной местности поденную плату; право требовать, чтобы частный владелец земли производил на ней посадку тутовых деревьев или содержал таковые; так называемая флемингская повинность, а также непосредственные обязательства помещика по этим повинностям.

Кроме того, без возмещения упразднялись право требовать части или отдельной вещи из оставшегося имущества в силу поместного (*gutsherrliche*) поземельного (*grundherrliche*) или патrimonialного (*gerichtsherrliche*) отношения; право помещика возражать против парцелляции земли, обремененной сборами (*Abgaben*) и повинностями (*Leistungen*) в его пользу; все сборы

* Сборы, повинности и определенные виды пользования, связанные с верховной собственностью и правом собственности на землю, не значившиеся среди упраздняемых, оставались в силе (§ 5).

** Сохранились право преимущественной покупки недвижимости, основанное на контракте или завещании, преимущества на приобретение части общего имущества на правах полной собственности и право ретракции сонаследников по Рейнскому гражданскому кодексу. Преимущественная покупка разрешалась и в случае, когда законно отчужденная для общественных целей земля не использовалась по назначению и подлежала продаже.

и повинности неоседлых лиц, обусловленные вотчинными отношениями (Guts-Grund-oder Gerichtsherrschaft); все сборы и повинности, проистекающие из частной юрисдикции и доминиального полицейского управления; все сборы и повинности за отдельные судебные акты, кроме установленных законом пошлин, и другие подобные повинности и услуги.

Также безвозмездно отменялись лаудемии, ленные платежи (Lehnwaagen), вступительные взносы (Antrittsgelder), доходные деньги и другие сборы (Besitzveränderungsabgaben), связанные со сменой владельца имения, а также все нефиксированные сборы* при перемене владения, которые были установлены после издания эдикта от 14 сентября 1811 г. о повышении культуры земледелия, несмотря на законную силу прочих условий продажи или передачи хозяйства. Впредь с земельного участка при смене владельца можно было взимать только один сбор. Если до тех пор вносились разные сборы, то больший из них сохранялся, а меньший упразднялся без возмещения. Подлежали отмене без вознаграждения и сборы, которые взимались при перемене владельца за составление и утверждение акта и т. п. и в тех случаях, когда наряду с ними не уплачивалась никакая лаудемия. Впредь ссылка на обычай (Observanz) не могла быть доказательством обременения земельного участка сборами в связи с переменой владельца. Но если владелец участка земли даже без указания на правовое основание признавал такое обязательство в публичном правовом документе, то оно оставалось в силе, кроме сборов, отменяемых безусловно.

В связи с безвозмездной отменой указанных прав и обязанностей со стороны лиц, в интересах которых она последовала, не могли исходить возражения против убытков, связанных с определенными действиями или упущениями, имевшими место до обнародования закона от 9 октября 1848 г. Считались необоснованными и возражения против уплаты недоимки, образовавшейся до этого времени, и претензия на возвращение или возмещение платежа. В некоторых частях страны принимались во внимание претензии, возникшие до обнародования упомянутого закона в связи с правами верховной собственности и на унаследование земельного участка, если они определялись контрактом или судебным решением.

Упраздняемые безвозмездно права и обязанности встречались в различных местах в отдельности или в том или ином сочетании. Это были ограничения личных и имущественных прав, вытекавшие из крепостничества, старого податного обложения или вотчинной власти помещика. Некоторые из них (например, обязанность работать в фольварке за обычную плату) подлежали отмене уже по эдикту от 9 октября 1807 г., но кое-где еще сохранились. Эти права и обязанности не имели ценности, или их ценность была весьма незначительной, они не касались и экономических отношений. Важнее было другое. В связи с отменой верховной собственности и

* Сборы, которые вносились при изменении владения в единожды установленном или каждый раз определяемом размере, считались фиксированными.

права собственности на наследственно-чиншевые и наследственно-арендные земли последние превращались в частнособственнические. Впредь не могли устанавливаться наследственно-чиншевые и наследственно-арендные отношения. С упразднением права помещика на получение обратно крестьянского хозяйства существенно изменялся и характер ласситского землепользования. Это право, за отмену которого при регулировании помещики требовали особого вознаграждения, теперь упразднялось без возмещения независимо от регулирования⁴.

Все постоянные сборы и повинности, обременявшие земли, находящиеся в собственности, наследственно-чиншевом пользовании и наследственной аренде, а также основанные на правах (*Gerechtigkeiten*) реальные повинности могли быть выкуплены*. К выкупаемым относились сборы и повинности в пользу общины или товарищества (*Sozietät*), если они вытекали из общих правовых отношений, например поместного отношения или права на десятину**. Реальные повинности выкупались невзирая на прежнее волеизъявление, срок давности или прежние судебные решения по ним. В результате этого упразднялись ограничения, установленные в положении от 7 июня 1821 г., и значительно расширялись возможности выкупа повинностей.

Возмещение за выкупаемые повинности определялось следующим образом. Если взамен ежегодной барщины в течение последних 10 лет, а неежегодной барщины — 20 лет до заявления о ее выкупе (или если между этим моментом и обнародованием закона от 9 октября 1848 г. произошло преобразование денежной повинности, то соответственно в течение последних 10 или 20 лет до обнародования упомянутого закона) без возражения уплачивалось и принималось денежное возмещение, а если последнее в течение этого времени изменялось, то его средняя сумма составляла денежную стоимость барщины. При отсутствии денежного эквивалента стоимость упряженых и пеших дней определялась местными нормальными ценами***, устанавливаемыми с учетом

* Выкуп сервитутов и других подобных прав производился на основании особого закона о разделе угодий общего пользования.

** Не подлежали выкупу по предписаниям этого закона повинности публичного (*öffentliche*) характера, включая услуги и платежи в пользу общины и товарищества, а также повинности по возведению и содержанию церковных, приходских и школьных зданий, если последняя не являлась взаимным обязательством по отношению к реальной повинности, вместе с которой могла быть выкуплена. Реальные повинности в пользу церквей, приходов, кистеров и школ, определяемые по настоящему закону, сохранялись до особого решения о них.

*** Нормальные цены и нормальные рыночные места устанавливались особыми властями (*Auseinandersetzung-Behörde*) по предложениям местных комиссий, состоявших из сведущих жителей, избранных крестьянами и помещиками в равном количестве от обеих сторон. Если одна из сторон не провела выборов в комиссию или отказалась это делать, то члены комиссии от этой стороны назначались администрацией. В случае разногласия ее членов местная администрация принимала решение, которое могло быть обжаловано в Ревизионной коллегии. Обычно за рыночные и нормальные цены принимались цены в том месте, где уплачивались подати или отбывались повинности, а если это

продолжительности рабочего дня, рода работы, времени года и свойства рабочей силы, а урочной и неопределенной барщины — третейским решением о расходах, которые должен был понести помещик для ее возмещения собственной или нанимаемой упряжкой, фольварковыми работниками или поденщиками. При этом принимались во внимание меньшая полезность (*mindere Vollkommenheit*) барщинной работы и нормальные затраты на содержание упряжки, фольварковых работников и поденщиков.

Строительные работы при неопределенном количестве рабочих дней в каждом отдельном случае оценивались по их средней годовой стоимости. При этом должны были учитываться род постройки, ее размер и состояние во время оценки, вид работы, а при доставке материалов — расстояние и состояние дороги. При несогласии сторон стоимость этих работ определялась третейским решением. В местностях, где это оказывалось необходимым и свойство (*Beschaffenheit*) и род построек позволяли, могли при участии специалиста по строительному делу устанавливаться нормальные цены таких работ.

В тех случаях, когда вид (*die Art der Ableistung*) или размер барщины или то и другое одновременно зависели от устройства крестьянского хозяйства и размер или количество барщины оставались неопределенными, в расчет при ежегодной повинности принимались средняя барщина за последние 10 лет, а при неежегодной барщине — средняя повинность за последние 20 лет до заявления о ее выкупе. Если в таких случаях нельзя было иным законным способом разделить повинности, то независимо от того, выполнялась или не выполнялась теперь упряженная или пешая барщина, возмещение за упряженную барщину производилось всеми хозяевами в соответствии с площадью их земель, а за пешую барщину — распределялось поровну между дворами. Таким же способом определялись стоимость обязательств со стороны помещика и его возмещение за большую ценность крестьянских повинностей.

Если при обычном способе хозяйства барщина использовалась не полностью, то возмещению подлежала только барщина, необходимая для ведения хозяйства. Ее размер устанавливался третейским решением. Это правило не применялось в случаях, когда помещик мог неиспользуемую барщину уступить другому лицу или требовать ее оплаты.

Стоимость постоянного зернового сбора * устанавливалась делалось в разных местах, то цены той местности, где находилось обремененное повинностями хозяйство. Решения о нормальных ценах и рыночных местах должны были пересматриваться через каждые 10 лет таким же способом. В тех местностях, где выкупаемые повинности встречались редко, такие цены и рыночные места могли не устанавливаться; оценка повинностей здесь проводилась третейским судьей.

* Таким сбором считалось вносимое ежегодно или в другие установленные сроки определенное количество зерна колосовых и других полевых растений, имеющее общую рыночную цену. По закону от 19 ноября 1849 г. особые комиссии, состоявшие поровну из правомочных и обязанных, определяли нормальные рынки и цены, которые затем утверждались Генеральной комиссией. См.: GS. 1849. S. 413—416.

по средней мартиновской рыночной цене * в данной местности в последние 24 года до заявления о его выкупе, исключая 2 года с высшей и 2 года с низшей ценой. В местностях, где самая бойкая торговля зерном происходила в другое время, стоимость зерна могла определяться его средней ценой в такое время **. При определении местной цены зерна учитывалась его рыночная цена, а в особых случаях принимались во внимание и расходы по доставке зерна на рынок. Установленная таким образом цена зерна понижалась на 5 % в связи с низшим качеством чиншевого зерна по сравнению с рыночным. Зерно особого качества (для посева, за помол), не имеющее рыночной цены, оценивалось третейским судьей. Годичную денежную стоимость зерновой ренты, установленной при регулировании и выкупе повинностей и уплачиваемой деньгами по средней цене зерна в течение 10 и более лет, составляла сумма, которая вносилась в платежный срок, предшествующий заявлению о выкупе ренты. Если же денежная стоимость такой ренты определялась средней ценой зерна в период менее 10 лет или ежегодно, то ее размер устанавливался по средней цене зерна в последние 24 года до заявления о выкупе ренты, за исключением 2 лет с высшей и 2 лет с низшей ценой.

Постоянные незерновые натуральные сборы — ежегодные и неежегодные, — взамен которых вносился денежный платеж соответственно в течение последних 10 или 20 лет до заявления об их выкупе (или если между этим моментом и обнародованием закона от 9 октября 1848 г. произошло преобразование денежной повинности), оценивались таким же способом, как и барщина, возмешавшаяся деньгами. Когда годичная денежная стоимость этих сборов не была обозначена, она определялась нормальными ценами, устанавливаемыми с учетом цен в последние 20 лет и низшего качества даваемых продуктов или предметов, а при ином их качестве, зафиксированном в документе, — третейским решением. Винный сбор при неустановленной его стоимости также оценивался третейским способом, причем принимались во внимание место изготовления и цены в последние 20 лет до заявления о выкупе.

Если взамен продуктовой десятины в течение последних 10 лет до заявления о ее выкупе (или взимаемой вновь в натуре десятины между этим моментом и обнародованием закона от 9 октября 1848 г. в последние 10 лет до его издания) без возражения принимался арендный чинш или платеж деньгами или зерном, то такой сбор, а при его изменении — средняя сумма сбора составляли годичную стоимость этой десятины. Зерновые чинши и сборы оценивались по соответствующим предписаниям закона. В прочих случаях доход, который мог быть получен в среднем от продуктовой десятины, определялся сведущими лицами по состоянию и способу ведения хозяйства в момент заявления о ее выкупе. При

* Мартиновской рыночной ценой считалась средняя цена в течение 15 дней, на середину которой приходится день св. Мартина (11 ноября).

** О средних рыночных ценах ежегодно сообщалось в официальном вестнике.

десятине в злаках устанавливался особо доход от зерна и от соломы. Зерно оценивалось таким же способом, как и постоянный зерновой сбор, но без понижения его стоимости на 5%; стоимость других продуктов определялась соответствующими правительственными постановлениями. При установлении ценности продуктовой десятины из валового дохода исключались затраты владельца на получение чистого дохода.

Предписания относительно десятины применялись к арендной плате в снопах, которую вносили так называемые сноповые дворы. С обнародованием закона нельзя было требовать десятины с земли, до этого ею не обремененной. Поэтому с выкупом этой повинности по установленным предписаниям упразднялась без особых возмещения и десятина с сельскохозяйственной нови (*Neubruchzehnt*, *Rottzehnt*).

При определении стоимости выкупаемых сборов, связанных с переменой владельца, устанавливались количество перемен во владении в течение столетия и сумма платежа. Обычно принималось, что в столетие происходило не более трех перемен владения. Если сбор вносился только при продаже хозяйства неродственникам или при передаче его потомкам, то считались две перемены; при платеже сбора не во всех случаях такой продажи или передачи хозяйства, а также исключительно в иных, кроме упомянутых, случаях (например, при женитьбе владельца) считалась одна перемена. Когда сумма сбора не была законно определена раз и навсегда или по проценту стоимости или покупной цене земли, его стоимость составляла средняя сумма внесенного или подлежащего уплате сбора в течение шести последних перемен во владении, а при отсутствии таких данных — средняя сумма платежей, о которых имелись сведения. Если таким способом нельзя было определить сумму доходных денег (*Gewinngelder*) от мельничных усадеб (*von mähljäigen Besitzer*), то принималась половина полного платежа действительных владельцев этого земельного участка. Если же доходные деньги и сбор по случаю смерти составляли одну сумму, то половина ее считалась доходными деньгами.

Когда размер сбора определялся процентами стоимости или покупной ценой земли, ее стоимость или цена устанавливались третейскими судьями оптом по обычной (*gemeinen*) покупной цене. При этом учитывалась и стоимость построек и инвентаря, если с них взимался сбор. Но из покупной цены исключались: а) капиталы, уплаченные настоящим или прежним владельцем земли в счет возмещения повинностей, которые были наложены с согласия лица, получавшего сбор; в противном случае такое исключение не допускалось; б) 20 % стоимости принадлежащей хозяйству земли; в) 50 % стоимости построек и инвентаря. При неодинаковой сумме или процентной ставке сбора в различных случаях перемены владения принимались средняя сумма или средняя процентная ставка в течение столетия, при более чем трех переменах владения в столетие — три высшие суммы сбора. Одна сотая часть определенного таким способом сбора составляла

годичную его стоимость и подлежала выкупу^{1*}. Доплаты (Neuschussrenten) при выкупе сбора не могли быть установлены^{2*}.

Постоянные ежегодные денежные сборы принимались в расчет по их годичной сумме. Если постоянный денежный сбор вносился не ежегодно, а по истечении определенного числа лет, то его сумма делилась на указанное число лет и частное составляло годичную — стоимость сбора. При уплате ренты, которая могла быть выкуплена посредством выплаты установленного капитала по ее капитализации из 4 %, основанием для расчета постоянного денежного сбора являлась ее годичная сумма. Это относилось и к чиншам, и к рентам, когда выкупной капитал был установлен по законной выкупной ставке и специально определенной ренте, но право выкупа которого принадлежало только обязанному^{3*}.

Годичная стоимость обязанностей по содержанию маточного поголовья и выкармливанию скота устанавливалась по нормальным ценам, а промысловых, ремесленных и прочих сборов и повинностей — по соответствующим предписаниям закона, а при отсутствии таких предписаний — по усмотрению сведущих лиц. По вышеуказанным правилам оценивались и обязанности помещика по отношению к крестьянину, за исключением обязательств, отменявшихся по положению от 7 июня 1821 г. о разделе угодий общего пользования.

Из годичной денежной стоимости всех выкупаемых крестьянином реальных повинностей вычиталась годичная стоимость обязательств помещика^{4*}, и оставшаяся денежная сумма подлежала возмещению. Когда эта сумма превышала 1/3 чистого дохода от хозяйства^{5*}, то крестьянин имел право требовать соответствую-

^{1*} За перемены во владении, произшедшие после подачи заявления о выкупе, сбор не уплачивался, но с этого времени обязанный должен был вносить выкупаемую ренту. Это правило применялось ко всем начатым делам о выкупе сбора, если возмещение еще не было законно установлено.

^{2*} Допускался возврат сбора, уплаченного до обнародования настоящего закона, если платеж был произведен с письменным условием его возврата или по административному решению, причем обязанный оспорил такое решение.

^{3*} Если срок уплаты выкупного капитала был законно установлен или право требовать (Kündigung) возмещения его или выкупаемой ренты предоставлялось и помещику, хотя бы только в определенных случаях, то предписания данного закона, за исключением устанавливаемого срока, не применялись. Это правило относилось и к рентам, связанным с разделом угодий общего пользования, когда помещик не отказывался от своего права требовать их выкупа, а также к рентам, капитализировавшимся не из 4 %, к чиншам, установленным не на основании до сих пор законной выкупаемой ставки или специальной оценки. При выкупе ренты или чинша в этих случаях помещик мог получить возмещение в рентных листах; если обязанный не предпочитал выкупать их по условиям контракта. Ренты и чинши, превышающие 2/3 чистого дохода от хозяйства, к оплате рентным банком не принимались.

^{4*} Обязательства в пользу третьего лица в расчет не принимались, так как непосредственно право на них принадлежало этому лицу.

^{5*} Чистый доход определялся таким способом: третейские суды устанавливая оптом обычную покупную цену хозяйства с учетом лежащих на нем повинностей и принадлежавших ему прав, 4 % этой суммы и ежегодная стоимость всех выкупаемых реальных повинностей после вычета из нее обязательств помещника составляли чистый доход от хозяйства.

шего ее уменьшения^{1*}. Если стоимость обязательств помещика была больше стоимости повинностей крестьянина, то разница компенсировалась помещиком, кроме случаев, когда с отменой крестьянских повинностей прекращались и обязательства помещика^{2*}. При обязательствах помещика, заключавшихся в представлении части собранного урожая или продуктов обмолота (например, огородникам-молотильщикам и им подобным), превышение стоимости этих обязательств над стоимостью барщины возмещалось обычно землей по предписаниям положения о разделе угодий общего пользования, причем учитывались все не безвозмездно отменяемые виды работ в пользу помещика.

Денежная рента, подлежащая возмещению, могла быть выкуплена посредством уплаты ее деньгами в 18-кратном размере. Если обязанный крестьянин не желал сразу уплатить капитальную сумму, то ее выкуп осуществлялся через рентный банк. При уплате ренты в 18-кратном размере в государственную кассу помещик мог получить ее возмещение в 20-кратном размере^{3*} в рентных листах. Канон, чинш и другие повинности, установленные при передаче земли по письменному контракту в наследственную аренду, в наследственно-чиншевое владение или собственность до обнародования настоящего закона, по исключению обязательств помещика могли быть выкуплены по капитализации из 5% по предложению помещика только через рентный банк, а по предложению крестьянина — только посредством уплаты этой суммы деньгами, о чем он должен был заявить за 6 месяцев до выкупа^{4*}. Обязанный имел право в течение четырех следующих друг за другом годовых сроков со дня заявления о выкупе уплатить капитальную сумму равными частями, которые, однако, не могли быть менее 100 тал. Недоимка покрывалась с уплатой 5% годовых. Стороны могли договориться об ином способе выкупа повинностей, в частности посредством уступки части земли^{5*}.

^{1*} Предписания о таком снижении суммы платежа не касались денежных и зерновых рент, установленных при регулировании отношений между крестьянами и помещиками на основании положений 1821 г. о выкупе повинностей и разделе угодий общего пользования. Помещики возражали против оценки крестьянских повинностей в размере 2/3 чистого дохода. Правительство считало, что выкупалось не право помещика на труд крестьянин, а действительный доход от хозяйства, в противном случае крестьянин разорился бы.

^{2*} Крестьяне считали такое ограничение несправедливым, поскольку оно нарушало законное равноправие сторон. Правительство и парламент, находя соображение крестьян обоснованным, не согласились, однако, на изменение этого предписания.

^{3*} Владельцы имений добивались капитализации из 4%. В таком случае они при денежном обороте с 5% годовых получали бы за счет крестьян больше дохода, чем им полагалось. Поскольку теперь разрешалось и помещику требовать выкупа, то он освобождался от расходов и риска, связанных с этим делом.

^{4*} Вопрос о принадлежности хозяйств к крестьянским (у них ставка выкупа была ниже) и к категории прочих решался судьями по обстоятельствам дела, провинциальным законам или обычая.

^{5*} Прежде установленные ренты и их капитальные суммы оставались без изме-

При выкупе реальных повинностей по настоящему закону не могло быть уменьшено возмещение из-за поземельной подати, наложенной на крестьянское хозяйство; не разрешалось и перенесение податей с помещечьей земли на крестьянскую в счет выкупаемых повинностей, но до проведения выкупа за обязанным сохранялось право на возмещение податей или соответствующее уменьшение его повинностей *.

Закон от 2 марта 1850 г. по сравнению с положением от 7 июня 1821 г. в большей мере регламентировал условия выкупа повинностей. Обеспечивая в основном интересы помещика, он принимал во внимание и платежеспособность крестьянина. Выкуп становился обязательным независимо от величины хозяйства. Некоторые повинности отменялись безвозмездно, другие — оценивались ниже (барщина ниже цены вольного найма, продукты — по низшей сортности, в расчет принимался один вид лаудемии и не более трех случаев на столетие, стоимость земли при оценке понижалась на 20 %, а инвентаря — на 50 %). Возмещение землей производилось только по добровольному соглашению, рента капитализировалась из $\frac{5}{9}$ или из 5 % при выкупе через рентный банк. При выкупе повинностей крестьянину должна была оставаться $\frac{1}{3}$ чистого дохода от хозяйства, в определенных случаях ему возмещалось превышение стоимости его прав над его обязанностями.

Взамен эдикта от 14 сентября 1811 г. и закона от 8 апреля 1823 г. о регулировании отношений между помещиками и крестьянами устанавливались новые правила регулирования, которые применялись только в тех провинциях, где оно до этого проводилось. Отныне регулированию подлежали все существовавшие до введения в действие упомянутого эдикта или обнародования кабинетного распоряжения от 6 мая 1819 г. крестьянские хозяйства, которые были переданы в наследственное или временное пользование на ласситском праве или с условием отбывания повинностей в пользу помещика. Регулирование проводилось независимо от их величины и свойства (земледельческие, хозяйства огородников-молотильщиков и т. д., с мельницами, кузницами, корчмами или без них), от того, кто был собственником земли и на крестьянской или иной земле они были устроены, если после окончания владения они по закону или обычай предоставлялись другим крестьянам **. Кроме того, в Познанской провинции,

нения и могли быть по ходатайству правомочного лица выкуплены через рентный банк.

* Ренты и чинши, которые в соответствии с постановлениями о выкупе повинностей в бывшем королевстве Вестфалия, Вестфальском герцогстве и бывшем округе Нассау были уменьшены в связи с поземельной податью, могли при согласии обязанного выкупаться в определенных случаях по правилам закона, если к ним прибавлялась вычетная сумма. При других условиях их выкуп производился по ходатайству обязанного по капитализации из 4 % и посредством уплаты капитальной суммы деньгами.

** Предписания о регулировании не касались хозяйств и участков земли, переданных не на основании вотчинного отношения, а по контракту во временную аренду, а также в пользование дворовым, лесным, горным и хозяйственным

Хелминской и Михаловской землях и Торуньском округе могло быть проведено регулирование существовавших до указанного распоряжения так называемых эмфитевтических хозяйств, переданных в пользование на определенное число лет или ряду поколений (*Geschlechtsfolgen*), или сданных во временную аренду. Это происходило несмотря на то, обременялись ли они барщиной или сборами в пользу помещика или нет, если их владельцы в по-датных или других официальных реестрах, урбариях, престацион-ных табелях, передаточных актах или контрактах числились лицами крестьянского сословия или владения таких лиц по общим, провинциальным или местным названиям считались крестьян-скими. В Прусской провинции регулировались эмфитевтические хозяйства, предоставленные в пользование на определенное число лет или ряду поколений. Все такие хозяйства подлежали регулиро-ванию, невзирая на прежнее волеизъявление, срок давности или прежнее судебное решение *.

Таким образом отменялись ограничения, установленные после издания эдикта 1811 г. Теперь основанием для проведения регули-рования являлось наличие господско-крестьянского отношения и связанное с ним обязательство передачи освободившегося хозяйства другому крестьянину. Однако закон не содержал дефи-ниции этого отношения, а распоряжения о замещении освободив-шихся хозяйств после 1816 г. утратили силу. Поэтому особое значение приобретал обычай, впрочем, допускалось различное толкование закона в особенности по отношению к временными арендаторам. Закон не касался крестьянских хозяйств, которые после 1811 г. (в Познанской провинции — после 1819 г.) были упраз-днены.

Претензия лица на регулируемое хозяйство, состоявшее в его или завещателей пользовании, или на вознаграждение за его отнятие должна была быть заявлена компетентным властям в округе до 1 января 1852 г., в противном случае она не принималась. Это предписание относилось и к Великому княжеству По-знанскому, Хелминской и Михаловской землям и Торуньскому округу, за исключением случаев, для которых оставался в силе уже установленный преклюзионный срок (1 января 1849 г.). С вступле-нием закона в силу право на регулирование в случае смерти владельца хозяйства, произошедшей до его проведения, переходило по наследству таким образом, как если бы владелец уже был собственником.

служащим, прислуге, поденщикам и горным работникам, без различия, явля-лись ли они земледельческими хозяйствами или нет.

* Право приобретения хозяйства в собственность принадлежало лицу, имевшему собственное право владения этим хозяйством. Поэтому временный хозяин, арендатор или держатель такого хозяйства не мог претендовать на передачу ему в собственность хозяйства. Лицо, имевшее собственное право владения хозяйством до обнародования закона от 9 октября 1848 г., считалось законным его владельцем. При ненаследственном пользовании хозяйством право на него до издания упомянутого закона могло быть основано только на доку-менте.

Если право владения хозяйством, которое могло быть регулировано, прекратилось и не было никого, кто имел право на приобретение его в собственность, то помещик мог передать это хозяйство другому лицу и, не нарушая прерогатив третьих лиц, распорядиться им по своему усмотрению.

Регулированию подлежали земли, принадлежавшие хозяйству, повинности крестьянина и обязательства помещика по их состоянию ко времени обнародования закона от 9 октября 1848 г. Возражения против этого должны были основываться только на документах. При его проведении принимались в расчет со стороны помещика право собственности, дворовый инвентарь, выкупаемые крестьянином барщина, денежные и натуральные сборы и повинности всякого рода, а также сервитуты на крестьянской земле; со стороны крестьянина — право на пособие при несчастных случаях, обязанность помещика в случае несостоятельности крестьянина замещать его при уплате податей и общественных сборов, обязанность по возведению и ремонту крестьянских построек и предоставлению древесины, все выкупаемые сервитуты на помещичьей земле.

Без возмещения крестьянин приобретал право собственности на землю и получал дворовый инвентарь, а помещик освобождался от обязательств оказывать пособие в несчастных случаях и замещать крестьянина при уплате податей и общественных сборов. Стоимость обязательств помещика по возведению и ремонту построек и предоставлению древесины, а также сервитутов на крестьянской и помещичьей земле определялась по их средней ежегодной цене, при несогласии сторон — третейским судьей; в случае необходимости устанавливались нормальные цены этих услуг.

Годичная стоимость барщины и других повинностей крестьянина и возмещаемых обязанностей помещика определялась по правилам о выкупе повинностей. Из годичной денежной суммы всех крестьянских повинностей вычиталась годичная денежная сумма всех обязательств помещика и остаток выкупался крестьянином по предписаниям закона. Если обязательства помещика превышали повинности крестьянина, то помещик, за исключением случаев, когда предоставлялась доля с урожая или обмолота, не был обязан возмещать излишек, напротив, крестьянин должен был удовлетвориться отменой его повинностей. Установленное возмещение не должно было превышать 1/3 чистого дохода от крестьянского хозяйства, в противном случае оно соответственно уменьшалось. При этом стоимость сервитутов на помещичьей земле вычиталась из установленной ренты с учетом платежеспособности крестьянина. Возмещение при регулировании по согласию сторон могло быть проведено и иным способом, в особенности посредством уступки части земли. Не разрешалось требовать большего вознаграждения, чем нормальное. Ходатайство о низшем возмещении принималось во внимание, но без применения предписания декларации 1816 г.

При чересполосице регулируемых и помещичьих земель должна была проводиться их комасация по положению о разделе угодий общего пользования. В этом случае, однако, вопреки воле владельца регулируемого хозяйства, не могли делиться какие-либо другие угодья общего пользования. Проведение регулирования не зависело от комасации земель и не могло последней задерживаться. До окончания комасации пользование паствищем на чересполосных участках в случае необходимости определялось времененным решением.

В случае регулирования крестьянин приобретал право собственности на свое хозяйство и его принадлежности, к которым относились и находящиеся на земле деревья, а также на полезные ископаемые в соответствии с государственным и провинциальным законодательством. Открытые помещиком до обнародования закона 1850 г. на крестьянской земле минеральные залежи (рудники, каменоломни и т. д.) оставались за ним с условием вознаграждения крестьянина за пользование ими (*entzogene Benutzung*) и за ухудшение качества почвы (*die Verschlechterung der Bodenfläche*), устанавливаемого третейским судьей. Права, приобретенные ко времени обнародования упомянутого закона на наследственные куксы (*Erbkuxhe*) и совместные копи (*Mitbaugehalte*), не изменялись. Во всех прочих отношениях, не вытекающих из регулирования, сохранялось в силе горное законодательство.

За помещиком оставались используемые им постройки на крестьянской земле, например помещения для фольварковых работников. По требованию крестьянина и за его счет они могли быть перенесены на фольварковую землю. Участки земли, освободившиеся после переноса постройки, переходили к крестьянину бесплатно. С ходатайством о проведении регулирования помещик освобождался от возмещения потерь в дворовом инвентаре. Прочие взаимные обязательства сохранялись до окончания регулирования.

Требовать выкупа повинностей или регулирования имел право как помещик, так и крестьянин. При ходатайстве о выкупе подлежали отмене все реальные повинности крестьянина; если ходатайство исходило от помещика, то в местностях, где осуществлялось регулирование, с выкупом связывалось и проведение регулирования. Ходатайство о выкупе или регулировании не могло быть взято обратно. Предварительно проведенные выкуп и регулирование по постановлению от 20 декабря 1848 г. официальным путем превращались в окончательные. Эти правила распространялись на все еще не законченные дела по регулированию и выкупу.

Срок проведения регулирования и выкупа устанавливался сторонами, при их несогласии — компетентным органом. Расходы по проведению регулирования и выкупа, исключая судебные издержки, делились пополам между помещиком и крестьянином. Издержки, связанные с еще продолжающимися регулированием и судебными процессами относительно повинностей, отменяемых безвозмездно, если они не были покрыты, аннулировались.

Регуляционный или выкупной рецесс составлялся в присутствии судебного чиновника или нотариуса, служащего в Генеральной комиссии или сельскохозяйственном отделении правления административного округа или в общине. С обнародованием закона 1850 г. считались недействительными противоречащие ему предписания закона от 9 октября 1848 г.

Таким образом, законом от 2 марта 1850 г. значительно расширялся круг регулируемых хозяйств и облегчались условия регулирования (принимался в расчет чистый доход от крестьянского хозяйства, снижалась выкупная ставка и т. д.), что, однако, существенным образом не ущемляло интересов владельцев имений.

Впредь при наследственной передаче земли допускалась только передача ее в собственность *. Кроме постоянной денежной ренты, отныне хозяйство не могло обременяться повинностями, выкупаемыми по этому закону. Вновь установленную денежную ренту обязанный крестьянин имел право выкупить по капитализации ее из 5 %, если в контракте не предусматривалось иное решение. В последнем случае, однако, определялся срок, который не должен был превышать 30 лет, а рента не могла капитализироваться более чем из 4 %. Это относилось и к установленным ранее рентам. Условия контракта, противоречившие данному предписанию, считались недействительными. В будущем капитал подлежал выкупу в определенный срок, не превышающий 30 лет, при бессрочном платеже — по истечении 30 лет после обнародования настоящего закона. Относительно мельничного сбора должен был быть издан особый законодательный акт.

Поскольку действие закона распространялось и на мелкие хозяйства, существовавшие во время издания эдикта 1811 г. и декларации 1816 г., многие крестьяне, утратившие такие хозяйства, ходатайствовали об их возвращении. В связи с этим 24 мая 1853 г. последовало предписание, что закон 1850 г. имеет отношение только к делам, возбужденным до его издания, если по ним не было принято окончательного решения, и к хозяйствам, еще находящимся в пользовании крестьян. При этом прежнее решение об отказе крестьянину в регулировании или выкупе повинностей из-за величины хозяйства или по другим объективным обстоятельствам пересматривалось по закону 1850 г., по другим причинам (личность хозяина, право на землю и т. п.) — по прежним законоположениям.

Закон от 2 марта не определял окончательного срока проведения регулирования. Это обстоятельство создавало затруднения для некоторых помещиков. В конце 1855—начале 1856 г. от них поступили ходатайства об установлении такого срока. Мотивировалось это тем, что имеется еще немало хозяйств, владельцы которых могут претендовать на проведение регулирования, помещик же

* В 1856 г. было восстановлено право передачи земли в вечное владение, а с отменой ст. 42 конституции ограничивалась конституционная гарантия свободного распоряжения земельной собственностью.

до его осуществления не может свободно распорядиться своими землями. Несмотря на возражения некоторых местных властей и двух депутатов палаты представителей, указывавших, что в таком случае кое-где остались бы ласситские отношения, считавшиеся вредными для земледелия⁵, 16 марта 1857 г. был издан так называемый преклюзионный закон. Им устанавливалось, что претензии на регулирование хозяйства или вознаграждение за отнятое хозяйство, должны были быть заявлены соответствующим властям не позднее 31 декабря 1858 г. По истечении этого срока такие претензии не должны были приниматься во внимание⁶.

Постоянную денежную ренту можно было выкупить путем уплаты ее капитализированной суммы помещику или в государственную кассу*. Уплатить такую сумму сразу крестьяне за редким исключением не могли. Поэтому в целях «облегчения выкупа реальных повинностей и полной ликвидации правовых отношений между бывшими до сих пор правомочными и обязанными», как говорилось в законе об устройстве рентных банков от 2 марта 1850 г.⁷, в каждой провинции учреждался рентный банк. При его посредничестве производился выкуп ренты, если все реальные повинности, обременявшие хозяйство и подлежащие выкупу через него, были превращены в постоянную денежную ренту. Требовать выкупа ренты таким способом мог как помещик, так и крестьянин, а в случаях, если: а) уже был определен срок уплаты выкупного капитала или право требовать его уплаты или выкупа ренты принадлежало и помещику, б) правомочное лицо не отказывалось от права требовать выкупа ренты, связанный с разделом угодий общего пользования, в) размер ренты или выкупного капитала был установлен не на основании до сих пор законной ставки или специальной оценки и если во всех этих случаях обязанный не предпочитал возмещать их по условиям контракта, г) канон, чинш и другие повинности, зафиксированные в письменном контракте, капитализировались из 5 % — только помещик.

Рента, составлявшая менее 5 з. г., выкупалась сразу в полном размере. Суммы ренты менее 1 з. г. не подлежали выкупу через банк и по капитализации непосредственно уплачивались помещику. Обязанный должен был вносить в банк ежегодно 9/10 ренты (1/10 ее слагалась) в течение 56 лет и одного месяца (673 месяца)**. При уплате всей суммы ренты срок ее погашения уменьшался до 41 года и одного месяца (493 месяца)***, однако период

* В этом случае, например, выкупная сумма ежегодной ренты в 5 тал. 16 з. г. 8 пф. составляла 100 тал.

** Так, например, 9/10 ренты в 5 тал. 16 з. г. 8 пф. равнялись 5 тал. Выкупная сумма 9/10 (5 тал.) ренты по капитализации из 4,5 % составляла 111 тал. 3 з. г. 4 пф. Обязанный платил ежегодно 4,5 % этой суммы (5 тал.) в течение указанного времени в счет возмещения ее и годовых процентов. Общая сумма платежа равнялась 280 тал. 12 з. г. 6 пф.

*** В этом случае рента капитализировалась из 5 %, выкупная сумма ренты в 5 тал. 16 з. г. 8 пф. составляла 111 тал. 3 з. г. 4 пф. Ежегодно уплачивалось 5 % этой суммы на покрытие долга и процентов. Общая сумма платежа составляла 228 тал. 7 з. г. 10 пф.

амортизации таким путем не мог быть уменьшен. Если к оплате принималась и недоимка, то в этом случае вносились еще особая ежегодная рента в размере 1/20 недоимки для ее возмещения. Выкуп ренты при посредстве банка начинался с 1 апреля или с 1 октября (до этого рента должна была уплачиваться помещику). При платеже ренты в срок разрешалась ее частичная или полная амортизация путем уплаты определенной капитальной суммы. Из такой суммы прежде всего покрывались имеющиеся недоимки ренты. Поступавшая в банк рента приравнивалась к государственной подати и вносилась в сроки, установленные для ее платежа.

Банк выплачивал помещику полную сумму ренты, а в отдельных случаях и недоимки (за исключением уже произведенного обязанным платежа) в 20-кратном размере в 4 % погашенных путем тиража рентных листах, обеспечиваемых государством. Мелкие суммы уплачивались деньгами. При желании помещик мог получить вознаграждение в таком же размере в рентных листах, если обязанный вносил 18-кратную сумму ренты в государственную кассу. Из поступавшей ежегодно в банк ренты (4,5 или 5 % ее капитальной суммы) выплачивались проценты по рентным листам, остальная сумма (0,5 или 1 %) обращалась на их погашение.

С момента принятия банком ренты для ее выкупа и выдачи рентных листов полностью прекращались всякие взаимные права и обязанности между правомочным и обязанным относительно ренты и других замененных ею реальных повинностей, за исключением недоимки.

В соответствии с этим законом изменились регламент выкупной кассы для округов Падерборн, Бюрен, Варбург и Гёкстер от 8 февраля 1836 г., закон о правовых отношениях владельцев земли в графствах Виттгенштайн-Ферлебург и Виттгенштайн-Виттгенштайн от 22 декабря 1839 г., регламент выкупной кассы для округов Гейлигенштадт, Мюльхаузен и Ворбис от 9 апреля 1845 г. и положение об облегчении доминиальных повинностей в тех же округах от 14 июня 1846 г.

В результате помещик получал от государства выкупную сумму сразу в ценных бумагах, которые по номинальной стоимости могли быть использованы в разного рода сделках, крестьянин же обременялся выкупным платежом в казну в течение длительного срока.

Особым законом от 2 марта 1850 г.⁸ модифицировались положение от 7 июня 1821 г. и другие постановления о разделе угодий общего пользования. Решения по этим вопросам, приобретшие законную силу до издания упомянутого закона, не подлежали пересмотру. Сего обнародованием отменялись предписания закона от 9 октября 1848 г. о приостановке раздела угодий общего пользования и судебных процессов по этим делам. Права: 1) косить траву (*Gräserci*), срезать тростник или камыш на землях и частных водоемах всякого рода; 2) рвать траву и сорняки на возделанных полях (*zum Krautēn*); 3) сгребать все оставшееся на полях

после уборки урожая, в том числе и колосья на живые (Nachrechten); 4) пользоваться чужими полями за предоставление навоза; 5) получать плоды от отдельных участков чужих полей (zum Deputat-Beeeten); 6) собирать древесную смолу; 7) ловить рыбу в частных стоячих и проточных водах и 8) пользоваться торфом, если они основывались на каком-либо сервитуте (Dienstbarkeit), по предложению как правомочного, так и обязанного — могли быть самостоятельно выкуплены по положению от 7 июня 1821 г.* По этому же положению должен был производиться и раздел торфяных болот, состоявших в общем владении.

Если размер сервитутов косить траву, рвать сорняки или сгребать оставшееся на полях после снятия урожая всех или отдельных правомочных лиц не определялся документом, то их участие в пользовании сервитутом считалось одинаковым. В местностях, где корм для скота преимущественно обеспечивался за счет покоса травы, отдельным хозяевам предоставлялось право доказывать, что в последние десять лет до раздела угодья они соответственно поголовью скота или площади их хозяйства в большем размере пользовались этим сервитутом; обоснованная претензия принималась во внимание.

При неопределенном размере пользования камышом, тростником, пожнивьем или торфом, предназначаемыми для заготовки навоза и для отопления, размер сервитута устанавливался исходя из потребностей хозяйства и его собственных возможностей в этом отношении, а при продаже навоза и топлива — по средней цене за последние десять лет. Залежи торфа на земле правомочного лица, не открытые ко времени раздела угодья, в расчет не принимались. Также по потребностям и возможностям хозяйства определялось количество подстилки для скота и древесины, собираемых в чужом лесу и используемых для заготовки навоза и топлива. Возмещение за отменяемое право собирать смолу производилось, если стороны не договорились иначе, только посредством уплаты ренты или капитала.

При отмене права рыбной ловли по закону о спуске вод (11 ноября 1811 г.) и закону об ирригации (28 февраля 1843 г.) правомочные вознаграждались по предписаниям этих законов. Сохранялись в силе постановления регламента о рыболовстве в Познанской провинции и регламента о внутренних водах в Прусской провинции от 7 марта 1845 г. относительно возмещения ущерба рыболовству в связи с новыми сооружениями. В прочих случаях сведущими лицами определялся чистый годовой доход от рыбной ловли в частных водах. При этом принималась во внимание польза, которую имел правомочный в течение последних 10 лет до выкупа его права; стоимость такого сервитута возмещалась путем уплаты ренты или капитала, если стороны не договорились

* Новые сервитуты такого рода могли устанавливаться лишь с определенными ограничениями и только по письменному контракту. С обнародованием настоящего закона приобретение юридической давности в отношении этих сервитутов аннулировалось.

иначе. В случаях, когда владелец ходатайствовал о выкупе рыболовного сервитута, правомочное лицо могло требовать, чтобы пригодное еще для рыбной ловли снаряжение за соответствующее вознаграждение было от него принято владельцем.

Впредь при разделе угодья вместо ренты, определявшейся по изменяющейся цене ржи, устанавливалась только постоянная денежная рента. Рента, установленная после обнародования данного закона, могла быть выкуплена по предложению как правомочного, так и обязанного лица, сделанному за шесть месяцев до ее выкупа, посредством уплаты ее деньгами в 20-кратном размере. Обязанному разрешалось выплачивать капитал равными частями в четыре следующих друг за другом годовых срока, причем правомочный мог принимать только такие части платежа, которые составляли не менее 100 тал. Недоимки покрывались с уплатой 5 % годовых. Стороны могли договориться о других сроках выкупа ренты и о другой выкупной ставке, которая, однако, не должна была превышать капитализации из 4 %.

Упразднялось право владельца земли, обремененной сервитутом, определять род вознаграждения и выбирать, должно ли оно производиться по доходу от пользования сервитутом или по выгоде, которую получает владелец от отмены сервитута, если о разделе угодья ходатайствовало правомочное лицо. При выкупе лесных сервитутов по предложению владельца леса за последним сохранялось право выбора вознаграждения; в этом случае, однако, стоимость возмещения не должна была превышать дохода от пользования сервитутом. За отмену лесных сервитутов (прав пасти скот, пользоваться древесиной, собирать подстилку, косить траву и вереск под дубами и на островках), если стороны не договорились иначе, возмещение могло быть произведено посредством уступки земли, пригодной для использования в качестве пахотной и луговой. При этом учитывались расходы, необходимые для возделывания земли. Находящиеся на ней деревья оставались за владельцем леса, последний обязан был в течение не более трех лет их вырубить, а до передачи земли уплачивать соответствующую ренту. Право пользования древесиной и сбора подстилки разрешалось возмещать уступкой лесного участка, пригодного лишь для посадки деревьев, с учетом находящегося на нем древостоя, если последний предназначался для длительного пользования. В этом случае площадь участка со строевым лесом, предоставленного как возмещение, должна была составлять по меньшей мере 30 м. В прочих случаях такие сервитуты возмещались уплатой капитала или ренты.

Предписания положения от 7 июня 1821 г. о том, что при ходатайстве владельца леса об отмене права пользования древесиной возмещение должно производиться землей и о возмещении пастбищного сервитута землей с обязательством упорядочения пастбища, аннулировались; постановления же о лесных пастбищах применялись и к сервитутам, обеспечивающим право косить траву в лесах.

Сохранились в силе постановления от 28 июля 1838 г. и 9 октября 1848 г. об ограничении права ходатайства о разделе угодий общего пользования в провинциях Вестфалия и Познань, в Хельминской и Михаловской землях и окрестностях Торуни (Западная Пруссия), а также в округах Дуйсбург и Реец Рейнской провинции.

Если несколько лиц сообща пользовались сервитутом, то их большинство могло требовать решения дела третейским способом. При несогласии другой стороны местная власть определяла способ отмены сервитута. При выкупе односторонних лесных сервитутов расходы по измерению и оценке леса покрывались всеми участниками по мере их пользования; остальные расходы возмещались участниками в соответствии с выгодой, которую они получали при отмене сервитута. В прочих случаях расходы распределялись в соответствии с выгодами от ликвидации сервитута или стоимостью права пользования. Предписания закона 1850 г. были ориентированы на скорейшую ликвидацию сервитутов, обременявших помещичьи земли, но часто весьма необходимых для ведения крестьянского хозяйства. Постановлением от 2 апреля 1872 г. действие положения 1821 г. распространялось и на комасацию (*Zusammenlegung*) земельных участков, которые не находились в общем пользовании⁹.

§ 2. Реализация законов 1850 г.

Итоговые данные об аграрной реформе

Крестьяне, ожидая с нетерпением нового закона и рассчитывая, что с его изданием освободятся от повинностей в пользу помещиков, часто отказывались возмещать недоимки и нести феодальное бремя. «В повестке дня, — сообщала газета «Шлезише цайтунг» от 16 февраля 1850 г. о положении в округе Глац (Клодзко), — отказы от уплаты недоимки ренты и чинша, связанные с этим жалобы и процессы... Некоторые крестьяне платят, другие сопротивляются в ожидании нового закона. Утешаются надеждой, что будут освобождены не только от уплаты двухлетних недоимок, но также от всех будущих барщинных повинностей и обязательств». В течение двух лет крестьяне не платили и десятину духовенству. По жалобам духовенства власти подвергали их наказаниям¹.

При таких представлениях крестьяне были разочарованы и недовольны новым законом. Вместе с тем коморники и им подобные, как отмечалось в объявлении Генеральной комиссии в Познанской провинции от 12 января 1851 г., ошибочно толкую закон, требовали регулирования хозяйств и противились выполнению своих обязанностей².

С такими же требованиями выступали и так называемые бушпехтеры, проживавшие главным образом в восточных округах Померании. Они пользовались на правах временной аренды хозяйствами, устроенными в отдаленных частях имений, на вырубленных лесных и вересковых участках, пригодных в большей мере

для скотоводства, чем для земледелия. С окончанием срока аренды такие земли передавались во временную аренду прежним хозяевам или другим лицам. В контрактах наряду с чиншем фиксировались определенные работы и некоторые сборы в пользу помещика. Государственной подати бушпехтеры не платили. Померанские помещики, опасаясь, что и поденщики могли потребовать регулирования их земельных участков, ходатайствовали об исключении бушпехтеров из-под действия закона.

Несмотря на заключение Ревизионной коллегии и министерства внутренних дел о том, что предписание закона о временных арендаторах не вызывает сомнения, по настоянию помещиков и короля, высказывавшихся и прежде за ограничение круга регулируемых хозяйств, в конце 1852 г. был подготовлен проект декларации. В ней предусматривалось применение закона в провинциях, входивших в состав прусского государства до издания эдикта 1811 г., только к таким хозяйствам с ненаследственным правом пользования, владельцы которых уплачивали государственные подати. Этот проект встретил возражение со стороны Ревизионной коллегии и некоторых провинциальных властей. Ревизионная коллегия, отмечая, что противоречивые решения при регулировании хозяйств были единичными, считала ненужным издание особого постановления. Что же касается декларации, то она находила ее несправедливой, поскольку ею нарушалось бы единство законодательства для всей страны, вновь вводились бы различия между наследственным и ненаследственным хозяйством и устанавливался бы новый, податной критерий регулируемого хозяйства. Это задержало бы и ограничило проведение регулирования. В отзыве правления Гданьского (Данцигского) административного округа говорилось, что введение податного критерия, по-видимому, вопреки намерениям правительства, привело бы к изъятию из-под действия закона некоторых хозяйств. При этом сообщалось, что в округах Вейгерово (Нойштадт), Картузы (Картхаус) и Костежины (Берент) имеется значительное число рустикальных хозяйств с ненаследственным правом пользования (бюднеров, халупников и т. д.), которые по податному кадастру облагались не крестьянской податью в размере 33 $\frac{1}{3}$ % дохода, а особым платежом (*Schutzgeld*) в 25 % дохода от хозяйства, прибавлявшимся к помещичьей подати (контрибуции) и непосредственно не уплачивавшимся казне. Интересы земледелия, по мнению правления, очевидно, требовали регулирования таких хозяйств, и поэтому следовало бы сделать соответствующую оговорку в декларации.

Решительно высказалось против проектируемой декларации правление Франкфуртского (на Одере) административного округа. Оно считало необоснованным применение податного критерия, определявшего отношение крестьянина к государству, при регулировании, касавшемся только отношений между крестьянином и помещиком. Указывалось, что в податных актах, в которых после 1718 г. делались лишь незначительные изменения, сведения о пода-

тых мелких крестьянских хозяйств (бюднеров, халупников и т. п.) встречаются очень редко, причем весьма неполные (сообщается только число хозяйств и гуф, с которых должна была взиматься подать). Это обусловливалось тем, что созданные после 1718 г. мелкие хозяйства на фольварковой земле, свободной от уплаты податей, не облагались налогом, а за хозяйства на крестьянской земле, включенной в кадастр и присоединенной к фольварку, подать вносил помещик. При этом, однако, новый хозяин-лассит обычно уплачивал соответствующую подать помещику или возмещал ее иным способом. Государство не имело никакого отношения к созданию и существованию таких хозяйств, и поэтому условие платежа подать казне при регулировании не могло приниматься во внимание. В противном случае большая часть хозяев с ненаследственным правом пользования лишилась бы «благодения» регулирования.

Генеральная комиссия в Бреславле (Вроцлаве) полагала, что в Силезии при произвольно и разным способом устанавливаемых поземельных отношениях такая декларация, исключая из-под действия закона большую часть несомненно ласситских хозяйств, вызвала бы новые замешательства и новые судебные процессы и снова далеко отодвинула бы дело полной ликвидации «неясных ласситских отношений».

Вследствие этих и других отзывов был составлен новый проект декларации, которая относилась к округам Штеттин (Щецин), Кёслин (Кошалин) и Гданьск, и не только к бушпехтерам, но и другим мелким хозяевам. При обсуждении его во второй палате некоторые депутаты предлагали, чтобы помещик в случае превышения крестьянских повинностей над его обязательствами компенсировал разницу. Но это не было принято. По декларации от 24 мая 1853 г. в упомянутых округах подлежали регулированию хозяева с ненаследственным правом пользования, которые после обнародования эдикта 1811 г. самостоятельно вносили подать в казну. Такой податью в Гданьском округе считался и особый кадастровый сбор (*Schutzgeld*)³.

Регулирование крестьянских хозяйств, выкуп повинностей и раздел угодий общего пользования проводились с учетом предписаний законов 1850 г. таким же способом, каким применялся в предшествующий период. При противоположных интересах крестьянина и помещика эти дела обычно сопровождались спорами и тяжбами, которые в большинстве случаев при поддержке властей заканчивались в пользу владельца имения. Некоторые представления о выкупе повинностей дают следующие примеры.

По предложению владельца имения Гошюц (Гощ) между ним и крестьянами д. Шарлоттеналь (Грабовница) округа Гросс Вартенберг (Сыцув) 30 марта 1855 г. было заключено соглашение о выкупе лежащих на них повинностей в пользу помещика. Крестьяне обязаны были ежегодно в определенном размере платить поземельный чинш, сборы взамен сторожевой повинности и данины яйцами и курами, ренту за отмененную барщину, изготов-

лять пряжу или вносить взамен этого особую плату и при каждой смене владельца платить в качестве лаудемии 10 % покупной цены хозяйства. Кроме того, 4 чиншевых хозяина и кузнец, имевший халупничье хозяйство, должны были в случае разведения гусей давать помещику ежегодно одного гуся. Кузнец был обязан и в случае содержания рабочего скота в фольварке выполнять кузнечные работы за ранее установленную денежную плату, вознаграждение зерном и предоставление участка земли под овощи, но это не производилось уже в течение 20 лет.

Эти повинности, как и обязательство помещика в отношении кузнеца, за исключением отменяемых бесплатно, считались выкупаемыми и упразднялись навсегда. Взамен их крестьяне, в зависимости от размеров надела, должны были платить денежную ренту от 4 тал. 21 з. г. до 13 тал. 5 з. г. 6 пф. (один из хозяев платил 8 з. г.). Поскольку предусматривался выкуп через рентный банк, то с принятием банком уплаты рента уменьшалась на 1/10 и составляла от 4 тал. 6 з. г. 10,8 пф. до 11 тал. 25 з. г. 11,4 пф. Сумма в пфеннигах округлялась (от 1 з. г. до 1 з. г. 2/3 пф.) и в 18-кратном размере уплачивалась непосредственно помещику. Остальная сумма ренты (9/10) от 4 тал. 6 з. г. до 11 тал. 25 з. г.) по капитализации из 4,5 % (от 93 тал. 10 з. г. до 262 тал. 28 з. г. 10²/3 пф.) вносилась крестьянами по частям в течение 56 лет и одного месяца в рентный банк, который выдавал помещику на указанную сумму погашаемые рентные листы или мог ее выплатить деньгами.

С 23 апреля 1855 г. (дня исполнения выкупной сделки) прекращались выкупаемые повинности крестьян и они должны были платить помещику ренту в четыре квартальных срока равными частями. Платеж лаудемии прекращался со дня подачи заявления о выкупе (1 октября 1852 г.), и крестьяне были обязаны возместить эту повинность за период с 1 октября 1852 г. до 1 апреля 1855 г. в размере от 1 тал. 21 з. г. 3 пф. до 3 тал. 25 з. г. 4 пф. (хозяин, плативший 8 з. г. ренты, не был обязан выполнять такую повинность). Расходы по составлению выкупного акта делились пополам между помещиком и крестьянами⁴.

При регулировании хозяйств в деревнях Кокожин и Годзишево Костянского округа (Познанская провинция), проведенном в августе 1840 г., была установлена денежная рента с отдельных хозяйств в таком размере: величина хозяйства 10 м. 151 пр., 42 м. 114 пр., 38 м. 49 пр., 79 м. 152 пр., 72 м. 154 пр.; сумма ренты соответственно: 3 тал. 9 з. г., 9 тал. 10 з. г., 9 тал. 6 з. г., 17 тал. 20 з. г., 18 тал. 20 з. г. и т. д. В июне 1856 г. крестьяне этих деревень выступили с ходатайством о выкупе ренты через рентный банк. Выкупная сделка была совершена в сентябре 1856 г. и утверждена в феврале 1857 г. Указанные суммы ренты уменьшались на 1/10 и оставшиеся части: 2 тал. 23 з. г., 8 тал. 8 з. г., 8 тал. 12 з. г., 15 тал. 27 з. г., 16 тал. 24 з. г. капитализировались из 4,5 %, что составляло соответственно 61 тал. 14 з. г., 183 тал. 21 з. г., 186 тал. 20 з. г., 353 тал. 10 з. г., 373 тал. 10 з. г.⁵

По регуляционному рецессу крестьяне д. Дарново того же округа были обязаны платить денежную ренту в сумме от 5 тал. 3 з. г. (хозяйства халупников — 2 м. 26 пр.) до 16 тал. 11 з. г. (хозяйство с дополнительным участком земли). В 1855 г. они заключили сделку о выкупе ренты через рентный банк. С 1882 г. они же начали выкупать повинности в пользу приходского костела в Вышкове, которые в денежном выражении составляли с одного хозяйства: 1 марку 13 пф., 1 марку 47 пф., 3 марки 85 пф., 4 марки 49 пф. и т. д. В целях округления суммы пфенниги 3, 7, 5, 9 капитализировались из 4,5 % (т. е. умножались на $22\frac{2}{9}$) и в виде капитала в размере $66\frac{6}{9}$ пф., 1 марки $55\frac{5}{9}$ пф., 1 марки $11\frac{1}{9}$ пф. и 2 марок уплачивались непосредственно приходу. Остальная сумма (1 марка 10 пф., 1 марка 40 пф., 3 марки 80 пф., 4 марки 90 пф.) по капитализации из 4,5 % (24 марки $44\frac{4}{9}$ пф., 31 марка $11\frac{1}{9}$ пф., 84 марки $44\frac{4}{9}$ пф., 108 марок $88\frac{8}{9}$ пф.) выкупалась через рентный банк⁶.

О результатах регулирования крестьянских хозяйств, выкупе повинностей и разделе угодий общего пользования с 1850 по 1865 г. можно судить по данным таблиц 1, 2.

На 1850—1865 гг. (табл. 1) приходилось в восточных провинциях около 15 %, в Познанской провинции — 4 %, Бранденбурге — 7 %, Западной Пруссии — 18 %, Силезии — 57 % всех регулированных хозяйств до конца 1865 г., когда в основном было закончено регулирование. Из этого следует, что, хотя законом 1850 г. значительно расширялся круг регулируемых хозяйств, к этому времени, за исключением Силезии, их осталось очень мало. Издание этого закона запоздало на целые десятилетия, в течение которых многие мелкие хозяйства, подхватившие под его действие, исчезли (были включены в фольварки или преобразованы во временно-арендные). Кроме того, предписания закона исключали возможность регулирования других мелких хозяйств. Лишь в Силезии их было регулировано значительное число, но они составляли сравнительно небольшую часть находившихся здесь крестьянских хозяйств. В среднем площадь регулированного хозяйства в эти годы составляла 27, а в отдельных провинциях от 12 (Силезия) до 88 м. (Померания). По сравнению с данными на 1849 г. количество выкупных сделок возросло в Бранденбурге в 2,1 раза; в Восточной Пруссии — в 3,6; Силезии — в 3,7; Померании — в 3,8, в Западной Пруссии и провинции Познань — в 4,8; в округе Генеральной комиссии в Мерзебурге — в 2,5 раза.

Определить результаты регулирования хозяйств и выкупа повинностей в отдельности не представляется возможным, так как данные о них объединены. При регулировании хозяйств и выкупе повинностей по оценке, приведенной А. Мейценом (1 м. пахотной земли — 20 тал., морген леса — 10 тал., 1 шеф. ржи — 1 тал.⁷, принимая в среднем цену моргена земли — 15 тал.), по капитализации ренты из 5 % помещики получили возмещение: землей 1 602 930 тал. (1,6 %), денежной рентой 77 467 840 тал. (75,5 %), рентой зерном 1 310 460 тал. (1,3 %) и капиталом 19 481 059 тал.

Таблица 1. Регулирование крестьянских хозяйств и выкуп земельностей с 1850 по 1865 г.*

Округ Генеральной комиссии, административный округ	Число регулированных собственников	Площадь их земельных участков, м.	Число обя-занных, вы-купавших барщину и сборы	При регулировании и выкупе земельностей установлено барщинных дней				установлено вознаграждение помещикам			
				упряжных	пеших	земля, м.	денежная рента, тал.	зерьом, шеф.	капи-тал., тал.	зерьом, тал.	шеф.
Комиссия в Берлине	175	7268	28 982	18 392	63 609	4413	217 839	16 471	837 824		
» в Бреслауе (Броплаве)	7745	99077	371 484	170 392	5 509 423	27 572	1 264 864	1 346	1 999 055		
» в Мерзебурге	—	—	238 105	14 252	113 385	2839	495 565	20 867	4 164 320		
» в Мюнстере	—	—	78 015	38 383	82 835	511	174 943	1645	6 910 099		
» в Познани	1299	61 989	73 705	53 029	153 853	7142	614 647	35 42	129 722		
» в Старгарде	341	30 277	51 012	13 894	33 879	52 463	398 911	16 092	976 726		
Франкфурт	1074	41 878	53 608	36 646	307 637	1 398	282 652	4210	1 010 777		
Гданьск (Данциг)	723	57 707	7770	6358	28 119	3478	109 169	313	56 668		
Мариненвердер (Квидзин)	925	30 895	18 165	2631	8969	1375	148 625	96	139 688		
Кенингберг	191	11 092	8411	1522	1246	5611	99 498	902	440 190		
Гумбиннен	—	—	6534	—	228	60	29 600	—	66 551		
Кобленц	—	—	46 433	—	—	—	37 079	39	142 980		
Энгмарнгейн	—	—	23 683	—	—	—	—	—	2 606 459		
Всего	12 473	340 183	1 005 907	355 499	6 303 183	106 862	3 873 392	65 523	1 948 1059		

* Таблица составлена путем исключения из табл. 3 (гл. VII) данных табл. 6 (гл. VI). Округ Генеральной комиссии в Берлине охватывал Курмарк, Бранденбург, Бреславль — Силезию, в Мерзебурге — администрации округа Мерзебург, Эффурт и Магдебург, в Мюнстере — провинцию Вестфалию, в Познани — Познанскую провинцию, в Старгарде — провинцию Померанию.

Таблица 2. Раздел угодий общего пользования в 1850—1865 гг.*

Округ Генеральной комиссии, административный округ	При регулировании и разделе угодий общего пользования сепарированы и освобождены от лесных и пастищных сервитутов		
	число владельцев	площадь их земли, м.	измерено, м.
Комиссия в Берлине	21 041	1 073 731	252 561
» в Бреславле	96 863	1 711 788	785 423
» в Мерзебурге	217 996	3 043 973	2 470 075
» в Мюнстере	63 420	1 158 149	—
» в Познани	30 252	2 886 311	423 991
» в Старгарде	45 045	1 623 118	449 347
Франкфурт	37 081	964 044	263 776
Гданьск	3709	253 007	132 561
Гумбиннен	16 192	842 222	525 701
Кенигсберг	22 056	1 418 882	951 101
Мариенвердер	13 114	525 355	107 146
Кельн	3330	12 136	—
Кобленц	3097	44 712	—
Аахен	9729	23 872	—
Трир	6127	71 077	—
Зигмаринген	145	4996	—
Всего	589 197	15 657 373	6 361 682

* Эти данные получены путем исключения из табл. 3 (гл. VII) данных табл. 6 (гл. VI). Показатели по округу Дюссельдорф ниже данных 1849 г.

(21,6 %), всего 99 862 289 тал. В среднем на одно регулируемое и выкупаемое хозяйство приходилось 98 тал., но, разумеется, при регулировании и в отдельных случаях выкупа эти платежи были намного больше.

По расчетам К. Бразе, в Восточной Пруссии после проведения реформы на каждые 100 га полезной площади земли приходилось платежей: у бывших барщинных крестьян в доменах — 146,9 тал., у бывших гохцинзеров — 86,5 тал., кельмеров — 45,3 тал., у бывших помещичьих крестьян — 17,4 или 44,6 тал. (включая инвентарный чинш) после уступки половины или одной трети своей земли; без уступки земли — 108,9 или 124,4 тал. (включая инвентарный чинш). Платежи бывших барщинных крестьян превышали повинности, отбывавшиеся ими в XVIII в., а в доменах были выше, чем в помещичьих владениях. При этом большинство крестьян до середины XIX в. не могло компенсировать возросшие платежи за счет рационализации хозяйства⁸.

В д. Гассслебен (поместье Бойценбург, Бранденбург) крестьянин, располагавший 64 га земли, ежегодно платил 57 тал. ренты (с 1818 до 1851 г. уплатил 1850 тал.), а затем должен был внести в рентный банк 1320 тал., всего его платежи составили 3170 тал.⁹

По сравнению с периодом до 1850 г. число хозяев, сепарировавших свои земли, увеличилось на 58%, а площадь таких земель — на 35% (табл. 2).

Таблица 3. Регулирование крестьянских хозяйств и выкупная операція, проведенные генеральными комиссиями и правлением администрации округов с начала реформ до конца 1865 г.

Округ Генеральной комиссии, административный округ	Число регулированных собственников	Площадь их земельных участков, м. ²	Число обезъянных, выкупавших барщину и сборы	При регулировании и выкупе повинностей			
				отменено барщинных дней		установлено вознаграждение поименем	
				упреждных	пеших	земля, м. ²	денежная рента зерном, тал. шеф.
Комиссия в Берлине	7651	767 312	47 552	486 876	638 171	217 314	356 255
> в Бреславле	13 405	305 384	470 044	1 597 774	13 398 047	148 565	1 611 618
> в Мерзебурге	3	222	333 976	210 335	370 253	17 342	634 413
> в Министере	—	—	96 819	72 118	142 916	1734	244 082
> в Познани	26 471	1 457 818	88 918	2 044 694	4 507 799	215 852	1 108 372
> в Старгарде	11 056	1 238 570	64 336	831 924	1 499 035	643 457	540 291
Франкфурт	9272	513 546	75 010	713 656	2 374 799	194 443	411 240
Гданьск	1 389	115 453	9206	10 835	33 445	22 888	122 035
Гумбиннен	1091	66 181	7305	37 678	43 722	31 769	32 401
Кенигсберг	5375	470 580	11 759	171 384	231 993	130 796	159 476
Маркенвердер	7575	576 066	22 135	167 295	300 151	21 961	226 985
Кобленц	—	—	53 249	—	—	—	42 960
Энгмаринген	—	—	23 683	—	—	—	671
Всего	83 288	5 511 132	1 303 992	6 344 569	23 540 331	1 646 121	5 490 128
• Meitzen A. Der Boden und wirtschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staaten. Bd. I. S. 434—435. ZSA. Hist. Abt. II Mergesburg. Rep. 87. B. N 6594. Bl. 380—385 (Силезия).							315 591
Примечания А. Мейцена к этим сведениям: они включают результаты и деятельность бывшей Генеральной комиссии в Стендале. Генеральной комиссии в Мерзебурге, кроме того, на основании государственного договора были проведены выкупные операции в совместстве Шварцбург-Рудольштадт, причем 2246 хозяйств за освобождение от барщины и сборов обязаны были уплатить 48 633 тал. капитала, 209 тал. денежной ренты и уступить 2 м земли. К 1 октября 1861 г. 3 620 735 тал. денежной ренты уплачивались через рентные банки. При сопоставлении с данными до 1850 г. оказывается, что здесь не учитываются упраздненные в административном округе Доссельдорф 56 упражных и 59 пеших дней барщины.						38 242 249	

До конца 1865 г. всего было регулировано 83 288 крестьянских хозяйств; общая площадь их земель составила 5 511 132 м. земли (табл. 3). При этом в среднем на хозяйство приходилось 66 м., в Силезии — 22, Познанской провинции — 55, Бранденбурге — 75, Западной Пруссии — 77, Восточной Пруссии — 83 и в Померании — 112 м. земли.

Регулирование крестьянских хозяйств было закончено в административных округах: Потсдам — в 1859 г., Кёслин — в 1860 г., Штеттин — в 1864 г., Бреславль — в 1865 г. В последующие годы было регулировано всего 698 хозяйств, в том числе в Силезии 130 (последнее хозяйство — в 1869 г.), Восточной Пруссии — 246 (регулирование завершено в 1875 г.), Бранденбурге — 102 (закончено в 1877 г.), Познанской провинции — 191 (последние 50 хозяйств — в 1878 г.), Западной Пруссии — 28 (последние 20 хозяйств — в 1891 г.), в Померании — 1 (регулировано в 1897 г.)¹⁰.

Нет сведений о том, были ли регулированы все хозяйства, подпадавшие под соответствующие законы. По-видимому, могли быть случаи, когда помещик, не заинтересованный в регулировании хозяйства, не делал предложения об этом в установленный срок. Крестьянин же, не будучи в состоянии доказать свое право или опасаясь, что с проведением регулирования лишится поземельных сервитутов, не заявлял своей претензии. Поэтому некоторые крестьянские хозяйства остались в прежнем положении. В последующем они сдавались в аренду или присоединялись к фольварку.

До конца 1865 г. были сепарированы земли 1 600 310 хозяев общей площадью около 60 млн м. (табл. 4).

Выкуп феодальных повинностей продолжался и после 1865 г. Законом от 27 апреля 1872 г. действие закона от 2 марта 1850 г. распространялось на выкуп повинностей, следовавших церквам, приходам, кистерам, духовным учреждениям, церковным служащим, общественным школам и учителям, учебным, воспитательным и благотворительным учреждениям, а также на выкуп установленных для них фондов. Предусмотренное законом 1850 г. понижение цены на продуктовые сборы на 5 % вследствие их низшего качества здесь не применялось. Стоимость сборов определялась по средней цене за последние 24 года, исключая 2 года с высшей и 2 года с низшей ценой. Если выкуп ренты производился по ходатайству обязанного лица, то она возмещалась в 25-кратном, а при ходатайстве правомочного — в $22\frac{2}{9}$ -кратном размере. Капитал мог быть выкуплен путем уплаты его равными частями в четыре следующих друг за другом годичных срока, но долями не менее чем в 100 тал. При выкупе повинностей через рентный банк обязанный должен был вносить в банк ежегодно 4,5 % их капитальной суммы в течение 56 лет и одного месяца. Банк осуществлял, за некоторым исключением, выкупную операцию, если о выкупе ренты было заявлено до 31 декабря 1877 г.¹¹

Таблица 4. Раздел угодий общего пользования с начала земельной реформы до конца 1866 г.*

Округ Генеральной комиссии, административный округ	При регулировании и разделе угодий общего пользования сепарированы и освобождены от лесных и паствищных сервитутов		
	число владельцев	площадь их земли, м.	измерено, м.
Комиссия в Берлине	119 156	4 664 929	4 899 705
» в Бреславле	208 697	7 281 829	7 411 301
» в Мерзебурге	589 154	8 507 408	8 906 900
» в Мюнстере	151 607	2 574 474	—
» в Познани	98 271	10 042 331	8 485 255
» в Старгарде	90 209	7 147 280	6 836 579
Франкфурт	130 176	5 137 572	5 174 886
Гданьск	12 257	1 250 567	1 217 049
Гумбиннен	56 938	3 290 213	3 756 572
Кенигсберг	68 333	5 498 535	5 443 271
Мариенвердер	52 316	4 270 475	4 454 214
Кельн	3330	12 136	—
Дюссельдорф	969	5071	—
Кобленц	3097	44 712	—
Аахен	9729	23 872	—
Трир	6127	71 077	—
Зигмаринген	145	4996	—
Всего	1 600 310	59 827 477	56 585 732

* Meilzen A. Der Boden... Bd. I. S. 434—435; ZSA. Hist. Abt. II. Merseburg. Rep. 87 B. Bl. 380—385 (Силезия).

При мечания А. Мейцена: эти сведения включают и результаты деятельности бывшей Генеральной комиссии в Стендале. Генеральная комиссия в Мерзебурге по государственному договору в княжестве Шварцбург-Рудольштадт провела сепарацию земель 7845 хозяев общей площадью 87 146 м. (этни земли были освобождены от сервитутов), а в княжестве Шварцбург-Зондерхайузен земли 13 210 хозяев общей площадью 156 296 м. кю были частично сепарированы и освобождены от сервитутов.

По закону от 15 февраля 1872 г. реальные повинности в административном округе Висбаден и бывшем герцогстве Гессен при выкупе капитализировались из 5 %¹².

О ходе выкупной операции в 1866—1898 гг. дает представление табл. 5.

На 1866—1898 гг. приходилось около 48 % всех выкупных сделок, заключенных с 1821 по 1898 г. При этом выкупные платежи составляли 40 % капитальной суммы, 35,9 % денежной ренты, 24 % ренты зерном и 0,1 % возмещения землей, установленных при регулировании хозяйств и выкупе повинностей с 1811 по 1898 г.

В Силезии в 1901—1907 гг. были заключены 9594 выкупные сделки, причем платежи крестьян составляли 279 944 марки капитала и 18 917 марок денежной ренты (в среднем на сделку по капитализации ренты из 5 % приходилось 68 марок)¹³.

С начала реформы до конца 1898 г. без рейнских провинций и владений Гогенцоллернов при регулировании 83 860 хозяйств

Таблица 5. Выкуп феодальных поместий с 1866 по 1898 г.*

Административный округ	Число выкупавшихся хозяев	Упразднено барщинных дней		Выкупные платежи				
		упряжных	пеших	капитал, марки	денежная рента, марки	рента зерном, шеф.	земля, га	
Кенигсберг	72 593	1000	1396	1 752 776	630 111	8902	—	
Гумбиннен	82 528	461	1797	1 077 721	436 613	3744	86	
Гданьск	25 791	—	554	497 649	241 003	585	1055	
Мариенвердер	44 894	106	144	2 624 899	252 936	190	3	
Потсдам	92 462	174	1272	11 881 803	1 173 177	27 407	483	
Франкфурт	85 809	554	2057	9 569 716	585 120	14 083	15	
Штеттин Кеслин Штадльзунд	18 401	—1852	—2891	15 876 789	520 253	21 497	1666	
Познань Быдгощ	92 379	900	7060	6 440 829	717 316	3886	1169	
Бреславль Оппельн Лигниц	322 130	2044	25 559	5 220 415	1 317 129	6125	156	
Мерзебург Магдебург	262 328	1302	2319	10 846 180	2 786 194	14 353	65	
Эрфурт Мюнстер Минден	74 723	3581	15 343	7 102 851	382 700	—402	—32	
Арнсберг Дюссельдорф	9988	242	597	2 386 665	55 233	1156	1	
Кельн	12 615	—	—	1 136 290	14 307	632	36	
Всего	1 196 571	10 364 —1852	58 098 —2891	76 414 583	9 112 062 —402	102 560 —402	4735 —32	

* Составлена путем исключения данных табл. 3 из сведений на конец 1898 г., содержащихся в работе: Meilzen A. Der Boden... Bd. 6. B., 1901. S. 434—449, 452—459, 462—475, 492—493, 496. Включены сведения о регулировании 698 хозяйств, которые по его условиям мало отличались от выкупных сделок.

и 2 450 844 выкупных сделках возмещение помещикам составило: капитал — 178 313 650 марок, денежная рента — 25 383 443 марки, рента зерном — 415 290 шеф. и земля — 425 051 га¹⁴. При средней цене 1 шеф. зерна 3 марки и 1 га земли 180 марок и по капитализации ренты из 5^{5/9}% возмещение составляло 734 152 464 марки.

Помимо уступки земли и уплаты части капитальной суммы выкупных платежей крестьяне остальную часть выкупа вносили в рентные банки. В 1852—1898 гг. рентные банки приняли к оплате денежные ренты и предоставили помещикам выкупной капитал в таких размерах (табл. 6).

Таблица б. Выкупная операция в 1852—1898 гг. (до октября 1874 г. в тал., затем в марках) *

Год, месяц	Принято к оплате ренты	Выдано выкупного капитала
До 1 октября 1852 г.	1 319 482	29 100 795
» 1861	3 690 788	81 791 207
» 1865	3 744 662	82 971 365
» 1867	3 679 340	81 095 399
» 1868	3 850 343	85 316 013
» 1869	3 894 389	86 289 099
» 1874	4 302 313	95 330 690
До 1 апреля 1886	21 678 607	480 180 250
До 1 октября 1898	22 718 781	501 861 630

* Sternkiker E. Bäuerliche Ablösungelder, ihre Empfängerunggruppen und Verwaltungsarten in Preussen nach 1850 // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte 1986 / 3. S. 89.

Однако и на этом выкуп феодальных повинностей не закончился. Г. Гарниш отмечает, что выкупные платежи частично вносились крестьянами почти до первой мировой войны ¹⁵. По данным Ф. К. Шредера, в октябре 1922 г. были еще обременены выкупными платежами 620 тыс. земельных участков (Grundstücke), а к 1927 г. их число сократилось на 520 тыс. Поскольку к 1 января 1932 г. прекращалось обязательное погашение ренты в сумме до 25 золотых марок, то он полагает, что большинство старых рент к этому времени было погашено. В связи с этим Э. Штернкикер считает, что выкуп феодальных повинностей на территории Пруссии в общем и целом был завершен в 1932 г.¹⁶

Сепарация и комасация земель на Мазурах приобрела большие размеры в 60-х годах и за некоторым исключением была закончена к 1870 г. В последующие годы имели место отдельные случаи раздела угодий общего пользования. В некоторых местах сохранилось общее пользование землей ¹⁷.

С 1866 по 1890 г. в провинциях Пруссии 265 299 хозяйствами было сепарировано и освобождено от сервитутов 6 720 136 м. (1 680 034 га) земли ¹⁸.

В литературе предпринимались попытки определить соотношение между хозяйствами, подлежащими регулированию и позднее регулированными. При этом сопоставлялись данные 1816 г., которые за некоторым исключением не вызывают доверия ¹⁹, и сведения о регулировании. При сравнении данных 1816 г. (табл. 5, гл. I) и 1865 г. (табл. 3, гл. VII) оказалось бы, что из числившихся в 1816 г. 73 451 хозяйства с худшими поземельными правами (в том числе мелких и временно-арендных, не подлежащих регулированию и частично упраздненных до 1850 г.) было регулировано 83 988 хозяйств.

Только в Западной Пруссии число регулированных гораздо меньше числа хозяйств по состоянию на 1816 г.

При проведении аграрной реформы значительно сократилось крестьянское и увеличилось помещичье землевладение. В Восточной Пруссии до 1867 г. было упразднено 8 тыс. крестьянских хозяйств общевой площадью 898 тыс. м. земли (в том числе в частных имениях 2400 хозяйств с 253 тыс. м. земли; из них 164 тыс. м. помещики получили в качестве возмещения). Кроме того, помещики приобрели 5600 крестьянских хозяйств (481 тыс. м.) за предоставление бывшим владельцам пожизненного содержания. При парцеляции доменов они купили 300 тыс. м., и в целом помещичье землевладение увеличилось на 1 млн 200 тыс. м. земли²⁰. В 1855 г. помещикам, составлявшим 4 % всего населения, принадлежало 47 % всей земли²¹.

В Западной Пруссии исчезло 1079 крестьянских хозяйств (с 115 959 м. земли), помимо возмещения землей помещики до 1859 г. скупили 1009 крестьянских хозяйств (общевой площадью 102 350 м. земли)²², в Познанской провинции в 1855—1860 гг. 478 хозяйств²³. По сообщению обер-президента провинции Бранденбург, крестьяне провинции с 1816 по 1859 г. утратили 386 726 га, или 26,7 %, своей земли. В руках юнкеров в 1878 г. находилось 40 % всех земель провинции²⁴.

В связи с регулированием хозяйств, выкупом повинностей, продажей и покупкой земли и дроблением хозяйств происходило перераспределение крестьянской земли и социальная дифференциация крестьянства. О крестьянском землевладении в 1858 г. дает представление табл. 7.

Таблица 7. Крестьянские хозяйства в восточных провинциях в 1858 г.*

Административный округ	Хозяйства						Всего хозяйств		
	до 5 м.		5—30 м.		30—300 м.				
	число	%	число	%	число	%			
Кенигсберг	11 744	23	10 995	22	27 184	53	1487	2	51 410
Гумбиннен	13 171	23	16 519	28	28 000	49	843	1	58 533
Гданьск	7657	33	5205	23	9546	42	548	2	22 956
Мариенвердер	16 640	34	11 862	25	18 231	38	1337	3	48 070
Познань	14 808	22	21 932	32	30 836	45	496	1	68 072
Быдгощ	9984	28	10 920	30	14 396	40	972	2	36 272
Потсдам	33 765	44	18 468	24	22 816	30	1663	2	76 712
Франкфурт	33 098	38	27 295	31	26 602	30	710	1	87 705
Штеттин	13 898	34	14 419	25	12 496	30	517	1	41 330
Кеслин	10 741	31	11 222	32	12 012	35	670	2	34 645
Штральзунд	8014	60	3458	26	1739	13	249	1	13 460
Бреславль	121 078	43	109 725	39	49 159	17	3003	1	282 965
Оппельн									
Лигниц									
Всего	294 598	36	262 020	32	253 017	31	12 495	1	820 130

* Meitzen A. Der Boden... B., 1889. Bd. 4. S. 498.

Из табл. 7 следует, что в это время мелкие хозяйства до 30 м² составляли 68 %, в отдельных провинциях от 48 (Восточная Пруссия) до 81 % (Силезия) всех хозяйств. Среди хозяйств размером 30—300 м. были мелкие и средние, а также хозяйства гроссбахаузов.

С развитием капитализма происходила и дальнейшая дифференциация крестьян.

После уплаты выкупных платежей помещику или с момента их платежа в рентный банк прекращалось обязательное отношение между крестьянином и помещиком. В последнем случае крестьянское хозяйство до выкупа повинностей оказывалось в залоге у казны. При недостатке средств для уплаты выкупа многие крестьяне вынуждены были залезать в долги. «Прусское учение о выкупе, — указывал Ф. Энгельс, — привело к тому, что мелкие крестьяне старых провинций стали испытывать радости ростовщического гнета еще до того, как они стали свободными. Прусское правительство вообще всегда умело подчинять угнетенные классы одновременному гнету феодальных и современных буржуазных отношений и таким образом делать ярмо вдвое тяжелее»²⁵.

Вместе с тем преобладание крупного, юнкерского, землевладения отрицательно сказывалось на положении мелкого и среднего крестьянина. Оно обусловливало ущемленное положение крестьянина на рынке, низкую оплату труда в фольварке, отработки и другие формы кабальной эксплуатации. Сохранялся в силе закон о сельскохозяйственных работниках, имевший полукрепостнический характер. Положение об устройстве общины от 11 марта 1850 г., предусматривавшее выборность сельского управления, в 1853 г. было отменено. Низшая власть в пределах имения сохранялась за его владельцем, а в деревнях осуществлялась под контролем администрации, представлявшей интересы юнкеров.

Отмечая преобладание дворянского хозяйства в Северной Германии и особенно в ее восточной части, Ф. Энгельс в 1876 г. констатировал: «Везде, где преобладает крупное землевладение, сохраняется полуфеодальное господствующее положение крупных землевладельцев, даже и при современно-буржуазных во всем остальном хозяйстве отношениях. Меняются только формы этого господствующего положения... В крупных поместьях хозяйство ведется большей частью на средства владельца, реже на средства крупных арендаторов, с помощью дворовой челяди и поденщиков. Положение дворовой челяди определяется уставом о челяди, изданным в Пруссии в 1810 году. Он настолько хорошо приспособлен к феодальным отношениям, что *открыто разрешает* „незначительные акты насилия“ господ над челядью, но зато *открыто воспрещает* под страхом уголовного наказания всякое насилиственное сопротивление челяди дурному обращению со стороны господ, за исключением случаев, опасных для жизни или здоровья

(„Общий устав о челяди”, §§ 78, 79). Поденщики отчасти посредством контрактов, отчасти же посредством преобладающей системы оплаты труда натурой, — сюда входит и жилье, — поставлены фактически в такую зависимость от помещика, которая ничем не уступает зависимости челяди; так и процветает еще до сих пор к востоку от Эльбы то патриархальное обращение с сельскими рабочими и домашней челядью, обращение с помощью зуботычин, избиения палкой и плетью. . .»²⁶

Такой характер имела капиталистическая эволюция юнкерского хозяйства. Что же касается крестьян, то они до выкупа феодальных повинностей платили громадную дань в пользу помещиков, а после выкупа испытывали все тяготы, связанные с существованием крупного землевладения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аграрная реформа в Пруссии обусловливала исторической необходимостью преобразования феодальных аграрных отношений в капиталистические и определялась соотношением классовых и политических сил в стране. Господствующее положение дворянства (крупных землевладельцев), узкий эгоизм буржуазии и ее компромисс с монархией и юнкерством, дифференциация крестьянства, ограничивавшая антифеодальное движение, и слабость пролетариата предопределили основные черты реформ.

На первом этапе реформы (до революции 1848—1849 гг.). Сохранение неприкосновенным помещичьего землевладения и увеличение его. Отмена ограничений в приобретении земли и распоряжении ею, связанных с сословной принадлежностью владельца. Частичное, а затем и полное упразднение неприкосновенности крестьянского землепользования. Отмена личной зависимости крестьян от помещиков при сохранении вотчинной власти над крестьянами. Предоставление крестьянам в доменах права собственности на их хозяйства с условием выкупа лежащих на них повинностей.

Регулирование отношений между помещиками и крестьянами, пользовавшимися землей на ласситском наследственном и ненаследственном праве. В 1816 г. был ограничен круг регулируемых хозяйств. Отныне подлежали регулированию только так называемые земледельческие хозяйства (*Ackerpächungen*), располагавшие рабочим скотом и существовавшие с определенного времени.

С 1827 г. исключались из-под действия закона хозяйства огородников (загродников) в Силезии, с 1836 г. — мелкие хозяйства в Познанской провинции. Крестьянин платил за приобретение права собственности на хозяйство и возмещал все феодальные повинности, отбывавшиеся им в пользу помещика. Стоимость прав помещика при наследственном крестьянском хозяйстве определялась в размере 1/3, при ненаследственном — 2/3 (считалось, что в этом случае 1/3 должна была компенсироваться пособиями со стороны помещика) ценности хозяйства. При наследственном пользовании норма вознаграждения помещика могла быть увеличена или уменьшена. Феодальные повинности возмещались уступкой земли (1/3—1/2 надела) или частично передачей земли, уплатой ренты или капитала. Частично сохранялась барщина, так называемы

вспомогательные работы или диспозиционные дни. При выкупе ренты она капитализировалась из 4 %.

Крестьяне, пользовавшиеся земледельческими хозяйствами на правах ограниченной собственности, наследственно-чиншевом и наследственно-арендиом праве, производили выкуп феодальных повинностей. При выкупе учитывались все повинности, и обычно они оценивались высоко. Возмещались повинности уступкой земли, уплатой ренты или капитала. Рента капитализировалась из 4 %. По добровольному соглашению могли быть выкуплены повинности и других категорий крестьян.

С 1845 г. в Силезии помещикам разрешалось требовать выкупа повинностей, отбывавшихся огородниками-молотильщиками. Предусматривались и соглашения о невыкупе феодальных повинностей*.

На втором этапе реформы (после революции 1848—1849 гг.). Хотя буржуазно-демократическая революция оказалась незавершенной, в результате антифеодальной борьбы крестьян произошли значительные изменения в условиях реформы. Безвозмездно отменялись помещичье право охоты на крестьянских землях и вотчинная власть над крестьянами. Регулированию подлежали все хозяйства с ласситским правом пользования, независимо от их величины и других обстоятельств (но таких хозяйств к этому времени осталось немного). Часть феодальных повинностей упразднялась безвозмездно, другие — должны были оцениваться по низшей ставке. Возмещение помещику не должно было превышать 1/3 чистого дохода от крестьянского хозяйства, в противном случае оно понижалось. Рента при выкупе капитализировалась из 5⁵/₉ %, при выкупе через рентный банк она уменьшалась на 1/10. Значительно расширялся круг выкупаемых хозяйств и несколько облегчались условия выкупа.

Основной характерной, определяющей чертой реформы являлся выкуп феодальных повинностей. Он продолжался многие десятилетия. При этом помещики, получив громадные выкупные платежи, постепенно перестраивали свое хозяйство на капиталистический лад, причем использовались и принудительные формы труда (вспомогательные работы, диспозиционные дни, отработки и т. п.), и труд в определенной мере зависимых сельскохозяйственных работников.

В ходе реформы складывалась немногочисленная прослойка богатых крестьян (гроссбауэрзов), все более вовлекавшихся в капиталистическое предпринимательство. Что же касается большинства крестьян, то, утратив часть земли, обремененные большими выкупными платежами, они оказались в трудном положении: многие из них, подвергавшиеся кабальным формам экс-

* По мнению Г. Блейбера, развитие капитализма по прусскому пути осложняло возможность революционных преобразований. См.: Bleiber H. Bauern und Landarbeiter in der bürgerlich-demokratischen Revolution von 1848/49 in Deutschland // ZfG. 1969. N. 3. S. 307.

плуатации, гнету со стороны помещиков и властей, разорялись и пополняли ряды безземельных работников.

Различия в аграрном строе отдельных областей Пруссии обусловили в них особенности буржуазной аграрной эволюции. В связи с этим в литературе указывается на варианты прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве страны. В землях, расположенных западнее Рейна, где феодальные отношения в основном были упразднены французскими властями в период наполеоновских войн, развитие капитализма шло по пути, весьма близкому к американскому.

Для Вестфалии и частично Саксонии, где фольварковое хозяйство не получило широкого распространения и крестьяне располагали лучшими поземельными правами, был характерен выкуп феодальных повинностей посредством уплаты ренты. В восточных провинциях, где преобладало крупное землевладение, феодальные повинности возмещались крестьянами уступкой земли, уплатой ренты и капитала, причем платежи были более обременительными¹.

При всем своеобразии прусской реформы и русской реформы 1861 г. они были однотипными. В 1876 г. Ф. Энгельс констатировал: «...описанные (В. Вольфом, имеется в виду серия его статей об аграрной реформе в Силезии. — И. К.) события относятся ко времени 1820—1848 годов; но когда читаешь о них теперь, то кажется, что это описание того, каким образом после 1861 г. крепостные России были превращены в так называемых свободных крестьян. Сходство поразительное. В обоих случаях шаг за шагом тот же самый обман крестьян в пользу господ помещиков. И подобно тому, как русский выкуп во всех официальных и либеральных описаниях изображается как огромное благодеяние для крестьян, как величайший шаг вперед в русской истории, точно так же официальная и национал-раболепствующая история изображает нам старопрусское вымогательство у крестьян как всемирно-освободительное событие, перед лицом которого великая французская революция, бывшая ведь причиной всего этого выкупа, отступает на задний план!» Позднее он отмечал: «За образец был взят прусский метод отмены личной зависимости и барщины, медленно проводившейся с 1810 по 1851 год; однако в России все должно было быть закончено в несколько лет. Поэтому, чтобы сломать сопротивление крупных земельных собственников и владельцев „душ“, им надо было сделать еще больше уступок, чем сделали в свое время господам помещикам прусское государство и его продажные чиновники»².

Хотя эдикт 1807 г. положил начало прусской аграрной реформе — буржуазным аграрным преобразованиям (Ф. Энгельс, в частности, рассматривал 1808—1813 гг. как время начавшейся буржуазной революции³), в литературе начало развития капитализма по прусскому пути иногда связывают с эдиктом 1811 г. о регулировании отношений между помещиками и крестьянами⁴.

Анализируя аграрное законодательство 1807—1808 гг., Г. Гарниш выделяет в истории реформы первую фазу. По его мнению, эта фаза охватывает 1807—1808 гг. и к ней относятся постановления 1809—1810 гг. о соединении и о присоединении крестьянских земель к помещичьим хозяйствам. Следуя за Ю. Кучинским, он обозначает ее «как феодально-гуманистическую фазу». Вторая фаза, по его словам, начинается в конце 1810 г. (когда был составлен проект эдикта о регулировании) и достигает своего апогея с обнародованием эдикта от 14 сентября 1811 г. Это и положило начало капиталистической стадии прусской аграрной реформы⁵.

С таким утверждением, на наш взгляд, нельзя согласиться. Первая фаза при всей ее социальной ограниченности также имела буржуазный характер. Об этом свидетельствуют отмена крепостной зависимости, устранение ограничений крестьян с лучшими по-земельными правами в распоряжении своими хозяйствами, в приобретении других земель, передача части крестьян в доменах Восточной и Западной Пруссии их хозяйств в собственность, частичное обезземеливание крестьян. Все это не может рассматриваться как «гуманизация» феодальной системы. Начало исторического этапа, разумеется, определяется не проектом той или иной меры, а началом ее реализации.

Аграрная реформа обусловливала и определяла развитие капитализма в сельском хозяйстве по прусскому пути. Р. Бертолльд и В. Кюттлер считают главными признаками прусского пути образование капиталистического юнкерства⁶. По мнению Г. Молля, определяющее значение имел выкуп феодальных повинностей, происходивший как при наличии, так и отсутствии помещичьего хозяйства, причем необходимо иметь в виду взаимосвязь крупного землевладения и крестьянского хозяйства⁷.

Имеются различные мнения и о времени окончания реформы, с которым обычно и связывается завершение аграрной эволюции прусского типа.

Ю. Кучинский считал, что с проведением в жизнь закона 1850 г. в ближайшие 15 лет прусский путь развития сельского хозяйства подошел к своему концу и затем развитие земледелия становится чисто капиталистическим⁸. В подтверждение этого он приводил высказывание Энгельса, сделанное в 1885 г. Касаясь закона 1850 г., Ф. Энгельс писал: «За несколько лет были проведены крестьянские выкупные операции. С 1850 до конца 1865 г. были освобождены посредством выкупа: 1) оставшаяся часть владельцев более крупных крестьянских хозяйств — их было только 12 706... 2) владельцы мелких хозяйств... в течение последующих пятнадцати лет выкупилось 1 014 341...»⁹.

По мнению Я. Шолты, в Лужицах прусский путь развития капитализма завершился приблизительно в десятилетие перед образованием империи; капитализм окончательно утвердился в сельском хозяйстве, хотя еще многие десятилетия сохранялись многочисленные феодальные остатки¹⁰. Г. Блейбер и Г. Гейц датировали окончание прусского пути 60-ми годами¹¹. Р. Бертолльд пришел

к заключению, что феодальный способ производства в сельском хозяйстве был упразднен к 1860 г., и затем капитализм развивался на своей собственной экономической базе¹².

Г. Гарниш, полагая, что регулирование хозяйств и выкуп повинностей в основном были проведены до 1848 г., а оставшиеся дела в быстром темпе были закончены к 1860 г., делал вывод, что все признаки, характерные для прусского пути развития капитализма (меньшинство капиталистических юнкерских хозяйств, сильная прослойка хозяйствующих по-капиталистически грос-сбаузеров и огромное большинство сельских мелких хозяев и безземельных), полностью проявились до 1860 г. Поэтому буржуазная аграрная эволюция прусского типа закончилась около 1860 г., и дальнейшее развитие помещичьего хозяйства происходило главным образом не путем замены и преодоления феодальных производственных отношений, а на основе капиталистической собственности и эксплуатации по экономическим законам капитализма¹³. Затем завершение прусского пути им связывалось с принятием рентными банками выкупных платежей¹⁴, относилось к концу 1850 г.¹⁵

По мнению Г. Молля, перерастание барщинного хозяйства в капиталистическое юнкерское хозяйство восточнее Эльбы «завершилось не ранее 60-х годов XIX в.» и «капиталистический базис» в сельском хозяйстве здесь стал преобладающим в десятилетие после издания закона от 2 марта 1850 г. Это обосновывается им, как и Г. Гарнишем, тем, что с выкупом повинностей крестьяне освободились от феодальной зависимости и были упразднены ограничения в распоряжении земельной собственностью¹⁶. Завершение аграрной реформы с выкупом повинностей и включение земли в рыночную сферу (*Marktfähigkeit*), по словам Г. Герца, явилось первым и важным этапом на пути складывания развитых капиталистических отношений в деревне, поворотным пунктом в осуществлении прусского пути.

На втором этапе, в период с 1848/49 до 1870/71 г., во взаимосвязи аграрного сектора с промышленным производством и финансовым капиталом образовался капиталистический базис в деревне и вместе с тем юнкеры превратились в крупных землевладельцев-капиталистов¹⁷.

По мнению Э. Штернкикера, факт принятия рентным банком выкупных платежей может иметь значение для определения окончания прусского пути при условии, что банком принята большая часть платежей (в связи с этим прекращалось обязательное отношение крестьян и помещика), и выдачи большей части выкупного капитала (эти операции были неодновременными)¹⁸.

Эти утверждения или соображения представляются спорными. Когда речь идет о регулировании хозяйств и выкупе повинностей, то имеются в виду сделки и их условия. В тех случаях, когда посредством уступки земли или уплаты капитала полностью возмещались феодальные повинности крестьянина, прекращалось обязательное его отношение к помещику. Но таких сделок было

относительно немного. В большинстве же случаев повинности выкупались частично или изменялась только их форма. Судя по данным табл. 4 главы VI (при средней цене 1 м. земли — 15 тал., шефеля зерна — 1 тал. и по капитализации ренты из 4 %), крестьяне до конца 1849 г. внесли только 47 % выкупных платежей, а остальные в сумме свыше 46 млн тал. им предстояло возмещать. Взамен их пока крестьяне ежегодно платили феодальную ренту. При регулировании хозяйств и выкупе повинностей в 1850—1865 гг. (табл. I, гл. VII) по такой же оценке земли и зерна и капитализации ренты из $5\frac{5}{9}$ %, крестьяне уплатили (уступка земли + капитал) всего 23 % всех выкупных платежей, остальная их часть возмещалась уплатой ренты. До конца 1865 г. крестьяне (при цене 1 м. земли 15 тал., шефеля зерна — 1 тал. и капитализации ренты из $5\frac{5}{9}$ %) внесли около 38 % всех выкупных платежей. Поскольку суть реформы в основном заключалась в выкупе феодальных повинностей, то можно ли при таком показателе их выкупа считать реформу к этому времени завершенной? С 1866 г. до конца 1898 г. было заключено еще 1 196 570 выкупных сделок. Они составили около 48 % всех сделок, и на них приходилось около 32 % всех платежей с начала реформы. При этом было такое соотношение платежей: уступка земли (при средней цене 1 м. земли — 60 марок) и капитал — 32 %, рента (при цене 1 шеф. зерна 3 марки и капитализации ренты из $5\frac{5}{9}$ %) — 68 % (рассчитано по табл. 5, гл. VII).

До конца 1898 г. платежи ренты по капитализации из $5\frac{5}{9}$ % составляли 62 % всех выкупных платежей. Поскольку сущность выкупных платежей (феодальной дани) не менялась от того, получал ли их помещик от крестьян или из рентного банка, а для крестьян — платили ли они помещику или вносили их в рентный банк, то едва ли может идти речь о чисто капиталистических условиях развития помещичьего и крестьянского хозяйства после 1865 г.

Пример России, где по сравнению с Пруссией было гораздо больше остатков феодализма, показывает, что здесь даже после прекращения выкупных платежей продолжалась буржуазная аграрная эволюция прусского типа.

Нам кажется необоснованным утверждение, что аграрная реформа, а вместе с ней и развитие капитализма по прусскому пути завершились в 50-х или 60-х годах XIX в. Если реформа и прусский путь в основном то же самое явление, то можно ли говорить о завершении этого пути, когда реформа в большой или значительной своей части еще не была осуществлена? Что касается юнкерского хозяйства, то остается неясным, утратило ли оно черты, связанные с его феодальным происхождением, а если стало «чисто» капиталистическим, то когда это произошло. Господствующее положение юнкерского хозяйства предопределяло сохранение в той или иной мере кабальных или полукабальных форм эксплуатации сельскохозяйственных работников, причем часть выкупного капитала использовалась для ведения такого хозяйства. В 1894 г.

Ф. Энгельс отмечал: «Фактически полукрепостное состояние ост-эльбских сельскохозяйственных рабочих есть главная основа господства прусских юнкеров...»¹⁹

Но проблема прусского пути не исчерпывается эволюцией юнкерского хозяйства. Составной частью прусского пути является образование прослойки гроссбауэров и существование огромной массы средних и мелких крестьян, обремененных выкупом феодальных повинностей, подвергшихся эксплуатации и угнетению со стороны юнкерства и гроссбауэров. Дальнейшее исследование аграрного строя Пруссии, в частности характера крупного землевладения и крестьянского хозяйства и их взаимосвязи в рассматриваемый период и в последующие годы, позволит дать убедительный ответ на возникающие вопросы.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 327—328; Т. 19. С. 88.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 226—227.
- ³ Там же. Т. 3. С. 15.
- ⁴ Там же. Т. 16. С. 216.
- ⁵ Там же. Т. 17. С. 150. «...Помещичья ломка старого землевладения, — указывал В. И. Ленин в 1909 г., — есть экономическая основа прусского пути» (Там же. Т. 47. С. 230).
- ⁶ Там же. Т. 16. С. 216.
- ⁷ Там же. Т. 17. С. 150.
- ⁸ Там же. Т. 3. С. 628; Т. 6. С. 332—333, 347; Т. 10. С. 48; Т. 14. С. 13—14; Т. 15. С. 65, 195, 339—340; Т. 16. С. 417, 424; Т. 17. С. 29—32, 70—99, 129—130, 171—172; Т. 19. С. 134—141, 363; Т. 20. С. 325; Т. 24. С. 6; Т. 47. С. 226—231.
- ⁹ См., в частности: *Klebs J. Die Landeskulturgesetzgebung, deren Ausfuerung und Erfolge im Grossherzogthum Posen*. Ed. II. B., 1860.
- ¹⁰ *Goltz Th. Geschichte der deutschen Landwirtschaft*. B., 1903. Bd. 2; *Borcke Star-gort H. Die Agrarverfassung Hinterpommern in 18. und 19. Jahrhundert* // *Balt. Stud.* 1957. Bd. 44. Автор, в частности, пытается доказать, что в результате реформы крестьянское землевладение якобы увеличилось на 847 тыс. моргенов); *Finck von Finckenstein H. W. Die Entwicklung der Landwirtschaft in Preussen und Deutschland 1800 bis 1930*. Würzburg, 1960. *Krzyżtopor. O urządzeniu stosunków rolniczych w Polsce*. Poznań, 1851; *Самарин Ю. Ф. Соч. М.*, 1878. Т. 2. С. 323.
- ¹¹ *Knapp G. F. Die Bauernbefreiung und die Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens*. Leipzig, 1887. Th. 1, 2. Первая часть издана на русском языке: *Кнапп Г. Ф. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях Прусской монархии*. СПб., 1900.
- ¹² *Ziekursch J. Hundert Jahre schlesischer Agrargeschichte. Vom Hubertusburger Frieden bis zum Abschluss der Bauernbefreiung*. 2. Aufl. Breslau, 1927.
- ¹³ *Bechtel H. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands im 19. und 20. Jahrhundert*. München, 1956; *Koselleck R. Preussen zwischen Reformen und Revolution. Allgemeines Recht, Verwaltung und soziale Bewegung von 1791 bis 1848*. Stuttgart, 1967.
- ¹⁴ *Dipper Ch. Die Bauernbefreiung in Deutschland (1790—1850)*. Stuttgart etc., 1980. Замечания Г. Моля см.: *Moll G. Alternativen kapitalistischer Agrar-Evolution* // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1984. Н. 1. С. 24. Далее: ZfG.
- ¹⁵ Эти статьи с некоторыми изменениями и с введением Ф. Энгельса были изданы в виде брошюры: *Die schlesische Milliarde / Von W. Wolff; Mit Einleitung von F. Engels*. Hottingen; Zürich, 1866. Мы пользовались изданием: *Wolff W. Aus Schlesien, Preussen und dem Reich. Ausgewählte Schriften*. B., 1985.
- ¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 55—97.
- ¹⁷ Там же. Т. 21. С. 246—257.
- ¹⁸ *Marchlewski J. B. Stosunki społeczno-ekonomiczne pod panowaniem pruskiem*. Lwów; W-wa, 1903; *Mehring F. Gesammelte Schriften*. B., 1965. Bd. 6.
- ¹⁹ Здесь называем по одной из работ этих авторов: *Berthold R. Der sozialökonomische Differenzierungsprozess der Bauernwirtschaft in der Provinz Brandenburg während industriellen Revolution (1816 bis 1878/82)* // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 1974. Т. 2. Далее: JfW; *Bleiber H. Zwischen Reform und Revolution. Lage und Kämpfe der schlesischen Bauern und Landarbeiter im Vormärz, 1840—1847*. B., 1966; *Harnisch H. Die Herrschaft Boitzenburg. Untersuchung zur Entwicklung der sozialökonomischen Struktur ländlicher Gebiete in der Mark Brandenburg vom 14. bis zum 19. Jahrhundert*. Weimar, 1968; *Heitz G. Bauernwirt-*

- schaft und Junkerwirtschaft // JfW. 1964. T. 2/3; Gross R. Die bürgerliche Agrarreform in den ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Untersuchung zum Problem des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus in der Landwirtschaft. Weimar, 1968; Hübner H. Die ostpreussischen Landarbeiter im Kampf gegen junkerliche Ausbeutung und Willkür (1848—1914) // JIG. 1963. H. 3; Klemm V. Das Revolutionsjahr 1848 in den Dörfern Niederlausitz // Létopis. R. B. Geschichte. 1969. N 16/1; Moll G. Zum «preussischen Weg» der Entwicklung des Kapitalismus in der deutschen Landwirtschaft // ZfG. 1978. H. 1; Mottek H. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. B., 1964. Bd. 2; Müller H.-H. Märkische Landwirtschaft vor den Agrarreformen von 1807. Potsdam, 1967; Peters J. Ostelbische Landarmut-sozialökonomisches über landarme und landlose Agrarproduzenten im Spätfidealismus // JfW. 1967. T. 3; Vogler G. Die Entwicklung der feudalen Arbeitsrente in Brandenburg vom 15 bis 18. Jahrhundert // JfW. 1966. T. 1; Solti J. Die lausitzische Bauernschaft am Ende des «Preussischen Weges» der bürgerlichen Agrarrevolution // Létopis. R. B. Geschichte. 1965. N 12; Sternkiker E. Bäuerliche Ablösungsgelder, ihre Empfängergruppen und Verwendungsarten in Preussen nach 1850 // JfW. 1986. T. 3; Schmidt W. Waren die preussischen Reformen eine «Revolution von oben»? // ZfG. 1984. H. 11; Borowski S. Kształtowanie się rolniczego rynku pracy w Wielkopolsce w okresie wielkich reform agrarnych, 1807—1860. Poznań, 1963; Wielopolski A. Gospodarka Pomorza Zachodniego w latach 1800—1918. Poznań, 1959; Wiśniewski J. Początki układu kapitalistycznego na Pomorzu Zachodnim w XVIII wieku // Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza. Poznań, 1958. T. 4, z. 1; Michalkiewicz S. Powstanie chłopskie na Górnym Śląsku w 1811 roku. Wrocław; Kraków, 1967; Orzechowski K. Uwagi o przebiegu pruskiej reformy agrarnej na Dolnym Śląsku w XIX wieku // Sobótka. 1959; Śreniowski S. Uwłaszczenie chłopów w Poznańskiem // Przegląd nauk historycznych i społecznych. Łódź, 1955. T. 5; Jakóbczyk W. Uwłaszczenie chłopów w Wielkopolsce w XIX w. W-wa, 1951.
- ²⁰ Калашникова Н. И. Предпосылки аграрных реформ в Пруссии в начале XIX в. // Вестн. МГУ. Ист.-филол. сер. 1952. № 2; Ненастьева Е. А. Крестьянское движение в Силезии в период германской революции 1848—1849 гг. // Изв. Крым. пед. ин-та. 1957. Т. 23; Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство европейской России: (Конец XIX—начало XX в.). М., 1969; Мадер В. Е. «Прусский путь» развития капитализма в зальцбургской Германии: историографические проблемы (ГДР, 50—60-е годы) // Проблемы генезиса капитализма: Сб. статей. М., 1979; Коцюшко И. И. Регуляция и выкуп феодальных повинностей в Силезии // Сов. славяноведение. 1975. № 6; Он же. Регуляция и выкуп феодальных повинностей в Силезии с 1816 по 1849 г. // Там же. 1976. № 5; Он же. Регуляция и выкуп феодальных повинностей в Силезии по закону от 2 марта 1850 г. // Там же. 1980. № 6.
- ²¹ Коваленко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Чистозвонов А. Н. Генезис капитализма: Проблемы историографии. М., 1985.

ГЛАВА I. § 1

- ¹ Müller H.-H. Märkische Landwirtschaft vor den Agrarreformen von 1807. Potsdam, 1967. S. 44.
- ² Rutkowski J. Poddaństwo włościan w XVIII wieku w Polsce i niektórych innych krajach Europy. Poznań, 1921. S. 31.
- ³ Wiśniewski J. Początki układu kapitalistycznego na Pomorzu Zachodnim w XVIII wieku // Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza. Poznań, 1958. T. 4, z. 1. S. 184.
- ⁴ Rutkowski J. Poddaństwo... S. 30.
- ⁵ Historia Pomorza. Poznań, 1984. T. 2, cz. 2. S. 458.
- ⁶ Ziekursch J. Hundert Jahre schlesischer Agrargeschichte. 2. Aufl. Breslau, 1927. S. 65.
- ⁷ Müller H.-H. Domänen und Domänenpächter in Brandenburg // Preussen im 18. Jahrhundert // Moderne Preussische Geschichte, 1648—1947. B.; N. Y., 1981. S. 316—317.
- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 251.
- ⁹ Ziekursch J. Huhdert... S. 66—67.

- ¹⁰ Michalkiewicz S. Gospodarka magnacka na Śląsku w drugiej połowie XVIII wieku. Wrocław etc., 1969. S. 11.
- ¹¹ Müller H.-H. Märkische... S. 208—214.
- ¹² Ziekursch J. Hundert... S. 66.
- ¹³ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. Leipzig, 1887. Th. 2. S. 135.
- ¹⁴ Historia Pomorza. T. 2, cz. 2. S. 653.
- ¹⁵ Warmia i Mazury: Zarys dziejów. Olsztyn, 1985. S. 344.
- ¹⁶ Mazury i Warmia, 1800—1870: Wybór źródeł / Oprac. W. Chojnicki. Wrocław, 1959. S. XIV.
- ¹⁷ Borowski S. Kształtowanie się rolniczego rynku pracy w Wielkopolsce w okresie wielkich reform agrarnych, 1807—1860. Poznań, 1963. S. 60.
- ¹⁸ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... S. 137; Ziekursch J. Hundert... S. 221—227; Müller H.-H. Märkische... S. 37.
- ¹⁹ Müller H.-H. Märkische... S. 37, 121—122.
- ²⁰ Ibid. S. 44—45, 174.
- ²¹ Vogler G. Die Entwicklung der feudalen Arbeitsrente in Brandenburg vom 15. bis 18. Jahrhundert // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1966. T. 1. S. 144. Далее: JfW.
- ²² Müller H.-H. Märkische... S. 44, 174.
- ²³ Rutkowski J. Poddaństwo... S. 36.
- ²⁴ Ziekursch J. Hundert... S. 68, 69.
- ²⁵ Michalkiewicz S. Gospodarka... S. 9.
- ²⁶ Rutkowski J. Poddaństwo... S. 36.
- ²⁷ Mazury i Warmia. S. XV.
- ²⁸ Rutkowski J. Poddaństwo... S. 36. В Самбии уже в середине XVIII в. почти вся земля сосредотачивалась в помещичьих хозяйствах.
- ²⁹ Borowski S. Kształtowanie się... S. 59.
- ³⁰ Borowski S. Gospodarstwa rolne w Wielkopolsce w latach 1807—1823 w świetle współczesnej statystyki // Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza. Poznań, 1862. T. 7, z. 2. S. 115.
- ³¹ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 1. S. 14—15; Rutkowski J. Poddaństwo... S. 23—24; Historia Pomorza. T. 2, cz. 2. S. 205.
- ³² Mazury i Warmia S. XIV.
- ³³ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 1. S. 15; Декларация от 29 мая 1816 г. (ст. 6).
- ³⁴ Rutkowski J. Poddaństwo... S. 25—26.
- ³⁵ Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten von 1794. Frankfurt a. M.; B. 1970. Th. 2, Tit. 7, § 1, 2, 4, 8—13, 17. Далее: ALR.
- ³⁶ Ibid. § 18, 20, 28—30.
- ³⁷ Müller H.-H. Domänen... S. 316—317. В 1802 г. в доменах Восточной Пруссии насчитывалось 58 432 крестьянских хозяйства, в дворянских имениях — 24 432 (20 % всех хозяйств в провинции), на государственных крестьяни приходилось 65,5 %. на частновладельческих — 11 % обрабатываемой земли. См.: Rutkowski J. Poddaństwo... S. 31; Berthold R., Harnisch H., Müller H.-H. Der preussische Weg der Landwirtschaft und neuere westdeutsche Forschungen // JfW. 1970. T. 4. S. 276.
- ³⁸ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 87.
- ³⁹ Ibid. § 87—89.
- ⁴⁰ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 1. S. 27—28.
- ⁴¹ Die agrarischen Gesetze des Preussischen Staats seit dem Jahre 1806... bis auf die heutige Zeit... von C. G. W. Dantz. Leipzig, 1836. Bd. I. S. 45—46.
- ⁴² Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 55.
- ⁴³ Dzieje Pomorza Zachodniego w wypisach / Pod red. H. Lesińskiego. Poznań, 1961. S. 171.
- ⁴⁴ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 93—98, 102—104, 106, 111.
- ⁴⁵ Ibid. § 133—135.
- ⁴⁶ Ibid. § 150, 155—160.
- ⁴⁷ Ibid. § 181.
- ⁴⁸ Ibid. § 185—226.

- ⁴⁹ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. I. S. 67—68; Rutkowski J. Poddaństwo... S. 61, 70—71.
- ⁵⁰ Śląsk w pierwszej połowie XIX wieku: Wybór źródeł / Oprac. W. Długoborski i K. Popiolek. Wrocław, 1957. T. I. S. 106, 109.
- ⁵¹ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 171—180.
- ⁵² Ibid. § 160—170. В Верхней Силезии владелец имения мог заставить крепостного вступить в брак вопреки его воле. См.: Konieczny A. Ograniczenia swobody w zawieraniu małżeństw wśród chłopów na Górnym Śląsku w połowie XVIII i na początku XIX wieku // Studia Śląskie. S. n. Opole, 1958. T. I. S. 104—105. По мнению Я. Рутковского, в землях, принадлежавших Речи Посполитой, случаи запрещения вступления в брак встречались редко. См.: Rutkowski J. Poddaństwo... S. 63.
- ⁵³ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 150, 247—249, 298—307; Th. I. Tit. 21, § 626—650.
- ⁵⁴ Ibid. § 151—154; Th. 2. Tit. 7.
- ⁵⁵ Ziekursch J. Hundert... S. 101.
- ⁵⁶ Rutkowski J. Poddaństwo... S. 63—64.
- ⁵⁷ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 240—241.
- ⁵⁸ Ibid. § 124.
- ⁵⁹ Ziekursch J. Hundert... S. 103; Historia Śląska. Wrocław etc., 1966. T. 2, cz. I. S. 65.
- ⁶⁰ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 531—533.
- ⁶¹ Ziekursch J. Hundert... S. 102.
- ⁶² ALR. Th. 2, Tit. 7, § 495—530.
- ⁶³ Ibid. § 534—548.
- ⁶⁴ Ibid. § 88.
- ⁶⁵ Rutkowski J. Poddaństwo... S. 88.
- ⁶⁶ Ibid. S. 77.
- ⁶⁷ Müller H.-H. Märkische... S. 28.
- ⁶⁸ Rutkowski J. Poddaństwo... S. 58—59, 78; Historia chłopów polskich. W-wa, 1970. T. I. S. 313—314; 1972. T. 2. S. 46.
- ⁶⁹ Müller H.-H. Märkische... S. 24, 34.
- ⁷⁰ Wiśniewski J. Początki... S. 142.
- ⁷¹ Z dziejów chłopów polskich. W-wa, 1968. S. 111.
- ⁷² ALR. Th. 2, Tit. 7, § 88, 113.
- ⁷³ Ibid. § 114—121, 182; Ziekursch J. Hundert... S. 105—110; Rutkowski J. Poddaństwo... S. 58—59, 77—78.
- ⁷⁴ ALR. Th. I, Tit. 23, § 55 ff.
- ⁷⁵ В Вармини после включения ее в состав Восточной Пруссии вводилась принудительная закупка напитков на семейные празднества, причем их количество не определялось (Warmia i Mazury. S. 352).
- ⁷⁶ ALR. Th. I, Tit. 23, § 27 ff.
- ⁷⁷ Wiśniewskij J. Początki... S. 174. Мельничное право в Вармини было введено в 1776 г., а на Мазурах — отменено в 1786 г. (Warmia i Mazury... S. 352).
- ⁷⁸ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 46—86; Śląsk... T. 2. S. 78.
- ⁷⁹ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 227—239; Śląsk... T. I. S. 78—83; Historia chłopów polskich. T. 2. S. 55—56.
- ⁸⁰ Rutkowski J. Poddaństwo... S. 74.
- ⁸¹ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 147—149.
- ⁸² Ibid. § 246—297.
- ⁸³ Müller H.-H. Märkische... S. 28.
- ⁸⁴ Orzechowski K. Przekształcenia praw chłopów do ziemi na Górnym Śląsku w końcu XVIII i w pierwszej połowie XIX wieku // Czas. prawno-hist. 1954. T. 6, N 1. S. 243—244; Historia chłopów polskich. T. I. S. 313; T. 2. S. 47.
В польских землях, по-видимому, таким или близким к нему правом располагали оккупанты (Russocki S. Chłopskie «prawo zakupne»? forma użytowania gruntów czy własność podległa? // Kwart. hist. 1980. N 1. S. 175—183).
- ⁸⁵ ALR. Th. I, Tit. 18, § 5—12, 680—812.
- ⁸⁶ Müller H.-H. Märkische... S. 29.
- ⁸⁷ Wiśniewski J. Początki... S. 144; Ciesielska K. Osadnictwo «olenderskie» w Prusach Królewskich i na Kujawach w świetle kontraktów osadniczych // Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza. Poznań, 1958. T. 4, z. 2. S. 233.

- ⁸⁸ ALR. Th. I. Tit. 21, § 22—23, 187—226.
- ⁸⁹ Ziekursch J. Hundert... S. 80 (автор рассматривает ее как нижнесилезскую крестьянскую собственность): Orzechowski K. Prawa chłopów do ziemi przed uwłaszczeniem // Konferencja Śląska. Wrocław, 1954. T. I. S. 177—179; Idem. Uwagi o przebiegu i rezultatach uwłaszczenia w powiecie Kozielskim na Górnym Śląsku // Przegl. Zachodni. 1952. Pocz. 8, z. dodat. S. 136—137.
- ⁹⁰ Ciesielska K. Osadnictwo... S. 232—233.
- ⁹¹ Orzechowski K. Rozmieszczenie chłopskiej własności podlegającej na Górnym Śląsku w przeddzieciach uwłaszczenia // Sobótka. 1956. N 3. S. 343.
- ⁹² Harnisch H. Statistische Untersuchungen zum Verlauf der kapitalistischen Agrarreformen in den Preussischen Ostprovinzen (1811 bis 1865) // JfW. 1974. T. 4. S. 174.
- ⁹³ Ibid. S. 155.
- ⁹⁴ ALR. Th. I. Tit. 21, § 626—650; Th. 2, Tit. 7, § 298—307.
- ⁹⁵ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. I. S. 16—17; Th. 2. S. 177; Ziekursch J. Hundert... S. 77—78; Rutkowski J. Poddziałstwo... S. 92; Müller H.-H. Märkische... S. 30; Orzechowski K. Rozmieszczenie... S. 343; Idem. Przekształcenia... S. 240—243; Wiśniewski J. Początki... S. 169.
- ⁹⁶ Pomorze Gdańskie, 1807—1850: Wybór źródeł / Oprac. A. Bukowski. Wrocław, 1958. S. 150—151.
- ⁹⁷ Historia Pomorza. T. 2, cz. 2. S. 206.
- ⁹⁸ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. I. S. 62—63.
- ⁹⁹ ALR. Th. I. Tit. 21, § 626—629, 633, 635—643; Th. 2, Tit. 7, § 298—307.
- ¹⁰⁰ Wybór tekstów źródłowych z historii państwa i prawa polskiego / Oprac. J. Sawicki. W-wa, 1953. T. 2. S. 23 (ст. 3 декрета от 21.XII.1807 г.) и пост. 6.V.1819 (Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staats, 1819. S. 153).
- ¹⁰¹ Müller H.-H. Märkische... S. 31.
- ¹⁰² Harnisch H. Statistische... S. 174. По данным Г. Л. Геринга, в 1816 г. в Пруссии была 161 тыс. крестьянских хозяйств с худшими правами (Ibid. S. 155); Borowski S. Kształtowanie się... S. 51.
- ¹⁰³ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. I. S. 18—19.
- ¹⁰⁴ Borowski S. Gospodarstwa... S. 112.
- ¹⁰⁵ Wolff W. Aus Schlesien, Preussen und dem Reich. Ausgewählte Schriften. B., 1985. S. 272 ff; Marx K. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 84—85.
- ¹⁰⁶ Müller H.-H. Märkische... S. 80; Historia chłopów polskich. T. 2. S. 49; Wielopolski A. Gospodarka Pomorza Zachodniego w 1800—1918. Szczecin, 1959. S. 65—66; Wielkopolska (1815—1850): Wybór źródeł / Oprac. W. Jakóbczyk. Wrocław, 1952. S. XIX.
- ¹⁰⁷ Wielopolski A. Zagadnienia sil wytwarzających i rozwoju stosunków społecznych w rolnictwie Pomorza Zachodniego w pierwszej połowie XIX w. // Kwart. hist. 1954. N 4. S. 151.
- ¹⁰⁸ Borowski S. Gospodarstwa... S. 113.
- ¹⁰⁹ Michalkiewicz S. Gospodarka... S. 35; Historia chłopów polskich. T. I. S. 342.
- ¹¹⁰ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 48, 50; Historia chłopów polskich. T. 2. S. 56—57.
- ¹¹¹ Michalkiewicz S. Gospodarka... S. 35.
- ¹¹² Vetter K. Die soziale Struktur brandenburgischer Kleinstädte im 18. Jahrhundert // JfW. 1969. T. 2. S. 242—243.
- ¹¹³ Müller H.-H. Die Bodennutzungs-Systeme und die Separation in Brandenburg vor den Agrarreformen von 1807 // JfW. 1965. T. 3. S. 92—93.
- ¹¹⁴ Orzechowski K. Przekształcenia... S. 245.
- ¹¹⁵ Ziekursch J. Hundert... S. 75.
- ¹¹⁶ Borowski S. Gospodarstwa... S. 113.
- ¹¹⁷ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. I. S. 12—14; Müller H.-H. Märkische... S. 27.
- ¹¹⁸ Müller H.-H. Die Bodennutzungs-Systeme... S. 92—93; Pomorze Gdańskie. S. 150—151.
- ¹¹⁹ Ziekursch J. Hundert... S. 73—74; Historia Śląska. T. 2, cz. 1. S. 139—140.
- ¹²⁰ Borowski S. Gospodarstwa... S. 113.
- ¹²¹ Ziekursch J. Hundert... S. 73—74.
- ¹²² Wiśniewski J. Początki... S. 172—173; Wielopolski A. Zagadnienia... S. 151.

- ¹²³ Borowski S. Gospodarstwa... S. 113.
¹²⁴ Ziekursch J. Hundert... S. 74.
¹²⁵ Michalkiewicz S. Gospodarka... S. 46—47.
¹²⁶ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 136.
¹²⁷ Müller H.-H. Märkische... S. 28.
¹²⁸ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 50.
¹²⁹ Michalkiewicz S. Gospodarka... S. 55—56.
¹³⁰ Historia chłopów polskich. T. 2. S. 56.
¹³¹ ALR. Th. 1, Tit. 18, § 747—793.
¹³² Ibid. Tit. 21, § 193—211.
¹³³ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 103.
¹³⁴ Rutkowski J. Poddziałstwo... S. 49.
¹³⁵ Mazury i Warmia. S. XIV.
¹³⁶ Historia chłopów polskich. T. 2. S. 49.
¹³⁷ Michalkiewicz S. Gospodarka... S. 63, 70, 73.
¹³⁸ Ziekursch J. Hundert... S. 84, 89; Michalkiewicz S. Gospodarka... S. 70, 73—74.
¹³⁹ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 104.
¹⁴⁰ Berthold R., Harnisch H., Müller H.-H. Der preussische... S. 276.
¹⁴¹ Mazury i Warmia. S. XIV.
¹⁴² Historia chłopów polskich. T. 2. S. 49.
¹⁴³ Borowski S. Kształtowanie się... S. 65.
¹⁴⁴ Ziekursch J. Hundert... S. 206—211.
¹⁴⁵ Ibid. S. 212—213. Справни: Śląsk... T. I. S. 6—7.
¹⁴⁶ Wolff W. Aus Schlesien... S. 235; См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 75.
¹⁴⁷ Ziekursch J. Hundert... S. 212—214.
¹⁴⁸ Ibid. S. 214—221.
¹⁴⁹ Borowski S. Kształtowanie się... S. 65.
¹⁵⁰ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 314, 361—365, 369.
¹⁵¹ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. I. S. 21.
¹⁵² Müller H.-H. Märkische... S. 32.
¹⁵³ Vogler G. Die Entwicklung der feudalen Arbeitsrente in Brandenburg vom 15. bis 18. Jahrhundert // JfW. 1966. T. I. S. 157—160.
¹⁵⁴ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 133.
¹⁵⁵ Rutkowski J. Poddziałstwo... S. 126—127.
¹⁵⁶ Historia Pomorza. T. 2, cz. 2. S. 654.
¹⁵⁷ Mazury i Warmia. S. XV.
¹⁵⁸ Ziekursch J. Hundert... S. 86.
¹⁵⁹ Ibid. S. 92—93; Michalkiewicz S. Gospodarka... S. 71—72; Historia Śląska. T. 2, cz. I. S. 139—140.
¹⁶⁰ Historia Śląska. T. 2, cz. I. S. 140—141.
¹⁶¹ Ziekursch J. Hundert... S. 90—92; Michalkiewicz S. Gospodarka... S. 66—67.
¹⁶² Historia chłopów polskich. T. 2. S. 50—51.
¹⁶³ Borowski S. Kształtowanie się... S. 78—79.
¹⁶⁴ Ibid. S. 87—88, 135.
¹⁶⁵ Ziekursch J. Hundert... S. 86, 88—89.
¹⁶⁶ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 353; Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. I. S. 20—21; Müller H.-H. Märkische... S. 32—33.
¹⁶⁷ Borowski S. Kształtowanie się... S. 130.
¹⁶⁸ Ibid. S. 128.
¹⁶⁹ Wiśniewski J. Początki... S. 173—174; Michalkiewicz S. Gospodarka... S. 64, 69, 74—76.
¹⁷⁰ Historia chłopów polskich. T. I. S. 386.
¹⁷¹ Borowski S. Kształtowanie się... S. 83.
¹⁷² Wiśniewski J. Początki... S. 174.
¹⁷³ Wolff W. Aus Schlesien... S. 254 ff.; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 81.
¹⁷⁴ Wolff W. Aus Schlesien... S. 265; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 83.
¹⁷⁵ Śląsk... T. I. S. 65.
¹⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 67.
¹⁷⁷ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 37.

- ¹⁷⁸ Historia Pomorza. T. 2, cz. 2. S. 636; Сравни: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 71.
- ¹⁷⁹ Wolff W. Aus Schlesien... S. 242—243; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 77.
- ¹⁸⁰ Mazury i Warmia. S. 91.
- ¹⁸¹ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 133.
- ¹⁸² Historia chłopów polskich. T. 1. S. 386.
- ## ГЛАВА I, § 2
- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 743.
- ² Müller H.-H. Märkische Landwirtschaft vor den Agrarreformen von den 1807. Potsdam, 1967. S. 29.
- ³ Ziekursch J. Hundert Jahre schlesischer Agrargeschichte. 2. Aufl. Breslau, 1927. S. 61.
- ⁴ Wiśniewski J. Początki układu kapitalistycznego na Pomorzu Zachodnim w XVIII wieku // Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza. Poznań, 1958. T. 4, z. 1. S. 141; Wielopolski A. Ustrój polityczny Pomorza Zachodniego w XIX wieku. Poznań, 1965. S. 25.
- ⁵ Historia Pomorza. Poznań, 1984. T. 2, cz. 2. S. 383.
- ⁶ Müller H.-H. Märkische... S. 24.
- ⁷ Wiśniewski J. Początki... S. 142; Wielopolska (1815—1850): Wybór źródeł / Oprac. W. Jakóbczyk. Wrocław, 1952. S. IX—X; Historia chłopów polskich. W-wa, 1972. T. 2. S. 40.
- ⁸ Müller H.-H. Märkische... S. 24.
- ⁹ Ziekursch J. Hundert... S. 61; Śląsk w pierwszej połowie XIX wieku: Wybór źródeł / Oprac. W. Dlugoborski i K. Popiółek. Wrocław, 1957. T. 1. S. VII.
- ¹⁰ Müller H.-H. Märkische... S. 24.
- ¹¹ Wielopolski A. Ustrój... S. 27.
- ¹² Wiśniewski J. Początki... S. 159.
- ¹³ Borowski S. Kształtowanie się rolniczego rynku pracy w Wielkopolsce w okresie wielkich reform agrarnych 1807—1860. Poznań, 1963. S. 24.
- ¹⁴ Müller H.-H. Märkische... S. 23.
- ¹⁵ Śląsk... T. 1. S. IX.
- ¹⁶ Ibid. S. XXII—XXIII.
- ¹⁷ Wiśniewski J. Początki... S. 154—157.
- ¹⁸ Mazury i Warmia, 1800—1870; Wybór źródeł / Oprac. W. Chojnicki. Wrocław, 1959. S. XVII.
- ¹⁹ Dzieje Wielkopolski. Poznań, 1973. T. 2: Lata 1793—1918. S. 28.
- ²⁰ Wielopolski A. Zagadnienie sił wytwórczych i rozwoju stosunków społecznych w rolnictwie Pomorza Zachodniego w pierwszej połowie XIX w. // Kwart. hist. 1954. N 4. S. 141.
- ²¹ Müller H.-H. Märkische... S. 68.
- ²² Ziekursch J. Hundert... S. 28.
- ²³ Ibid. S. 22—26.
- ²⁴ Müller H.-H. Märkische... S. 37.
- ²⁵ Müller H.-H., Kubitschek H. Reformen und industrielle Revolution // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1965. T. 2. S. 199. Далее: JfW.
- ²⁶ Ziekursch J. Hundert... S. 57—58.
- ²⁷ Historia Pomorza. T. 2, cz. 2. S. 394—395, 418.
- ²⁸ Bergoff-Ising F. Die Entwicklung des landwirtschaftlichen Pachtwesens in Preussen. Leipzig, 1887. S. 56.
- ²⁹ Müller H.-H. Domänen und Domänenpächter in Brandenburg-Preussen im 18. Jahrhundert // Modern preussische Geschichte, 1648—1947. B.; N. Y., 1981. S. 337.
- ³⁰ Müller H.-H., Kubitschek H. Reformen... S. 198.
- ³¹ Müller H.-H. Märkische... S. 121—122.
- ³² Ziekursch J. Hundert... S. 56—57.
- ³³ Ibid. S. 83.
- ³⁴ Metzen A. Der Boden und wirtschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staaten. B., 1871. Bd. 3. S. 108.

- ³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. С. 145; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 107—109.
- ³⁹ Müller H.-H. Märkische... S. 79.
- ³⁷ Rutkowski J. Poddaństwo włościan w XVIII wieku w Polsce i niektórych innych krajach Europy. Poznań, 1921. S. 45—47, 77—78.
Сведения о количестве рабочего скота в помещичьих фольварках и у крестьян в отдельных областях Силезии см.: Ziekursch J. Hundert... S. 32.
- ³⁸ Borowski S. Kształtowanie się... S. 140—141.
- ³⁹ Müller H. H. Der agrarische Fortschritt und die Bauern in Brandenburg vor den Reformen von 1807 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1964. Н. 4. S. 640. Далее: ZfG.
- ⁴⁰ Ibid. S. 641.
- ⁴¹ Ibid. S. 642.
- ⁴² Müller H.-H. Märkische... S. 13—14.
- ⁴³ Wiśniewski J. Początki... S. 141.
- ⁴⁴ Ziekursch J. Hundert... S. 31.
- ⁴⁵ Müller H.-H. Märkische... S. 61—63; Wiśniewski J. Początki... S. 146—147; Wielopolski A. Zagadnienie... S. 141.
- ⁴⁶ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. Leipzig, 1887. Th. 2. S. 124, 126.
- ⁴⁷ Ziekursch J. Hundert... S. 28—31.
- ⁴⁸ Müller H.-H. Märkische... S. 67.
- ⁴⁹ Ibid. S. 70.
- ⁵⁰ Ibid. S. 71.
- ⁵¹ Wiśniewski J. Początki... S. 146.
- ⁵² Müller H.-H. Märkische... S. 73.
- ⁵³ Ibid. S. 74; Wiśniewski J. Początki... S. 146.
- ⁵⁴ Müller H. H. Mäkische... S. 75.
- ⁵⁵ Wielopolski A. Zagadnienie... S. 143.
- ⁵⁶ Müller H.-H. Märkische... S. 75—78.
- ⁵⁷ Ibid. S. 46—47, 51, 57.
- ⁵⁸ Ziekursch J. Hundert... S. 33—41; Wiśniewski J. Początki... S. 147.
- ⁵⁹ Müller H.-H. Märkische... S. 58.
- ⁶⁰ Ziekursch J. Hundert... S. 32.
- ⁶¹ Müller H.-H. Märkische... S. 69.
- ⁶² Müller H.-H. Einige Aspekte der Viehhaltung im ausgehenden 18. Jahrhundert // JfW. 1972. Т. 3. С. 92.
- ⁶³ Ibid.
- ⁶⁴ Wielopolski A. Zagadnienie... S. 145.
- ⁶⁵ Müller H.-H. Märkische... S. 85—88, 90 91, 93—94, 98.
- ⁶⁶ Ibid. S. 102—107.
- ⁶⁷ Wiśniewski J. Początki... S. 145; Cp.: Wielopolski A. Zagadnienie... S. 143—144; Historia Pomorza. Т. 2, cz. 2. S. 650, 653.
- ⁶⁸ Ziekursch J. Hundert... S. 39 (в частности).
- ⁶⁹ Müller H.-H. Märkische... S. 108—131.
- ⁷⁰ Ibid. S. 131—142.
- ⁷¹ Ibid. S. 35, 38, 58—60; Müller H.-H. Domänen... S. 350—351. В 1755 г. последовало распоряжение арендаторам доменов иметь в хозяйстве собственную упряжку (см.: Wiśniewski J. Początki... S. 182).
- ⁷² Müller H.-H. Märkische... S. 53, 62—63, 70—71, 75, 77. Обстоятельную характеристику крестьянского хозяйства в Бранденбурге см.: Ibid. S. 142—163.
- ⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 743. Мотивы фискального порядка, по мнению Г. Ф. Кнаппа, не имели существенного значения, поскольку подать с крестьянской земли, присоединенной к хозяйству помещика, уплачивалась последним (см.: Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. I. Leipzig, 1887. S. 56).
- ⁷⁴ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. I. S. 56—57.
- ⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 743; Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. I. S. 48—49, 51—53; Ziekursch J. Hundert... S. 160—162.
- ⁷⁶ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. I. S. 77—80; Ziekursch J. Hundert... S. 166—169.

- ⁷⁷ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. I. S. 97—101; Historia chłopów polskich. W-wa, 1972. T. 2. S. 43.
- ⁷⁸ Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten von 1794. Frankfurt a. M.; B., 1970. Th. 2, Tit. 7, § 14—16. Далее: ALR.
- ⁷⁹ Dzieje Wielkopolski. Poznań, 1973. T. 2. S. 27.
- ⁸⁰ Marks K., Engelkes F. Soz. 2-e изд. T. 21. C. 252.
- ⁸¹ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 117.
- ⁸² Wiśniewski J. Początki... S. 169.
- ⁸³ Müller H.-H. Märkische... S. 61, 63—64.
- ⁸⁴ Vogler G. Die Entwicklung der feudalen Arbeitsrente in Brandenburg vom 15. bis 18. Jahrhundert // JfW. 1966. T. I. S. 142.
- ⁸⁵ Ślask... S. 59—60.
- ⁸⁶ Warmia i Mazury: Zarys dziejów. Olsztyn, 1985. S. 348.
- ⁸⁷ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 263.
- ⁸⁸ Wiśniewski J. Początki... S. 175—178.
- ⁸⁹ Müller H.-H. Märkische... S. 34, 144.
- ⁹⁰ Historia chłopów polskich. T. I. S. 428—429.
- ⁹¹ Müller H.-H. Märkische... S. 144—145.
- ⁹² Ziekursch J. Hundert... S. 202—204; Popiólek O. S. Bunty chłopskie na Górnym Śląsku do roku 1811. W-wa, 1954. S. 63—66.
- ⁹³ Ziekursch J. Hundert... S. 212—214, 220, 227—228.
- ⁹⁴ Ibid. S. 228—237; Długoborski W. Walki klasowe na Śląsku w latach 1793—1799 // Szkice z dziejów Śląska. I. W-wa, 1953. S. 341—356.
- ⁹⁵ Ziekursch J. Hundert... S. 238—243; Historia Śląska. T. 2, cz. I. Wrocław etc., 1966. S. 343—346.
- ⁹⁶ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 102—107; Warmia i Mazury. S. 349.
- ⁹⁷ Ziekursch J. Hundert... S. 254.
- ⁹⁸ Ibid. S. 252.
- ⁹⁹ Ibid. S. 244—250; Długoborski W. Walki... S. 357—360; Historia Śląska. T. 2, cz. I. S. 348—352.
- ¹⁰⁰ Historia chłopów polskich. T. 2. S. 59.
- ¹⁰¹ Müller H.-H. Märkische... S. 145.
- ¹⁰² Ziekursch J. Hundert... S. 100—101.
- ¹⁰³ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 54—58; Dzieje Pomorza Zachodniego w wypisach / Pod red. H. Lesińskiego. Poznań, 1961. S. 170—171.
- ¹⁰⁴ Historia chłopów polskich. T. 2. S. 42—43.
- ¹⁰⁵ ALR. Th. 2, Tit. 7, § 148.
- ¹⁰⁶ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 92—96, 102; Die agrarischen Gesetze des Preussischen Staats seit dem Jahre 1806... bis auf die heutige Zeit... von C. G. W. Dantz. Leipzig, 1836. Bd. I. S. 45—46; Warmia i Mazury. S. 351—352.
- ¹⁰⁷ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung. Th. 2. S. 120—126, 132.
- ¹⁰⁸ Müller H.-H. Märkische... S. 125, 129.
- ¹⁰⁹ Wiśniewski J. Początki... S. 184.
- ¹¹⁰ Ibid. S. 186.
- ¹¹¹ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 120—121; Ziekursch J. Hundert... S. 185—192.
- ¹¹² Die agrarischen Gesetze... Leipzig, 1837. Bd. 2. S. 14—20; Historia Pomorza. T. 2, cz. 2. S. 654.
- ¹¹³ Dzieje Wielkopolski. T. 2. S. 27.
- ¹¹⁴ Historia chłopów polskich. T. 2. S. 43.
- ¹¹⁵ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 119—121, 124—133.
- ¹¹⁶ Wiśniewski J. Początki... S. 183—185.
- ¹¹⁷ Müller H.-H. Märkische... S. 35, 37.
- ¹¹⁸ Ibid. S. 37; Historia chłopów polskich. T. 2. S. 43.
- ¹¹⁹ Müller H.-H. Märkische... S. 34—35, 37—38; Wiśniewski J. Początki... S. 183.
- ¹²⁰ Historia chłopów polskich. T. 2. S. 43—44; Z dziejów chłopów polskich. W-wa, 1968. S. 111.
- ¹²¹ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 137—142.
- ¹²² Ibid. S. 142—144.
- ¹²³ Ibid. S. 108, 116, 126—127.

- 124 Ibid. S. 108—109, 111—113.
 125 Ibid. S. 126—132.
 126 Ibid. S. 111; Warmia i Mazury. S. 349—351.
 127 Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 114—116.
 128 Ibid. S. 123—124; Wiśniewski J. Początki... S. 183.
 129 Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 127—133; Müller H.-H. Märkische... S. 38.
 130 Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 125.
 131 Historia chłopów polskich. T. 2. S. 62.
 132 Ibid.
 133 Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 133.
 134 Wiatrowski L. Wieś śląska w latach 1840—1847 // Kwart. hist. 1968. N 1. S. 129.
 135 Wielopolski A. Zagadnienie... S. 150—151.
 136 Mazury i Warmia. S. XIV.
 137 Hübler H. Die ostpreussischen Landarbeiter im Kampf gegen junkerliche Ausbeutung und Willkür (1848—1914) // ZfG. 1963. H. 3. S. 558. Другие данные: Henning F. W. Die bestimmungs Faktoren der bäuerlichen Einkommen im 18. Jahrhundert // JfW. 1970. T. 1. S. 168.
 138 Müller H.-H. Märkische... S. 79—80.
 139 Historia chłopów polskich. T. 1. S. 378—379.
 140 Pomorze Gdańskie, 1807—1850: Wybór źródeł / Oprac. A. Bukowski. Wrocław, 1958. S. XXXVII—XXXVIII.
 141 Historia chłopów polskich. T. 1. S. 378—379.
 142 Wielkopolska. S. XIX.
 143 Borowski S. Gospodarstwa rolne w Wielkopolsce w latach 1807—1823 w świetle współczesnej statystyki // Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza. Poznań, 1962. T. 7, z. 2. S. 106. В начале XIX в. в Пруссии крестьяне составляли 37,5 %, коссеты — 36, огородники и безземельные — 26,5 % всех хозяев. См.: Henning F. W. Die bestimmungs... S. 167.
 144 Borowski S. Kształtowanie się... S. 567—568.
 145 Müller H.-H. Märkische... S. 50.
 146 Ibid. S. 215, 218.
 147 Ibid. S. 50.
 148 Berthold R., Harnisch H., Müller H.-H. Der preussische Weg der Landwirtschaft und neure westdeutsche Forschungen // JfW. 1970. T. 4. S. 270.
 149 Müller H.-H. Märkische... S. 152.
 150 Ibid. S. 162.
 151 Ibid. S. 216, 218.
 152 Pomorze Gdańskie. S. 163; Historia Pomorza. T. 2, cz. 2. S. 649.
 153 Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 133.
 154 Müller H.-H. Märkische... S. 33.
 155 Vetter K. Die soziale Struktur brandenburgischer Kleinstädte im 18. Jahrhundert // JfW. 1969. T. 2. S. 242, 244, 246.
 156 Historia Pomorza. T. 2, cz. 2. S. 649.
 157 Müller H.-H. Märkische... S. 150.
 158 Ibid. S. 152.
 159 Ibid. S. 121.

ГЛАВА II, § 1

- Ziekursch J. Hundert Jahre schlesischer Agrargeschichte. 2. Aufl. Breslau, 1927. S. 281—282.
- Ibid. S. 281.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 252. Cp.: Wolff W. Aus Schlesien, Preussen und dem Reich. Ausgewählte Schriften. В., 1985. S. 237—238.
- Knapp G. F. Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. Leipzig, 1887. Th. 2. S. 152.
- Ibid. S. 155. На это обстоятельство обратил внимание Ф. Меринг, касаясь отмены крепостничества в Пруссии (Mehring F. Gesammelte Schriften. В., 1965. Bd. 6. S. 176).

- 6 *Knapp G. F. Die Bauernbefreiung...* S. 159.
 7 Ibid. S. 160.
 8 Ibid. S. 148—170; *Mehring F. Gesammelte Schriften.* Bd. 6. S. 281—284.
 9 Die agrarischen Gesetze das Preussischen Staats seit dem Jahre 1806... bis auf heutige Zeit... von C. G. W. Dantz. Leipzig, 1836. Bd. I. S. 48 ff.
 10 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 252. Ср.: Wolff W. Aus Schlesien... S. 238; Marchlewski J. B. Stosunki społeczno-ekonomiczne pod panowaniem pruskim. Lwów: W-wa, 1903. S. 76; *Mehring F. Gesammelte Schriften.* Bd. 6. S. 182—183.
 11 Die agrarischen Gesetze... S. 47.
 12 *Knapp G. F. Die Bauernbefreiung...* S. 173.
 13 Das Reformministerium Stein. B., 1966. Bd. I. S. 93—94.
 14 Roczn. hist. 1969. T. 35. S. 205.
 15 Mazury i Warmia, 1800—1870: Wybór źródeł / Oprac. W. Chojnacki. Wrocław, 1959. S. XIX.
 16 Ziekursch J. Hundert... S. 283—285.
 17 Das Reformministerium Stein. S. 82.
 18 Ziekursch J. Hundert... S. 285; Historia Śląska. Wrocław etc., 1970. T. 2. cz. 2. S. 58—60.
 19 Das Reformministerium Stein. S. 182; *Knapp G. F. Die Bauernbefreiung...* S. 172.
 20 *Knapp G. F. Die Bauernbefreiung...* S. 172.
 21 *Mehring F. Gesammelte Schriften.* Bd. 6. S. 288—289. В Силезии см.: Historia Śląska. T. 2, cz. 2. S. 46.
 22 Das Reformministerium Stein. B., 1968. Bd. 3. S. 1137—1138.
 23 Ziekursch J. Hundert... S. 295—296.
 24 Die agrarischen Gesetze... S. 158—162.
 25 Ibid. S. 171—172.
 26 *Knapp G. F. Die Bauernbefreiung...* S. 178.
 27 Ibid. S. 175—178.
 28 Ibid. S. 197—205; Das Reformministerium Stein. Bd. I. S. 233—236, 369—373.
 29 Die agrarischen Gesetze... S. 89—93.
 30 *Knapp G. F. Die Bauernbefreiung...* S. 205—206.
 31 Ibid. S. 207—210.
 32 Harnisch H. Vom Oktoberedikt des Jahres 1807 zur Deklaration von 1816 // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1978. S.-Bd. S. 237. Далее: JfW.
 33 Die agrarischen Gesetze... S. 97—100.
 34 *Knapp G. F. Die Bauernbefreiung...* S. 217—219.
 35 Die agrarischen Gesetze... S. 101—104.
 36 Ср.: Harnisch H. Vom Oktoberedikt... S. 180; *Mehring F. Gesammelte Schriften.* S. 287. По данным Г. Маурера, между 1806 и 1815 г. к фольваркам было присоединено по меньшей мере 3 тыс. крестьянских хозяйств, см.: Harnisch H. Statistische Untersuchungen zum Verlauf der kapitalistischen Agrarreformen in den Preussischen Ostprovinzen (1811 bis 1865) // JfW. 1974. Т. 4. S. 160.
 37 Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staaten. 1810. S. 95—97. Далее: GS.
 38 GS. 1810. S. 79—87.
 39 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 58.
 40 GS. 1819. S. 21—24.

ГЛАВА II, § 2

- Knapp G. F. Die Bauernbefreiung...* S. 179 ff.; Das Reformministerium Stein. B., 1967. Bd. 2. S. 604—610, 693—698.
- Die agrarischen Gesetze... Leipzig, 1837. Bd. 2. S. 5—32. Инструкция от 22 августа 1808 г. для исполнения постановления от 27 июля 1808 г. (Das Reformministerium Stein. B., 1968. Bd. 3. S. 782—785).
- Knapp G. F. Die Bauernbefreiung...* S. 193.
- Die agrarischen Gesetze... Bd. 2. S. 467—509.
- Knapp G. F. Die Bauernbefreiung...* S. 195—196.
- Warmia i Mazury: Zarys dziejów. Olsztyn, 1985. S. 354, 356—357.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 568.

ГЛАВА III, § 1

- 1 Knapp G. F. Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. Leipzig, 1887. Th. 2. S. 225—256.
- 2 Ziekursch J. Hundert Jahre schlesischer Agrargeschichte. 2. Aufl. Breslau, 1927. S. 314—315.
- 3 Ibid. S. 316—317; Śląsk w pierwszej połowie XIX wieku: Wybór źródeł / Oprac. W. Dlugoborski i K. Popiolek. Wrocław, 1957. T. I. S. 124—128; Klein E. Der Baueraufstand in Schlesien im Februar 1811 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1955. N. I. S. 29—45. Далее: ZfG; Historia Śląska. Wrocław etc., 1970. T. 2, cz. 2. S. 49—54.
- 4 Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... S. 257—264, 270—271.
- 5 Marx K., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 252. Cp.: Marchlewski J. B. Stosunki społeczno-ekonomiczne pod panowaniem pruskim. Lwów; W-wa, 1903. S. 77.
- 6 Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staaten. 1811. S. 281—299. Далее: GS.
- 7 Orzechowski K. Przekształcenia praw chłopskich do ziemi na Górnym Śląsku w końcu XVIII i w pierwszej połowie XIX w. // Czas. prawno-hist. 1954. T. 6, № 1. S. 270. См. рец. С. Михалькевича (Sobótka. 1955. № 3) и З. Радваньского (Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych. 1956. T. 17. S. 240—241) и ответ К. Оржеховского и замечания С. Михалькевича (Sobótka. 1956. N 2. S. 290—298); Historia Polski. Łódź, 1956. T. 2. S. 529; Śreniowski S. Uwłaszczenie chłopów w Polsce. Łódź, 1956. S. 111 i in.; Śląsk... S. XV—XVI; Historia Śląska. S. 131, 136, 151.
- 8 Marx K., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 253.
- 9 Там же. С. 252.
- 10 Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. I. S. 191.
- 11 Ziekursch J. Hundert... S. 317.
- 12 Pomorze Gdańskie, 1807—1850; Wybór źródeł / Oprac. A. Bukowski. Wrocław. 1958. S. XXVIII—XXIX; Popiolek K. Historia Śląska od pradziejów do 1945 roku. Katowice, 1972. S. 155; Dzieje Polski / Pod red. J. Topolskiego. W-wa, 1975. S. 499; Harnisch H. Vom Oktoberedikt des Jahres 1807 zur Deklaration von 1816 // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1978. S.-Bd. S. 273. Далее: JfW.
- 13 Häse G. F. Ansichten über die höhere oder geringere als Normalentschädigung nach dem Edikt... Stargard, 1820. S. 24—25.
- 14 Wolff W. Aus Schlesien, Preussen und dem Reich. Ausgewählte Schriften. B., 1985. S. 247—248.
- 15 Marx K., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 253.
- 16 Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 273—292; Harnisch H. Vom Oktoberedikt... S. 237—238, 249.
- 17 Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 292—320.
- 18 Ibid. S. 342—343, 345—348.
- 19 Ibid. S. 266—269, 349—351.
- 20 Ibid. S. 269.
- 21 Ibid. S. 351—352.
- 22 Ibid. S. 353—370, 376—380; Harnisch H. Vom Oktoberedikt... S. 269 ff.
- 23 Marx K., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 253; Cp.: Marchlewski J. B. Stosunki... S. 77.
- 24 GS. 1816. S. 154—180.
- 25 Marx K., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 253.
- 26 GS. 1819. S. 151—152.
- 27 Ibid. S. 249—250.
- 28 Die agrarischen Gesetze des Preussischen Staats seit dem Jahre 1806... bis auf heutige Zeit... von C. G. W. Dantz. Leipzig, 1837. Bd. 2. S. 50—53.
- 29 Knapp G. F. Die Bauernfreiung... Th. 2. S. 397—408; Śląsk... S. 34—35.
- 30 GS. 1827. S. 79—80.
- 31 Orzechowski K. Przekształcenia... S. 279.
- 32 Wybór tekstów źródłowych z historii państwa i prawa polskiego / Oprac. J. Sawicki. W-wa, 1953. T. 2. S. 15, 23—24.
- 33 GS. 1816. S. 217—232.
- 34 Pomorze Gdańskie. S. 122 123.

- ³⁸ Amtsblatt der Königlichen Regierung zu Posen. 1817. N 26. S. 788—789.
³⁹ GS. 1819. S. 153.
³⁷ Wielkopolska (1815—1850): Wybór źródeł / Oprac. W. Jakóbczyk. Wrocław, 1952. S. XII, XV, 97; Borowski S. Kształtowanie się rolniczego rynku pracy w Wielkopolsce w okresie wielkich reform agrarnych, 1807—1860. Poznań, 1963. S. 243; Marchlewski J. B. Stosunki... S. 93—95.
³⁸ GS. 1823; Die agrarischen Gesetze... Bd. 2. S. 53—57.
³⁹ Wielkopolska. S. 27—31.
⁴⁰ GS. 1836. S. 204—207.
⁴¹ GS. 1846. S. 219—220.

ГЛАВА III, § 2

- ¹ Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staaten. 1817. S. 161—200.
Далее: GS.
² Ibid. 1819. S. 251—252.
³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 41.
⁴ Historia Śląska. Wrocław etc., 1970. T. 2, cz. 2. S. 183.
⁵ Pomorze Gdańskie, 1807—1850: Wybór źródeł / Oprac. A. Bukowski. Wrocław, 1958. S. 46.
⁶ Wielkopolska (1815—1850): Wybór źródeł / Oprac. W. Jakóbczyk. Wrocław, 1952. S. 5.
⁷ Mazury i Warmia, 1800—1870: Wybór źródeł / Oprac. W. Chojnacki. Wrocław, 1959. S. 114—115.
⁸ Pomorze Gdańskie. S. 46.
⁹ Ziekursch J. Hundert Jahre schlesischer Agrargeschichte. 2. Aufl. Breslau, 1927. S. 325, 329.
¹⁰ Orzechowski K. Kwestia chłopska na Śląsku w pierwszej połowie XIX wieku // Szkice Śląskie. W-wa, 1955. T. 2. S. 54—55; Śląsk w pierwszej połowie XIX wieku: Wybór źródeł / Oprac. W. Dlugoborski i K. Popiólek. Wrocław, 1957. T. 1. S. 130.
¹¹ Mazury i Warmia. S. 24—29.
¹² Pomorze Gdańskie. S. 124.
¹³ Ibid. S. 117—122.
¹⁴ Wielkopolska. S. 35—36.
¹⁵ Ibid. S. 36.
¹⁶ Borowski S. Kształtowanie się rolniczego rynku pracy w Wielkopolsce w okresie wielkich reform agrarnych, 1807—1860. Poznań, 1963. S. 336.
¹⁷ Pomorze Gdańskie. S. 150—152.
¹⁸ Ibid. S. 149.
¹⁹ Ibid. S. 145—146.
²⁰ Mazury i Warmia. S. 25—27.
²¹ Śląsk... T. 1. S. 11—13.
²² Ibid. S. 37.
²³ Borowski S. Kształtowanie się... S. 303.
²⁴ Wielkopolska. S. 31—32.
²⁵ Pomorze Gdańskie. S. 137—139.
²⁶ Ibid. S. 142—143.
²⁷ Borowski S. Kształtowanie się... S. 303.
²⁸ Ibid. S. 271.
²⁹ Pomorze Gdańskie. S. XXX.
³⁰ Borowski S. Kształtowanie sie... S. 296.
³¹ Häse G. F. Ansichten über höhere oder geringere als... Stargard, 1820. S. 17; Weber F. B. Historisch-statistisches Jahrbuch in Bezug auf Nationalindustrie und Staatswirtschaft... Zw. Dop. Jahrgang. Die Jahre 1832 und 1833. Breslau, 1836. S. 70.
³² Borowski S. Kształtowanie się... S. 296—298, 306.
³³ Ślisk... T. 2. S. 245—246; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 328—329.
³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 254.
³⁵ Borowski S. Kształtowanie sie... S. 301—302.
³⁶ Wolff W. Aus Schlesien, Preussen und dem Reich. Ausgewählte Schriften. B., 1985. S. 251; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 79; Ziekursch J. Hundert... S. 356; Borowski S. Kształtowanie się... S. 302—304; Orzechowski K.

- Postępowanie uwłaszczeniowe na Górnym Śląsku // Przegl. Zachodni. 1952. N 1/2.
S. 178—235; Pomorze Gdańskie. S. XXX.
- 37 Pomorze Gdańskie. S. 155—157.
- 38 Śląsk... T. I. S. 36.
- 39 Wolff W. Aus Schlesien... S. 248—252; Marks K., Engel's F. Soch. 2-e изд. T. 19. C. 78—80.
- 40 Borowski S. Kształtowanie się... S. 302.
- 41 Pomorze Gdańskie. S. 124.
- 42 Ibid. S. 125; Borowski S. Kształtowanie się... S. 306.
- 43 Borowski S. Kształtowanie się... S. 307.
- 44 Pomorze Gdańskie. S. 139—140.
- 45 Śląsk... T. I. S. 37.
- 46 Wolff W. Aus Schlesien... S. 252; Marks K., Engel's F. Soch. 2-e изд. T. 19. C. 80.
- 47 Wielkopolska. S. 32—34, 37—39.
- 48 Mazury i Warmia. S. 93—94.
- 49 Pomorze Gdańskie. S. 140—142.
- 50 Śląsk... T. I. S. 46—52.
- 51 Borowski S. Kształtowanie się... S. 278—279.
- 52 Ibid. S. 284—293.
- 53 Wojewódzkie archiwum państwowie. Bydgoszcz. Generalna komisja. Darnowo 4. Kokorzyń 2.
- 54 Wielkopolska. S. 39—47.
- 55 Pomorze Gdańskie. S. XXX.
- 56 Ibid. S. 123.
- 57 Knapp G. F. Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. Leipzig, 1887. Th. 2. S. 391.
- 58 Mazury i Warmia. S. XXI.
- 59 Borowski S. Kształtowanie się... S. 270—272.
- 60 Pomorze Gdańskie. S. 125.
- 61 Weber F. Handbuch der staatswirtschaftlichen Statistik und Verwaltungskunde der Preussischen Monarchie, 1839—1842. Breslau, 1843. S. 104.
- 62 Zentrales Staat Archiv. Hist. Abt. II. Merseburg. MI. Rep. 87 B. N 6418. Bl. 11—12. Далее: ZSA.
- 63 Maruszczak-Orzechowska A. Uwagi nad regulacją zagrodników na Górnym Śląsku // Przegl. Zachodni. 1952. N 1/2. S. 236—244; Orzechowski K. Przekształcenia praw chłopów do ziemi na Górnym Śląsku w końcu XVIII i pierwszej połowie XIX w. // Czas. prawnohist. 1954. T. 6, N 1. S. 279; Historia Śląska. Wrocław etc., 1970. T. 1, cz. 1. S. 161.
- 64 Zierkursch J. Hundert... S. 345.
- 64a Wiatrowski L. Wies Śląska w latach 1840—1847 // Kwart. hist. 1968. Z. 1. S. 136.
- 65 Mazury i Warmia. S. 92.
- 66 Ibid. S. 133.
- 67 Ibid. S. 92.
- 68 Pomorze Gdańskie. S. 143.
- 69 Ibid. S. 153—154.
- 70 Ibid. S. 151—153.
- 71 Wielkopolska. S. 11—12.
- 72 Pomorze Gdańskie. S. 143—144.
- 73 Śląsk... T. I. S. 36.
- 74 Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. I. S. 283.
- 75 Harnisch H. Statistische Untersuchungen zum Verlauf der kapitalistischen Agrarreformen in den Preussischen Ostprovinzen (1811 bis 1865) // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1974. T. 4. S. 181. Далее: JfW.
- 76 Weber F. G. Handbuch der staatswirtschaftlichen Statistik und Verwaltungskunde der Preussischen Monarchie. Breslau, 1840. S. 375. В Познанской провинции до конца 1848 г. было присоединено к фольваркам 23 739 м. крестьянской земли (см.: ZSA. Hist. Abt. II. Merseburg. MI. Rep. 87. N 6418. Bl. 11—12, 89—91).
- 77 Harnisch H. Statistische... S. 159.
- 78 Borowski S. Kształtowanie się... S. 300, 314, 321—322.
- 79 Mazury i Warmia. S. 84.
- 80 Ibid.

- ⁸¹ Pomorze Gdańskie. S. 146—148.
⁸² Mazury i Warmia. S. 84—85.
⁸³ Ibid. S. 127.
⁸⁴ Ibid. S. 92.
⁸⁵ Warmia i Mazury: Zarys dziejów. Olsztyn, 1985. S. 360.
⁸⁶ Mazury i Warmia. S. 93.
⁸⁷ Ibid. S. 127. В округе Морунген (Мронгово) число крестьянских хозяйств сократилось на 1/3, в Гросс Штейнорт (Штинаорт) из 86 осталось 10, а имение помещика увеличилось на 10 тыс. м. В округе Тройбург (Олецко) деревни Вейс-гоф (Бяла), Форберген (Хелхи), Ковален (Ковале), Ленартен (Ленарты) и Зидден (Жыды) были превращены в фольварки (см.: Ibid. S. XX; Warmia i Mazury. S. 360).
⁸⁸ Śląsk... T. I. S. 37.
⁸⁹ Wolff W. Aus Schlesien... S. 247.
⁹⁰ Mazury i Warmia. S. XXVII.
⁹¹ Pomorze Gdańskie. S. 157—158.
⁹² Śląsk... T. I. S. 130—131.
⁹³ Hübler H. Die ostpreussischen Landarbeiter im Kampf gegen junkerliche Ausbeutung und Willkür (1848—1914) // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1963. H. 3. S. 553.
⁹⁴ Bleiber H. Zum Anteil der Landarbeiter an den Bewegung in der Dorfbevölkerung der deutschen Revolution 1848/49 // JfW. 1975. T. 4. S. 72.

ГЛАВА IV

- ¹ Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staaten. 1821. S. 77—83. Далее: GS. По эдикту от 14 сентября 1811 г. о повышении культуры земледелия наследственно-арендный чинш (канон) мог быть выкуплен по его капитализации из 4 %. Такой выкуп во владениях духовных и благотворительных учреждений с 31 мая 1816 г. разрешался только с согласия верховных владельцев или заведующих этими учреждениями (см.: GS. 1816. S. 181).
² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 253.
³ Historia Śląska. Wrocław etc., 1970. T. 2. S. 136. См. также: Orzechowski K. Przekształcenia praw chłopów do ziemi na Górnym Śląsku w końcu XVIII i w pierwszej połowie XIX w. // Czas. prawno-hist. 1954. T. 6. N 1. S. 280; Рец. З. Радваньского в: Roczn. dziejów społecznych i gospodarczych. 1956. T. 17. S. 241.
⁴ Historia Śląska. T. 2, cz. 2. S. 155—156.
⁵ Ibid. S. 156—157.
⁶ GS. 1845. S. 93.
⁷ Orzechowski K. Przekształcenia... S. 281—282.
⁸ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. Leipzig, 1887. Th. I. S. 216—217; Historia Śląska. T. 2, cz. 2. S. 157—158.
⁹ Śląsk w pierwszej połowie XIX wieku: Wybór źródeł/Oprac. W. Długoborski I K. Popiołek. Wrocław, 1957. T. I. S. 14—18; Ziekursch J. Hundert Jahre schlesischer Agrargeschichte. 2. Aufl. Breslau, 1927. S. 358—362.
¹⁰ GS. 1845. S. 682—684.
¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 253.
¹² GS. 1835. S. 53.
¹³ Die agrarischen Gesetze des Preussischen Staats seit dem Jahre 1806... bis auf die heutige Zeit... von C. G. W. Dantz. Leipzig, 1837. Bd. 2. S. 593—942; GS. 1836. S. 225—242.
¹⁴ GS. 1839. S. 6.
¹⁵ Ibid. 1840. S. 156—186.
¹⁶ Ibid. S. 151—153 (княжество Зиген); S. 195—223 (округ Нассай).
¹⁷ Die agrarischen Gesetze... Bd. 2. S. 472—485, 503—506, 508—509.
¹⁸ GS. 1839. S. 6—16.
¹⁹ Śląsk... T. I. S. 52—56.
²⁰ Ibid. S. 45—46.
²¹ Zentrales Staat Archiv. Hist. Abt. II. M.J. Merseburg. Rep. 87 B. N 6592. Bl. 111—

- ¹¹² Ziekursch J. Hundert... S. 420—421. О выкупе повинностей в Нижней Силезии см.: Orzechowski K. Uwagi o przebiegu pruskiej reformy agrarnej na Dolnym Śląsku w XIX wieku // Śląski Kwart. Hist. Sobótka. 1959. Rocznik 14, N 30. S. 353—384.
- ²² Marks K., Engelbert F. Soch. 2-e изд. T. 5. C. 328.
- ²³ Ślask... T. I. S. 130—131, 326—327.
- ²⁴ Ibid. S. 131.
- ²⁵ Ibid. S. 132.
- ²⁶ Wolff W. Aus Schlesien, Preussen und dem Reich. Ausgewählte Schriften. B., 1985. S. 205; Marks K., Engelbert F. Soch. 2-e изд. T. 19. C. 68.

ГЛАВА V

- ¹ Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staaten. 1821. S. 53—57.
- ² Mazury i Warmia, 1807—1870. Wybór źródeł / Oprac. W. Chojnacki, Wrocław, 1959. S. 97—105.
- ³ Warmia i Mazury: Zarys dziejów. Olsztyn, 1985. S. 356.
- ⁴ Mazury i Warmia. S. 94—96.
- ⁵ Pomorze Gdańskie, 1807—1850. Wybór źródeł / Oprac. A. Bukowski. Wrocław, 1958. S. 124.
- ⁶ Ziekursch J. Hundert Jahre schlesischer Agrargeschichte. 2. Aufl. Breslau, 1927. S. 357—358.
- ⁷ Mazury i Warmia. S. 94.
- ⁸ Ibid. S. XX.
- ⁹ Zentrales Staat Archiv. Hist. Abt. II. MJ. Merseburg. Rep. 87 B. N 6418. Bl. 12—13.

ГЛАВА VI, § 1

- ¹ Marks K., Engelbert F. Soch. 2-e изд. T. 6. C. 267—268; T. 8. C. 8.
- ² Bleiber H. Zum Anteil der Landarbeiter an den Bewegungen der Dorfbevölkerung in der deutschen Revolution 1848/49 // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1975. T. 4. S. 71. Далее: JfW.
- ³ Wolff W. Aus Schlesien, Preussen und dem Reich. Ausgewählte Schriften. B., 1985. S. 279 ff.; Historia Śląska. Wrocław etc., 1970. T. 2, cz. 2. S. 102.
- ⁴ Marks K., Engelbert F. Soch. 2-e изд. T. 6. C. 111.
- ⁵ Ślask w pierwszej połowie XIX wieku: Wybór źródeł / Oprac. W. Dlugoborski i K. Popiolek. Wrocław, 1957. T. 2. S. 33.
- ⁶ Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staaten. 1848. S. 69—72 (закон о печати). Далее: GS.
- ⁷ Marks K., Engelbert F. Soch. 2-e изд. T. 6. C. 203.
- ⁸ Там же. С. 116.
- ⁹ Там же. Т. 5. С. 201.
- ¹⁰ Там же. Т. 6. С. 122.
- ¹¹ Там же. Т. 21. С. 254—255.
- ¹² Ślask... S. 23—28; Reis K. Agrarfrage und Agrarbewegung in Schlesien im Jahre 1848. Breslau, 1910. S. 23 ff. См. замечания В. И. Ленина на эту работу: Ленинский сб. Т. 31. С. 326—337; Нестафьева Е. А. Крестьянское движение в Силезии в период германской революции 1848—1849 гг. // Изв. Крым. пед. ин-та им. М. В. Фрунзе. 1957. Т. 23. С. 164 и след.; Pater M. Wypadki marcowe 1848 roku w powiecie jeleniogórskim // Sobótka. 1958. N 4. S. 579 и др.; Bleiber H. Zum Anteil... S. 79.
- ¹³ Ślask... S. 32—35.
- ¹⁴ Bleiber H. Zum Anteil... S. 75—76.
- ¹⁵ Ślask... S. 22—23, 36; Reis K. Agrarfrage... S. 35; Bleiber H. Zum Anteil... S. 78.
- ¹⁶ Ślask... S. 29—31; Bleiber H. Zum Anteil... S. 79.
- ¹⁷ Ślask... S. 21—22, 25, 28—29, 31—32, 35.
- ¹⁸ Ibid. S. 34; Bleiber H. Zum Anteil... S. 76—77.
- ¹⁹ Becker G. Antifeudale Petitionen preussischen Bauern vom März 1848 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1968. N. 2. S. 186. Далее: ZfG.
- ²⁰ Ślask... S. 36—41; Нестафьева Е. А. Крестьянское движение... С. 167.
- ²¹ Wolff W. Aus Schlesien... S. 231; Marks K., Engelbert F. Soch. 2-e изд. T. 19.

- С. 73—74. Об отношении помещиков, буржуазии и властей к крестьянскому движению подробнее см.: Bleiber H. Die Haltung von Gutsherren, Behörden und Bürgertum zum revolutionären Bewegung der schlesischen Bauern und Landarbeiter im Frühjahr 1848. Reaktionen und Reflexion // Jahrbuch für Geschichte. 1980. Bd. 21. S. 407 ff.
- ²² Klemm V. Das Revolutionsjahr 1848 in den Dörfern Niederlausitz // Létopis. R. B. Geschichte. 1969. N 16/I. S. 52—54.
- ²³ Becker G. Antifeudale... S. 186.
- ²⁴ Ibid. S. 187—191, 195—197.
- ²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 66.
- ²⁶ Becker G. Antifeudale... S. 188—189.
- ²⁷ Mazury i Warmia, 1800—1870: Wybór źródeł / Oprac. W. Chojnacki. Wrocław, 1959. S. 193—194.
- ²⁸ Ibid. S. 199—200.
- ²⁹ Bleiber H., Schmidt W. Die deutschen Bauernbewegungen im Spannungsfeld zwischen Reform und Revolution während der bürgerlichen Umwälzung 1789 bis 1871 // ZfG. 1980. H. 11. S. 1087, 1089.
- ³⁰ Sreniowski S. Uwłaszczenie chłopów w Polsce. W-wa, 1956. S. 301—305.
- ³¹ Pomorze Gdańskie, 1807—1850; Wybór źródeł / Oprac. A. Bukowski. Wrocław, 1958. S. 375—384.
- ³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 1—2.
- ³³ GS. 1848. S. 87—88.
- ³⁴ Ibid. S. 89—91.
- ³⁵ Knapp G. F. Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. Leipzig, 1887. Th. 2. S. 411—412.
- ³⁶ Wolff W. Wybór pism o Śląsku. W-wa, 1954. S. 86—87.
- ³⁷ Śląsk... S. 44—48, 50—54; Bleiber H. Die Haltung... S. 407 ff.
- ³⁸ Klemm V. Das Revolutionsjahr... S. 56—57.
- ³⁹ Hübner H. Die ostpreußischen Landarbeiter im Kampf gegen junkerlichen Ausbeutung und Willkür (1848—1914) // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1969. H. 3. S. 555.
- ⁴⁰ Śląsk... S. 55.
- ⁴¹ Hübner H. Die ostpreußischen... S. 556.
- ⁴² Klemm V. Das Revolutionsjahr... S. 55.
- ⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 63.
- ⁴⁴ Śląsk... S. 56—58.
- ⁴⁵ Ненастюева Е. А. Крестьянское движение... С. 167.
- ⁴⁶ Śląsk... S. 41—43.
- ⁴⁷ Reis K. Agrarfrage... S. 28.
- ⁴⁸ Hübner H. Die ostpreußischen... S. 555—556.
- ⁴⁹ Mazury i Warmia. S. 197.
- ⁵⁰ Klemm V. Das Revolutionsjahr... S. 54.
- ⁵¹ Śląsk... S. 241—243.
- ⁵² Ibid. S. 243—245.

ГЛАВА VI, § 2

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 187.
- ² Sitzungs-Protokolle der Versammlung zur Vereinbarung der Preussischen Staats-Verfassung. B., 1848. Bd. I. S. 44, 50—52, 54—55, 78.
- ³ Ibid. S. 91.
- ⁴ Śląsk w pierwszej połowie XIX wieku. Wrocław, 1957. T. 2. S. 66.
- ⁵ Knapp G. F. Bauernbefreiung... S. 412—420.
- ⁶ Ibid. S. 420—421.
- ⁷ Sitzungs-Protokolle... S. 111.
- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 110—111.
- ⁹ Там же. Т. 6. С. 130—131.
- ¹⁰ Там же. Т. 8. С. 78.
- ¹¹ Там же. Т. 6. С. 131; Т. 8. С. 45.
- ¹² Там же. Т. 5. С. 431; Т. 6. С. 122, 126.
- ¹³ Sitzungs-Protokolle... S. 185, 231, 269.

- ¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 294—299.
- ¹⁵ Sitzungs-Protokolle... S. 229, 231, 269; GS. 1848. S. 200 (3. VIII).
- ¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 287—291.
- ¹⁷ Sitzungs-Protokolle... S. 355—357; Śląsk... S. 248—251.
- ¹⁸ Becker G. Die Beschlüsse des preussischen Junkerparlaments von 1848 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1976. Н. 8. С. 891. Далее: ZfG.
- ¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 131.
- ²⁰ Sitzungs-Protokolle... S. 461, 487—488.
- ²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 130.
- ²² Śląsk... S. 81, 83—85, 98—99.
- ²³ Ibid. S. 99.
- ²⁴ Ibid. S. 73—76.
- ²⁵ Ibid. S. 77—78.
- ²⁶ Reis K. Agrarfrage und Agrarbewegung in Schlesien in Jahre 1848. Breslau, 1910. S. 65; Ленинский сб. Т. 21. С. 330—331.
- ²⁷ Śląsk... S. 85—91, 111.
- ²⁸ Ibid. S. 86. В газете «Нойе Рейнише Цайтунг» от 10 сентября сообщалось о брожениях среди крестьян между Гиршбергом и Лигницем и вообще в Нижней Силезии. Крестьяне собирались толпами и давали клятву не выполнять повинности, были даже установлены штрафы для тех, кто будет вносить платежи помещикам: См.: Нестафьева Е. А. Крестьянское движение... С. 170.
- ²⁹ Śląsk... S. 109—111.
- ³⁰ Ibid. S. 100—110. По сообщению Шлника, в провинции было создано до 200 местных крестьянских союзов, объединявших около 200 тыс. человек (Reis K. Agrarfrage... S. 69).
- ³¹ Klemm V. Das Revolutionsjahr... S. 61—65.
- ³² Śląsk... S. 96.
- ³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 131.
- ³⁴ Sitzungs-Protokolle... S. 651—654; Bd. 2. S. 670, 683, 703, 770.
- ³⁵ GS. 1848. S. 276—279.
- ³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 131.
- ³⁷ GS. 1849. S. 249.
- ³⁸ Śląsk... S. 78—79, 95—98.
- ³⁹ Sitzungs-Protokolle... Bd. 2. S. 722, 725, 736, 749—752, 764—767, 769, 773.
- ⁴⁰ GS. 1848. S. 343—344.
- ⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 67.
- ⁴² Там же. Т. 8. С. 78—79.
- ⁴³ Śląsk... S. 96.
- ⁴⁴ Ibid. S. 159—160, 164—168. Об отказе от уплаты податей в других местах см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 43. С. 42—43.
- ⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 203.
- ⁴⁶ GS. 1848. S. 375 ff.
- ⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 67.
- ⁴⁸ Śląsk... S. 112—115, 117—118.
- ⁴⁹ Ленинский сб. Т. 31. С. 327.
- ⁵⁰ GS. 1848. S. 427—430.
- ⁵¹ Wolff W. Aus Schlesien Preussen und dem Reich. B., 1985. S. 205; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 68.
- ⁵² Wolff W. Aus Schlesien... S. 230; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 73.
- ⁵³ GS. 1849. S. 1—13.
- ⁵⁴ Zentrales Staat Archiv. Hist. Abt. MI. Rep. 87 B. N 6418. Bl. 89—91.

ГЛАВА VI, § 3

- ¹ Śląsk... S. 186, 193, 195—197.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 228.
- ³ Там же. С. 402.
- ⁴ Там же. Т. 6. С. 340; Т. 19. С. 73.
- ⁵ Pomorze Gdańskie. S. 158—159.
- ⁶ Śląsk... S. 116.
- ⁷ Wolff W. Aus Schlesien... S. 234; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 75.

- ⁸ Wielkopolska... S. 73.
⁹ Śląsk... S. 255—256.
¹⁰ Ibid. S. 235—236.
¹¹ Ibid. S. 234.
¹² Ibid. S. 218—221.
¹³ Wolff W. Aus Schlesien... S. 287—288.
¹⁴ GS. 1849. S. 159.
¹⁵ Śląsk... S. 257—261.
¹⁶ Śląsk... S. 217.
¹⁷ Harnisch H. Statistische Untersuchungen zum Verlauf der kapitalistischen Agrarreformen in den preussischen Ostprovinzen (1815 bis 1865) // JfW. S. 161—164.

ГЛАВА VII, § 1

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 632.
² Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staaten. 1850. S. 22. Далее: GS.
³ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. Leipzig, 1887. Th. 2. S. 429 ff.
⁴ GS. 1850. S. 77—111.
⁵ Cp.: Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... Th. 2. S. 223—225.
⁶ Ibid. S. 457—462.
⁷ GS. 1857.
⁸ GS. 1850. S. 151—175.
⁹ Ibid. S. 195—203.
¹⁰ Ibid. 1872. S. 329 ff.

ГЛАВА VII, § 2

- ¹ Śląsk w pierwszej połowie XIX wieku: Wybór źródeł / Oprac. W. Dlugoborski i K. Popiolek. Wrocław, 1957. T. II. S. 221—222.
² Jakóbczyk W. Uwłaszczenie chłopów w Wielkopolsce w XIX w. W-wa, 1951. S. 105—106.
³ Knapp G. F. Die Bauernbefreiung... S. 446—456.
⁴ Wojewódzkie Archiwum Państwowe. Wrocław. Komisja generalna. Pow. Syców. 14913. Fol. 22—29; Śląsk... S. 271—274.
⁵ Wojewódzkie Archiwum Państwowe. Bydgoszcz. Komisja generalna Poznań. Pow. Kościan. Kokorzyń. Godziszewo. K. 2/1.
⁶ Ibid. Darnowo 4/1; Darnowo 4/2.
⁷ Meitzen A. Der Boden und wirtschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staaten. B., 1868. Bd. 1. S. 437; B., 1869. Bd. 4. S. 431. Ф. Энгельс указал, что эта оценка «гораздо меньше, чем в действительности» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 257).
⁸ Berthold R., Harnisch H., Müller H.-H. Der preussische Weg der Landwirtschaft und neuere westdeutsche Forschungen // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1970. T. 4. S. 276. Далее: JfW.
⁹ Harnisch H. Die Herrschaft Boitzenburg. Weimar, 1968. S. 243.
¹⁰ Meitzen A. Der Boden... Bd. 6. B., 1901. S. 434—439, 442—447, 452—454, 456, 458, 460.
¹¹ GS. 1872. S. 417 ff.
¹² Ibid. S. 165.
¹³ Zentrales Staat Archiv. Hist. Abt. II. Merseburg. Ml. Rep. 87 B. N 6599. Bl. 96—99; N 6600. Bl. 401—405.
¹⁴ Meitzen A. Der Boden... Bd. 6. S. 474—475.
¹⁵ Harnisch H. Statistische... S. 169.
¹⁶ Sternkiker E. Bäuerliche Ablösungsgelder, ihre Empfängergruppen und Verwendungsarten in Preussen nach 1850 // JfW. 1986. T. 3. S. 83.
¹⁷ Mazury i Warmia, 1800—1870: Wybór źródeł / Oprac. W. Chojnacki. Wrocław, 1959. S. XXIX.
¹⁸ Meitzen A. Der Boden... Bd. 6. S. 474—475.

- ¹⁹ Ziekursch J. Hundert Jahre schlesischer Agrargeschichte... 2. Aufl. Breslau, 1927. S. 417; Berthold R. Der sozialökonomische Differenzierungsprozess der Bauernwirtschaft in der Provinz Brandenburg während der industriellen Revolution (1816 bis 1878/82) // JfW. 1979. T. 2. S. 17.
- ²⁰ Mazury i Warmia. S. XXVIII.
- ²¹ Warmia i Mazury: Zarys dziejów. Olsztyn, 1985. S. 361.
- ²² Marchlewski J. B. Stosunki społeczno-ekonomiczne pod panowaniem pruskiem. Lwów; W-wa, 1903. S. 87; Pomorze Gdańskie, 1807—1850; Wybór źródeł / Oprac. A. Bukowski. Wrocław, 1958. S. XXXIV.
- ²³ Wielkopolska, 1851—1914: Wybór źródeł / Oprac. W. Jakóbczyk. Wrocław, 1952. S. XX.
- ²⁴ Berthold R. Die sozialökonomische... S. 22.
- ²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 328.
- ²⁶ Там же. Т. 19. С. 88—89.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ Berthold R., Harnisch H., Müller H.-H. Der preussische Weg der Landwirtschaft und neuere westdeutsche Forschungen // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1970. Т. 4. С. 284—289. Далее: JfW; Moll G. Agrarfrage und bürgerliche Umwälzung in Deutschland // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1982. Н. 10/11. S. 946 ff. Далее: ZfG.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 80; Т. 22. С. 262.
- ³ Там же. Т. 18. С. 496.
- ⁴ Harnisch H. Statistische Untersuchungen zum Verlauf der kapitalistischen Agrarreformen in den Preussischen Ostprovinzen // (1811 bis 1869) // JfW. 1974. Т. 4. С. 167; Idem. Vom Oktoberedikt des Jahres 1807 zur Deklaration von 1816 // JfW. 1978. S.-Bd. S. 279.
- ⁵ Harnisch H. Vom Oktoberedikt... S. 279.
- ⁶ Berthold R. Die Entwicklung der deutschen Landwirtschaft von den Agrarreformen bis zum Ausbruch der allgemeinen Krise des Kapitalismus // Agrargeschichte. B., 1978. S. 16 ff; Küttler W. Zu den Kriterien einer sozialen Typologie des Junkertums im System des deutschen Imperialismus vor 1917 // ZfG. 1979. Н. 8. S. 728 ff.
- ⁷ Moll G. Agrarfrage... S. 947.
- ⁸ Kuczynski J. Die Geschichte der Lage der Arbeiter unter dem Kapitalismus. Bd. 2. Darstellung der Lage der Arbeiter in Deutschland von 1789 bis 1878. B., 1962. S. 63; Fischer U. Zur Historiographie der DDR über Probleme der bürgerlichen Umwälzung in Deutschland // ZfG. 1981. Н. 12. S. 1097.
- ⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 256. Cp.: Vogler G., Vetter K. Preussen von den Anfängen bis zur Reichsgründung. 2. Aufl. B., 1973. S. 162.
- ¹⁰ Solta J. Zur Problematik des Differenzierungsprozesses der Bauernschaft in Kapitalismus // Létopis. R. B, Geschichte. 1964. Bd. 11/1. S. 8.
- ¹¹ Bleiber H. Zur Problematik des preussischen Wages der Entwicklung des Kapitalismus in der Landwirtschaft // ZfG. 1965. Н. 1/13. S. 57—73; Heitz G. Varianten des preussischen Weges // JfW. 1969. Т. 3. S. 108.
- ¹² Berthold R. Die sozialökonomische Differenzierungsprozess der Bauernschaft in der Provinz Brandenburg während der industriellen Revolution (1816 bis 1878/82) // JfW. 1974. Т. 2. S. 13.
- ¹³ Harnisch H. Statistische Untersuchungen... S. 167. В своей диссертации «Kapitalistische Agrarreformen und industrielle Revolution...» (Rostock, 1978. S. 350) Г. Гарниш считает, что с упразднением отработочной ренты (в особенности упряженной барщины) «в прусских восточных провинциях в целом завершилось в 1848 г. развитие капитализма в сельском хозяйстве по прусскому пути и в 50-х годах старые феодальные господа превратились в крупных землевладельцев-капиталистов». Цит. по: Hertz H. Zur ökonomisch-sozialen Entwicklung von Adel und Junkertum in Preussen nach der Revolution von 1848/49 bis 1870/71 // ZfG. 1983. Н. 6. S. 525; Moll G. Agrarfrage... S. 949 ff.

- ¹⁴ Harnisch H. Zum Stand der Diskussion um die Probleme des «preussischen Weges» kapitalistischer Agrarentwicklung in der deutschen Geschichte nach 1789 // Studienbibliothek DDR-Geschichtswissenschaft. B., 1983. Bd. 3. S. 143.
- ¹⁵ См. также: JfW. 1986. T. 1. S. 202.
- ¹⁶ Moll G. Zum «preussischen Weg» der Entwicklung des Kapitalismus in der deutschen Landwirtschaft // ZfG. 1978. H. 1. S. 56; *Idem*. Bürgerliche Umwälzung und kapitalistische Agrarentwicklung // ZfG. 1979. H. 4. S. 144; *Idem*. Agrarfrage... S. 949, 951.
- ¹⁷ Herz H. Zur ökonomisch-soziale Entwicklung von Adel und Junkertum in Preußens nach der Revolution von 1848/49 bis 1870/71 // JfG. 1983. H. 6. S. 524, 537.
- ¹⁸ Sternkicker E. Bäuerliche Ablösungsgelder, ihre Empfängergruppen und Verwendungsarten in Preussen nach 1850 // JfW. 1986. T. 3. S. 84.
- ¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 524.

ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Длины

Миля прусская ~ 7536 м
Руте=12 фусс (стоп) ~ 3,8 м
Элле (локоть)=2,5 фусс

Площади

Морген, морг (м.) магдебургский, прусский=180 кв. рут ~ 0,2553 га
Руте ~ 14,185 кв. м
Прент (польский) ~ 18,66 кв. м
Морген кульмский, морг хелминский, новопольский (300 прентов) ~ 0,56 га

> курмаркский ~ 0,48 га
> золдинский ~ 0,61 га
> померанский ~ 0,65 га
> кюстринский ~ 0,69 га
> ноймаркский ~ 0,76 га

Гуфа прусская=30 прусским м. ~ 7,66 га

> кульмская, силезская ~ 16,8 га= =65,8 прусским м.
> флемингская=200 м.
> в Гавелланде=120 м.
> в Барниме=60 м.
> в Ноймарке=60 м.
> в Штернберге~100—200 м.
> в Силезии~50—100 м.

Влука хелминская, лан=30 м. ~ 16,8 га
> литовская ~ 21,6 га

Меры веса

Шеффель (шеф.) берлинский=16 меце ~ 54,9 л
Литр прусский ~ 1,145 метрический литр
Меце ~ 3,435 л
Шеффель новый ~ 50 л
Виспель=24 шеф.
Шеффель пшеницы ~ 42,15 кг
> ржи ~ 40,55 кг
> ячменя ~ 34,55 кг
> овса ~ 24,75 кг
> картофеля ~ 49 кг
Корец вроцлавский ~ 71,4 л
Гарнец вроцлавский ~ 3,77 л
Фунт прусский ~ 467,7 г
Центнер=110 фунтов ~ 51,448 кг

Денежные единицы

Талер (тал.) до 1821 г.=24 зильбер-прошам (з.г.)=288; пфеннигам (пф.). с 1821 г.=30 з.г.=360 пф.
Злоты=5 з. г.
Марка=3 тал.=300 пф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение .	3
Глава I. Аграрные отношения в последней трети XVIII—начале XIX в. .	10
§ 1. Феодальное землевладение и положение крестьян	10
§ 2. Разложение феодальной системы хозяйства и развитие капиталистических отношений	36
Глава II. Упразднение крепостничества. Выкуп феодальных повинностей крестьянами с наследственным правом пользования хозяйствами в доменах .	63
§ 1. Отмена личной зависимости крестьян от помещиков	63
§ 2. Выкуп феодальных повинностей в доменах	76
Глава III. Регулирование отношений между помещиками и крестьянами .	81
§ 1. Предписания о регулировании поземельных отношений	81
§ 2. Упразднение ласситских отношений (1816—1847 гг.)	107
Глава IV. Выкуп феодальных повинностей по положению от 7 июня 1821 г. и другим предписаниям .	136
Глава V. Раздел земельных угодий общего пользования .	151
Глава VI. Аграрный вопрос в революции 1848—1849 гг. .	157
§ 1. Крестьянское движение и позиция революционных, либеральных и правящих кругов по аграрному вопросу	157
§ 2. Национальное собрание и аграрный вопрос	171
§ 3. События 1849 г. Результаты регулирования крестьянских хозяйств и выкупа повинностей по законам 1811—1816 и 1821 гг. .	185
Глава VII. Аграрные преобразования по законам от 2 марта 1850 г. Результаты аграрной реформы .	198
§ 1. Условия выкупа повинностей, регулирования крестьянских хозяйств и раздела угодий общего пользования	198
§ 2. Реализация законов 1850 г. Итоговые данные об аграрной реформе	217
Заключение .	232
Примечания .	239
Единицы измерения .	260

Иван Иванович Костюшко
ПРУССКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА
К проблеме буржуазной аграрной эволюции
пруссского типа

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР

Редактор издательства А. В. Болдов
Художник Н. А. Седельников
Художественный редактор И. Д. Богачев
Технические редакторы И. Н. Жмуркина, Т. С. Жарикова
Корректоры Т. М. Ефимова, Л. В. Ким

ИБ № 39027

Сдано в набор 02.12.88
Подписано к печати 15.04.89
А-00282. Формат 60×90¹/16
Бумага офсетная № 1
Гарнитура литературная
Печать офсетная
Усл. печ. л. 16,5. Усл. кр. отт. 16,5. Уч.-изд. л. 20,2
Тираж 1000 экз. Тип. звк. 1070
Цена 3 руб.
Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117804 ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул. 90.
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.